

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР «ХОЛОКОСТ»
(МОСКВА, РОССИЯ)
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ
(МЮНХЕН, ГЕРМАНИЯ)

Холокост: 70 лет спустя

*Материалы Международного Форума
и 9-й Международной конференции
«Уроки Холокоста и современная Россия»*

Под ред. Ильи Альтмана, Игоря Котлера и Юргена Царуски

Москва, 2015

УДК 63.3(0)62
ББК 94(100)«1939/1945»
Х73

«РОССИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА ХОЛОКОСТА»

И. А. Альтман (отв. редактор), А. Е. Гербер, Ю. А. Домбровский,
Ю. И. Каннер, Б. Н. Ковалев, Г. В. Костырченко, А. И. Круглов (Украина),
Е. С. Розенблат (Беларусь), Л. А. Терушкин (отв. секретарь),
Кирилл Феферман (Израиль), М. В. Шкаровский, Арон Шнеер (Израиль)

Х73 Холокост: 70 лет спустя: Материалы Международного Форума и 9-й Международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия» / Составители: И.А. Альтман, Н.В. Анисина, Л.А. Терушкин; под ред. И.А. Альтмана, Игоря Котлера и Юргена Царуски. — М.: Центр «Холокост»: МИК, 2015. — 352 с.

ISBN 978-5-87902-333-6

В книге, авторами которой выступают ученые из 15 стран, представлен опыт осмысления событий Холокоста и других трагедий XX века в контексте сравнительного анализа их мемориализации и преподавания. В теоретическом и конкретно-исторических аспектах рассмотрены трагедии народов в годы Первой мировой войны, как прелюдии Холокоста. На основе анализа архивных документов и современной историографии показаны перспективы изучения «белых пятен» истории Холокоста, освещен опыт преподавания и подготовки педагогов в разных странах мира. Издание рассчитано на исследователей Второй мировой войны, сотрудников музеев, архивов и органов образования, преподавателей и студентов, организаторов поисковой работы.

УДК 63.3(0)62

ББК 94(100)«1939/1945»

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 №11-рп и на основании конкурса, проведенного Национальным благотворительным фондом

Серия издается при поддержке Российского еврейского конгресса

© Научно-просветительный
Центр «Холокост», 2015

© Издательство «МИК», оформление, 2015

ISBN 978-5-87902-333-6

The Holocaust: 70 Years Later. Proceedings from the International Forum and the Ninth International Conference «Holocaust Lessons and Contemporary Russia». Compiled by Ilya Altman, Natalia Anisina, and Leonid Terushkin. Ilya Altman, Igor Kotler and Jürgen Tsaruski (eds). Moscow, 2015. — 352 p.

The contributors are scholars from fifteen countries, who, in their analysis of the Holocaust and other tragedies of the twentieth century, deal also with the elements of memorialization and teaching. The tragic fates that befell certain persecuted groups during World War I, and which have come to be viewed, to some extent, as a prelude to the Holocaust, are examined in both their theoretical and historically specific aspects. Based on the analysis of archival documents as well as modern historiography, the authors discuss avenues of approach to studying the remaining lacunae in Holocaust history. They share their diverse teaching experience, and, in their contributions, are able to bring to bear training as educators gained in a variety of countries.

The collection could serve to World War II researchers, museum workers, archivists, educators, students and local historians.

Оглавление Contents

От редакторов Note from the Editors	12
--	----

Приветствия Greetings

Сергей Иванов (Россия) Sergei Ivanov (Russia)	26
Александр Чубарьян (Россия) Alexander Chubarian (Russia)	27
Ефим Пивовар (Россия) Efim Pivovar (Russia)	29

ХОЛОКОСТ И ГЕНОЦИДЫ XX ВЕКА

The Holocaust and other Genocides of the Twentieth Century

Стивен Броннер (Ньюарк, США). Изучение фанатизма: об идеологических предпосылках геноцида Stephen Bronner (Newark, USA). Learning Fanaticism: remarks on the Ideological Preconditions for Genocide	33
Виктор Надеин-Раевский (Москва, Россия). Геноцид армян: предпосылки, история, последствия Viktor Nadein-Raevsky (Moscow, Russia). Armenian Genocide: Premises, History and Repercussions	38
Камер Касим (Болу, Турция). События 1915 г., объективная память и армянский вопрос. Kamer Kasım (Bolu, Turkey). The 1915 Events, Just Memory and the Armenian Question	48

Арменуи Гамбарян (Ереван, Республика Армения). Геноцид армян: проблемы преуменьшения и отрицания Armenuhi Ghambaryan (Yerevan, Armenia). The Armenian Genocide: Problems of Diminishing and Denial	56
---	----

Теодора Янници (Греция). Геноцид понтийских греков: источники, историография, мемориализация Theodora Giannitsi (Greece). The Genocide of the Pontic Greeks: Sources, Historiography, and Memorialization	65
--	----

Кирилл Феферман (Израиль). Иностранное давление и его границы: Армянский геноцид и Холокост Kiril Feferman (Israel). Foreign Pressure and Its Limits: Armenian Genocide and the Holocaust	71
--	----

Илья Альтман (Москва, Россия). Место Холокоста в кругу других геноцидов: аспекты мемориализации Ilya Altman (Moscow, Russia). Place of the Holocaust among Genocides: Aspects of Memorialization	80
---	----

Сергей Шпагин (Ростов-на-Дону, Россия). Холокост и «холокосты»: сравнительный анализ использования термина применительно к геноцидам и этническим травмам XX века Sergey Shpagin (Rostov-on-Don, Russia). The Holocaust and «Other Holocausts»: Use of the Term when Referring to other Twentieth Century Genocides and Ethnic Traumas — a Comparative Analysis	87
--	----

Мария Гилева (Архангельск, Россия). «Будущее памяти уже началось»: становление термина «Холокост» как пример мемориализации Maria Gileva (Arkhangelsk, Russia). «The Future of Memory Has Already Begun»: The Emergence of the Term «Holocaust» as an Example of Memorialization	93
---	----

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ХОЛОКОСТА Historiography and Sources of the Holocaust

Тамаш Крауш (Будапешт, Венгрия). Венгерские оккупационные войска и Холокост на территории СССР в современной историографии. Tamás Krausz (Budapest, Hungary). Hungarian Occupation Troops and the Holocaust on the Territory of the USSR in Modern Historiography	101
Михаил Кизиллов (Симферополь, Россия). Мифологизация Холокоста караимскими общинами России и Израиля на публикации по истории. Mikhail Kizilov , (Simferopol, Russia). Mythologization of the Holocaust by the Karaite Communities of Russia and Israel	109
Франк Байор (Мюнхен, Германия). Альфред Розенберг, Холокост и война на уничтожение на Востоке. Недавние находки в дневниках Розенберга. Frank Bajohr (Munich, Germany). Alfred Rosenberg, the Holocaust, and the War of Destruction in the East. Recent Findings from the Rosenberg Diaries	118
Александр Ермаков (Ярославль, Россия). Юлиус Штрейхер на Нюрнбергском процессе: советские свидетельства. Aleksandr Yermakov (Yaroslavl, Russia). Julius Streicher at the Nuremberg Trial: Soviet Sources	126
Кристина Винклер (Великобритания/Германия). «До сих пор 2000 евреев были выявлены...». Холокост в Ростове-на-Дону в немецких и советских документах. Christina Winkler (UK/Germany). «2000 Jews have so far been detected...»: The Holocaust in Rostov in German and Soviet Documents	133

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ХОЛОКОСТА Memorialization of the Holocaust

Аркадий Зельцер (Иерусалим, Израиль). Памятники Холокосту в СССР: на пути к современной памяти. Arkady Zeltser (Jerusalem, Israel). The Holocaust Memorials in the USSR: on the Way to the Modern Memory	141
Юрген Царуски (Мюнхен, Германия). Дахау как место разных памятей. Мемориализация Холокоста и других нацистских преступлений в одном концлагере. Jürgen Zarusky (Munich, Germany). Dachau as a Site of Different Memories. Memorialization of the Holocaust and Other Nazi Crimes in One Concentration Camp	146
Наталья Анисина (Москва, Россия). Музей Холокоста как место памяти. Natalia Anisina (Moscow, Russia). Holocaust Museum as a Memory Site	156
Борис Ковалёв (Новгород, Россия). Мемориализация памяти жертв Холокоста на территории Новгородчины. Boris Kovalev (Novgorod, Russia). Perpetuating the Memory of Holocaust Victims in the Novgorod District	162
Татьяна Манькина (Берлин, Россия — Германия). Последний фильм Курта Геррона. Tatiana Manykina (Berlin, Russia — Germany). The last film of Kurt Gerron	169
Джереми Хикс (Лондон, Великобритания). Отражение Холокоста в советских документальных фильмах военного времени и их влияние на память о жертвах войны. Jeremy Hicks (London, UK). The Representation of the Holocaust in Wartime Soviet Documentary Films and its Influence on the Memories on the Victims of the War	178

Ольга Гершензон (Амхерст, США). Добровольная амнезия: Холокост в постсоветском кинематографе. Olga Gershenson (Amherst, USA). The Willing Amnesia: The Holocaust in Post-Soviet Cinema	183
Инесса Двужильная (Гродно, Республика Беларусь). Аспекты мемориализации трагедии Холокоста в музыке. Inessa Dvuzhilnaya (Grodno, Belarus). Memorialization of Holocaust Tragedy in Music	192
Сюзанна Шрафштеттер (Берлингтон, США). Праведники народов мира в коллективной памяти Федеративной Республики Германии. Susanna Schrafstetter (Burlington, USA). Righteous Gentiles in the Collective Memory of the Federal Republic of Germany	202
Борис Хавкин (Москва, Россия). Сопротивление на Розенштрассе: история спасения немецкими женами своих мужей-евреев в контексте исторической памяти. Boris Khavkin (Moscow, Russia). The Rosenstrasse Protest. How German Wives Rescued Jewish Husbands in the Context of Historical Memory	215
Татьяна Пасман (Псков, Россия). Сохранение памяти о спасителях евреев в годы Холокоста: опыт, проблемы, перспективы. Tatiana Pasman (Pskov, Russia). Preserving the Historical Memory of Rescuers of Jews during the Holocaust: Experience, Perspectives, and Problems	222
ПРЕПОДАВАНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМ ХОЛОКОСТА И ГЕНОЦИДОВ Teaching and Comprehension of the Holocaust and Genocides	
Нела Наварро (Ньюарк, США). Педагогика преступления: соперничество образовательных пространств. Nela Navarro (Newark, USA). The Pedagogy of Perpetration: Contesting Educational Spaces	233

Эберле Анетт (Мюнхен, Германия). Что значит образование после Аушвица сегодня? Меняющиеся концепции и перспективы в образовательных институтах и мемориальная педагогика. Annette Eberle (Munich, Germany). What does Education after Auschwitz mean today? Changing Conceptions and Perspectives in Educational Institutions and in Memorial Pedagogy	240
Ольга Горских (Томск, Россия). Методические аспекты преподавания тем Холокоста и геноцидов. Olga Gorskikh (Tomsk, Russia). Methodological Aspects of Teaching about the Holocaust and Other Genocides	249
Павел Щербинин (Тамбов, Россия). Беспрецедентность и универсальность Холокоста в контексте развития современных образовательных технологий в Российской Федерации. Pavel Shcherbinin (Tambov, Russia). Unprecedented and Universal Phenomenon of the Holocaust in the Context of the Development of Modern Educational Technologies in the Russian Federation	257
Ноа Сигал (Иерусалим, Израиль). Преподавание темы Холокоста в контексте его мемориализации. Noa Sigal (Jerusalem, Israel). Teaching about the Holocaust in the Context of Its Memorialization	260
Игорь Котлер (Ньюарк, США). Когда изучение истории Холокоста — закон (опыт штата Нью-Джерси). Igor Kotler (Newark, USA). When Studying Holocaust History is a Law (State of New Jersey Experience)	268
Марта Симо, Жорди Алге (Барселона, Испания). Тема Холокоста в системе образования Каталонии. Marta Simo, Jordi Algué (Barcelona, Spain). Holocaust Education in Catalonia	275

Григорий Смирин (Рига, Латвия). Эволюция отражения Холокоста в школьных учебниках в Латвии в постсоветский период. Grigoriy Smirin (Riga, Latvia). The Evolution of the Representation of the Holocaust in School Textbooks in Latvia in the Post-Soviet Period	284
--	-----

УРОКИ ХОЛОКОСТА, ГЕНОЦИДОВ И ТЕРРОРА Lessons of the Holocaust, Genocides and Terror

Алла Гербер (Москва, Россия). Холокост в исторической памяти жителей России: проблемы восприятия. Alla Gerber (Moscow, Russia). The Holocaust in the Historical Memory of Residents of Russia: Problems of Perception	301
Аркадий Монастырский (Киев, Украина). Увековечивание памяти жертв Холокоста в Украине. Arkadiy Monastyrsky (Kiev, Ukraine). Perpetuating the Memory of Holocaust Victims in Ukraine	304
Даниэль Алтарас (Стамбул, Турция). Холокост: турецко-еврейская перспектива. Daniel Altaras (Istanbul, Turkey). The Holocaust: From a Turkish-Jewish Perspective	309
Татьяна Свахина (Усть-Каменогорск, Казахстан). Сохранение памяти о Холокосте в Казахстане. Tatiana Svakhina (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan). Preservation of the Memory of Holocaust Victims in Kazakhstan	313
Оксана Сербина (Таганрог, Россия). Роль публичных библиотек в осмыслении молодежью истории Холокоста. Oksana Serbina (Taganrog, Russia). The Role of Public Libraries in the Understanding of Holocaust History by Younger Generations	319

Анета Гадиева (Беслан, Россия). Противодействие терроризму через память о Бесланской трагедии. Aneta Gadieva (Beslan, Russia). Response to Terrorism through the Memory of the Beslan Tragedy	328
--	-----

Приложения Supplement

Методические рекомендации «О необходимости преподавания и освещения темы Холокоста в образовательных учреждениях Российской Федерации». Recommendations «On Need of Holocaust Education in Russian Educational Institutions»	340
Положение о Международном конкурсе работ школьников, студентов и преподавателей «Память о Холокосте — путь к толерантности»	343
Сведения об авторах. Note on contributors	345

От редакторов

Памяти М.Я. Гефтера (1918–1995)

В основе сборника лежат доклады прошедшей 22–25 июня 2015 г. в Москве Девятой Международной научной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия». Она проводилась в рамках Международного Форума «Холокост: 70 лет спустя» и была приурочена к юбилею завершения Второй мировой войны. Организаторами конференции выступили Научно-просветительный Центр «Холокост» (Москва), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) и Институт современной истории (Мюнхен, Германия). Среди партнеров конференции — Институт Всеобщей истории (ИВИ) Российской Академии Наук (РАН), Яд Вашем (Израиль), Университет Ратгерса (США). Конференция собрала более 70 ученых и педагогов из 14 зарубежных государств, а также 20 городов России. Ее открытие прошло 22 июня в Мемориальной синагоге Российского еврейского конгресса (РЕК) на Поклонной Горе. 23–25 июня заседания проходили в Российском государственном гуманитарном университете.

В сборнике представлены статьи общественных и государственных деятелей, ученых, педагогов, сотрудников музеев и библиотек из Армении, Беларуси, Венгрии, Великобритании, Германии, Греции, Израиля, Испании, Казахстана, Латвии, Молдовы, России, США, Турции и Украины. Его открывают приветствия участникам конференции руководителя Администрации президента РФ **С.Б. Иванова**, директора ИВИ РАН, академика **А.О. Чубарьяна**, ректора РГГУ, член-корреспондента РАН, профессора **Е.И. Пивовара**.

Первый раздел книги посвящен проблемам сравнительного анализа Холокоста и геноцидов. Центральный тезис статьи известного исследователя геноцидов, профессора Университета Ратгерса **Стивена Броннера** (США) — всем геноцидам и массовым репрессиям предшествовала и сопутствовала идеология фанатизма. Публикуемые статьи отражают полемику в ходе конференции относительно применимости термина «геноцид» к событиям Первой мировой войны. Директор Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН

Виктор Анатольевич Надин-Ростовский (Россия) осветил предпосылки, ход, политические и социально-экономические последствия армянского геноцида, особо выделив его идеологическое обоснование. В свою очередь, профессор Университета им. Абанта Иззета Байсал д-р **Камер Касим** (Турция) рассматривает «армянский вопрос» накануне и в ходе Первой мировой войны как реакцию правительства Османской империи на национально-освободительное движение, активность армянских революционеров, совершенные ими теракты и «коллорабионизм в пользу иностранных держав». Сопоставляя положение армян в 1915 г. с судьбами евреев в нацистской Германии, а также анализируя Конвенцию ООН о геноциде, автор оспаривает правомочность применения этого термина к трагедии армянского населения, приводя в качестве аргумента оправдательный приговор британского суда в 1919 г. По его мнению, вместо привлечения недостоверных источников и пропагандистских материалов, необходима «объективная память», когда позиции обеих сторон будут восприниматься с уважением. Сотрудник Института истории Национальной Академии Наук **Арменуи Гамбарян** (Армения) всесторонне рассмотрела аргументы турецких политиков и историков, выделив различные этапы, подходы и динамику в историографии преуменьшения масштабов и отрицания геноцида армян. Директор Греческого культурного центра в Москве **Теодора Янници** (Греция) представляет на основе греческой историографии недостаточно пока известную историю преследования и уничтожения понтийских греков до, во время и после Первой мировой войны. Этот геноцид рассмотрен в контексте судеб других христианских национальных меньшинств региона; поднимается вопрос о его международном признании.

Стажер-исследователь в Фонде исторических видеосвидетельств Университета Южной Калифорнии (США) **Кирилл Феферман** (Израиль) ставит интересную проблему сопоставления позиций ведущих держав мира по отношению к геноциду и Холокосту в годы мировых войн, анализируя различные факторы возможного влияния на политику Турции и Германии в отношении, соответственно, христианского населения и евреев. Сопредседатель Центра «Холокост» **Илья Александрович Альтман** (Россия) сделал попытку определить место Холокоста в кругу других геноцидов на основе анализа их мемориализации, уделив особое место вкладу М.Я. Гефтера в дан-

ную проблему. Эту тему развивают две следующие статьи. Преподаватель школы «Ор-Авнер» **Сергей Алексеевич Шпагин** (Россия) выделил принципиальные отличия истории и уроков Холокоста от иных геноцидов и трагедий XX века на основе их терминологического анализа. Выпускница Северного Арктического университета **Мария Витальевна Гилёва** (Россия) проследила становление термина «Холокост» в американской периодике и историографии в ходе и непосредственно после окончания Второй мировой войны, показала влияние этого процесса на мемориализацию других геноцидов.

Раздел «Историография и источники Холокоста» открывается статьей профессора Будапештского университета **Тамаша Крауша** (Венгрия). Он проанализировал комплексы следственных документов, приказов и пропагандистских материалов о преступлениях венгерских оккупационных войск на территории СССР, акцентируя внимание на недостаточное отражение в современной венгерской историографии их участия в Холокосте и преступлениях против остального мирного населения в 1941–1944 гг. Реакцию караимских общин России и Израиля на публикации по истории Холокоста анализирует один из ведущих специалистов по истории караимов **Михаил Кизилев** (Россия).

Директор Центра по изучению Холокоста Института современной истории **Франк Байор** (Германия) рассмотрел отражение Холокоста и войны на Востоке в дневнике «крестного отца» национал-социализма Альфреда Розенберга (они готовятся к печати в США и других странах). Поведение на Нюрнбергском процессе другого идеолога нацизма, яркого антисемита Юлиуса Штрейхера проанализировал на основе советских свидетельств проректор Ярославского государственного педагогического университета им. Ушинского **Александр Михайлович Ермаков** (Россия). В статье **Кристины Винклер** (Великобритания — Германия) проводится сопоставление отражения Холокоста в Ростове-на-Дону в немецких и советских документах, указаны различия в числе жертв и показана связь между статистикой жертв и мемориализацией Холокоста в этом городе.

В Третьем разделе сборника рассматриваются проблемы мемориализации Холокоста.

Директор Центра изучения советских евреев в годы Холокоста при Международном исследовательском институте Мемориального

комплекса «Яд Вашем» **Аркадий Зельцер** (Израиль) рассматривает теоретические аспекты и особенности трансформации памяти советских евреев о Холокосте на примере установки памятников и проведения мемориальных церемоний в местах расстрелов.

Ведущий сотрудник Института современной истории **Юрген Царуски** (Германия) рассматривает особенности мемориализации памяти о жертвах Холокоста и других жертвах национал-социализма на примере Музея бывшего концлагеря Дахау. **Наталья Валерьевна Анисина**, главный хранитель фондов музея Холокоста Мемориальной синагоги на Поклонной горе (Россия), показывает место и роль этого Музея в сохранении в России памяти о Холокосте.

Профессор Новгородского государственного университета, ведущий сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН **Борис Николаевич Ковалев** (Россия) анализирует проблемы установки памятников жертвам Холокоста на территории России на примере Новгородчины.

Несколько статей этого раздела посвящены роли кино и музыки в сохранении памяти о Холокосте в годы войны и на современном этапе. **Татьяна Борисовна Манькина** (Россия — Германия) рассматривает историю и цели создания нацистского пропагандистского фильма о гетто в Терезине на примере биографии режиссера фильма Курта Геррона.

Известный историк советского документального кино, доцент Лондонского университета **Джереми Хикс** (Великобритания) показывает отличия в задачах и интерпретации союзниками в борьбе с нацизмом съемок жертв Холокоста непосредственно в ходе событий. Показано новаторство советских фронтовых кинооператоров, впервые зафиксировавших жертв Холокоста, и влияние документальных фильмов о преступлениях нацистов в СССР на начало съемок фильмов о лагерях, освобожденных союзниками. Автор обращает особое внимание на «советизацию» еврейских жертв, отмечая одновременно влияние этих фильмов на память о Холокосте в Советском Союзе. Эту же проблему, но в современном российском кино, анализирует профессор Массачусетского университета **Ольга Гершензон** (США). Она ставит острые вопросы о разных аспектах «амнезии памяти» о Холокосте в России и постсоветских государствах на примере недавних фильмов М. Шакирова «Холокост — клей для обоев?» и К. Фама «Туфельки».

По ее мнению, авторы намеренно показывают трагедию евреев никак не связанной с Россией, что свидетельствует: в нашей стране Холокост до сих пор не осознается как событие «и местного и мирового масштаба, имеющее отношение ко всем членам общества». Тему дополняет статья доцента Гродненского государственного университета **Инессы Федоровны Двужильной** (Беларусь), которая предлагает методологическое решение анализа мемориализации Холокоста в музыке.

Завершает раздел блок работ о Праведниках Народов Мира в контексте мемориализации Холокоста. О значении этой темы и перспективах ее разработки в коллективной памяти Германии размышляет сотрудник Центра по изучению Холокоста в Университете Вермонта **Сюзанна Шрафштеттер** (США). Редактор журнала «Новая и новейшая история» **Борис Львович Хавкин** (Россия) на основе современной историографии рассматривает историю спасения немецкими женами своих мужей-евреев в контексте исторической памяти о Холокосте в Германии. Сотрудник Псковского Центра развития образования **Татьяна Борисовна Пасман** (Россия) анализирует информационные возможности видеосвидетельств Фонда «Шоа», основанного Стивеном Спилбергом, которые могут быть эффективно привлечены для поисковой и исследовательской работе по сохранению памяти о спасителях евреев в годы Холокоста.

Проблемам преподавания истории Холокоста и геноцидов посвящен один из самых обширных разделов книги. Педагоги из России, Германии, Израиля, Испании, Латвии и США делятся своими размышлениями и опытом работы. Статья директора образовательных программ Центра по изучению геноцидов и прав человека Университета Ратгерса **Нелы Наварро** (США) о «педагогике преступления» носит концептуальный характер, затрагивает не только острые вопросы соперничества образовательных пространств при преподавании тем Холокоста и других геноцидов, но и указывает пути решения проблемы борьбы с формализацией образования. Профессор Католического университета прикладных наук **Анетт Эберле** (Германия) отвечает на вопрос: «Что значит образование после Аушвица сегодня?», показывая изменение концепций и перспективы в образовательных институтах и мемориальной педагогике своей страны. Доцент Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники **Ольга Владимировна Горских** (Россия) представила методические

аспекты преподавания тем Холокоста и геноцидов, основываясь на российском опыте. Статья профессора Тамбовского государственного университета **Павла Петровича Щербинина** (Россия) о беспрецедентности и универсальности Холокоста в контексте развития современных образовательных технологий показывает перспективы включения темы в региональные образовательные проекты.

Руководитель русскоязычных программ Международной школы «Яд Вашем» **Ноа Сигал** (Израиль) показала влияние исследований о Холокосте на территории СССР на содержание преподавание темы Холокоста при подготовке педагогов постсоветских государств с конца 90-х гг. Представляет интерес анализ сотрудничества выпускников курсов с преподавателями Школы при подготовке новых учебных пособий. **Игорь Котлер**, президент и исполнительный директор Музея прав человека, свободы и толерантности, старший научный сотрудник Центра по изучению геноцида, регулирования конфликтов и прав человека в университете Ратгерса (США) представляет педагогические практики изучения и преподавания истории Холокоста на примере штата Нью-Джерси, подчеркивая решающую роль законодательства в организации этой деятельности.

Марта Симо из Университета Барселоны и кинодокументалист **Жорди Алге** (Испания) показали этапы внедрения и современное состояние преподавания темы Холокоста в системе образования Каталонии. Завершает раздел статья сотрудника Общества «Шамир» **Григория Смирин** (Латвия) об эволюции отражения Холокоста в школьных учебниках Латвии в постсоветский период.

В заключительном разделе сборника рассматриваются различные аспекты уроков Холокоста, геноцидов и террора против детей. Президент Фонда «Холокост» **Алла Ефремовна Гербер** (Россия) дает анализ влияния Холокоста, прежде всего пропаганды ненависти в годы войны и участия в нем коллаборационистов, на историческую память жителей России в контексте роста экстремизма и нетерпимости. Президент Еврейского Форума Украины **Аркадий Ильич Монастырский** осветил современное состояние и перспективы увековечивания памяти жертв Холокоста в Украине. **Даниэль Алтарас**, член Правления и комитета по международным делам Еврейской общины Турции, пишет о памяти о Холокосте в своей стране в контексте судеб евреев Турции, позиции властей в оказании помощи еврейским беженцам из

других стран. Сотрудник Музея г. Усть-Каменогорска **Татьяна Евгеньевна Свахина** (Казахстан) анализирует информационный потенциал фондов музея по теме Холокоста, как основу для проведения работы по сохранению памяти об этой трагедии. Представляют интерес реликвии музея, в частности, отправленное в Казахстан весной 1941 г. письмо из Варшавского гетто.

Заведующая отделом Городской библиотеки г. Таганрога **Оксана Геннадьевна Сербина** (Россия) показывает роль публичных библиотек для организации осмысления молодежью истории Холокоста.

Сопредседатель Комитета «Матери Беслана» **Анета Николаевна Гадиева** (Россия) размышляет о формах противодействия терроризму через память о Бесланской трагедии, обосновывая идею создания Музея, который бы, используя опыт мемориализации Холокоста, начал сбор видеосвидетельств и артефактов о трагедии Беслана.

В ходе конференции были обсуждены и одобрены Методические рекомендации по преподаванию темы Холокоста в школах и вузах России, направленные в Министерство образования и науки Российской Федерации. Они публикуются в приложении.

Тексты докладов, специально доработанные авторами для настоящего сборника, публикуются на русском или английском языке в зависимости от того, как они были заслушаны на конференции. Оглавление, сведения об авторах, как и настоящий текст, публикуются на русском и английском языках.

В составлении текстов и подготовке сборника к печати принимали участие сотрудники Центра «Холокост» Н.В. Анисина, Л.А. Терушкин и Н.В. Козлова.

Перевод предисловия, редактирование текстов на английском языке — д-р Кристофер Кенвэй и Дарья Рузманова (Музей прав человека, свободы и толерантности, США). В оформлении обложки использовано фото участников конференции у памятника жертвам фашизма на Поклонной Горе в Москве (фото Семена Чарного).

Этот сборник посвящен ушедшему из жизни ровно 20 лет назад одному из создателей и первому президенту Центра «Холокост», выдающемуся российскому историку и культурологу Михаилу Яковлевичу Гефтеру.

Илья Альтман, Игорь Котлер, Юрген Царуски

Note from the Editors

In Memory of Mikhail Gefter (1918–1995)

This collection consists of the reports presented at the IX International Academic Conference, «Lessons of the Holocaust and Contemporary Russia», held from June 22–25, 2015, in Moscow. The conference was organized within the framework of the International Forum on «The Holocaust: 70 Years Later» and dedicated to the anniversary of the end of World War II. The Russian Holocaust Center (Moscow), the Russian State University for the Humanities, the Institute for Contemporary History (Munich), the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (RAS), Yad Vashem (Israel), and Rutgers University (USA) were among the supporters of the conference. The conference attracted more than seventy scientists and professors from fourteen countries and from twenty cities in Russia. The opening of the International Forum took place on June 22, in Poklonnaya Gora Holocaust Memorial Synagogue of the Russian Jewish Congress. From June 23–25, sessions took place at the Russian State University for the Humanities.

The volume also contains articles authored by public and state figures, scientists, pedagogues, museum researchers and librarians from Armenia, Belarus, Hungary, Great Britain, Germany, Greece, Israel, Spain, Kazakhstan, Latvia, Moldova, Russia, the USA, Turkey, and Ukraine. The foreword is comprised of greetings to the participants of the conference from **Sergey Ivanov**, Chief of the Presidential Administration of Russia, Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (RAS), Academician **Alexandr Chubarian**, the Provost of the Russian State University for the Humanities, Professor **Efim Pivovarov**.

The opening section of the book is dedicated to problems entailed in the comparative analysis of the Holocaust and what have become known as genocides. The central thesis of the article authored by distinguished researcher of genocides, Professor **Stephen Bronner** (Rutgers University, USA) is as follows: All genocides and mass repressions were preceded and accompanied by an ideology of fanaticism.

The published articles reflect conference polemics around the applicability of the term ‘genocide’ to events that occurred during World War I. **Viktor Nadein-Raevsky**, Director of the Institute of Political and Social

Studies in the Black Sea and Caspian Sea Regions, Senior Research Fellow at the Institute of World Economy and International Relations at the Russian Academy of Science, examines the course of the Armenian genocide and its political and socio-economic repercussions with a focus on its precursive ideological legitimation. In his turn, Professor **Kamer Kasim** of Abant Izzet University (Turkey), considers the «Armenian Question» prior to, and during, the course of World War I as the reaction of the Ottoman state to national liberation movements, the activities of Armenian revolutionaries, which included terrorist attacks, and their collaboration with «foreign powers». Drawing from a comparison of the situation of the Armenians in 1915 and the fate of the Jews in Nazi Germany, and his analysis of the UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide of 1948, Professor **Kasim** contends that the term «genocide» cannot be applied to the tragedy of the Armenian population, and cites the «Not Guilty» verdict issued by a British court in 1919. He opines that instead of unreliable sources and propagandist materials, «*objective memory*» should be used to ensure that the positions of both sides are treated with respect. **Armenuhi Gambaryan** (Armenia), Fellow at the Institute of History at the National Academy of Sciences, comprehensively reviews the arguments of Turkish politicians and historians, and points out various stages, approaches, and dynamics in the historiography of minimization and denial of the Armenian genocide.

Based on Greek historiography, the Director of the Hellenic Cultural Center in Moscow, **Theodora Giannitsi**, presents the history of the thus far insufficiently studied persecution and ethnic cleansing of the Pontic Greeks prior to, during, and after World War I. This genocide is reviewed in the context of the fates of other Christian ethnic minorities in the region. The question of international recognition is raised.

Fellow at USC Shoah Foundation, **Kiril Feferman** (Israel), poses an interesting problem by comparing the positions of the leading world powers toward genocide and Holocaust during the World Wars. He analyzes various factors that may have influenced the policies of Turkey and Germany toward their respective Christian and Jewish populations. Cochairman of the Russian Holocaust Center, **Ilya Altman** makes an attempt to determine the place of the Holocaust among other genocides based on the analysis of their memorialization, with a focus on the contribution made by Mikhail Gefter to this problem. The next two articles

dwell further on this topic. **Sergey Shpagin** (Russia), Teacher at Or Avner Grammar School, delineates the principal differences between the history and lessons to be drawn from the Holocaust and other twentieth-century genocides and tragedies based on an analysis of terminology. **Maria Gileva**, Graduate of the Northern (Arctic) Federal University, traces the development of the term «Holocaust» in U.S. periodicals and historiography during and immediately after the end of World War II, thereby demonstrating the influence of this process on the memorialization of other genocides in the United States.

In his article, **Tamás Krausz**, a professor at Budapest University (Hungary), analyzes complex collections of investigation documents, orders, and propaganda materials about crimes perpetrated by Hungarian occupation forces on the territory of the USSR, and focuses on the lack of any adequate coverage of their participation in the Holocaust and crimes against other non-combatants from 1941 to 1944 in contemporary Hungarian historiography. One of the leading specialists in Karaite history, **Mikhail Kizilov** (Russia), analyzes the reaction of the Karaites communities in Russia and Israel to the publications about the history of the Holocaust.

Frank Bajohr of the Institute for Contemporary History, the Director of the Center for Holocaust Studies in Munich, reviews the reflection of the Holocaust and the War in the East in the diaries of the «godfather» of National Socialism, Alfred Rosenberg, which are currently being made ready for publication in the United States and elsewhere. Based on Soviet archives, the Provost of Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, **Aleksandr Yermakov**, analyzes the behavior of Julius Streicher, another Nazi ideologue who was an infamously rabid anti-Semite. The article by **Christina Winkler** (Great Britain/Germany), presents a comparison of accounts of the Holocaust in Rostov-on-Don in German and Soviet documents, and, in so doing, reveals discrepancies in the number of victims recorded and a correlation between victim statistics and memorialization of the Holocaust in this city.

The volume's third section contains a review of the problems entailed in the memorialization of the Holocaust. Director of the Center for Research on the History of Soviet Jews during the Holocaust at The International Institute for Holocaust Research of Yad Vashem, **Arkady Zeltser**, examines theoretical aspects and characteristics of the memory of the Soviet Jews using the example of the installation of monuments and lead-

ing memorial ceremonies on the sites of executions. **Jürgen Zarusky** of the Institute of Contemporary History in Germany, reviews particularities of the memorialization of victims of the Holocaust and National Socialism as a whole at the Dachau Concentration Camp Museum, with a focus on the commonalities and differences in their respective cultures of remembrance in Germany.

Natalya Anisina, Chief Custodian of Collections, Poklonnaya Mt. Holocaust Memorial Museum (Russia), demonstrates place and role of the Museum in the Holocaust memorialization in Russia. Professor **Boris Kovalev** (Russia), Leading Research Fellow, Saint-Petersburg Institute of History, RAS, analyses the problems of erection of monuments to the victims of Holocaust on the territory of Russia in case of Novgorod Region.

Several articles of this section are dedicated to the role of cinema and music in memorialization of Holocaust during war years and during contemporary period. **Tatiana Manykina** (Russia/Germany) reviews history and purposes of developing of Nazi propaganda film about ghetto in Theresienstadt based on biography of film director Kurt Gerron.

The renowned historian of Soviet documentary films, **Jeremy Hicks**, Associate Professor at London University, discusses footage recorded by the Allies during their struggle against the Nazis. He points out the different purposes and representations of these documentaries, which do show victims of the Holocaust. The films showcase the pioneering works of Soviet front-line cameramen, who created the first visual records of Holocaust victims, and the influence these documentaries of Nazi crimes in the USSR had on the beginning of film making about the Nazi camps as they were liberated by the Allies. The author specifically points out the «Soviet» nature of the Jewish victims, noting their impact on Soviet remembrance of the Holocaust. The same problem, but now in modern Russian cinematography, is analyzed by the University of Massachusetts Professor **Olga Gershenson** (USA). She mentions the acute problems related to the different aspects of «a memory loss» about the Holocaust in Russia and other post-Soviet states. The professor uses the example of recent works by M. Shakirov «The Holocaust — Wallpaper Glue?» and K. Fama «Little Shoes.» In Gershenson's opinion, the authors deliberately show the Jewish tragedy to be unrelated to Russia, and that this shows how our nation does view the Holocaust as both, «a local and a global tragedy

that affects every member of society.» The section ends with an article by **Inessa Dvuzhlnaya** (Belarus), an Associate Professor at Grodno State University. She offers a methodological solution to the problem of analysis of Holocaust memorialization in music.

The section concludes with a series of articles about the significance of remembrance of the Righteous Among the Nations, with regard to the memorialization of the Holocaust. **Suzanne Shrafshtetter** (USA), member of the Center for Holocaust Studies at Vermont University, discusses the import of this topic and its future for German collective memory. The editor of «The New and the Newest History» magazine, **Boris Khavkin** (Russia), examines as a modern historian, known cases of Jewish men being rescued by their German wives, as part of German historical memory of the Holocaust. **Tatiana Pasman** (Russia), member of the Pskov Center of Educational Development, analyzes the informational potential of the video testimonies compiled by Steven Spielberg's Shoah Foundation. These might be used to perform research aimed at the remembrance of rescuers of Jews during the Holocaust.

A major section of the book is dedicated to the problems involved in education about Holocaust and genocide history. Teachers from Russia, Germany, Israel, Spain, Latvia, and the USA share their thoughts and their work experience. Director of Education the Center for the Study of Genocide and Human Rights, Rutgers University, **Nela Navarro's** (USA) article about the «pedagogy of a crime» has a conceptual character, touching upon the most acute problems of intertwining the educational fields of teaching about the Holocaust and other genocides. It also gives the solutions to the issues of educational formalities. **Annette Eberle** (Germany), Professor at the Catholic University of Applied Studies, answers the question: «What does education after Auschwitz mean today?». She outlines the changing concepts and future prospects of memorial pedagogies in German educational institutions. **Olga Gorskikh** (Russia), Associate Professor at Tomsk State University of Control Systems and Radio-Electronics, presents the methodical aspects of teaching about the Holocaust and other genocides, based on the experience of Russian teachers. The article by Tambov State University Professor, **Pavel Shcherbinin** (Russia), on the unparalleled meaning and universality of the Holocaust for the development of modern educational technologies, shows the benefits of including this theme in regional educational projects.

The leader of the Russian-speaking program at the Yad Vashem International School, **Noa Sigal** (Israel), demonstrates that Holocaust research in former territories of the USSR has had its influence, as from the late 1990s, the subject of the Holocaust has been included in the curriculum of teachers' training programs in post-Soviet states. It is very interesting to analyze the cooperation that the graduates of such courses engage in with their teachers during the preparation of new text books. **Igor Kotler**, President and Executive Director of the Museum of Human Rights, Freedom, and Tolerance, Senior Research Member of the Center of the Study Genocide, and Human Rights at The Rutgers University (USA), presents the educational and practical works on the learning and teaching of Holocaust history, using the example of the state of New Jersey. He emphasizes the decisive role played by of legislation in this sphere of activity.

Marta Simo of the University of Barcelona and documentary author **Jordi Alque** (Spain) show the stages of implementation and modern teaching of the Holocaust in the educational system of Catalonia. The section ends with an article by **Grigory Smirin** (Latvia), member of the Shamir Society. He discusses the evolution of the presentation of the Holocaust in Latvian textbooks during the post-Soviet period in comparison to how it was covered in textbooks during the Soviet era.

The last part of the book examines in some depth different aspects of the lessons of the Holocaust, other genocides, and terror against children. The president of the Holocaust Fund, **Alla Gerber** (Russia), analyzes the influence of the Holocaust, specifically the wartime hate propaganda and the role of collaborators, on the historical memory of Russian residents, finding it to be directly related to increases in extremism and intolerance. **Arkadiy Monastyrsky**, President of the Jewish Forum of Ukraine, discusses the modern state and perspectives on the memorialization of Holocaust victims in Ukraine. **Daniel Altaras**, member of the Board of Directors and member of the International Committee of the Turkish Jewish Society, writes about Holocaust memory in his own country in the context of the fate of the Jews of Turkey, and the government's stance on helping Jewish refugees from other countries.

Tatiana Svakhina (Kazakhstan), Associate of the Museum in Ust — Kamenogorsk, discusses the informational potential of the museum's funds on a Holocaust topic, which can be used as a foundation for a program to preserve the memory of this tragedy. One may be interested in seeing some

artifacts from the museum, such as a letter from the Warsaw Ghetto that was mailed to Kazakhstan in the spring of 1941.

The head librarian of the Taganrog Public Library, **Oksana Serbina** (Russia), examines the role of public libraries in the understanding of Holocaust history by young people.

Aneta Gadieva (Russia) shares her thoughts about different forms of response to terrorism through memory of the Beslan tragedy. She discusses the basic idea of creating a museum, which, using the experience of Holocaust memorialization, would begin the collection of video testimonies and artifacts of Beslan's horror.

The methodical recommendations on Holocaust education in Russian schools and universities that were sent to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation were discussed and approved during the Conference. They are published in the Addendum.

Lectures and speeches employed by their authors for this book are printed in both Russian and English, depending on the original language of choice during the conference. The table of contents, information about the authors and about this text are also published in both languages.

The following members of the Holocaust Center participated in putting together texts for this book: N.B. Anisina, L.A. Terushkin, and N.V. Kozlova.

Translation of Preface and English editing: Dr. Christopher Kenway and Daria Ruzmanova (Museum of Human Rights, Freedom, and Tolerance).

Semen Charnoy's photograph of the conference participants by the Memorial to the Victims of the Nazis on Poklonnaya Mt. in Moscow is used for a cover of this volume.

This book is dedicated to Mikhail Gefter, one of the most prominent Russian historians, who passed away exactly twenty years ago. He was one of the founders and the first president of the Holocaust Center.

Ilya Altman, Igor Kotler, Jürgen Zarusky.

ПРИВЕТСТВИЯ

Приветствие С.Б. Иванова, руководителя Администрации Президента Российской Федерации

Участникам Международного Форума «Холокост: 70 лет спустя»

Уважаемые друзья!

Холокост — одна из самых трагических страниц в истории человечества. Наш долг перед жертвами этого преступления, перед будущими поколениями — помнить об уроках прошлого, о том, к чему приводит попустительство экстремизму, ксенофобии, национальной нетерпимости.

К сожалению, сегодня мы видим откровенные попытки фальсифицировать, пересмотреть итоги Второй мировой войны и Нюрнбергского процесса, принизить роль Советского Союза в освобождении Европы, оправдать нацистов и их прямых пособников. В ряде государств вновь дают о себе знать проявления антисемитизма и агрессивного национализма. Это — очень опасные тенденции, и чтобы им противостоять, важна принципиальная позиция общественных лидеров, политиков, религиозных объединений, СМИ, серьезная просветительская работа с молодежью.

Рассчитываю, что Ваш Форум, проходящий в год 70-летия Победы, внесет значимый вклад в сохранение исторической памяти, послужит консолидации общества вокруг ценностей гуманизма, согласия и гражданского мира.

Желаю вам всего самого доброго.

*Руководитель администрации
Президента Российской Федерации С. Иванов*

Приветствие директора Института Всеобщей истории Российской Академии Наук, академика А.О. Чубарьяна

Уважаемые участники конференции!

XX век — век небывалого в истории научно-технического прогресса — породил и такие страшные явления, как мировые войны и истребление целых народов. Преступления, совершенные в ходе Первой мировой войны, далеко превосходили злодеяния периода Франко-прусской войны. В 1915 г. впервые была поставлена цель истребления целого народа — армян, жертвами которого стали более 1,5 млн. человек. Еще больший размах политика уничтожения целых народов — геноцид и Холокост — получила в годы Второй мировой войны. Развязав ее, нацистская Германия отбросила все общепринятые нормы международного права, зафиксированные Гаагскими и Женевскими конвенциями. Гитлеровцы не считались и с требованиями общечеловеческой морали, прибегая к самым жестоким методам и средствам ведения войны, разрушая без военной необходимости города и села, применяя жесточайшие пытки к военнопленным и мирным гражданам, истребляя мирное население и целые народы. То была война на уничтожение цивилизации. Злодеяния планировались еще до нападения на очередную страну и готовились исподволь. Мир содрогнулся от масштаба и степени жестокости этих преступлений. На советской территории оккупанты уничтожили 7 млн. гражданских лиц и более 3,7 млн. военнопленных. В конвейеры смерти были превращены гитлеровские концлагеря и лагеря уничтожения. С особым ожесточением нацисты и их пособники проводили в жизнь зловещие планы ликвидации еврейского населения на оккупированных территориях. Ими были уничтожены около 6 млн. евреев. 18 декабря 1942 г. Правительства СССР, США, Великобритании, Бельгии, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, Чехословакии опубликовали совместную декларацию о проводимом гитлеровскими властями истреблении еврейского населения Европы, в которой констатировали, что германские власти «проводят в жизнь неоднократно высказанное Гитлером намерение истребить еврейский народ в Европе». 30 октября 1943 г. была опубликована декларация СССР, США и Великобритании «Об ответственности гитлеровцев за совершенные

зверства». Невозвратные потери нашего народа в войне с Третьим рейхом составили 27 млн. человек. Возмездие за совершенные преступления стали одной из целей народов, объединившихся в Антигитлеровскую коалицию. Наш долг свято хранить память о жертвах Холокоста и делать все возможное, чтобы подобное никогда не могло повториться.

Я приветствую историков, юристов, музейных работников, представителей Российского Еврейского Конгресса и еврейских организаций других стран, преподавателей школ и высших учебных заведений — всех тех, кто прибыл на эту конференцию, чтобы своими выступлениями внести вклад в освещение проблемы «Уроки Холокоста». Успехов Вам в этом благородном деле.

**Приветствие ректора Российского государственного гуманитарного университета,
члена-корреспондента РАН Е. И. Пивовара**

Дорогие друзья!

Я рад приветствовать участников и гостей Международного форума «Холокост: 70 лет спустя» в Российском государственном гуманитарном университете. Здесь проводится немало международных конференций, симпозиумов, Круглых столов по самым разным сюжетам. Но проблематика нашей конференции — особенная. Мы очень ответственно относимся к этому мероприятию, опираясь на уже сложившиеся традиции.

В РГГУ почти 25 лет существует Центр иудаики. Он внес существенный вклад в выявление документов по истории евреев России, их компьютерную обработку и издание серии путеводителей по архивным фондам и коллекциям. Тема Холокоста присутствует в большинстве этих изданий, некоторые из которых переведены на английский язык. Эта информация существенно облегчает работу отечественных и иностранных исследователей по данной проблематике в архивах постсоветских государств.

Наш университет был первым в России, где тема Холокоста нашла систематическое применение в научной деятельности и образовательном процессе. Еще в 1997 г. в РГГУ прошла 2-я Международная конференция «Уроки Холокоста и современная Россия», доклады которой были опубликованы. Она дала импульс постановке одного из первых на постсоветском пространстве спецкурса «История Холокоста», написанию семинарских докладов и курсовых работ, прохождению архивной и музейной практик по теме, участию в Международных конкурсах. Три студента РГГУ, ставшие их лауреатами, в разные годы выступали в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже. На кафедре новой и новейшей истории России, возглавляемой профессором А.Б. Безбородовым, с 2010 г. систематически читается курс по теме, готовятся кандидатские и магистерские диссертации. Под редакцией профессора этой кафедры И.А. Альтмана опубликована Энциклопедия «Холокост на территории СССР». Это очень важное издание, к которому систематически обращаются исследователи разных областей знаний.

Но многие страницы этой трагедии требуют изучения, обсуждения, дискуссий в различных аудиториях, в том числе — молодежных. Опыт осмысления Холокоста может и должен быть применим к другим трагедиям XX века, что нашло отражение и в программе нашей конференции.

Закономерно, что в РГГУ недавно открылся первый в стране Центр «Изучение и преподавание истории Холокоста и геноцидов». Одна из его главных задач — способствовать подготовке преподавателей высшей школы, учебных пособий: изучить, обобщить и применить на практике зарубежный опыт. Уверен, что многие Университеты, которые Вы представляете, станут нашими партнерами.

Символично, что конференция открылась 22 июня, в День памяти и скорби, который ежегодно отмечается в нашей стране. Вчера все Вы поучаствовали в памятных мероприятиях на Поклонной Горе, что для нас, российских участников, является очень знаменательным. Хотя многое уже сделано в нашей стране для того, чтобы сохранить память подрастающих поколений об этой трагедии, которая произошла в годы Второй мировой войны, тема Холокоста должна оставаться в центре внимания общественности, прежде всего — для противодействия неонацизму, расизму и ксенофобии.

Летнее время не самое лучшее для участия в конференции студентов, но я очень надеюсь, что ее материалы будут в самое ближайшее время опубликованы и размещены на сайте. Считаю, что они должны широко использоваться в школьных и вузовских учебниках, курсах лекций. Надеюсь, что конференция послужит стимулом для студентов более активно, более глубоко, изучать тему Холокоста. Понятно, что в Гуманитарном университете, который, прежде всего, должен проводить в жизнь идеи гуманизма, эта работа особенно важна. Поэтому мы с радостью и гордостью принимаем эту конференцию в наших стенах.

Я желаю Вам успешной работы!

ХОЛОКОСТ И ГЕНОЦИДЫ XX ВЕКА

The Holocaust and other Genocides of the Twentieth Century

**Learning Fanaticism:
remarks on the Ideological Preconditions for Genocide**

*Stephen Bronner
(Newark, USA)*

Genocide does not simply «happen». Opportunism, indifference, political ambitions, conformism, and fear all play a role. But more important perhaps is the learned fanaticism of the masses necessary in order to carry out the perverse and horrific demands of mass murder. Genocide does not require a modern state, an advanced economy, or gas chambers. It can occur under free-market capitalism as in the case of slavery and the extermination of Native Americans in the United States, state planning as in the case of communism, or economic underdevelopment as in the case of Cambodia or Rwanda. Fixating on the cog in the machine, the small-minded bureaucrat, the criminal neanderthal, or the «little man» unconcerned with ethical reflection, is also misleading. The «get along-go along» attitude is insufficient for mass murder. Genocide requires not only ideological motivation but also ideological legitimation predicated on demonizing a victim who has been denied appropriate organized political representation. Prejudices need strengthening and pre-reflective judgments call for justification. Reactionary traditions, habits, and institutional forms of education serve that end. Peppered with fanaticism, indeed, they congeal into a dynamic of hate that once triggered is difficult to temper or restrain. Indeed, Max Weber knew what he was talking about when he noted that ideology is not like a taxi-cab that the passenger can simply call to a halt and then get out.

This is not meant to imply that prejudiced attitudes inevitably lead to the gas chambers — only that the gas chambers are impossible without those prejudiced attitudes. Crucial for making sense of genocide is therefore the mind of the fanatic rather than the lived life of the intended victim who might be the Jew, the Trotskyite, the immigrant, or the original inhabitant of a given territory. Or, to put it another way, the key to any given genocide is the specific constellation of hatred internalized by the genocidal agent. What turns a simple authoritarian or bigot into the requisite fanatic is the justifications employed to deny any empathy or compassion for the intended victims. This explains the insistent use of demon-

izing and vilifying metaphors depicting them as inhuman or, quite often, as vermin. The learned reduction of the human to the inhuman brings with it a learned indifference to suffering and the principled refusal to place limits on prejudice and hatred.

Hitler, Stalin, Mao all understood that fanaticism can be *taught*. Required is an appropriate narrative, an ability to identify the enemy with absolute evil, an unyielding attack on the critical faculty, and the «coordination» (*Gleichschaltung*) of all media on pain of prison, death, or worse. The ideological aim is not simply to develop sentiments of hatred or even turn some inchoate mass into a genocidal agent. The propagandist is successful insofar as paranoia, hysteria, and exaggeration are turned into what Sartre termed «objective neuroses.» Individual neurotic triggers surrender to socially organized psychological stress. It is not simply a matter of heaping invective on the intended victim but highlighting his resilience and the ongoing character of the threat that he poses. So, for example, the Jew or the Trotskyist may appear powerless and defeated, but the Nazi or the Stalinist knows that this is only a disguise.

The fanatic's ability to recognize the limitless power of the enemy turns him into the bearer of «destiny» or «fate» or «inevitability» that, in turn, assuages guilt and enables the abdication of personal responsibility for one's actions to become an ethical principle and a social good. Thus, the genocidal agent believes himself the hero of his own drama. Even while a supremacist internet site, *Stormfront*, is getting 40 000 hits a month. Dylan Roof, author of the massacre at a Charleston Church that left 9 dead, bemoaned the fact that all these people were merely at their computer screens: someone, it seemed to him, had to do something and «that someone is me» (New York Times July 6, 2015).

Little wonder that the intended victim is depicted by the fanatic in mythical terms or as a natural force, whose evil emanates from the stereotypical traits embedded within him. In fact, however, that victim is constructed (whether consciously or unconsciously) by the fanatic in terms that will legitimate the future genocide. The Jew can be the capitalist, the communist, the socialist, the liberal, the cultural bohemian, the homosexual, the intellectual, and the wrecker of civilization—or all of them together. It doesn't matter which one. The differences are illusory: the soundrels are all engaged in a conspiracy so vast only the elimination of them all can protect the nation, the party, or civilization itself. This

is where the legitimation for genocide and other inhuman acts comes into play. The fanatic's image of the victim who deserves to die has nothing to do with the real person who will die. Willingness to act in the name of the race or class, moreover, is predicated on forms of psychological projection whereby the fanatic feels impelled to perform *in fact* the dreadful acts that his targets are performing in his imagination.

The genocidal agent is constantly engaged in a kind of pre-emptive strike. So, for example, Nazis during the 1920s and 1930s insisted that Jews were enmeshed in a conspiracy bent on fostering chaos through assassinations, poisoning the public sphere, instituting terror, turning education into self-serving propaganda, and leading the world into yet another war. Of course, it was actually Nazis and groups like the Thule Society that were engaged in a conspiracy, celebrated violence, assassinated progressive politicians like Walther Rathenau, propagated the fabricated *Protocols of Zion*, and pounded the drums of war. Psychological projection was also manifest among Stalinists. Not their mostly fictitious and powerless internal enemies, but they themselves engaged in conspiracies, plotted assassinations, subverted the military, sabotaged industrial production, unleashed purges, perverted justice, re-wrote history, and helped the Nazis begin World War II.

Everything is now permitted the fanatic. The greater and more unchecked the psychological projection the more intense the hate and the less necessary the need for rationally justifying actions. Only the genocidal agent is fully aware of the evil being planned by his enemy since, after all, he is the product of the fanatic's imagination. This knowledge turns him a member of the elite but also the victim of enemies so powerful and ruthless that they can never be completely conquered. Vigilance is always necessary along with absolute acceptance of the imperatives dictated by fate or the religious/political institution incarnating it. Unqualified license and unquestioning obedience are flip sides of the same coin, as Hegel knew, and it is completely legitimate to interpret the Nazi «night of broken glass» (*Kristallnacht*) as a form of «organized spontaneity.»

Fixed stereotypical traits, myths emanating from the mist of history, and unshakeable intuitive judgments justify the arbitrary exercise of power. This enables the fanatic's target to become anything that he wants him to be. Nazis identified the Jew with the capitalist, the communist, the socialist, the bohemian, the cultural degenerate, and a host of other social images.

Conflicts of interests and beliefs between these groups were deemed irrelevant: the Jew was pulling the strings everywhere. Nor was it any different with respect to the endless array of ideologically diverse saboteurs and plotters united only by their hatred of the world that Stalin was building. In both cases, an evil «essence» holds together the diverse appearances that the enemy can take. He is what he is. Dialogue is useless. That essence can never be eradicated — unless it is physically eradicated.

The end justifies the means given the psychological projection, the hysterical fears, and the exaggerated ambitions inspired by the enemy. That nothing justifies the end other than the means used to achieve it is irrelevant to the fanatic. Embracing the genocidal cause is possible only by ignoring the need for exercising the critical faculty and insisting up on some plausible connection between ends and means. The religious or teleological end requires no empirical evidence that it is actually being reached through the means employed. Against the elder Marx and his orthodox followers, for example, Stalin insisted that terror must drastically increase and the «contradictions» become more «acute» as the achievement of socialism grows nearer. Those who disagreed — or, better, who lacked the same degree of fanaticism — were traitors to the faith, by definition, and thus could be dealt with summarily as circumstances dictated. In this way, the oxymoronic character of fanaticism is striking: it always privileges a perversely principled abdication of personal responsibility.

Ideological motivations for genocide are ultimately based on ignited passions and this makes it extremely difficult to engage the agents of mass murder. They rely on intuition, experience, faith and tradition to justify their motivational passions — their beliefs, myths, and stereotypes. These passions felt so intensely give the genocidal agent his identity. Ernst Bloch liked to quote the words of an intelligent acquaintance who became a Nazi and, when confronted with counter-arguments, replied: «One does not die for a program that one understands but for a program that one loves.»

For the fanatic, there is nothing provisional about truth. Engaging in meaningful argument, logically justifying claims, threatens to weaken the passions and certainties necessary for carrying out the genocidal act. A belligerent and cynical anti-intellectual attitude, a laziness of mind, characterizes the genocidal agent. He is always right and always superior to his intended victim simply because he *feels* that he is. The fanatic knows what he knows and that knowledge is unassailable almost by definition.

For him, there is nothing to learn. Criticisms targeting the murky assumptions of potentially genocidal ideologies or the value of civil liberties and tolerance will probably have little impact. The same can be said about educational attempts to strengthen what I have called «the cosmopolitan sensibility» and blend pluralism with solidarity in the face of the inhumane.

But there are also those who hate as a result of ignorance and political manipulation rather than simple malevolence or fear of losing their material and existential privileges. They are not quite fanatics or ready for violence. Enlightenment political thought with its emphasis upon human rights and the liberal rule of law might just put them on the defensive. There are enough of those people around. Reaching even a minority of them would contribute toward marginalizing the fanatic and discrediting his motivating passions from political life. And, after all, isn't that ultimately among the most important purposes of a liberal education?

Геноцид армян: предпосылки, история, последствия

Виктор Анатольевич Надеин-Раевский
(Москва, Россия)

Со времени первого геноцида XX века — Геноцида армян в Османской империи — прошло уже сто лет. Саму эту дату принято связывать с началом репрессий против армян в Стамбуле и других городах империи 24 апреля 1915 года. Однако массовые убийства армян, впрочем, как и других христианских подданных империи, начались намного раньше.

Еще в конце XIX в. в идеологических течениях Османской империи появились новые веяния. Постепенно господствующей идеологией стал пантюркизм, появившийся задолго до событий Первой мировой войны. Пантюркизм, как некая идея объединения всех «турок», возник в девятнадцатом веке. В широком смысле, пантюркизм — это система взглядов, согласно которой все в мире рассматривается через призму роли «турок» (имеются в виду все тюркоязычные народы). Пантюркизм провозглашал своей целью объединение всех тюркоязычных народов в единое «туранское государство» («Великий Туран») под эгидой Турции.

«Научной базой» возникновения пантюркистских идей послужили работы западных ученых, зачастую отражавших внешнеполитические устремления своих держав, заинтересованных в ориентации турецкой экспансии на Восток и ослаблении позиций России¹. Так, известный политический деятель Германской империи фон Мольтке, советовал перевести столицу Османской империи из Стамбула в Конью и даже еще дальше, — на восток страны, считая, что таким образом можно добиться «омоложения» империи. Предложение Мольтке не было случайностью. Устремление османской экспансии на Восток подталкивались Германией, рассчитывавшей ослабить Россию, столкнуть ее с Османской империей. Такие же цели преследовали политические круги Австро-Венгрии.

При этом пантюркизм как бы вырос на почве зародившегося турецкого национализма. В конце XIX в. наряду с имперскими тео-

¹ Подробнее об этом см.: Гасанова, Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908–1914). — Баку: изд. АН Азерб. ССР, 1966. С. 50.

риями «османизма» и «панисламизма» в общественной и культурной жизни Турции все более укреплялось течение «тюркизма», носители которого пытались определить место турецких национальных традиций в системе космополитических структур империи. Тогда же появляется обширная литература, восхваляющая уже не османский, а турецкий национальный дух. Однако, изначально сам ранний «тюркизм» уже содержал в себе зародыши пантюркизма: турецкий национализм с самого начала представлял собой симбиоз национализма некоторой национальной ущербности и великодержавного шовинизма «османов», считавших себя еще и лидерами всего «исламского мира».

«Тюркизм» получил широкое отражение во всех сферах культурной жизни империи. В то же время, «тюркизм» изначально носил и пантюркистский оттенок из-за стремления сторонников этой идеи представлять интересы «всех турок» (т. е. «тюрков») за пределами империи.

Развитие в Турции капиталистических отношений положило начало возникновению идеологических течений, отражающих рост самосознания турок как турецкой, а не османской нации. Младотурецкая революция 1908 г. и последовавшие за ней Балканские войны дали еще более мощный толчок развитию турецкого национализма. Многочисленные народы («миллеты») империи связывали с младотурецкой революцией надежды на ослабление национального гнета, демократизацию внутренней жизни, проведение социально-экономических преобразований. Младотурки, возглавившие революционное движение, пытались сплотить многонациональное население империи под лозунгом «османизма» («оттоманизма»), воскресив идеи новых «османов». Поэтому на словах декларировались равные права для всех народностей страны.

Отметим, что еще в период, предшествовавший победе младотурецкой революции, между противниками режима за рубежом империи сохранялись контакты и даже проводились совместные мероприятия.²

Балканские войны 1912–1913 гг. привели к окончательному отделению от Османской империи ряда балканских государств, а внутри

² Подробнее об этом см.: Кеворкян, Раймон. Геноцид армян / РаймонКеворкян. — Москва: Яуза-каталог, 2015 г. с. 17–65.

страны — к крушению доктрины «османизма». Ей на смену и пришла идея пантюркизма, к этому времени получившая распространение в кругу турецкой интеллигенции, благодаря активной пропаганде как местных пантюркистов, так и эмигрантов из царской России. Эмигранты активно выступали в националистических организациях Османской империи³, а позже и республиканской Турции.

Турецкий национализм испытал влияние и других внешних факторов, в том числе западноевропейских расистских «пантений»⁴, что особенно пагубно сказалось на его развитии. Пантюркистская доктрина, получившая широкое распространение в общественных кругах Османской империи, сыграла важную роль во вступлении Турции в I мировую войну. За вовлечение Османской империи в свою орбиту боролись как Антанга, так и германский блок. Антанга могла предложить лишь сохранение основных частей империи. Германия же была готова поддержать турецкую экспансию на Восток и пантюркисты надеялись на помощь Германии в реализации своих захватнических целей.

Ради создания «Великого Турана» пантюркистские лидеры и организовали массовую резню армянского населения, как в Западной, так и в Восточной Армении⁵. По приказу младотурецкого «триумвирата» была организована кампания «переселения» армян в бесплодные пустыни Сирии, на деле являвшаяся прикрытием для уничтожения мирного армянского населения. 26 мая 1915 г. министр внутренних дел Османской империи Талаат-паша представил «Закон о депортации», посвященный борьбе с выступлениями против правительства. 30 мая 1915 г. закон был одобрен меджлисом, но опубликован примерно через месяц⁶. Однако депортация армян проходила пол-

³ Подробнее о деятельности пантюркистов — выходцев из царской России см. Гасанова, Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908–1914 гг.). — Баку: изд. АН Азерб. ССР, 1966. С. 115–139.

⁴ Гасанова, Э.Ю. «Идеология буржуазного национализма в Турции...». С. 55.

⁵ Захватнические планы сторонников пантюркистской доктрины простирались далеко за пределы Малой Азии, охватывая Крым, Поволжье, Азербайджан, Среднюю Азию и ряд других районов, а территория Армении образовала как бы клин, отсекающий «Великий Туран» на две части, и являлась невольным препятствием на пути пантюркистской экспансии младотурок.

⁶ Геноцид армян/ Сайт: Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Геноцид_армян (дата обращения: 19 августа 2015 г.). Такие же данные дает и сайт Академик. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/18694> (дата обращения: 20 августа 2015 г.). По данным сайта Геноцид.ру закон был принят указом султана 15 мая 1915 г. URL: <http://www.genocide.ru/enc/deportation-law.htm> (дата обращения: 20 августа 2015 г.).

ным ходом еще до принятия закона, который только подводил некую «юридическую базу» под уже проходившую кампанию. В результате, по меньшей мере 1,5 млн армян были «депортированы», а точнее — истреблены.

Часть армян была уничтожена в Западной Армении, часть — по пути в «места переселения».

Османское правительство использовало в своей внутренней политике методы стравливания между собой национальных меньшинств, в частности на религиозной почве. Так, в уничтожении армян большую роль сыграла иррегулярная конница «Хамидие», состоявшая из курдских кочевников⁷. Турецкие авторы пытаются переложить вину за убийства и грабежи армян исключительно на эти воинские формирования. Как отмечают западные исследователи, «когда проводились истребления реальных или вероятных оппозиционных групп, они осуществлялись не правительством, а социальными группировками, которым правительство давало власть, таким как «Хамидие» — иррегулярная кавалерия, сформированная из определенных курдских племен»⁸.

Особенность тогдашней бюрократической машины Османской империи состояла в том, что существовали параллельные руководящие органы, позволявшие увеличить эффективность претворения в жизнь политики правительства, наталкивавшейся на неповоротливость местных чиновников. По мнению американского исследователя Чарльза Феэрбенкса: «Руководителем и защитником «Хамидие» был Зеки-паша, командующий 4-ым армейским корпусом в Эрзинджане и сводный брат султана. К великому неудовольствию гражданских чиновников, Зеки-паша вывел «Хамидие» из-под их судебной юрисдикции и всегда защищал нарушителей. Таким образом, фактически существовало две параллельные и соперничающие цепочки власти, ведущие от султана в восточные провинции. Подразделения «Хамидие» часто нарушали закон и порядок, за который отвечала гражданская администрация, но обычно избегали наказания»⁹. С помощью этих методов младотурецкому правительству Османской империи

⁷ «Хамидие» перед началом войны формально была распущена, однако на практике она продолжала существовать.

⁸ Fairbanks, Charles H. Bureaucratic Policy in the Soviet Union and in the Ottoman Empire. — «Comparative Strategy», vol. 6, No 3, p. 336.

⁹ Ibid, P. 343.

удалось осуществить всю операцию по уничтожению мирного армянского населения, которое даже по османским законам юридически не могло быть наказано.

В результате этих бюрократических комбинаций, гражданские власти получили приказ депортировать армян под охраной жандармских подразделений, а командиры «Хамидие» — провести поголовное уничтожение депортируемых (впрочем, случаи грабежа и убийства, сопровождаемых конвоирами были обычным явлением, как вследствие негласных указаний властей, так и по мотивам личного обогащения).

В убийстве армян, помимо «Хамидие», участвовали отряды, сформированные из уголовников, и подразделения жандармерии, якобы «охранявшие» колонны депортируемых.

10 июня 1915 г. были опубликованы инструкции «О формах управления недвижимым имуществом и земельными участками переселенных в иные места армян». 13 сентября 1915 г. правительство опубликовало временный закон «Об оставленном имуществе», а 26 октября (для применения вышеуказанного закона) был принят устав относительно имущества и долгов перемещенных в иные места лиц.¹⁰

В последние годы вышли книги турецкого автора Невзата Онарана посвященные этой проблеме: «История с «оставленной собственностью» — Тюркизация армянской и греческой собственности при османах и Республике» (Emvâl-iMetrûke Olayı — Osmanlı ‘dave Cumhuriyeti Ermenive Rum Malların in Türkleş tirilmesi). Османское правительство создало более трех десятков комиссий, которые занимались передачей этой собственности по минимальным ценам (по ценам 1915 года) в собственность турок, курдов, переселенцев-мусульман и т. д. Оформлялись кадастровые документы, выпускались решения властей о национализации и т. д. и т. п. Аналогичные комиссии работали позже и в период республиканской Турции.

Таким образом, Геноцид был тщательно спланирован, последовательно и хладнокровно осуществлен в соответствии с указаниями ЦК младотурецкой партии «Единение и прогресс». Об этом свидетельствуют не только иностранные источники, но и турецкие, в частности материалы судебных процессов над руководителями и исполни-

¹⁰ См. Анаит Астойан «Грабеж века. Лишение собственности армян в Османской империи в 1914–1923 гг.» //http://bs-kavkaz.org/2013/08/book-astoyan-grabegh-veka/

телями акций по уничтожению армянского населения, состоявшихся после падения младотурецкого правительства и под воздействием мирового общественного мнения в 1919–1920 гг. в Стамбуле, Трапезунде, Харберде¹¹ и других городах Турции.

«Главное, что вытекает из начатого следствия, — гласил обвинительный акт, — состоит в том, что преступления, совершенные с момента высылки армян в разные места и в разные периоды, не являются изолированными или локальными действиями. Они были заранее обдуманы и осуществлены по распоряжению центрального органа, состоявшего из вышеуказанных лиц (Талаат, Энвер, Джемаль, Ибрагим Шюкри и др. — прим. Н-Р.В.), либо согласно секретным приказам, либо устным инструкциям»¹².

«Во время мировой войны греки Малой Азии тоже тяжело пострадали от жестокостей турок, — пишет бывший премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж. — Сотни тысяч греков были хладнокровно вырезаны в годы войны, и еще больше было согнано с насиженных мест»¹³. Таким образом, пантюркистская верхушка Османской империи, руководствуясь непомерными захватническими амбициями, пошла на тяжчайшие преступления. Необходимо отметить, что в соответствии с турецко-германским договором предусматривалась «помощь Германии в расширении турецкой территории за счет России таким образом, чтобы обеспечить непосредственное соприкосновение с мусульманским населением» (т. е. завоевание русской Армении)¹⁴.

Попытки отрицать сам факт геноцида, либо возложить на армян ответственность за варварство османских властей, характерны для всего периода споров по вопросу о геноциде. Уже в публикациях турецких исследователей после I мировой войны предпринимались попытки ревизовать ход событий 1914–1922 гг., преуменьшив масштабы этого преступления и переложив вину за гибель мирного армянского населения на самих армян. Так, турецкий автор Ахмед Эмин писал, что армяне жили в дружбе с турками в грани-

¹¹ Геноцид армян..., С. 557–575.

¹² Геноцид армян в Османской империи: Сборник документов и материалов. Под ред. Нерсисяна М.Г., Ереван: Айастан, 1982. С. 559.

¹³ Там же. С. 581.

¹⁴ Готлиб, В.В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. — М.: Изд. соц.-экон. лит., 1960. С. 51.

цах Османской империи, но «развитие национализма, деятельность террористов-революционеров прибывших из России, также как и приход к власти Абдул Хамида, положили конец этому дружескому сотрудничеству: к этому сотрудничеству был лишь кратковременный возврат во времена младотурецкой революции»¹⁵. В подтверждение своей точки зрения автор приводит факты массового дезертирства армян, не желавших воевать против России в I мировую войну, восстаний в армянских вилайетах¹⁶, а также то, что против османской армии сражался на Кавказском фронте отряд армянских добровольцев в русской форме под командованием Г. Бастрмаджа — депутата турецкого парламента от Эрзурума¹⁷. Впрочем, такого командира ни в составе российской армии, ни в рядах командиров армянских подразделений не выявлено¹⁸.

Таким образом, автор старается выдать последствия абдулхамидовского террора против армян, в результате которого возник естественный антагонизм населения по отношению к властям, за первопричину геноцида. Между тем, именно кровавый террор султана Абдул Хамида, по самым скромным подсчетам, привел к гибели в 90-х годах XIX в. до 30 000 армян; в 1909 году (в городе Адана и ряде провинций Киликии) еще 40 000 человек¹⁹. Эти преступления отличались чудовищным садизмом, который палачи даже не пытались скрыть от иностранцев, о чем свидетельствуют многочисленные русские, арабские, турецкие, немецкие, английские, французские, американские и другие источники того времени²⁰. Следовательно, лояльность армянского населения Османской империи была подорвана самими правящими кругами этой страны. Национально-освободительное движение армян, также как и других немусульманских народов (гре-

¹⁵ Emin, Ahmed. Turkey in the World War — New Haven: Yale University Press, 1930. P. 214.

¹⁶ Ibid. P. 216–217.

¹⁷ Ibid. P. 218.

¹⁸ Подробнее об армянских частях и добровольцах см.: Армянский корпус (Российская империя) / Сайт wikipedia. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Армянский_корпус_\(Российская_империя\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Армянский_корпус_(Российская_империя)), (дата обращения: 17 июня 2015 г.); Аваг Арутюнян, Кавказский фронт первой мировой войны: армянские добровольцы в борьбе за общую победу / http://www.soyuzinfo.am/rus/analytics/detail.php?ELEMENT_ID=1110, (дата обращения: 17 июня 2015 г.).

¹⁹ 4. Геноцид армян в Османской империи: Сборник документов и материалов. Ереван: Айастан, 1982. С. 111.

²⁰ Там же. С. 2–186.

ков, ассирийцев и др.) было единственно возможным путем их самосохранения.

Среди пантюркистов всегда была популярна точка зрения, по которой количество мусульман, погибших в годы первой мировой войны, превышает количество истребленных армян. Как писал Джемаль-паша, один из авторов и исполнителей политики геноцида: «Давайте допустим, что из 1 500 000 армян 600 000 погибло во время депортации. Но не надо забывать, что количество турок, уничтоженных армянами после русской революции, — 1 500 000»²¹. Такие же утверждения постоянно встречаются и на страницах современных пантюркистских публикаций.²² Однако, сами турецкие авторы признают, что в полосе наступления русской армии и в восточных вилайетах страны проживало 1,5 млн. мусульман, а русское наступление вызвало их массовое бегство в другие районы страны. В общей сложности, в этот период переместился 1 млн. мусульманских беженцев, что само по себе делает цифру Джемаль-паши нереальной. Что же касается армян, на которых возлагается вина за это бегство, то она эфемерна.

Во-первых, османское правительство вступило в войну в надежде на воплощение пантюркистского идеала создания «Великого Турана», долго высчитывая к какой группировке враждующих государств присоединиться. Уже самим вступлением в войну оно обрекло народы империи, включая турецкий, на неисчислимые лишения.

Во-вторых, само бегство турецкого населения из районов боев было вызвано как пропагандой правительства и запугиванием населения, так и массовым участием жителей восточных вилайетов в истреблении армян, что вызывало их естественный страх перед возможными актами мщения со стороны последних.

В-третьих, к чрезвычайно высокой смертности среди беженцев от голода и эпидемий привели неэффективность османской администрации в вопросах помощи беженцам продовольствием, эпидемии при отсутствии должного медицинского обслуживания, а не акции армян, которые к тому времени уже были полностью выселены из восточных вилайетов либо уничтожены. Таким образом, попытки

²¹ Emin, A. Turkey in the World War, p. 222.

²² The Armenian Murders in Our Century. — Ankara, 1986; Turkozu, H.K. Armenian Atrocity. According To Ottoman And Russian Documents. — Ankara. 1986; etc.

пантюркистов свалить вину за геноцид армян, греков, ассирийцев и просто иноверцев других национальностей на жертвы этого геноцида являются несостоятельными, а утверждения что «в течение всей истории турецкие государства, к сожалению, время от времени сталкивались с предательством, несправедливостью и варварством меньшинств, которые они (эти государства — *Н.Р.*) защищали столетиями и управляли ими так, что это позволяло последним жить в счастье и преуспевании»²³, — свидетельствуют либо о плохом знании авторами истории собственной страны, либо о сознательной подтасовке реальных исторических фактов.

Ненависть к армянскому врагу, «предателю» интересов империи, прочно укладывается в головы турок еще со школьной скамьи. Поэтому массовое сознание турок совершенно не готово к восприятию позиции армян и, кстати, остального мирового сообщества²⁴. Отдельные же интеллигенты, вроде Танера Акчама²⁵, турецкого исследователя из Германии или нобелевского лауреата Орхана Памука²⁶, которые признают факт геноцида и пытаются осмыслить его причины, в самой Турции воспринимаются как враги нации. Более того, против группы интеллигентов, опубликовавших обращение к армянам «Армяне, простите нас!» несмотря на десятки тысяч подписей под этим обращением, пытались возбудить уголовные дела.²⁷

Масштабная картина имущественного грабежа на государственном и частном уровне в османский период продолжалась и при республиканской Турции. Ведь кадровый состав армии, жандармерии, чиновничества и т. д. остался в основном прежним: это были бывшие «иттихадисты», сумевшие как следует приложить руку к грабежам армянской собственности. Не удивительно, что Высшее национальное собрание Турции фактически сохранило все законодательные акты османов и выпустило новые, которые не позволяли даже вернувшимся армянам (например, стамбульским) вернуть свою собственность.

²³ The Armenian Murders in Our Century, p. 3.

²⁴ См. например «Любое государство, будь оно на месте Османской империи, депортировало бы армян — вице-премьер Турции» // www.regnum.ru/news/1365043.html

²⁵ Танер Акчам «Турецкое национальное «Я» и армянский вопрос». Текст книги доступен по: <http://www.armenianhouse.org/akcam/genocide/contents.html>

²⁶ Подробнее см.: <http://www.armtown.com/news/en/pan/20060602/18284/>

²⁷ Покаяние//<http://imyerevan.com/ru/magazine/article/1284>.

Эта же практика применялась и против «инонациональной» буржуазии, в годы Второй мировой войны, правда, вместо национализации и передачи в «турецкие руки» имущества нетурок был выработан специальный налоговый механизм.

В семидесятые годы миллионы алеви, согнанные со своих земель на основе тех же законов были лишены собственности. Не удивительно, что большая часть турецкого национального капитала была сформирована на базе «брошенной» собственности.

Таким образом, сама постановка вопроса о геноциде армян по-прежнему вызывает у большинства современных турок неприятие и демонстрирует живучесть националистических и пантюркистских взглядов на окружающий мир.

The 1915 Events, Just Memory and the Armenian Question

Kamer Kasim
(*Bolu, Turkey*)

Introduction

The Ottoman Empire's final years were turbulent ones, with the empire facing numerous revolts originating in the Balkan region. Greece became independent in 1830, and the Greek revolt, which began in 1821, served as a model for others, so that through the nineteenth century to the onset of World War I, Balkan nations were gaining their independence. During that process Muslims living in the Balkans were killed or expelled for the sake of creating a nation state. Armenians mostly lived in Eastern Anatolia where they constituted 17 per cent of the region's population. Armenian uprisings organized by Armenian associations started mainly in the 1890s with revolts in Erzurum and Kumkapi in 1890; Kayseri, Merzifon, Yozgat, Çorum, Sasun, Zeytun, Van and Adana witnessed the Armenian revolt from 1890 to 1909; there was the occupation of the Ottoman Bank in 1896, and the assassination attempt on Sultan Abdulhamit II in 1909. The aim of these actions was to terrorize the population, to stir up disturbances and foment an atmosphere that would provoke the intervention of European powers. During these revolts not only Muslims, but also Greeks and Jews who did not support the Armenian revolutionary movement were victims of atrocities. Armenians who did not cooperate with the revolutionaries were also targeted; even the Armenian Bishop of Van was killed. The Ottoman Administration had difficulty handling the revolts and faced European pressure to pardon rather than punish the revolutionaries. Such pressure, combined with negative propaganda in the European press, led to the release of captured revolutionaries. The Ottoman Administration's attempts to take control and prevent the atrocities committed by the revolutionaries were labeled massacres. Despite the fact that Armenian revolutionaries used the same tactics as were used during the Balkan uprisings, there was a major difference regarding the population structure of the region: Armenians were not even close to being a majority in any of the cities of Eastern Turkey.¹

¹ See Justin McCarthy, «The Population of the Ottoman Armenians», in Türkkaya Ataöv (Der.), *The Armenians in the Late Ottoman Period*, Ankara, 2001, pp. 65–85.

The Ottoman Empire's entry into the Great War changed the picture. As Russian forces in Eastern Anatolia advanced on Van, the Armenian revolt began, as did the slaughter of the Muslim population of Van. The Ottoman Administration shut down Armenian revolutionary committees and 235 people were arrested on April 24, 1915. Van was captured by Russian troops with the help of the Armenian volunteer units. On May 24, 1915 the Armenian newspaper *Gochnak*, published in the United States, reported that «only 1500 Turks remain in Van», and that the rest were killed.² The Ottoman Administration decided to relocate the Armenians on May 27, 1915, with the purpose of keeping Armenians away from war zones. Implementation of the decision began June 1, 1915. Basically, the Armenian population of Eastern Anatolia was relocated to Mosul province, Aleppo province, the province of Syria etc. At that time these Ottoman territories were not in the war zone. Relocation later expanded to include Armenians living in other areas, who were found to be engaging in harmful activities and collaborating with the enemy. Detailed arrangements were made regarding where they were to be settled, how they would be transported, what would be done with the property of resettled Armenians. For example, the property of deported Armenians was placed in state custody. Perishable goods were auctioned off by special commission and the money supposed to be sent to the owners.³

The Armenian questions and allegations started from there. Later, the Armenian side claimed that the Ottoman administration made a deliberate decision to eliminate all Armenians, and when the concept of genocide was introduced after the Second World War, Armenians made allegations of genocide. On the other hand, the Turkish side argued that the Ottoman Empire was fighting for its survival and the relocation decision was taken due to the war time conditions. Deaths occurred from disease and clashes between Armenians and Muslims, etc. There is also dispute and counter claim regarding the size of the Armenian population in the Ottoman Empire, and the number of Armenians who reached their destinations.

² Şükrü Elekdag, «The Turkish-Armenian Issue: The Complex Tragedy of 1915», *The New York Times*, <http://www.nytimes.com/1983/05/11/opinion/1-turkish-armenian-issue-the-complex-tragedy-of-1915-157631.html>, 11 May 1983.

³ For the details of relocation see Yusuf Halaçoğlu, *Facts on the Relocation of Armenians (1914–1918)*, Ankara, 2002. Yusuf Halaçoğlu, «Realities Behind the Relocation», in Türkkaya Ataöv (Der.), *The Armenians in the Late Ottoman Period*, Ankara, 2001, pp. 109–154.

In order to assess these allegations, it is necessary to mention the Genocide Convention that was adopted in 1948 and came into force in 1952. According to the Convention, genocide means any of the following acts committed with intent to destroy, in whole or in part, a national, ethnic, racial, or religious group, such as:

- (a) Killing members of the group;
- (b) Causing serious bodily or mental harm to members of the group;
- (c) Deliberately inflicting on the group conditions of life calculated to bring about its physical destruction in whole or in part;
- (d) Imposing measures intended to prevent births within the group;
- (e) Forcibly transferring children of the group to another group.⁴

The Convention sought to protect four groups: National, ethnic, racial, and religious. Political and other groups were left outside the scope of the Convention. The crime of genocide consists of two parts. One is the subjective element, referring to the intention, aim, and will to commit a crime. The other is the objective element. Thus, the crime of genocide only exists if committed with the intent to destroy one of the four groups mentioned in the convention. The concept of general intent is not enough for the crime of genocide, it can only apply to simple offences.⁵

Application of the Convention to the 1915 events was impossible in the context of the circumstances and situation in the Ottoman Empire. First of all, there was no discrimination against Armenians under the Ottoman administration. There was no racial hatred harbored against Armenians in Ottoman society. Osman Bey, the first Ottoman ruler permitted Armenians to establish a religious center in Kütahya. Then, in 1326, this center moved to the Ottoman capital, Bursa. In 1461, Fatih Sultan Mehmet issued a statement for the establishment of the Armenian Patriarchate in Istanbul. There were 29 Armenian Pashas, the highest governmental rank in the Ottoman Empire; 22 Armenian Ministers, including Ministers of Foreign Affairs, Finance, Trade etc.; 33 Armenian representatives were appointed and elected to Parliament; 7 Ambassadors, 11 consuls gen-

⁴ <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%2078/volume-78-I-1021-English.pdf>

⁵ Gündüz Aktan, «The Armenian Problem and International Law», Ömer Engin Lütem (Der.), *The Armenian Question Basic Knowledge and Documentation*, Ankara, Terazi Publishing, 2009, pp. 131–169.

eral etc.⁶ In 1912–1913 Gabriel Noradunkyan was the Foreign Minister of the Ottoman Empire, and responsible for drawing up the International Agreements of the Ottoman State.

When compared with the position of Armenians in the Ottoman Empire, the position of the Jews in the Nazi Germany was clearly quite different. Discriminatory laws were passed against the Jews. They faced «pogrom» type attacks such as «Crystal Night» (*Kristallnacht*) of November 1938. Jews were driven out of society and forced to live in ghettos. Most importantly, anti-Semitism was nurtured in Germany, by the government, to provide motivation for the genocide; such a thing never existed in the Ottoman Empire with regard to the Armenians.⁷ The Ottoman Empire also provided shelter for the Jews who fled from prosecution in Spain in 1492.⁸

The most important difference between Jews in Germany and Armenians in the Ottoman Empire, however, was that Jews in Germany did not engage in armed struggle for independence and they did not have organizations that attacked government officials, civilians, and other ethnic groups.⁹ On the other hand, as I mentioned before Armenian organizations engaged in armed struggle, used terror against civilians and government officials even before World War I and when the Ottoman Empire entered the war, they collaborated with foreign occupying forces. A great deal of evidence for this exists in the archives of various countries.¹⁰ Armenians actually did not hide these facts and many prominent figures admitted the armed struggle and the massacres committed in the service of attaining indepen-

⁶ See Sadi Koçaş, *Tarih Boyunca Ermeniler ve Türk-Ermeni İlişkileri*, Ankara, 1967. «Facts from the Turkish Armenians, *Jamanak*, İstanbul, 1980, p. 4. See Armenian Allegations and Historical Facts, Questions and Answers, Ankara, Center for Strategic Research, 2007.

⁷ Gündüz Aktan, «The Armenian Problem and International Law», Ömer Engin Lütem (Der.), *The Armenian Question Basic Knowledge and Documentation*, Ankara, Terazi Publishing, 2009, pp. 139–140. Sedat Laçiner and İbrahim Kaya, *The Armenian Issue and the Jews*, London and Ankara, 2003, p. 49.

⁸ See Stanford J. Shaw, *The Jews of the Ottoman Empire and the Turkish Republic*, New York, New York University Press, 1991.

⁹ Gündüz Aktan, «The Armenian Problem and International Law», Ömer Engin Lütem (Der.), *The Armenian Question Basic Knowledge and Documentation*, Ankara, Terazi Publishing, 2009, pp. 147–148. Sedat Laçiner and İbrahim Kaya, *The Armenian Issue and the Jews*, London and Ankara, 2003, p. 50.

¹⁰ Russian archives and memoirs of Russian officials are important source in this context. See Mehmet Perinçek, *Rus Devlet Arşivlerinden 150 Belgede Ermeni Meselesi*, İstanbul, 2013.

dence. Hovhannes Kachaznoui, who was one of the founders of Dasnaksutyun Party and First Prime Minister of the independent Republic of Armenia in 1918, said

«In the beginning of fall 1914, when Turkey had not yet entered the war, but was preparing to, Armenian volunteer groups began to be organized with great zeal and pomp in Trans-Caucasia. In spite of the decision taken a few weeks before at the General Committee in Erzurum, the Dashnagt-zoutune actively helped the organization of the aforementioned groups, and, especially, armed them, against Turke. There is no point in asking today whether our volunteers should have been in the foreground. Historical events have logic of their own. In the fall of 1914 Armenian volunteer groups were formed and fought against the Turks. The opposite could not have happened, because for approximately twenty years the Armenian community was fed a certain and inevitable psychology. This state of mind had to manifest itself, and it did.»¹¹

Former Armenian Deputy in the Ottoman Parliament, Armen Garo or Karekin Pasdermadjian who led Armenian forces against the Ottoman Empire argued that Armenian participation in armed conflict was the leading factor in the winning of World War I. In the official letter addressed to the French Foreign Minister, Bagos Nubar Pasha, the head of the Armenian Delegation to the Paris Conference stated that *«Armenians since the beginning of the war, had been de facto belligerents.»¹²*

There are many examples of Armenian organizations participating in the conflict against the Ottoman Empire by killing officials as well as civilians, destroying telegraph lines, and burning houses. Under these circumstances the Ottoman Administration made the relocation decision.

As Gündüz Aktan mentioned *«There is no evidence to prove that relocation was planned to commit genocide in an indirect way. It is not possible to come across statements or instructions that would indicate the presence of the intent to destroy through relocation, which must be done to*

¹¹ Kamuran Gürün, *Armenian File. The Myth of Innocence Exposed*, İstanbul, 2007. *Dashnagt-zoutiun Has Nothing to do Anymore, the Manifest of Hovhannes Katchnoui*, translated by Matthew A. Callender, edited by John Roy Carlson, New York, 1955.

¹² See Türkçaya Ataöv, *The Armenian Question, Conflict, Trauma and Objectivity*, http://www.politics.ankara.edu.tr/yearbookdizin/dosyalar/MMTY/24/9_turkaya_ataov.pdf

prove genocide.»¹³ The Ottoman Administration expended great effort to implement the relocation process with little harm to the Armenians. For example, during the relocation process relief organizations were free to operate and assist Armenians. The American Near East Relief Society was allowed to conduct its mission despite the fact that the Ottoman Empire and the US were in different camps during World War I. If the Ottoman Administration had any intention of destroying the Armenians, it would not have allowed foreign organizations to help during the relocation, and if the Ottoman Administration had anything to hide, it would not have allowed relief organizations to operate in the field.

As genocide is a concept in international law, the crime of genocide can only be judged by a decision of the international court. At the end of the war, 144 high level Ottoman officials accused of massacres were arrested. British occupation forces took these persons to Malta for trial. The British appointed Haig Kahzarlan to conduct a documentary investigation in search of evidence against detainees. In the end, the British could not find any evidence against Ottoman officials or the Ottoman government. The British government asked the US State Department's assistance in the search for evidence against the Ottoman officials. An expert from the British Embassy in Washington searched the American archives. On July 13, 1921, the British Ambassador sent a message to London stating that *«There was nothing therein which could be used as evidence against the Turks who are being detained for trial at Malta... The reports in the possession of the Department do not appear in any case to contain evidence against these Turks that could be useful even for the purpose of corroborating information already in the possession of His Majesty's Government.»¹⁴*

Like the British, the Americans could find no evidence despite the fact that they exerted all of their authority and looked everywhere for evidence. In the end all Ottoman deportees were released.

¹³ Gündüz Aktan, «The Armenian Problem and International Law», Ömer Engin Lütem (Der.), *The Armenian Question Basic Knowledge and Documentation*, Ankara, Terazi Publishing, 2009, p. 155.

¹⁴ Gündüz Aktan, «The Armenian Problem and International Law», Ömer Engin Lütem (Der.), *The Armenian Question Basic Knowledge and Documentation*, Ankara, Terazi Publishing, 2009, p. 161. (Cable of the British Embassy in Washington to London dated 13 July 1921, No. 722, FO 371/6504).

The 1915 events and the tragedies before and during the First World War impacted all communities of the Ottoman Empire. Even Boghos Nubar Pasha acknowledged that the Turks lost more people than the Armenians did. However the propaganda that accelerated in the 1960s, combined with the terrorist attacks against Turkish diplomatic missions from the 1970s until the mid-80s, created an atmosphere that shaped public opinion in a way to identify the events of 1915 as genocide. The propaganda machine and lobbyists even used fake documents such as telegrams attributed to Talat Pasha, or used Russian artist Vassili Vereshchagin's oil painting, which had nothing to do with the Armenians. Ambassador Morgenthau's story has been used to support the Armenian allegations while American scholar Heath Lowry's work, *Story behind Ambassador Morgenthau's Story*, that questioned the credibility of Morgenthau's book, has been ignored. Another source that was used for the genocide allegations was the *Blue Book*, prepared by Britain. Historian Arnold Toynbee took part in the preparation of the book, but he later confessed that the *Blue Book* was a piece of war propaganda.

The Armenian question and the one-sided construction of its history may be explained by Vamık Volkan's concept of chosen trauma, which refers to the mental representation of an event that causes a group to feel victimized. «*The group mythologizes an event, and draws it into its identity... For each generation, the event is modified. What remains is the central role it plays in the group's identity, even though the modified version of the event is different from the historical truth. This tendency goes hand in hand with the temptation to seek out a scapegoat. For groups of Armenians, that scapegoat is the Turks.*»¹⁵

The only way to reach a point, at which an atmosphere favorable for the reconciliation of the two sides may arise, is to create a Just Memory. This is a concept that highlights the necessity of not viewing history with a one-sided memory. As Ahmet Davutoğlu said «*...We should be empathetic about what the Armenians lived through, what they felt, and what followed for them afterwards. But while expecting respect for their mem-*

¹⁵ See Türkkaya Ataöv, *The Armenian Question, Conflict, Trauma, and Objectivity*, Ankara, SAM Paper, 1997 taken from <http://www.tetedeturc.com/home/spip.php?article187>. See Vamık Volkan, «On Chosen Trauma», *Mind and Human Interaction*, Vol. 3, No. 1, 1991, pp. 3–19.

*ory, they in turn should show respect for ours too. We shouldn't construct a one-sided memory».*¹⁶

Ahmet Davutoğlu explained the «Just Memory» concept in the case of Turkish-Armenian relations in his article, stating that:

«*If intellectuals and politicians do their part to overcome the psychological barriers on both sides and to build a «just memory», we can expect a new, more grounded era of peace. Otherwise, both sides will inevitably be exploited by those who benefit from a sector that feeds off the status quo.*»¹⁷

It would be possible to have a constructive dialogue and create a new atmosphere for generations, if we manage to build a *just memory*.

¹⁶ Murat Yetkin, «Davutoğlu: Ermeni Diasporasıyla Temas İstiyoruz», *Radikal*, http://www.radikal.com.tr/yazarlar/murat_yetkin/davutoglu_ermeni_diasporasiyla_temas_istiyoruz-987815, 26 March 2010.

¹⁷ Ahmet Davutoğlu, «Turkish-Armenian Relations in the Process of De-Ottomanization or «Dehistoricization»: Is a «Just Memory» Possible», *Turkish Policy Quarterly*, Spring 2014, p. 29.

Геноцид армян: проблемы отрицания и преуменьшения

*Арменуи Гамбарян
(Ереван, Армения)*

В период Первой мировой войны и последующие годы (1915–1923 гг.) на территории Османской Турции было осуществлено чудовищное по своим масштабам и методам преступление против коренного народа региона — западных армян. Более 1,5 млн. этнических армян стали жертвой турецкой агрессии. Массовая резня, депортация, насильственная тюркизация и исламизация, уничтожение духовных и культурных ценностей целого народа были пунктами детально разработанной целенаправленной программы турецких правительств, предполагавшей преднамеренное истребление армян.

Однако сегодня, вопреки научным исследованиям данного исторического события, публикациям материалов симпозиумов и конференций, архивным документам, свидетельствам очевидцев, решениям и резолюциям, принятыми множеством международных организаций и высшими органами различных стран турецкая «концепция» отрицания и преуменьшения Геноцида армян продолжает «усовершенствоваться».

Тем самым, современная Турция продолжает преступление начала XX в., ибо, как справедливо отмечает знаменитый геноцидолог Г. Стэнтон, отрицание геноцида является последней стадией геноцида,¹ то есть — его продолжением.

В подтверждение вышесказанного, отметим, что любая попытка документизации Геноцида армян сталкивается с «синдромом турецкого отрицания»². Такой политикой Турция, фактически, вывела проблему Геноцида армян из исторической плоскости и перевела ее в политическую. Турецкое правительство, не принимая политическую оценку Геноциду армян, данную более двумя десятками государств, многими правительственными и неправительственными международными организациями, не только игнорирует принятые последними

¹ *Stanton Gregory H.* Ten Stages of Genocide, <http://www.genocidewatch.org/genocide/tenstagesofgenocide.html>.

² *Дадриян В.* Основные аргументы турецкого отрицания Геноцида армян. — Ер., 2005. С. 5 (на арм. яз.).

резолюции, признающие и осуждающие Геноцид армян как тяжкое международное преступление, но и предпринимает шаги с целью пресечения принятия подобных резолюций новыми странами.

Отрицание Геноцида армян Турцией приобрело такую глубину и размах, что само по себе становится предметом отдельного исследования. В данном сообщении делается попытка представить периоды, динамику развития процесса отрицания и его трансформации.

Проблема отрицания Геноцида армян, конечно же, нашла свое отражение в историографии. История Геноцида армян, находясь в центре внимания армянских историков, за последние десятилетия вызвала интерес как турецких, так и европейских и американских ученых. В ряде работ представлены не только абсолютно взаимоисключающие научные интерпретации и концепции, но и явное искажение исторического прошлого. При этом не только отрицается факт истребления армян, но и фальсифицируется как история армян в целом, так и история других народов, находившихся под властью турецких поработителей. Таким образом, умышленному искажению подвергается история самой Османской империи.

Истоки современного историографического антинаучного направления, отрицающего факт Геноцида армян, берут начало с конца XIX века. Инициатор массового уничтожения армян, «кровавый» или «красный султан» Абдул Гамид II стал одновременно основоположником фальсификации погромов и резни армян, осуществленных, по его же замыслу. Он прилагал огромные усилия как для введения в заблуждение западных правящих кругов, так и для подкупа прессы и выдвижения угодных ему концепций европейскими авторами³.

Концептуальные подходы, выдвинутые по заказу Абдула Гаида II, в дальнейшем (в первой четверти XX столетия) были заимствованы некоторыми французскими и английскими авторами — туркофилами.

Основы современной турецкой концепции отрицания Геноцида армян были заложены непосредственно в период геноцидальных событий. Одним из главных авторов Геноцида — министром внутренних дел Талаатом-пашой в самый разгар истребления армян,

³ *Погосян В. А.* Первый этап Геноцида армян в освещении французской историографии и общественно-политической мысли (конец XIX — начало XX века). — Ер., 2011. С. 61. (на арм. яз.).

правительству был представлен проект закона о депортации. 30 мая 1915 г., когда выселения уже начались, младотурецкое правительство приняло формальное постановление о депортации. Однако, согласно, всем официальным документам решение о депортации было принято и вступило в силу 13 мая 1915 г.⁴ Таким образом, уже в период осуществления своих злодеяний, вожди младотурок сознавали необходимость фабрикации «законного» основания для истребления армян. Речь идет о «мероприятиях» военного времени, осуществляемых властями против лиц, оказывающих сопротивление правительственным действиям.

Содержания, как постановления, так и решения о депортации, свидетельствуют об очевидности запланированных действий против армян. Фактически, заранее предполагалось неподчинение населения приказам правительства, включая вооруженные нападения. Против них должны были быть приняты самые строгие меры, включая применение военной силы, для полного уничтожения нападений и противодействий. Постановление предполагало также, что командующие армиями, отдельными армейскими корпусами и дивизиями имели право индивидуального или массового переселения и водворения в другие места населения районов и деревень, исходя из военной необходимости, или если последние замечены в шпионаже и предательстве⁵.

Кроме того, что постановление давало армейским лидерам широкие полномочия — самовольно, по собственному усмотрению, решать вопрос депортации населения или его наказания на месте, подавления «нападений», определять виновность в шпионаже и предательстве. Таким образом, оно обеспечивало основания для *преступной политики* младотурок и, что самое главное, ее оправдания. Вводя в оборот такие формулировки как *шпионаж и предательство, сопротивление и вооруженное нападение*, постановление подготовило для турецкой историографии почву для будущих искажений фактов и отрицания совершенного преступления.

⁴ Авакян А. Геноцид 1915 г. Механизмы принятия и исполнения решений. — Ер., 1999. С. 43.

⁵ Авакян А. Указ. Соч., с. 44; Саакян Р. Из истории геноцида. — Ер., 1990. С. 291, (на арм. яз.).

Следует отметить, что на процесс фальсификации Геноцида армян со стороны турецкой историографии повлияли и оставили свой отпечаток разные исторические промежутки времени⁶. Так например, в последний период Первой мировой войны и непосредственно после нее, когда Геноцид армян еще продолжался, турецкая историография не обращалась к методу отрицания. Более того, она всячески пыталась оправдать то, что имело место по отношению к армянами в годы войны. Для этой цели, в данный период, широко распространилась выдвинутая Талаатом-пашой идея «*о вооруженном восстании армянских комитетов*» (под комитетами имелись в виду армянские национальные партии). Однако, эта версия оказалась неубедительной: сильный удар по ней был нанесен судебным процессом над младотурками, начавшимся после окончания Первой мировой войны военным трибуналом Турции. В период судебного процесса, когда казалось, что момент возмещения неминуем, турками на скорую руку была сфабрикована другая версия — «*о взаимной резне*» — так, как после судебного процесса отрицать факт массового истребления армян было бессмысленно и, практически, уже невозможно. Далее делалась попытка связать версию «о взаимной резне» с версией «вооруженного восстания армянских комитетов». Турецкие авторы «великодушно» признавали факт жестокостей со стороны турок, но считали это простительным, ибо, по их утверждениям, причиной тому были соответствующие действия армян по отношению к туркам.

В 1923 г. правящие круги Турецкой республики по решению Мустафы Кемала Ататюрка приняли политику предания забвению Геноцида армян. Новое турецкое государство, положив конец судебным расследованиям, уничтожило материалы константинопольских судебных процессов. В 1923 г. в Лозанне турецкое правительство приходит к соглашению с державами Антанты вокруг «зловещего» Армянского вопроса: «вся ответственность за несчастья армян, которым последние подверглись в Османской империи, лежит непосредственно на армянах, так как, во всех случаях — без исключения, турецкие власти и турецкий народ прибегали к давлению и преследо-

⁶ Марукян А. Основные элементы турецкой «концепции» отрицания и фальсификации Геноцида армян. // «Историко-филологический журнал» N 1. — Ер., 2015. С. 25.

ваниям только в тех случаях, когда переполнялась чаша терпения»⁷. Эта линия защиты стала непоколебимой и успокоила всех сторонников отрицания Геноцида армян. После 1923 г. турецкая дипломатия заботилась том, чтобы об армянской резне не вспоминали, старалась и прилагала все усилия, чтобы она исчезла из памяти народов.

Тем не менее, после Второй мировой войны в турецкой историографии начали намечаться постепенные перемены, что было связано с важными международными событиями: Нюрнбергский процесс над нацистскими преступниками; территориальные требования СССР (от имени Армении и Грузии) к Турции; принятие 9 декабря 1948 г. Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказание за него». Турция, ставшая членом ООН после 1945 г., вынуждена была подписать Конвенцию о геноциде.

Ситуация в корне изменилась в 1970-х годах, в связи с началом процесса признания Геноцида армян на международной арене с середины 1960-х годов — после того как в 1965 г. армяне всего мира отметили 50-ю годовщину Геноцида 1915 г.

Вышеотмеченные события не убедили отрицателей признать историческую справедливость, а наоборот заставили усовершенствовать свои действия. С этого времени турецкие лидеры оставили тактику своих предшественников и перешли от политики забвения к политике отрицания и фальсификации.

Турецкое государство, видя в признании и осуждении Геноцида армян многими государствами угрозу для себя и сознавая возможность привлечения к международной ответственности за это преступление, изменило тактику. Если до этого процесс отрицания носил хаотичный и неорганизованный характер, то теперь он трансформировался в государственную идеологическую политику. В стремлении создать целостную концепцию, начинается усовершенствование и систематизация всех использованных до этой поры версий и гипотез⁸.

Сегодня турецкие, а также некоторые европейские и американские исследователи, искажая историческое прошлое, выдвигают интерпретации, которые в целом, созвучны с тезисами родоначальников

⁷ Тернон И. Безнаказанность, месть и отрицание. Геноцид армян перед международными органами. — Ер., 2003. С. 29 (на арм. яз.).

⁸ Марукян А.. Указ. соч. С. 27.

антинаучного историографического направления отрицания Геноцида армян. Отрицание и преуменьшение Геноцида армян со стороны современных турецких авторов давно уже, по сути, трансформировалось в государственную политику.

Прежде всего, преследуется цель исключить обстоятельство уголовного умысла, при условиях отсутствия которого не может быть речи о геноциде⁹. Волна дезинформации, поднятая турецкими историками, представляла турецкий вариант причин и событий «воображаемого геноцида».

Турецкое правительство начало поощрять иностранных тюркологов для защиты турецкой точки зрения и отрицания Геноцида армян. С 1970-х годов в Турции, как и в других странах, в частности в США, была опубликована обширная и разнородная литература (сборники документов, исторические исследования, монографии и т. д.). Она была опубликована, главным образом, на английском языке, чтобы повлиять на мировую общественность.

По истечении времени, когда представители армянской диаспоры по всему миру доказывали, что события 1915–1916 годов были не чем иным как геноцид и когда армяне не только Спюрка (Диаспоры), но и в Советской Армении отмечали 24 апреля как день памяти жертв Геноцида, турецкое правительство поменяло свою стратегию. Не удовлетворяясь только отрицанием фактов, турецкая историография обогатилась «историческими трудами», лишаящими армян исторического прошлого. В основу этой политики легли по существу политические причины. Наиболее важным из них являлось намерение Турции доказать свои права относительно исторической родины армянского народа (захваченного турками в XVI столетии) — тактика, которой в свое время придерживались правители и руководители разных режимов Османской империи.

Сегодня турецкая пропаганда, рассмотрев все возможные гипотезы и теории, создала на их основе систему псевдонаучных аргументаций, алогичных выдумок и ухищрений. Направляемая государством турецкая историография в деле фальсификации и отрицания Геноцида армян выступает на первый взгляд с довольно «правдоподобной» целостной «концепцией».

⁹ Тернон И. Указ. соч. С. 30.

Основные составляющие компоненты «концепции» подкрепляются «вводными»¹⁰ тезисами (background-ом для отрицания), где доказывается, что армяне являются пришельцами, а не коренным населением региона и никогда не имели самостоятельной государственности. Таким образом, делается попытка нейтрализовать одно из самых главных последствий Геноцида — Патрицид (лишение родины), что является отягчающим обстоятельством данного преступления, ибо одним из главных мотивов турок в истреблении армян было присвоение родины коренных армян.

Далее, вводная часть представляет «райские» условия жизни армян в Османской империи, но с конца XIX в. армяне поверили пустым обещаниям Англии и России, были использованы последними против империи и, в результате, стали жертвами политических интересов данных государств. Таким образом, вину собственного преступления турки пытаются возложить на Англию и Россию. Именно здесь проявляется применение нового турецкого метода, когда из общей цепи исторических событий вырезаются некоторые факты и делается попытка представить следствие в качестве причины. Оставив в стороне обсуждение политики и интересов вышеотмеченных стран, отметим, что если даже армяне стали оружием в руках Англии или России, это не дает права ни Турции, ни любой другой административной власти, прибегнуть к геноциду: согласно нормам современного международного права геноцид, являющийся международным преступлением, никаким обоснованием не может быть оправдан.

Главным составляющим турецкой «концепции» является, ставший уже традиционным, тезис о *«предательстве армян и вооруженном восстании»*, которым турки пытаются возложить вину за преступление на саму жертву. Здесь переплелись два обвинения, уже представленные армянам в прошлом: предательство Османской империи, переход на сторону России и подготовка вооруженного восстания. Чтобы оправдать «карательные действия» властей, туркам необходимо было любой ценой «доказать», что восстание имело место. Однако армяне обращались к оружию стихийно, всего в нескольких местах и в самых безвыходных случаях. По свидетельству союзников самой Турции — многих германских высокопоставленных лиц

¹⁰ Тернон И. Указ. соч. С. 30.

никакого организованного всеобщего восстания со стороны армян не было поднято¹¹.

Из основной части «концепции» отрицания вытекают две установки: *«межнациональные столкновения»* и *«переселение армян»*.

Не трудно заметить, что версия «межнациональные столкновения» является усовершенствованным вариантом уже употребленной в период младотурецкого судебного процесса версии «взаимной резни». Согласно этой версии, в результате столкновений между армянами и мусульманским населением пострадали и армяне, и мусульмане. Этой версией делается попытка, во-первых, отрицать запланированность массового истребления армян и, во-вторых, отдалить от властей и государства ответственность преступления. Тем не менее, если даже признать, что столкновения в действительности имели место, то турецкие власти несут ответственность за то, что не предотвратили их. К тому же ситуация выглядит так, будто власти сами подстрекали столкновения против армян, так как в результате мусульмане получили преимущества, а армяне оказались пострадавшими.

Что касается версии переселения, то она представляется следующим образом: османские власти, даже после предательства армян, поднятия восстания и нападений на мусульманское население, не наказало, а «великодушно» организовало временное переселение армян из прифронтовой зоны в целях обеспечения их безопасности¹². Согласно версии, за то, что случилось с армянами по дороге власти не могли нести ответственности. На судебном процессе над младотурками бывший глава правительства Саид Халим-паша отметил, что он не мог отвечать за плохое исполнение закона местными чиновниками¹³. Кроме того, утверждается, что по пути армяне не были убиты, а умирали от голода, болезней и эпидемий. Естественно, умалчивается об обстоятельствах, которые способствовали гибели армян и были запланированы со стороны правительства; о том, что армян преднамеренно загоняли в пустыни Месопотамии, где климатические усло-

¹¹ Дадриян В. Указ. соч. С. 16–21.

¹² Худавердян К., Саакян Р. Геноцид армян сквозь призму десятилетий. — Ер. 1995. С. 53.

¹³ Марукян А. Проблема геноцида в современной геноцидологии. — Ер., 2010. С. 36.

вия должны были завершить разработанный до деталей план Геноцида армян.

Сегодня турецкая «концепция» отрицания и преуменьшения Геноцида армян продолжает «усовершенствоваться». За последние десятилетия в турецкой анти-армянской пропаганде произошло методологическое изменение: в настоящее время вышеотмеченная «концепция» отрицания и преуменьшения Геноцида армян представлена не только и не столько турецкими, сколько иностранными так называемыми «специалистами», получающими солидные гранты от турецких структур. Такая методологическая перемена в турецкой политике отрицания вполне понятна: необходимо показать плохо осведомленному мировому сообществу, что не турки отрицают Геноцид армян, а иностранные специалисты, представляющие авторитетные университеты и научные центры.

В заключение отметим, что на протяжении десятилетий политика отрицания и преуменьшения Геноцида армян, благодаря покровительству и финансированию государства, усовершенствовалась настолько, что представляется миру в качестве правдоподобной, внешне убедительной и логичной «концепцией». При одностороннем (турецком) представлении исторической «действительности», такая «концепция», если ее не опровергать, легко может ввести в заблуждение зарубежную общественность.

Сегодня, в год сотой годовщины Геноцида армян, турецкое государство продолжает направлять все возможные ресурсы на анти-армянскую пропаганду, целью которой является нейтрализация процесса принятия и осуждения Геноцида армян в различных странах. Политика отрицания и преуменьшения приобретает новый размах. Однако, борьба будет продолжаться до тех пор, пока наш народ не достигнет восстановления исторической справедливости, окончательного осуждения этого преступления и ликвидации его последствий. Геноцид армян должен быть осужден всем человеческим сообществом — всеми, кто считает себя частью цивилизованного мира и разделяет общечеловеческие ценности.

Геноцид понтийских греков¹: источники, историография, мемориализация

*Теодора Янници
(Греция)*

Проблема преследования и уничтожения понтийских греков в 1908–1922 гг. интенсивно разрабатывается в греческой и западной историографии в последние четверть века.² Среди работ по теме выделим исследования профессора Фракийского Университета имени Демокрита Теофаниса Малкидиса.³ Эта трагедия находит отражение в учебной литературе для старшеклассников⁴. Одним из направлений, достаточно рано оформившегося в греческой историографии, стали проблемы мемориализации и мирового признания геноцида понтийских греков.⁵ Солидная источниковая база начала вводиться в научный оборот практически в «режиме реального времени».⁶ Отметим, что уже в 1920–1922 г., причем не только в Греции (на греческом и французском языках), но и в Швейцарии, выходят сборники доку-

¹ Понт — преимущественно южное побережье Чёрного моря, площадью примерно в 140 000 кв. км, расположенное на северо-востоке Малой Азии и вдающееся вглубь полуострова до 150 км. Простирается на востоке до г. Батуми, а на западе до г. Инеполи.

² См. Valavanis G., *Modern General History of Pontos*, Thessaloniki, 1995; Vakalopoulos K., *Persecutions and Genocide of Thracian Hellenism*, Thessaloniki, 1998 (in Greek); Fotiadis K., *The Genocide of Greeks of Pontos*, Thessaloniki, 2004; Hofmann T., *Verfolgung, Vertreibung und Vernichtung der Christen im Osmanischen Reich, 1912–1922*, Munster-Hamburg, 2005; Charalampidis M., *The Pontian Question in United Nations*, Athens, 2006 (in Greek); Zarakolou R., Cetinoglu S., Malkidis T., *The Greek Genocide*, Kavala, 2011

³ Теофанис Малкидис. Геноцид греков. — Афины; 2012. (греч.) См. также Theofanis Malkidis. *The parallel crime: the Armenian genocide and Greek Genocide* // <http://www.armenianreligion.am/images/menus/874/>. Автор развил проблему сопоставления трагедий христианских народов Оттоманской империи в вышедшей в 2015 г. на греческом языке книге «Армения, армяне, справедливость».

⁴ В. Скулату, Н. Димакопулу, С. Конди. *История новейшая и современная. Учебник для средней школы, т. 2 («Ιστορία νεότερη και σύγχρονη»)*, Οργανισμός Εκδόσεως Διδακτικόν Βιβλίων, Αθήνα).

⁵ Charalambidis M., Fotiadis K., *Pontians: Right to memory*, Athens, 1988 (in Greek). Хараламбидис М., Фотиадис К. *Понтийцы: право на память*. — Афины, 1988 (греч.)

⁶ Enepekidis P., *Genocide in Pontus. Diplomatic documents from Vienna (1909–1918)*, Thessaloniki, 1996

ментов с символическим заголовком «Черная книга»⁷ (как известно, в годы Второй мировой войны именно под таким названием будут готовиться издания, посвященные уничтожению европейских евреев нацистами и их пособниками). Важное место среди опубликованных источников занимают дипломатические и иностранные свидетельства о геноциде⁸, вышедшие на немецком и английском языках, в том числе воспоминания посла США в Константинополе в 1914–1917 гг. Генри Моргентау.⁹

Общая численность понтийских греков в конце XIX в. насчитывала, по подсчетам Вселенского патриархата и властей Османской империи, около 600 000 человек. Согласно тем же источникам, в 1914 году их численность возросла до 700 000. В Понте греки составляли 40% населения (около 1 млн. человек), и, совместно с армянским населением, контролировали экономическую жизнь региона.

По мнению исследователей, первый этап геноцида начинается в 1908 г и продолжается до начала Первой мировой войны, когда восточный вопрос, подъем движения младотурок, Балканские войны и подключение Германии в качестве стратегического союзника Османского государства, создают предпосылки для начала гонений на понтийских греков.

Второй этап начался в 1914 г., когда конфликты во время Первой мировой войны усугубили политику геноцида. Правительство мла-

⁷ The Black Book of the sufferings of the Greek people in Turkey from the armistice to the end of 1920, Constantinople, 1920; Black Book: The Tragedy of Pontus 1914–1922, Athens, 1922 (на греч. яз.); Livre Noir: La tragédie du Pont 1914–1922, Athènes, 1922; Le martyre du Pont-Euxin et l'opinion publique internationale, Genève, 1922.; Les atrocitéskemalistes dans les régions du Pont et dans le reste l'Anatolie, Constantinople, 1922,

⁸ Oeconomus L., *The Martyrdom of Smyrna and Eastern Christendom; a file of overwhelming evidence, denouncing the misdeeds of the Turks in Asia Minor and showing their responsibility for the horrors of Smyrna*, London, 1922; Tsirkinidis H., *Finally to them we eradicated. The genocide of Greeks of Pontos, Thrace and M. Asia, through the French files*. Thessaloniki, 1995; Barton J. L., *Turkish Atrocities: Statements of American Missionaries on the Destruction of Christian Communities in Ottoman Turkey, 1915–1917*, Ann Arbor, 1997; Hatzidimitriou G., *American Accounts Documenting the Destruction of Smyrna by the Kemalist Turkish Forces: September 1922*, New Rochelle, New York, 2005; Hofmann T. (ed.), *Verfolgung, Vertreibung und Vernichtung der Christen im Osmanischen Reich 1912–1922*, Münster, 2004; Hofmann T., Björnlund M. and Meichanetsidis V. (ed.), *The Genocide of the Ottoman Greeks Studies on the State Sponsored Campaign of Extermination of the Christians of Asia Minor (1912–1922) and its Aftermath: History, Law, Memory*, New York, 2011.

⁹ Morgenthau H., *Ambassador's Morgenthau Story*, New York, 1918 (на греческом языке книжка вышла под названием «Секреты Босфора», 1918); Morgenthau H., *The murder of a nation*, New York, 1974.

дотурок разрабатывает комплекс мер по продолжению истребления понтийских греков. Показателен приказ командующего османской армией, немецкого генерала Лимана фон Сандерса о зачистке областей от греков под предлогом военных нужд. Произошло ужесточение турецкого режима в отношении греческого населения. Закрываются греческие школы, водится турецкий язык, проводится насильственный призыв в армию греческого мужского населения до 44 лет и отправление в трудовые лагеря мужчин старше 45 лет. По сути, была создана система принудительного рабского труда: греческое мужское население работало в нечеловеческих условиях на строительных и сельскохозяйственных работах, в рудниках и пр. Трудовые батальоны, как следствие закона 1909 г. о привлечении христианского населения на военную службу, мобилизация 1914 г. и выселение, депортации — насильственное переселение греков (примерно 500 тыс. чел.) из Восточной Фракии, Западного побережья Малой Азии и Понта.

В результате, погибает большое количество греков. Об этом, как и о политике геноцида, свидетельствуют многочисленные источники. Австрийский консул в г. Амисос Квятковский сообщал в конце ноября 1916 г. министру иностранных дел барону Буриану: «...28 ноября 1916 года мутасариф Амисоса Рафет-бей сказал мне: «...Надо сейчас же кончать с греками. Я послал полки по округу с приказом убивать каждого грека».¹⁰

С 1915 года в ответ на турецкий гнет, понтийские греки уходят повстанцами и партизанами в горы, чтобы спасти то, что было возможно. Это, однако, привело к интенсивности преследований со стороны османского режима.

Особое место в геноциде греков занимают женщины и дети. С одной стороны, они являлись конкретной целью преднамеренного преступления в силу своего положения в обществе и семье, а с другой — испытывали на себе все последствия геноцида (вдовство, изгнания, насилия, сиротство и т. д.). Параллельно с депортациями, в Понте осуществлялись массовые убийства женщин и детей. Сопrotивление женщин этой политике насилия проявлялось разными способами: от вооруженного сопротивления и участия в борьбе до

¹⁰ См. Катастрофа понтийских греков // Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив russia-armenia.info. <http://russia-armenia.info/node/15774>

выбора смерти, которую они предпочитали позору и унижению; одной из форм сопротивления, встречающихся в Причерноморском регионе, были случаи, когда матери покидали младенцев ради спасения группы людей.

По оценке консула Австрии в Трапезунде, в январе 1918 г. количество выселенных понтийцев составило 80 000–100 000 человек, тогда как по свидетельству греческих источников число погибших доходило до 233 000.

После окончания Первой мировой войны Турция пытается уже фактически официально истребить греческое население Понта, тем более, что для этого находится «уважительная причина». В 1919 г. понтийские греки в союзе с армянами и при поддержке греческого правительства попытались реализовать план создания независимого греко-армянского государства в Понте и турецкой Армении. Этот план существовал недолго, но турки воспользовались этим. Были созданы чрезвычайные суды, на которых было решено карать всех понтийских греков, которые были вовлечены в это движение. Другой предпосылкой для геноцида стала высадка в начале 1919 г. в городе Смирна греческой армии. Она действовала в рамках решений союзников-победителей в войне и Севрского договора (10 августа 1920 года), который фактически упразднял Османскую империю. Турецкое правительство было вынуждено подписать этот договор, который соответствовал греческим национальным требованиям. На протяжении лета 1921 года греческая армия заняла внутреннюю часть Малой Азии (линия Эски Сехир — Кютахия — Афион Карахисар), на которой продержалась целый год. За это время Турция восстанавливала свои силы, добиваясь, при этом, серьезных побед на дипломатическом поприще. В августе 1922 года турецкая армия ломает греческую линию фронта и вступает в Смирну (9 сентября 1922 г.); сжигает город; устраивает резню христианского населения при полном безразличии представителей иностранных держав (французских, английских, американских и итальянских военных подразделений). Среди пострадавших — принявший мученическую смерть епископ Смирны Хризостомом, не пожелавший покинуть город и греческое население. Те из жителей, кто не были убиты и не покинули город на кораблях, были взяты в плен и отправлены в лагеря в глубине Малой Азии. Большинство из них погибли от голода и лишений.

Период 1919–1922 гг. представляет собой 3-ю, заключительную и самую жестокую фазу геноцида. Он осуществлялся с помощью таких методов как преследования, депортации, ставшие своеобразными «маршами смерти», создание трудовых батальонов, насилиями над женщинами и детьми. Изгнанию понтийских греков предшествовало уничтожение их руководителей, т. к. лишённые руководства греки представляли собой более легкий объект истребления.

В Понте зверства были еще более жестокими. Топал Осман, возглавлявший войска четников, при помощи армии под командованием Нуреддина превратил эту область в огромное кладбище. Во французском архиве было найдено письменное свидетельство тех событий, оставленное очевидцем из Италии. Процитируем лишь некоторые отрывки:

«...Турки арестовали жителей Самсуна. Однажды утром (примерно в конце мая 1921 г.) началась их депортация во внутренние районы страны... Они шли голые, голодные, избитые свирепыми конвоирами... Через два дня была отправлена вторая партия численностью более 1200 человек. На третий день депортации подвергся еще 751 человек. Первая партия после многодневного изнурительного перехода достигла города Ковак. Именно здесь им были уготованы страшные мучения... Их разделили на две группы. Вторая из них была направлена на склад. Там они были окружены конвоирами и в присутствии жителей окружающих деревень безжалостно расстреляны...».

В другом документе говорится: «Более 70 деревень, точнее, то, что от них осталось после заключения перемирия, теперь были преданы огню... Деревню Ато ждала еще более трагическая участь. Полицейские силы во главе с Демиром-Али при поддержке банды Османа Топала схватили и отвели туда всех жителей прилегающих деревень. Всех их собрали вместе и устроили пожар. Все вокруг горело в огне. Тех немногих, кому удалось бежать, расстреляли. Более 3000 невинных человек были найдены убитыми...».

Таким образом, истребления греков велось теми же средствами, что и геноцид армян.¹¹ Массовые насилия, аресты женщин и детей, насильственное отуречивание, марши смерти, гонения, выселения — преступления, подтвержденные свидетельствами многих очевидцев,

¹¹ См. Theofanis Malkidis. The parallel crime: the Armenian genocide and Greek Genocide, pp. 67–71 .

в том числе иностранцев, и даже союзников младотурок и Мустафы Кемалю.

В период 1915–1922 гг. по разным оценкам от 200 000 до 350 000 (в более ранних источниках говорилось об 1 млн. жертв)¹² понтийских греков погибли или были убиты. В то же время, многие греки из Восточной Фракии, Понта и Малой Азии, чтобы избежать преследования, убегают в Грецию или в другие страны (в том числе в Южную Россию).

Почти 1 000 000 из 2 600 000 греков пропали без вести.

На рубеже 80-х и 90-х годов XX в. в Греции и за рубежом заметно возрастает интерес к сохранению исторической памяти о геноциде; усиливаются требования о его признании, с которыми выступают профсоюзы и общественные организации.¹³ Преследование и уничтожение греческого населения соответствует признакам геноцида, согласно статьи №2 Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него» (параграфы 1, 2, 3, 4, 5).

Греческий парламент принял два законопроекта (1994 и 1998 гг.) о геноциде. В настоящее время геноцид греков признали: Палата представителей Республики Кипр (1995), Парламент Швеции (2010), Республика Армения (2015) и некоторые штаты США. Этим вопросом занимались Экономический и Общественный Совет ООН, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. В 2006 г. в Салониках был установлен памятник, текст на котором гласит: «Памятник геноцида понтийского эллинизма, 1916–22».

День памяти жертв понтийского геноцида ежегодно отмечается 19 мая как в Греции, так и греческими общинами во всем мире. К сожалению, об этой памятной дате еще очень мало знают в России.

¹² См. Patriarchate Oecumenique», Les atrocitéskemalistesdans les régions du Pont et dans le reste de l'Anatolie», Constantinople, 1922; Tsirkinidis H., Finally to them we eradicated. The genocide of Greeks of Pontos, Thrace and M. Asia, through the French files. Thessaloniki, 1995, p. 113

¹³ См. Funk T. Marcus, Victims' Rights and Advocacy at the International Criminal Court, Oxford, 2010, p. 1; Malkidis T., «Greek Genocide», in Zarakolou R., Cetinoglu S., Malkidis T., The Greek Genocide, Kavala, 2011, p. 78.

Иностранное давление и его границы: Армянский геноцид и Холокост

Кирилл Феферман
(Израиль)

В рамках данной статьи будут рассмотрены способы оказания давления из-за границы на Османскую Турцию и нацистскую Германию в процессе осуществления ими политики геноцида армян в период Первой мировой войны¹ и «Окончательного решения еврейского вопроса» во время Второй мировой войны.² Временные рамки исследования ограничиваются 1915–1916 гг. для Турции и 1941–1944 гг. для Германии, т. е. периодом, в течение которого осуществлялось физическое уничтожение армян и евреев.

Рассматриваемая тема, безусловно, слишком обширна для тщательного анализа в рамках короткой статьи. Поэтому в ее рамках будет очерчен лишь ограниченный круг вопросов. Будет рассмотрен юридический статус армян и евреев, подвергавшихся преследованиям со стороны Османской Империи и нацистской Германии, что повлияло на юридические возможности иностранного вмешательства. Затем будет очерчен спектр влияния на Турцию и Германию со стороны их союзниц, противниц, нейтральных государств, а также международных христианских организаций. Способы влияния, рассматриваемые в данной статье, включают декларации, скрытые формы давления, а также активные действия. Под результативностью давления подразумевается частичное приостановление проведения геноцида армян и евреев.

Юридический казус

Турецкое руководство осуществляло геноцид армян — подданных турецкого султана. В этом смысле, это было внутреннее дело Османской империи, и для того, чтобы иностранные государства и организации могли вмешаться в происходящее, нужна была ревизия между-

¹ Taner Akçam, *The Young Turks' Crime Against Humanity: The Armenian Genocide and Ethnic Cleansing in the Ottoman Empire*, Princeton: Princeton University Press, 2012.

² Raul Hilberg, *The destruction of the European Jews*, New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003.

народных договоренностей по вопросу отношения к гражданскому населению, которые до того момента распространялись лишь на население побежденных стран.³

В силу того, что геноцид армян проводился относительно открыто, а также в связи с присутствием значительного количества иностранцев, ставших свидетелями того, что происходило с армянами, турецкое руководство было вынуждено объяснять свое поведение уже в ходе проведения антиармянских акций в 1915–16 гг.⁴

По сравнению с этим, в количественном отношении лишь небольшую часть жертв политики геноцида еврейского населения, проводившегося властями нацистской Германии, составляли немецкие граждане. Остальные были подданными или гражданами государств, полностью или частично оккупированных Германией. Но, даже если эти государства и были полностью завоеваны, за границей продолжали действовать их правительства в изгнании, которые оказывали известное влияние на формирование позиции стран антигитлеровской коалиции в том, что касается Холокоста.⁵ С точки зрения юридической защиты, иностранные евреи пользовались известной защитой международного права.

С другой стороны, этот фактор почти полностью нивелировался тем, что места уничтожения евреев Европы были достаточно изолированы. Холокост являлся хорошо охраняемой тайной Рейха,⁶ и прошло достаточно много времени, прежде чем информация о нем стала известна за рубежом. Это позволяло Германии в течение длительного времени игнорировать даже на пропагандистском уровне сообщения об уничтожении евреев.

³ Vahakn Dadrian N., «Genocide as a Problem of National and International Law: The World War I Armenian Case and its Contemporary Legal Ramifications,» *Yale Journal of International Law* 14 (1989), pp. 221–334.

⁴ Fabian Klose, «Humanitäre Intervention und internationale Gerichtsbarkeit — Verflechtung militärischer und juristischer Implementierungsmaßnahmen zu Beginn des 19. Jahrhunderts,» *Militaergeschichtliche Zeitschrift* 72, 1 (2014), pp. 1–22.

⁵ E.g., David Engel, «Possibilities of Rescuing Polish Jewry under German Occupation and the Influence of the Polish Government-in-Exile,» *Nazi Europe and the Final Solution*, David Bankier and Yisrael Gutman (eds.), Jerusalem: Yad Vashem, International Institute for Holocaust Research, 2003, pp. 136–148.

⁶ E.g., Richard Breitman, «Secrecy and the Final Solution [With a focus on the role of Heinrich Himmler],» *New Perspectives on the Holocaust: A Guide for Teachers and Scholars*, Rochelle L. Millen (ed.), New York: New York University Press, 1996, pp. 70–82.

Причины иностранного вмешательства

Иностранное вмешательство подразумевало под собой то, что уничтожение армян и евреев достигло некоей критической точки, при которой:

А) достаточно много информации о происходившем с армянами и евреями «утекла» за границу;

Б) общественность и правительства пришли к выводу, что речь идет не о спорадических неорганизованных вспышках насилия, а о систематической политике Османской Империи и нацистской Германии по уничтожению армян и евреев;

В) иностранные государства пришли к выводу, что такое вмешательство может принести пользу не только в спасении (частичном или полном) будущих жертв, а также самим иностранным государствам в ходе мировых войн;

Г) в случае негосударственных организаций, не обремененных соображениями межгосударственных отношений, речь могла идти и о более альтруистических мотивах, когда попытки вмешаться в происходящее были продиктованы желанием облегчить долю армянского и еврейского населения.

Положение Османской империи и нацистской Германии

Понимание статуса и мощи Турции и Германии в Первой и Второй мировых войнах позволит нам осмыслить, в какой степени иностранное влияние могло быть действенным в отношении этих двух стран. Обе страны являлись участниками военно-политических альянсов: «Четверного союза» или союза «Центральных держав» в Первой Мировой войне и стран «Оси» во Второй Мировой войне соответственно. В этом смысле, Турция и Германия теоретически могли быть подвержены давлению со стороны своих союзников.

Османская Турция была младшим партнером среди стран блока «Центральных держав», сильнейшей стороной которого была кайзеровская Германия. Казалось бы, Германия, имела возможности обуздать младшего партнера.⁷ И, действительно, время от времени Германия пыталась повлиять на Турцию по дипломатическим каналам,

⁷ Donald Bloxham, *The Great Game of Genocide: Imperialism, Nationalism and the Destruction of the Ottoman Armenians*, Oxford: Oxford University Press, 2005, pp. 115–132.

но та отделивалась отговорками. Достаточно быстро выяснилось, что для Германии Османская Империя была слишком важным союзником, и что последняя вполне осознавала свою значимость. Это свело на нет даже те минимальные попытки, предпринимавшиеся Германией (и в меньшей степени Австро-Венгрией) для смягчения политики Турции в армянском вопросе.

Могли ли союзники нацистской Германии умерить ее пыл в решении «еврейского вопроса»? Представляется, что по причине гигантской разницы в военно-политической мощи между Германией и ее союзницами это было совершенно невозможно. Вероятно, лучше всего об этом свидетельствует тот факт, что Германия сама оказывала сильнейшее давление на своих союзников, чтобы те присоединились к ее программе геноцида евреев. Самое большее, на что могли рассчитывать страны-союзницы нацистской Германии — попытаться уклониться от этого давления (например, Финляндия, Румыния, в какой-то степени — Болгария), но речь даже близко не шла о попытке повлиять на саму Германию.

Рассмотрим теперь возможности влияния нейтральных стран. В Первую Мировую войну пропагандистская схватка по вопросу «армянского геноцида» — это одна из страниц в попытке стран Антанты привлечь общественное мнение США, самой могущественной нейтральной страны, к злодеяниям «центральных держав». Другим важнейшим компонентом этой компании было подчеркивание немецких злодеяний против гражданского населения оккупированной Бельгии.⁸ В свою очередь, страны «четверного союза» противопоставляли этому погромы и депортации, проводившиеся русской армии против еврейского населения как в самой Российской Империи, так и в оккупированных ею районах Австро-Венгрии.⁹ Анализ реакции США¹⁰ показывает, что общественное мнение этой страны весьма сочувственно отнеслось к беде армянского народа, которое воспринималось в контексте «страданий христианства». Это вырази-

⁸ Nicoletta F. Gulace, «Sexual Violence and Family Honor: British Propaganda and International Law during the First World War», *The American Historical Review* 102, 3 (January 1997), pp. 714–747.

⁹ Mark Levene, «The Balfour Declaration: A Case of Mistaken Identity», *English Historical Review* 107 (1992), pp. 60–61.

¹⁰ Simon Payaslian, *United States Policy Toward the Armenian Question and the Armenian Genocide*, New York: Palgrave Macmillan, 2005.

лось, например, в сборе значительных пожертвований. Вместе с тем, несмотря на однозначно проармянскую позицию посла США в Турции Генри Моргантау, это никак не повлияло на в высшей степени сдержанную официальную позицию США по отношению к Османской Империи. США ограничилась попытками достижения договоренности с турецкими властями, чтобы их меры не касались армян, обладавших американским гражданством, а также армян-католиков и протестантов.

На этом фоне страны Антанты (Англия,¹¹ Франция и Россия¹²) — единственные, выступившие с публичными декларациями (например, совместное заявление от 25 мая 1915 г.). В них осуждались массовые убийства и насилия против армян с обещанием привлечь турецких лидеров и тех, кто принимал непосредственное участие в преследовании армян, к ответственности.¹³ Вместе с тем, такие публичные шаги лишь укрепили турецкое руководство в том, что армянский вопрос — это тема, раздуваемая иностранными державами для подрыва Османской империи изнутри.

Стоит также отметить, что из вероятно обоснованных опасений перед ужесточением турецких мер против армян, а также, чтобы не вызвать гнева своих мусульманских подданных, Англия и, в меньшей мере, Франция ограничивали эвакуацию армянских беженцев, а также призыв армянских добровольцев в диверсионные части, предназначенных для ведения боевых действий в турецком тылу.¹⁴

Частично, сопоставимые процессы наблюдались и во Второй Мировой войне, когда в т. н. «Совместной декларации стран — членов Объединенных Наций против уничтожения евреев», опубликованной 17 декабря 1942 г., они констатировали факт уничтожения еврейского населения и возложили ответственность за это на немец-

¹¹ Akaby Nassibian, *Britain and the Armenian Question 1915–1923*, London: Croom Helm, 1984.

¹² Michael A. Reynolds, *Shattering Empires. The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires 1908–1918*, New York: Cambridge University Press, 2011, pp. 73–77; 117–119.

¹³ Richard G. Hovannisian, «The Allies and Armenia, 1915–18», *Journal of Contemporary History* 3 (1968), pp. 145–68.

¹⁴ Andrekos Varnava, «Imperialism first, the war second: The British, an Armenian legion, and deliberations on where to attack the Ottoman empire, November 1914 — April 1915», *Historical Research* (2014).

кое руководство. Судя по всему, эта декларация никак не повлияла на позицию немецкого руководства, которое использовала ее в пропагандистских целях для подтверждения своего тезиса о всемирном еврейском могуществе. Вместе с тем, есть основания полагать, что декларация оказала известное воздействие на стран-союзниц Германии и явилась неким противовесом немецкому давлению на них.

Что же касается практических шагов по ограничению масштабов Холокоста, судя по всему, ни одна из стран-союзниц по антигитлеровской коалиции не вынашивала конкретных планов в данном вопросе. По-видимому, самым ярким примером политики невмешательства стало нежелание всех стран-союзниц, включая СССР, бомбить железнодорожные пути, ведущим к лагерю уничтожения Аушвиц (Освенцим), что могло бы, вероятно, замедлить ход уничтожения евреев.¹⁵ Стоит также отметить и нежелание стран-союзниц, прежде всего, Англии способствовать отъезду еврейских беженцев из оккупированной Германией Европы.¹⁶

Это контрастирует с тихой политикой по выдаче виз некоторым категориям «своих» евреев, проводившейся на определенных этапах войны некоторыми нейтральными странами, которые были важны для Германии (Испания,¹⁷ Турция, Швейцария), и поэтому Германия часто признавала эти визы, что способствовало спасению евреев — обладателей этих виз.

Христианская солидарность и общечеловеческие ценности

Преследуемые в Первой мировой войне армяне были христианами, которые подвергались преследованию со стороны мусульман и, таким образом, могли надеяться на солидарность христианского мира. Кроме этого, надо иметь в виду и временной фактор: в период Первой мировой войны религиозные соображения играли относительно большую роль в политике, чем во Второй.

Действительно, солидарность с армянским населением как с преследуемыми христианами играла немалую роль и, буквально, не знала границ. Среди государств-противниц Османской Империи этот фактор наиболее отчетливо и на наиболее высоком уровне проявлялся в политике Российской Империи. Но и представители других государства, в частности Кайзеровской Германии (правда, на более низком уровне), время от времени были склонны рассматривать свои выступления в защиту турецких армян как проявление заботы о братьях по вере. С другой стороны, Англия и Франция, будучи империями со значительным мусульманским населением, возражали против отсылок к христианским ценностям в решении армянского вопроса, подчеркивая вместо этого необходимость проведения общечеловеческой «гуманитарной интервенции».¹⁸ Анализ событий 1915–16 гг. показывает, что значительные дипломатические усилия, предпринятые различными христианскими структурами, включая Ватикан,¹⁹ не привели к сколько-то существенным результатам. Самое большее, чего удалось добиться, например, немецкой дипломатии — это заверений, в дальнейшем нарушенных, в том, что турецкие меры не коснутся армян-протестантов и католиков. Причина турецкой неуступчивости заключается, как представляется, именно в том, что они рассматривали иностранное давление по религиозной линии как одну из форм вмешательства в их сугубо внутреннее дело. Даже с учетом того, что высшее турецкое руководство невозможно назвать религиозными фундаменталистами, оно воспринимало христианское население империи как потенциальную «пятую колонну». И попытки иностранного вмешательства с использованием религиозной аргументации лишь укрепляли его в этой уверенности.²⁰

¹⁵ Danny Orbach and Mark Solonin, «Calculated Indifference: The Soviet Union and Requests to Bomb Auschwitz», *Holocaust and Genocide Studies* 27, 1 (Spring 2013), pp. 90–113.

¹⁶ Louise London, *Whitehall and the Jews, 1933–1948: British immigration policy, Jewish refugees, and the Holocaust*, Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

¹⁷ Bernd Rother, «Spanish attempts to rescue Jews from the Holocaust», *Mediterranean Historical Review* 17, 2 (2002), pp. 47–68.

¹⁸ Flora A. Keshgegian, «‘Starving Armenians’: The Politics and Ideology of Humanitarian Aid in the First Decades of the Twentieth Century», *Humanitarian and Suffering: The Mobilization of Empathy*, Richard Ashby Wilson and Richard D. Brown (eds.), Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009, pp. 140–155.

¹⁹ Eleanor H. Tejirian, «Faith of Our Fathers: Missionaries and NGOs: The Transition», *Altruism and Imperialism: Western Cultural and Religious Missions in the Middle East*, Eleanor H. Tejirian and Reeva Spector Simon (eds.), New York: Middle East Institute, Columbia University, 2002, pp. 295–315.

²⁰ Donald Bloxham, «Three Imperialisms and a Turkish Nationalism: International Stresses, Imperial Disintegration and the Armenian Genocide», *Patterns of Prejudice* 36, 4 (2002), pp. 37–58.

Исходя из этих критериев, преследуемые во Второй Мировой войне евреи могли рассчитывать на сочувствие своих единоверцев за границей, прежде всего, в США. Влияние американского еврейства на политику американской администрации в период Второй Мировой войны, как оказалось, было относительно незначительно²¹ и существовало, в основном, в нацистском видении мира.

В этих условиях существенно выросла роль христианских церквей, как одной из очень немногих международных структур, сохранивших известное влияние как в Германии, так и в государствах, находившихся в ее орбите. При обращении за помощью к христианским организациям, евреи и их сторонники могли апеллировать, в основном, к общечеловеческим и гуманитарным соображениям.

Анализ событий 1941–44 гг. не дает, на наш взгляд, однозначного ответа, насколько действенным оказалось такого рода влияние.²² Несмотря на широкую распространенность в христианской среде антисемитизма, который влиял на политику церквей по еврейскому вопросу,²³ это влияние, безусловно, оказывалось. Но с учетом мощи нацистской Германии и открыто декларируемой ею бескомпромиссной позиции по еврейскому вопросу (хотя в течение времени и оставалась неясность касательно конечных целей этой политики), политика христианских структур и персоналий была тихой, в подавляющем большинстве случаев, она подразумевала отказ от всякого рода громких деклараций в пользу конкретных действий.²⁴

Заключение

Беглый сравнительный анализ попыток иностранного вмешательства в попытке снизить масштабы геноцида армян и Холокост евреев указывает на ряд общих черт. Частичные результаты оказались более эффективными, когда политика была тихой и без громких

деклараций. Она была более действенной у нейтральных структур и стран, которые могли оказаться полезными для Турции или Германии. Противницы Турции и Германии, делая громкие декларации, на самом деле ставили в главу угла решение военных вопросов, а гуманитарные, в виде реальной помощи преследуемым армянам или евреям, оказывались, как правило, в самом конце списка приоритетов.

²¹ Rafael Medoff, «Conflicts between American Jewish leaders and dissidents over responding to news of the Holocaust: three episodes from 1942 to 1943,» *Journal of Genocide Research* 5, 3 (2003), pp. 439–450.

²² *Antisemitism, Christian ambivalence, and the Holocaust*, Spicer Kevin (ed.), Bloomington: Indiana University Press, c2007.

²³ Frank J. Coppa, «Between anti-Judaism and anti-Semitism, Pius XI's response to the Nazi persecution of the Jews,» *Journal of Church and State* 47, 1 (2005), pp. 63–89.

²⁴ Susan Zuccotti, *Père Marie-Benoît and Jewish Rescue: How a French Priest Together with Jewish Friends Saved Thousands during the Holocaust*, Bloomington: Indiana University Press, 2013.

Место Холокоста в кругу других геноцидов: аспекты мемориализации

Илья Александрович Альтман
(Москва, Россия)

Сравнительный анализ Холокоста и геноцидов — одно из перспективных направлений исторической и философской мысли Запада. В России и на постсоветском пространстве ему уделялось гораздо меньше внимания¹. Мне хотелось бы в связи с этим остановиться на философском наследии первого президента Центра «Холокост», выдающегося российского историка и философа М.Я. Гефтера (1918–1995). В этом году исполнилось 20 лет со дня его смерти. К сожалению, статьи и книга Михаила Яковлевича «Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос», положившая в 1995 г. начало «Российской библиотеке Холокоста», все еще не переведены на иностранные языки. Не часто их анализируют и в России. Наш Форум позволяет по-новому взглянуть на его подходы к обсуждаемым темам.

Именно М.Я. Гефтер первым из постсоветских исследователей перевел проблему Холокоста в сравнительную плоскость изучения геноцидов и их последствий. Он предложил теоретические основы и перспективы обусловленного российской спецификой взгляда на саму проблему места Холокоста в кругу других геноцидов XX века. Важно подчеркнуть, что эти выводы были сделаны отечественным исследователем практически независимо от недоступной ему в этот период Западной литературы по теме.

Обычно, в историографии (как геноцидов, так и Холокоста) подчеркивается, что недостаточное внимание международной общественности к геноциду армян, политика невмешательства в преследования этого этноса во время Первой Мировой войны вдохновила Гитлера и других лидеров и идеологов нацистской Германии на уничтожение евреев, став, по словам известного израильского историка и философа Йегуды Бауэра, «предвестником Холокоста»². Бауэр

¹ См. отдельные статьи в книгах: Уроки Холокоста и современная Россия. / Составители: И.А. Альтман, С.С. Неретина. — М.: Центр «Холокост», 1995; Антисемитизм: концептуальная ненависть. Эссе в память Симона Визенталя. — М., Центр «Холокост», 2009

² Bauer Yeguda. A History of the Holocaust. New York: F. Watls, 1982. P. 57–58

одним из первых провел сопоставление этих двух трагедий XX века, сделав вывод, что «резня армянского народа в турецкой Анатолии аналогична Холокосту», поскольку «в пропорциональном отношении это число жертв превышало или, по крайней мере, равнялось численности евреев, погибших во Второй мировой войне»³. В своих более поздних работах, он сосредоточился на показе беспрецедентности Холокоста как исторического феномена в сравнении с другими трагедиями народов. По его мнению, во всех геноцидах XX века больше особенностей, чем общих черт. Но только в Холокосте отразились все этапы этих геноцидов: замысел, хода, реализации⁴.

Эту же идею мы находим в работах Гефтера начала 90-х годов. В них показаны основные векторы развития человека сквозь призму народоубийства. Но его подходы не только не повторяли, но и отличались от западных. Так, анализ истории других геноцидов позволил зарубежным исследователям показать универсальность Холокоста и его уроков. М.Я. Гефтер также утверждал, что с течением времени значение опыта познания Холокоста только возрастает, обогащаясь знаниями о других тяжких преступлениях и геноцидах. Но он вышел за рамки сопоставления исторических фактов, сформулировав тезис об универсальности Холокоста в контексте дня сегодняшнего, расширив масштабы его влияния: «это тот опыт, в исключительности которого современность — и именно она — раскрывает его потаённую всеобщность». По Гефтеру, анализ истории геноцидов свидетельствует: «убийство вырвалось из зоны преступления». По его мнению, XX век «вывел убийство на планетарный простор, претендуя на все уголки мира; именно этот факт делает тему Холокоста «планетарной».

Таким образом, М.Я. Гефтер первым ввел эту проблематику в самый широкий историко-философский контекст. В его трактовке, Холокост — это «духовный опыт, прямо и окольно присутствующий во всех проблемах, которые ныне одолевают Землю»⁵.

³ Bauer Yeguda. Essay: On the Peace of the Holocaust in History//Holocaust and Genocide Studies. 1997. № 2. pp. 213, 215

⁴ Этот тезис сформулирован в его лекции в Американском музее Холокоста в 2005 г. См. Yehuda Bauer, On the Holocaust and Other Genocides, USHMM. — Washington, 2005

⁵ Подробнее см. Высочина И.И. Гефтер Михаил. В кн.: Энциклопедия «Холокост на территории СССР». 2-е изд. / Под ред. И.А. Альтмана. — М.: РОССПЭН, 2011. С. 214–217

Российский исследователь столь же оригинально проанализировал и предпосылки геноцидов. Проблема Холокоста рассматривалась Гефтером как эволюционная. Она напрямую затрагивает само существование человека, который «еще не в «Красной книге», но уже — в «Черной».⁶ По его мнению, чрезвычайно важен анализ взаимодействия несовместимости, «которая делает иное — чужим». Размышляя, как и его западные коллеги, об особенностях геноцидов XX века, М.Я. Гефтер выявил несколько стадий их развития. Первая — несовпадение (народов, этносов, цивилизаций, культур и отдельных людей). Вторая — непереносимость. Третья — убийство. Как видим, эта формула (по Гефтеру относящаяся не только и не столько к трагедии еврейского народа) очень близка трактовке стадий Холокоста в работах известного американского политолога и историка Р. Хилберга: евреи не должны иметь прав; они не должны иметь права жить среди нас; они не имеют права жить».

Какие же проблемы сопоставления и изучения геноцидов, опираясь на творческое наследие М.Я. Гефтера, представляются нам наиболее перспективными?

Во-первых, анализ терминологии. Накопленный огромный фактический материал по теме Холокоста логично приводит исследователей к сопоставлению этого феномена с другими трагедиями как XX в., так и новейшей истории.⁷ Попытки эти не всегда удачны: как с точки зрения терминологии, так и методики анализа конкретных событий. Еще более непростая терминологическая ситуация с определениями фактов геноцидов. Достаточно широкая трактовка понятия «геноцид» (как, впрочем, и «Холокост») не только в СМИ, но и в документах ООН и ряда других международных организаций, зачастую дезориентирует даже профессионалов, приводя к появлению определений, которые уполномоченная по правам человека при Президенте России Элла Памфилова удачно назвала «ложные геноциды»⁸.

⁶ М.Я. Гефтер. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. — М.: Центр «Холокост», 1995. С. 23

⁷ См., например, статьи Майкла Беренбаума «Уникальность и всеобщность Холокоста» и Йегуды Бауэра «Место Холокоста в современной истории» в кн. «За гранью понимания». Богословы и философы о Холокосте. — К.: 2003. С. 55, 71, 78

⁸ Подробнее см. об этом в статьях С.А. Шпагина и М.В. Гилёвой на страницах этого сборника.

Во-вторых, необходимость соотнесения теоретических подходов и результатов конкретно-исторических исследований. Одной из важных черт беспрецедентности Холокоста в западной и израильской историографии называется его иррациональность. По мнению Й. Бауэра, в любом геноциде XX века мы видим, прежде всего, рациональные черты. Но Холокост, как тотальное уничтожение народа, по его мнению, был лишен каких бы то ни было прагматических целей, например, использовать евреев в качестве рабочей силы (за исключением каких-то особых и весьма ограниченных случаях касательно т. н. «полезных евреев»). Нам кажется, что этот вывод был сделан на основе технологии уничтожения евреев за пределами СССР. Как новейшая исследовательская литература (достаточно назвать книгу Кристиана Герлаха «Просчитанное убийство»⁹), так и вновь открытые архивные документы свидетельствуют, что как в начале оккупации (в целях создания социальной базы для коллаборации), так и в конце войны (десятки тысяч евреев угоняют в глубь Германии, а не убивают в Аушвице) говорит о том, что нацистские планы следует рассматривать в динамике.

В-третьих, среди обширной литературы по теме выпадает одно важное звено: сравнительный анализ подходов к истокам мемориализации этих трагедий. Культура памяти о них включает, прежде всего, музеи, памятники¹⁰ и образовательные программы. Менее исследован вопрос о сохранении памяти «в режиме реального времени», т. е. в ходе самих событий геноцида или сразу же после него. Поэтому логично остановиться на примерах, которые уже стали классическими: трагедии народов периода Первой и Второй мировых войн.

Заслуживает внимания сопоставления опыта организации документирования и фиксации массовых преступлений против мирного населения в годы Первой мировой войны и Холокоста. В России, под влиянием созданной при министерстве юстиции специальной комиссии, к этому процессу подключились и общественные организации. Изданный в 2015 г. году на русском языке сборник документов Государственного архива Армении включает более 100 документов, запи-

⁹ Gerlach C. Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944 (German Edition). — Hamburger Edition, 1999

¹⁰ Уже в ходе первого конференции «Уроки Холокоста и современная Россия» в апреле 1994 г. М.Я. Гефтер активно поддержал идею установки памятников на местах массовых расстрелов.

санных в 1916–1917 гг. со слов свидетелей, беженцев и уцелевших, преимущественно в Баку и Тифлисе, членами созданных общественных комиссий¹¹. Они записаны с применением ключевых элементов «устной истории» на достаточно высоком профессиональном уровне (фиксируются места и обстоятельства записи, реакция респондентов, бытовые детали). Важно, что несколько свидетельств собраны и с неармянской стороны. Помимо фактов уничтожения, внимание обращалось на сопротивление и помощь, в том числе со стороны турок.

Обратим внимание на преемственность сбора и создания свидетельств о геноциде армян и аналогичной деятельности в другие исторические периоды при фиксации преступлений против мирного населения. Перспективным представляется сопоставление общественной активности в записи свидетельств в годы Первой мировой и гражданской войн, включая еврейские погромы как пример геноцида¹² (к сожалению, недооцененного в историографии) и деятельность Еврейского Антифашистского Комитета в СССР (ЕАК) по созданию «Черной книги», а также Комиссии по истории Великой Отечественной войны, не говоря уже о созданной в ноябре 1942 г. Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК) и деятельности политорганов Красной Армии, начиная с лета 1941 г.¹³ Вероятно, впервые в истории целенаправленная, массовая и систематическая фиксации хроники самими жертвами в режиме реального времени проявилась именно в годы Холокоста — в гетто Польши и на оккупированной территории СССР. Эти тенденции применения методов «устной истории» получили развитие в лагерях для перемещенных лиц в Германии непосредственно сразу же после освобождения узников.

Особое место занимает мало теоретически разработанная культура памяти относительно тех, кто спасал жертв геноцидов. Она откры-

¹¹ Геноцид армян в Османской империи. Свидетельства выживших очевидцев. Сборник документов. — Ереван, 2015

¹² См. Книга погромов, 1918–1922. — М.: Институт славяноведения, Государственный архив Российской Федерации, РОССПЭН, 2007

¹³ См. Альтман И.А. Красная Армия и Холокост: к постановке проблемы. // В кн.: Холокост: на территории СССР. Материалы 19 Международной конференции по иуданке.т. 1. — М.: Академическая серия, 2012. С. 86–93

вает новые возможности, как для преподавания, так и преодоление определенных препонов в общественном сознании с точки зрения «конкуренции жертв» и неприятия «чужой трагедии».

Важнейший аспект мемориализации геноцидов в контексте культуры памяти — это преподавание. Формулу известного психолога, академика РАО Александра Асмолова «преподавания темы Холокоста — вызов современной педагогике» можно смело ретранслировать и на преподавание темы геноцидов. В связи с этим, особое значение имеет создание первой в России специализированной программы «Центр по изучению и преподаванию тем Холокоста и геноцида» в Российском государственном гуманитарном университете. И здесь гефтеровское наследие указывает нам магистральные пути по созданию современных образовательных методик. Опираясь на факты массового убийства армян в 1915 г., нацистское «окончательное решение», сталинский террор, М.Я. Гефтер ставил во главу угла тему личной ответственности. Он полагал, что людям не уйти от вопроса: какова природа так называемого «легкого» убийства? Предвосхищая оценку роли «сторонних наблюдателей», которая получила широкое распространение на рубеже XX и XXI вв., он задавался вопросом: «В какой степени и мере «окончательное решение» связано с пассивностью большинства? В какой мере пассивность большинства вызвана растерянностью меньшинства? Почему даже самые великие умы Европы не готовы были поверить в уже свершившееся в концлагерях чудовищное преступление?». Не менее важной, по его мнению, включение в анализ Холокоста проблематики сопротивления, причем не только самих жертв. Он задавал и искал ответы на вопрос: «Каковы послышки, духовные основания для «упреждающего сопротивления»?¹⁴ В результате, М.Я. Гефтером было выработано определение Холокоста (ставшее впоследствии классическим для исследователей и преподавателей) «как триединства»: уничтожение — сопротивление — спасение. Думается, что эти же подходы могут быть ключевыми при анализе и преподавании других геноцидов.

Проблема Холокоста, как возможность углубить знания человека о самом себе, виделась Михаилу Яковлевичу в следующем: «... попыткой «окончательного решения» еврейского вопроса немцы сделали заявку на то, чтобы люди Земли привыкли и подчинились нраву

¹⁴ См. И.И. Высочина. Указ. соч. С. 215

и диктату подобных «решений». Важная часть философского наследия М.Я. Гефтера — размышления о необходимости перехода от эмоционального переживания к поиску взвешенного и ответственного решения противодействия геноцидам. По словам Гефтера, «...если со злом чудовищным, которое обозначает себя свастикой, бороться только преследованием, то само преследование может включиться во зло».¹⁵

М.Я. Гефтер выступал не просто за терпимость к несовпадениям, но настаивал на формировании принципиально новых установок во взаимоотношениях по анализу причин и последствий геноцидов. Трагический опыт Холокоста и других геноцидов он рассматривал как весь путь «человека в истории» в двух аспектах. Во-первых, как обуздание в себе убийцы. Во-вторых, как преодоление в себе жертвы.¹⁶ «Нет геноцида против «кого-то», геноцид всегда против всех», — говорил М.Я. Гефтер, предлагая признать этот постулат основополагающим в межнациональных и межгосударственных отношениях¹⁷.

М.Я. Гефтер мечтал об объединении усилий ученых, педагогов, психологов, политологов, журналистов, людей из многих стран и разных возрастов, чтобы «помочь любому человеку превозмочь в себе инстинкт неприятия и отторжения несхожих с ним». Мне кажется, что наш Форум — может и должен дать новый импульс исследованию и преподаванию темы Холокоста в контексте других геноцидов XX в. Именно к этому еще четверть века назад призывал М.Я. Гефтер.

¹⁵ См. И.И. Высочина. Указ. соч. С. 215.

¹⁶ Похожими терминами обозначил необходимость памяти о Холокосте и Й. Бауэр в своем знаменитом выступлении в годовщину Холокоста в 2005 г. в Бундестаге, добавив и третью важную составляющую противодействия беспомощности: «не быть сторонним наблюдателем».

¹⁷ М.Я. Гефтер. Указ. соч. С. 11

Холокост и «холокосты»: использование термина применительно к геноцидам и этническим травмам XX века. Сравнительный анализ

*Сергей Алексеевич Шпагин
(Ростов-на-Дону, Россия)*

Всемирная и еврейская истории богаты трагедиями и количеством жертв, но XX век занимает особое место. И это связано не только с масштабом трагедий, количеством жертв в ходе тотального уничтожения, как по ставившимся целям, так и по результатам их реализации. Важны качественные параметры изменений, определившие конвейер антропологических катастроф, их репрезентацию, рефлексию и последующую мемориализацию и стремление извлечь уроки.

Итак, что уже было. Постоянные естественно-природные катастрофы, войны, конфликты и жестокости повседневности. Естественно, они имели непосредственный итог и более отдаленные последствия, вплетались в коллективную память, ритуалы, мемориалы, мифы, практики. Жертвы формировали пантеон святых и героев. Память демонизировала чужих врагов и палачей.

Свои — это герои, антигерои, но не жертвы. Герои, даже если в глазах других народов они — преступники, способствовали формированию этнической и национальной самоидентификации и государственной идеологии.

При относительном разнообразии практик родовой и коллективной памяти о трагедиях и их жертвах, общим была память только о своих жертвах, чей пепел стучал в сердца и требовал отмщения. Типичная ситуация — героизация своих участников национальных катастроф. Жертвы, тем более чужие, не могут быть предметом национального сплочения и героизации.

Это позиция жены Лота, а не самого Лота — смотреть назад и не уметь забывать. До XX века это было возможно, ибо тонкая красная линия отделяла чужое преступление от своей трагедии. Вот когда эта линия стала легко смещаться или исчезала совсем, тогда и стала востребованной модель восприятия универсальной катастрофы, лишенной этнической, религиозной, социальной и героической основы. И здесь мы подходим к качественным изменениям в нашей пробле-

матике. А именно: востребованность виктимности, а не героики. Но эволюция героя в жертву в национальном самосознании не евреев проблема болезненная и весьма проблематичная.

На первый взгляд и евреи не подходили на эту роль. Евреи по взаимному согласию с неевреями были вечно и тотально иными. Одновременно, еврейский компонент растворен во всех названных выше группах людей и проблематике нееврейского мира. Это делало евреев не только абсолютным злом в глазах значительной части человечества, но и абстрактным и универсальным образцом добра и зла, не связанным ни с одной конкретной группой вне еврейского мира. Постепенно статус евреев как абсолютного зла сформировал в не еврейском мире критерии понимания абсолютного зла в форме расового антисемитизма и абсолютного гуманизма по отношению к гонимому народу. Превращение отношения к евреям в критерий демократии и гуманизма играет важную роль при попытке сравнительного анализа того, что мы называем «холокосты».

Таким образом, ключевая проблема сравнительного анализа Холокоста и «холокостов» не в составлении «каталога геноцидов» с целью взаимного обнуления. Суть в том, чтобы понять — Катастрофа еврейского народа это универсальный и абстрактный для не евреев урок недопустимости использования метода человекоубийства для достижения практических целей. Достижение любой цели таким методом ведет к дегуманизации палача, свидетелей, жертвы и памяти всего человечества.

Почему на эту роль не подходят жертвы первого в новейшей истории геноцида — армяне Османской империи¹ или другие жертвы нацистов² — цыгане³, Свидетели Иеговы⁴, гомосексуалисты⁵?

¹ См. на данный момент последнее и наиболее полное исследование по геноциду армян: Кеворкян Р. Геноцид армян. — М.: Яуза-каталог, 2015.

² Круг не еврейских жертв нацизма и Третьего рейха закреплен юридически в ходе предъявления материальных претензий к правительству Германии. СМ.: Уведомление о предстоящем рассмотрении коллективного иска и предполагаемых соглашениях и слушании и первоначальная анкета. Окружной суд США Восточного округа штата Нью-Йорк. Дело «In Re: Holocaust victim assets litigation» и «Людьми, пострадавшим в годы Холокоста от нацистских преследований, и их наследникам, которые могут иметь претензии к швейцарским банкам или иным швейцарским юридическим лицам. // Официальное уведомление по распоряжению суда, а также «Глоссарий». 06/11/99F и Инструкция к «Первоначальной анкете по делу «Holocaust Victim Assets Litigation» (CV-96-4849).

Именно потому, что они не являются тотально чужими для всех. И при этом, их внешние признаки жертв Холокоста и их статус носят фрагментарный характер. Они не могут рассматриваться в качестве абсолютного зла. У каждой из групп жертв геноцидов, на которые правомерно или нет, распространяют этот термин исходя из локальных соображений, есть своя, параллельная история. Иными словами, повод для их тотального уничтожения был/есть не у всех. Не для всех сам факт их существования является актуальным, а исчезновение заметным. Часть жертв может выступать по отношению к другим группам в качестве исполнителей геноцида. Пример: греки — жертвы геноцида в Османской империи⁶; в свою очередь, их жертвами считают себя македонцы⁷.

Геноцид армянского населения Западной Армении в Османской империи турецкие исследователи рассматривают в контексте событий Первой мировой войны; отличие от Холокоста — по преимуществу двусторонний характер, то есть, недостаточная реакция мирового сообщества, создавшая прецедент. Сегодняшнее осмысление трагедии 1915 года — реакция постфактум и она вторична в сравнении с Холокостом⁸. Дискуссии сегодня наталкиваются на контр обвинения армянского населения, причем не только с турецкой стороны, но и в связи с переносом термина «холокост» на любое проявление жестокостей, репрессий, убийств. Отсюда его использование для

³ Для определения геноцида цыган в годы Второй мировой войны существует само название «параимос», появившееся в самосознании цыган после причисления их трагедии к трагедии евреев. Краткая история геноцида цыган в контексте Холокоста см.: Roma and the Holocaust Электронный ресурс. URL: <http://www.dosta.org/en/node/33> Дата обращения 25.06.2010.

⁴ См.: Пеллечиа Дж., Чу Дж. Преподавание толерантности на примере Свидетелей Иеговы как жертв нацизма. // Тень Холокоста. — М.: Фонд «Холокост», 1998. — С. 205–287.

⁵ См.: Хэберл Э. Свастика, розовый треугольник и желтая звезда: уничтожение сексологии и преследование гомосексуалистов в нацистской Германии // Тумбалалайка. Электронный ресурс. URL: www.tumbalalaika.memo.ru. Там же: Элман. Э. Лесбиянки — жертвы Холокоста. Дата обращения 07.08.2012

⁶ Кенкишвили С.Н. Исторические, международные и правовые аспекты геноцида понтийских греков. От Венского конгресса до наших дней. — Ростов на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2006.

⁷ См.: HistoryofMacedonia. Электронный ресурс. URL: http://www.makedonijaese.com/storia_EN.htm Дата обращения 17.08.2015.

⁸ См. работу выпускника исторического факультета ЮФУ (бывший РГУ), работавшего в спецкурсе «Холокост в контексте всемирной истории»: Кенкишвили С. Н. Незаживающая рана Армении. Геноцид армянского народа — преступление без наказания? — Ростов н/Д: Изд-во АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ. 2009.

взаимных обвинений в ходе межэтнических конфликтов XX века в Закавказье.

Поляки и украинцы — два народа, активно использующие статус жертвы как в двусторонних отношениях, так и в отношении «третьих» стран и народов — Третьего рейха и немцев⁹ и русских при любой государственности. Соответственно, используется термин «польский Холокост», «Голодомор»¹⁰ как синоним геноцида при политике «обнуления геноцидов» в отношении друг друга.

Такую же самостоятельность носят жертвы межэтнических конфликтов в Азии и Африке. Нужно извлекать уроки из трагедий кхмеров, тутси и других народов не спрашивая, по ком звонит колокол. Не выученные уроки в 1915 и 1933–45 годах, как раз и позволяют происходить новым актам террора, геноцида и этнических чисток. Другое дело, что попытки постфактум расширять за их счет список жертв Холокоста в прагматичной надежде на компенсацию потомкам, напоминают догмат о неизбежном воздаянии за страдания не доживших до него. Это важно в условиях объективно существующего сегодня системного реваншизма потомков жертв различных категорий, начиная с работорговли, включая 4 жертвы среди аборигенов, насильственно переселенных в ходе строительства военной базы США в Гренландии.

Другое дело, что Холокост как феномен XX века дал толчок к изучению этно-травм, сохранению памяти о жертвах политического, социального, гендерного насилия. Отметим отдельно тему посткоммунистической травмы в странах Центральной и Восточной Европы после 1989 года.

Таким образом, Холокост в данном случае — это проблема выбора ролевого статуса. Поэтому неадекватное использование этого термина чревато реальными негативными последствиями¹¹.

⁹ «Формировался идеал польской жертвенности в борьбе за национальное дело» — пишут авторы популярного в Польше издания по истории. См.: Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. — М.: Весь мир, 2004. С. 449.

¹⁰ См. Шпагин С.А. Голод или Голодомор — сталинский геноцид или следствие политики коллективизации? // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Материалы VIII Международной конференции. — Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 182–188.

¹¹ См.: Розенблат Е.С. Основные проблемы терминологии по теме Холокоста. // Материалы Одиннадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 1. — М.: Пробел — 2000, 2004. С. 341–355.

Холокост как феномен XX века вывел евреев за рамки традиционного поведения в Галуте. Именно Холокост разрушил традиционный образ жизни евреев для тех, кто выжил. Последствие — не столько в создании Государства Израиль, сколько в масштабной эмансипации евреев, которую не смогли провести ни Гаскала, ни Французская революция и Наполеон. Именно Холокост сделал еврейский народ политкорректно равным остальным. Ни одна другая жертва «холокостов» в этом не нуждалась и не получила такого последствия. Что же в итоге?

Холокост в отличие от «холокостов»:

1. Не может быть билетом с открытой датой — это конкретно-историческое событие в период с 1933 по 1945 гг.

2. Признавая бесспорный утверждение М.Я. Гефтера — Холокост не может быть направлен против кого-то, он направлен против всех,¹² ни один из «холокостов», то есть геноцид, не влечет за собой столь четкого и универсального урока, как Шоа. Абсолютное зло в годы реализации Холокоста — евреи, стали образцом абсолютной жертвы, победившей абсолютное зло — расовый антисемитизм нацизма и Третий рейх.

3. Открытый лист использования термина «холокост» применительно к другому времени, пространству и смыслу; любым видам жестокости, насилия, этно-трагедиям, геноциду открывает дверь будущим преступлениям.

4. Формула XVII века — не спрашивай, по ком звонит колокол, применительно к жертвам конфликтов XX — XXI вв. уже не носит столь однозначного характера, поскольку есть претензии и к самим жертвам «холокостов». Сохраняя статус евреев как вечно чужих, не еврейскому миру удобней сохранять память о погибших евреях, включая и ожидавших прихода «хороших» немцев.

5. Без четкой нравственной основы, Холокост как инструмент мемориализации и предупреждения, рискует стать брендом удачного коммерческого проекта для подражания различных «холокостов».

С учетом попыток смешивать Холокост и его контекст, распространять термин «Холокост» на любые проявления геноцида, репрессий, этнических чисток и межэтнических конфликтов в прошлом,

¹² См. Гефтер М.Я. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. — М.: Центр «Холокост», 1995. С. 11.

настоящем и перспективном применении к любым возможным проявлениям жестокости в будущем, логично предложить формулировку как итог проделанного сравнительного анализа Холокоста и «холокостов».

Холокост — это практика тотального преследования и уничтожения европейских евреев на основе доктрины исключительной миссии германской «арийской» нации в расовом конфликте с «мировым еврейством» нацистского режима Третьего рейха, его союзников и пособников в 1933–1945 гг. Практика, породившая сопротивление еврейского народа, помощь и коллаборационизм народов мира, завершившаяся спасением уцелевших евреев на оккупированных и вовлеченных во Вторую мировую войну государств, разгромом Третьего рейха и осуждением действий нацистского режима, государства, их лидеров с последующим осмыслением его уроков современниками и потомками и привлечением виновных к юридической и моральной ответственности.

«Будущее памяти уже началось»¹: становление термина «Холокост» как процесс мемориализации

*Мария Витальевна Гилева
(Архангельск, Россия)*

Что бы мы могли назвать «Холокостом», если бы были свободны от современного содержательного наполнения этого термина? При том, что нельзя говорить об однозначном принятии этого термина научным сообществом, сложно отрицать в то же время, что в числе синонимов именно слово «Холокост» наиболее ассоциируется с трагедией евреев XX в. Примеров использования этого слова на официальном уровне тоже более чем достаточно. Однако на сегодняшний день существует явная тенденция к размыванию значения этого термина в общественном сознании, что имеет тесную связь с мемориализацией Холокоста как феномена.

Одним из ключевых событий для мемориализации можно считать спор Эли Визеля и Симона Визенталя о значении Холокоста и его жертвах², который касался проблемы уникальности и универсальности Холокоста. Осмысление трагедии, сплотившей в свое время разные народы и группы общества для борьбы с общим врагом и угнетателем, сегодня нередко порождает так называемую «конкуренцию жертв» и многочисленные связанные с этим спекуляции. И дискуссии вокруг термина «Холокост» служат своего рода маркером этим процессам.

Весьма распространенным является вопрос о начале применения слова «холокост» для обозначения истребления евреев нацистским режимом. Подчеркнем, что речь идет не о первом употреблении, а именно о начале ассоциирования этого слова с конкретным гено-

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

² Подр. см. Беренбаум М. Как следует понимать Холокост: спор между Эли Визелем и Симоном Визенталем конца 70-х // Антисемитизм: концептуальная ненависть: Сборник, посвященный Симону Визенталю / Под ред. И.А. Альтмана, Шимона Самуэльса, Марка Вейцмана. М.: Центра и Фонд «Холокост», 2009. С. 247.

цидом, что стало предпосылкой для его закрепления в качестве термина. Чаще всего в этой связи упоминается имя Эли Визеля, использовавшего в начале 1960-х это слово как метафору, символизирующую уничтожение людей огнем (аллюзия на лагерь смерти). Однако, даже по признанию самого Визеля³, ошибочно считать, что именно он первым ввел эту метафору. В годы Второй мировой войны слово «холокост» употреблялось в американской и британской печати для описания ужасов Первой мировой войны, массовой гибели людей, создавало образ всепоглощающего пожара и выжженной земли. В 1945 г. и позже оно часто использовалось для описания бомбардировок Дрездена, Хиросимы и Нагасаки, а также представлений о последствиях ядерной войны.

Однако уже в годы Второй мировой войны этот изначально метафоричный (в отличие от понятия «геноцид») термин являл собой целую совокупность образов и репрезентаций, связанных с нацистской политикой методичного, «конвейерного» уничтожения людей по этническому принципу. Он призван был запечатлеть сочетание несочетаемого: научно-технического прогресса и пещерной жестокости. Апогей бесчеловечности, о котором слишком быстро замолчали после окончания войны... Необходимостью вспомнить о нем стала угроза новой, еще более разрушительной войны, — ядерной. Следовательно, после войны термин «Холокост» был вызван для осуществления функции мемориализации, а не теоретизации. Это слово одновременно символизировало нацистские зверства, ожидаемые последствия ядерной войны и иные гуманитарные катастрофы⁴. Отметим, что посредством использования одного этого слова («холокост») для обозначения разных явлений трагедия евреев наряду с ядерной катастрофой была возведена в ранг самых ужасных из всех мыслимых зол на земле.

Параллельно в прессе разных стран встречались и иные сочетания для описания геноцида евреев — юдоцид, катастрофа, уничтожение и т. п., однако они не были способны передать представление о беспрецедентности этой трагедии. Слово «холокост» в этом смысле на всех языках выделяется, привлекает внимание, но в какой-то

³ Petrie, Jon. The secular word HOLOCAUST: scholarly myths, history, and 20th century meanings // *Journal of Genocide Research*. 2000. 2 (1). p. 47.

⁴ Ibid. p. 44.

мере несколько мистифицирует само явление не только необычным звучанием, но и наличием в своей этимологии религиозных коннотаций.

В определенном смысле удар по мистицизму нанес скандально известный труд Ханны Арендт «Банальность зла» — описанным в нем «феноменом Эйхмана», который буквально отбрасывает тень на всех, намекая, что на месте этого «архитектора смерти» мог и потенциально может оказаться абсолютно любой человек. В прессе США, Израиля и других стран эта тема долго муссировалась с регулярным упоминанием «холокоста». Сегодня эта идея составляет неотъемлемую часть «уроков Холокоста», однако понадобилось немало времени, чтобы она была принята людьми, которые лично еще помнили времена нацистской Германии. В 1960–70-е гг., благодаря провокационным умозаключениям Арендт, был поднят ряд очень важных философских вопросов, составляющих сегодняшнее понимание феномена Холокоста.

Всплеск интереса к теме Холокоста после суда над Эйхманом привел к появлению в 1970-е гг. первых PhD диссертаций с использованием в заглавии слова «холокост», а к середине 70-х употребление этого слова в академических трудах уже чаще всего относилось именно к теме преследования и уничтожения евреев нацистским режимом, а не какой-либо другой проблеме. Так метафора постепенно легитимизовалась в качестве термина в научной сфере.

Большую роль в популяризации термина и привлечении широкого общественного внимания к теме Холокоста сыграл вышедший в 1978 г. в США одноименный мини-сериал («Холокост»), который увидели более 100 млн. американцев. В какой-то мере этот фильм символизировал окончательное закрепление слова «Холокост» (причем уже с заглавной буквы) за «еврейской катастрофой». Через год президент США Картер подписал исполнительный указ о создании «мемориального музея Холокоста» в Вашингтоне.

С конца 80 — начала 90-х гг. заговорили об «американизации» Холокоста, оценивая все возрастающую роль этой темы не только для американских евреев, но и других этнических меньшинств, а также американского общества в целом. Трагедия евреев позволила подступиться к осмыслению и мемориализации других болезненных,

но важных тем для поствоенного сообщества: геноцид армян, геноцид индейцев в США, расовая дискриминация и др. В США создание в центре Вашингтона музея Холокоста повлекло за собой создание Национального музея афроамериканской истории и культуры и Национального музея американских индейцев⁵. Вопрос о причинах такого роста интереса к теме Холокоста в США достоин отдельного рассмотрения, в рамках нашей статьи важно отметить, что это в определенной мере повлияло на становление термина «Холокост» теперь уже в общественном сознании. Весьма показательным в этом смысле является заглавие англоязычной статьи о термине в одной из самых популярных интернет-энциклопедий — Википедии: «Names of the Holocaust»⁶ (буквально: «имена Холокоста»). Выполненная на достойном уровне, с обилием ссылок на академические издания, статья дает достаточно глубокое представление об этимологии слова «холокост», его применении в различные исторические периоды, а также проблематике современного использования в качестве термина.

Изначально заложенные в слове «холокост» разночтения отражаются на данном этапе в осмыслении как самого феномена Холокоста, так и условий, причин его мемориализации. Это выражается в стремлениях экстраполировать термин на текущие процессы, пытаясь одновременно использовать его экспрессивность для заострения внимания и подменять им смысл термина «геноцид». Обратимся к примерам. «*Вы знаете, почему происходят холокосты? А потому, что в определенных местах при молитве не соблюдается тишина*». Эти слова, сказанные 11 февраля 2006 г., принадлежат раввину и депутату израильского парламента Нисиму Даяну.⁷ Цитируя блогера «Эхо Москвы» Айдера Муждабаева, комментирующего транспортные пробки в Москве в преддверии

⁵ Excerpt from interview with Professor James E. Young, English and Judaic Studies at the University of Massachusetts at Amherst. May 24, 1998, Yad Vashem, Jerusalem [Электронный ресурс] — http://www.yadvashem.org/odot_pdf/Microsoft%20Word%20-%203879.pdf (дата последнего обращения: 08.04.2105)

⁶ Names of the Holocaust // Wikipedia [Электронный ресурс] — https://en.wikipedia.org/wiki/Names_of_the_Holocaust#cite_ref-def_21-0 (дата последнего обращения: 08.04.2105)

⁷ Дорфман М. Холокост — это смешно? // Лебедь. Независимый альманах. 2006. №472 [Электронный ресурс] — <http://lebed.com/2006/art4564.htm> (дата последнего обращения: 13.08.2015)

9 мая в 2013 г.: «*В наших СМИ происходящее называют репетицией парада Победы. А я бы назвал это преднамеренным убийством ни в чем не повинных людей. Которое ничем не лучше холокоста, пусть и в меньших масштабах*»⁸.

Подобные примеры использования термина «Холокост» (иногда с долей пренебрежения и усмешки) заставляют задуматься о том, что же в большей степени определяет его легитимность: употребление в научной среде или распространение в средствах массовой информации? Очевидно, что от этого напрямую зависит тот набор интерпретаций, который в том или ином случае сопровождает термин. Разность контекстов, с одной стороны, может способствовать углублению понимания Холокоста, с другой стороны, может размывать или искажать его смысл. В этом случае частота упоминания термина не имеет ничего общего с мемориализацией феномена.

На современном этапе в коллективной памяти о Холокосте происходит соединение воспоминаний выживших и их детей, воспринимающих эту боль как личное, и тех людей (особенно из числа молодежи), кто ничего не знает о Холокосте или даже отрицает его. Часто звучавшая после войны необходимость табуирования темы Холокоста⁹ не представляется эффективным способом защиты от фальсификаций. Напротив, умалчивание представляет не меньшую опасность, чем неточные репрезентации.

Проблема наличия у термина «Холокост» множества интерпретаций не связана только лишь с продолжающимися дискуссиями в научных кругах. Свою роль играет также специфика складывания памяти о Холокосте. При любых подходах обостренное восприятие Холокоста обуславливает его крайний натурализм, который может породить и шок, и отторжение, и отрицание. Это тема, которая не требует приукрашивания и возвеличивания даже отдельных своих сюжетов, чтобы произвести впечатление, и которая трудно принимает язык метафор. В то же время тяжело говорить о Холокосте без метафор — ярким тому подтверждением является и сам термин «Холокост», и все попытки найти ему более точную замену. Однако важно

⁸ Муждабаев А. Ритуальные убийства ко Дню Победы [Электронный ресурс] — <http://echo.msk.ru/blog/aiderm/1061302-echo/> (дата последнего обращения: 13.08.2015)

⁹ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Указ. соч. С. 17

помнить, что смена понятий происходит лишь по реальной необходимости, когда прерывается связь между представляемым смыслом и формой его выражения — словом. На сегодняшний день термин «Холокост», несмотря на свою противоречивость, в сравнении с другими понятиями-аналогами, лучше всего выполняет коммуникативную функцию, что и обуславливает его большее распространение и признание.

Историография и источники Холокоста

Historiography and Sources of the Holocaust

Венгерские оккупационные войска и Холокост на территории СССР в современной историографии

Тамаш Крауш
(Будапешт, Венгрия)

Прошло уже более 70 лет с тех пор, как руководимая регентом Миклошем Хорти Венгрия, сражавшаяся на стороне нацистской Германии, в результате прорыва Красной армии на Дону оказалась на пороге военного краха. И все же возникает вопрос: знаем ли мы в Венгрии историю этой войны? Точнее: хотим ли знать ее *правдивую* историю или же намерены по-прежнему лишь «дозировать» истину маленькими порциями? Несмотря на то, что за прошедшие семь десятилетий увидело свет множество разных книг и статей, мемуаров и научных исследований, «венгерская глава» Второй мировой войны, касающаяся почти трехлетней оккупации советских территорий, остается практически не известной даже узкому кругу специалистов.¹

27 июня 1941 г. руководство Венгрии, находясь под психологическим и политическим воздействием получения при содействии Германии новых областей в Словакии (Фелвидек) и Румынии (Трансильвания) начало войну против СССР. В результате, венгерские войска около трех лет находились на советской территории. «Венгерский порядок» был установлен не только на Украине; он распространялся на Орловскую, Курскую и Воронежскую области России, а также на значительные районы Белоруссии, то есть на территории, во много превосходящие территорию самой Венгрии. С осени 1941 г. венгерские войска выполняли функции оккупационных сил на более полу-миллиона квадратных километров территории СССР. Эти войска составляли около 20–25% от общей численности немецких оккупа-

¹ В современной «мейнстримной» исторической литературе нельзя найти ни единого слова о преступлениях венгерских солдат на оккупированной территории СССР. Например, в многократно переиздававшейся книге академика Игнаца Ромшича об этом практически не говорится, хотя одна из глав посвящена Второй мировой войне (Magyarország története a XX. században (История Венгрии в XX веке) (Osiris Kiadó, Budapest, 2010), однако в ней нет ни строчки о геноциде. Петер Сабо в своей также многократно переизданной книге Don-kanyar (Излучина Дона) (Zrínyi Kiadó, Budapest, 1994), запечатлевшей память о храбрости воинов 2-й венгерской армии, по существу обошел молчанием преступления венгерских солдат, совершенные в районе Дона, хотя в Архиве и Рукописном отделе Института и музея военной истории хранится множество материалов по этой тематике.

ционных войск. Летом 1943 г. численность венгерских оккупационных войск превысила 90 000 человек.²

Первые оккупационные части были сформированы из солдат Карпатской группы, первоначально предназначавшейся для использования на фронте и задержанной немецким военным руководством до осени 1941 года. На смену Карпатской группе венгерское политическое руководство предложило для ведения оккупационной деятельности 5 бригад, надеясь тем самым предупредить дальнейшие требования немцев. Три из них — 102-я, 105-я и 108-я пехотные бригады³ — с самого начала вступила в бои с крупными партизанскими отрядами в районе Чернигова, Брянска и Курска.⁴ Командирами и руководящими лицами этих частей стали генералы Карой Богани, Силард Бакаи, Дежё Ласло, Золтан Алдя-Пап, полковник Шандор Захар, генерал Золтан Шомлаи и другие. В Центральном архиве ФСБ России (далее — ЦА ФСБ России) в фонде уголовных дел этого архива хранится около 30 тысяч следственных дел, касающихся лиц, служивших в армиях гитлеровской Германии и ее союзников, в отрядах особого назначения, в частях по поддержанию порядка и оккупационных войсках.⁵ Публикация этих источников началась лишь в последние годы.⁶

² Ungváry 2011. 60.

³ 12 февраля 1942 г. правитель Венгрии М. Хорти присвоил оккупационным пехотным бригадам наименование «легких дивизий», повысив тем самым, по крайней мере на бумаге, ценность участия Венгрии в войне.

⁴ Об этом см.: Ungváry Krisztián: A magyar honvédség a második világháborúban. (Венгерская армия во второй мировой войне). Osiris Kiadó, Budapest, 2004 (далее: Ungváry 2004), он же: A Kárpát-csoport és a megszálló erők harcai. (Карпатская группа и бои оккупационных войск). In: Magyarország a második világháborúban. (Венгрия во второй мировой войне). Főszerk.: Romsics Ignác. Kossuth Kiadó — Hadtörténelmi Intézet és Múzeum, Budapest, 2011. 55–64 (далее: Ungváry 2011), Szabó Péter — Számvéber Norbert: A keleti hadszíntér és Magyarország 1943–1945. (Восточный фронт и Венгрия 1943–1945). Tóthágas plusz Kft, Budapest, második, bővített és átdolgozott kiadás. 2009.

⁵ См. Христофоров В.С. Сталинград: Органы НКВД накануне и в дни сражения. М., 2008. С. 126., Vaszilij Hrisztoforov — Varga Éva Mária: Werth Henrik vezérkari főnök vallomása szovjet fogságban. (Показания начальника Генштаба Генриха Верта в советском плену). In: Háború és nemzeti önismeret. 70 éve támadta meg a náci Németország a Szovjetuniót. (Война и национальное самопознание). Ruzsisztikai Könyvek XXXII. Russica Pannonicana, Budapest, 2011. 187–188. (Далее: Hrisztoforov — Varga 2011.)

⁶ Генералы и офицеры вермахта рассказывают... документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1945. — М.: МФД, 2009; Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1945–1955. — М.: МФД, 2011; Вермахт на советско-германском фронте: Следственные и судебные материалы из архивных уголовных дел немецких военнопленных 1942–1952. — М.: ООО «Книжница» — ЗАО «Русский путь», 2011.

Особый интерес для нас представляют материалы состоявшихся в 1947 г. судебных процессов над З. Алдя-Пап и его сообщниками, а также Золтаном Шомлаи и его сообщниками. Осенью 1947 г. военный трибунал Черниговской области заслушал дело 16 иностранных граждан (13 венгров и 3 немцев), обвиненных в совершении военных преступлений, перечисленных в 1-й статье указа Президиума Верховного Совета от 19 апреля 1943 г. Осужденные были отправлены в лагерь Воркутлага.⁷

Осужденные генералы, офицеры и солдаты служили в составе оккупационных частей, выполнявших именно охранные и карательные задачи. Упомянутые командиры позже дали во многом правдивую оценку сущности порученных им обязанностей. Осужденный за совершение военных преступлений полковник Бела Шафрань в ходе состоявшегося в 1947 г. процесса над Алдя-Пап очень точно охарактеризовал деятельность Восточной оккупационной группы: «Восточная оккупационная группа, в которую входил и мой 251-й полк, выполнял охранные и полицейско-карательные функции на захваченной территории Украины и Белоруссии. Правительство Хорти возложило на нас эти позорные функции по приказу Гитлера с тем, чтобы освободили от оккупационной службы немецкие войска и их целиком бросить в бой против Советской армии».⁸ Начальник штаба выполнявшей карательные задачи 105-й дивизии Шандор Захар показал в ходе суда: «Адмирал Хорти и генерал Сомбатхей получали от Гитлера указания: самыми жестокими методами репрессий проводить оккупационный режим на захваченной немцами территории Украины; применять любые карательные методы для того чтобы устроить население, заставить его подчиниться немцам, установить полный порядок в тылу немецких войск и обеспечить охрану немецких коммуникаций. [...] Указания, полученные от Гитлера адмиралом Хорти и генерал-полковником Сомбатхей, легли в основу всей нашей дальнейшей оккупационной службы на Украине».⁹

Архивные документы раскрывают потрясающие подробности, систему и «точный механизм» того процесса, в ходе которого венгер-

⁷ Приказом № 731 МВД от 21 ноября 1947 г. предписывалось отправлять всех осужденных военнопленных — независимо от их физического состояния — прямо в воркутинский исправительно-трудовой лагерь (См. ГА РФ, Ф. Р-9401, Оп. 1, Д. 837, Л. 147–149). Опубликовано в кн.: Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. т. 1. / Под ред. М.М. Загорулько. Москва, 2000, С. 755.

⁸ ЦА ФСБ России. Д. № Н-19098. Т. 8. Л. 6–9.

⁹ ЦА ФСБ России. Д. № Н-19098. Т. 6. Л. 84–89.

ские солдаты в качестве сообщников немцев и военных других национальностей с особой жестокостью физически уничтожали советское гражданское население, главным образом стариков, женщин, детей, а также советских военнопленных.

Венгерские оккупационные войска, подчиненные вооруженным силам нацистской Германии, создали режим убийств и насилия, суть которого изложена в известном приказе № 10 венгерского Генерального штаба.¹⁰ Несмотря на невразумительную «освободительную» пропаганду,¹¹ граница между борьбой с партизанами и устрашением населения оккупированных территорий оказалась размытой уже в документе, изданном в апреле 1942 г.,¹² не говоря уж о практических действиях. В этом документе, составленном в 4-м отделе Генштаба венгерской армии однозначно говорилось: «Вслед за уничтожением партизанских отрядов должно последовать самое неумолимое и безжалостное возмездие. Нет места снисхождению. Немилосердная жестокость у всякого отнимает охоту, чтобы впредь присоединиться

¹⁰ На процессе 1947 г. Щандор Захар придавал этому документу определяющее значение: «С этой директивой я познакомился примерно в мае 1942 года, вскоре после приезда в г. Киев из Венгрии. Помимо этой директивы существовала так называемая «оранжевая тетрадь», содержащая в себе указания Генерального штаба по борьбе с партизанами, причем, насколько я помню, в этом указании была также приведена директива № 10 [...] Как в директиве № 10, а также и в этом указании определялись методы порабощения и истребления советского народа на оккупационной территории Советского Союза. В указании, например, говорилось о том, что в случае необходимости можно сжигать любые населенные пункты, расстреливать на месте в целях устрашения — партизан и лиц, заподозренных в связях с последними, и реквизиции у населения всего продовольствия и скота. Я привожу это указание и директиву № 10, как наиболее памятные инструкции венгерского королевского Генерального штаба о карательной политике по отношению мирного населения, хотя их было гораздо больше. Все эти инструкции доводились до сведения командиров полков, дивизий и отдельных соединений, которые при проведении карательных операций полностью их выполняли. Помимо инструкций и распоряжений, которые наше командование Восточный оккупационный группировки получало от высших военных инстанций, мы руководствовались также письменными указаниями и устными распоряжениями германских военных властей, осуществлявших руководство оккупированными областями». ЦА ФСБ России. Д. № Н-19098. Т. 6. Л. 84–89.

¹¹ О нацистской пропаганде в районе Дона см.: Филоненко С.И. Психологическая война на Дону. Мифы фашистской пропаганды. 1942–1943 гг. Воронеж, 2006.

¹² A folyó háború tapasztalatainak ismertetése. A partizánharcok. A 10-es számú parancs. (Об опыте текущей войны. Приказ № 10). Budapest, Attila-puomda Résztvénytársaság, 1942. (Далее: A 10-es számú parancs 1942.) Русский перевод текста приказа сохранился в фонде 4-го Управления НКГБ СССР (зафронтовая работа). ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 703. Л. 1–42. Опубликовано в кн.: Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. Ред. В.С. Христофоров. — М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2012. 576–615. (Далее: Великая Отечественная война. 1942 год. 2012.)

к партизанам или поддерживать их; сами же партизаны милосердие и жалость могли бы принять за слабость. Взятых в плен партизан, подвергнув, в случае нужды, допросу, тут же на месте надо прикончить (расстрелять) либо, для устрашения, где-нибудь в ближайшем селе надо публично повесить. Также мы должны поступать и разоблаченными, попавшими в наши руки помощниками партизан».¹³ В документе даже содержится похвальба в связи с тем, что из-за своей жестокости венгры пользуются у местного населения худшей репутацией, чем немцы. Местные жители говорили: «Партизаны, будьте очень осторожны там, где находятся венгры, потому что венгры еще более жестоки, чем немцы».¹⁴ Из-под пера генерал-майора Отто Абта вышел и следующий недвусмысленный приказ. В приложении № 16 к IV главе постановления № 7400/ММ. А. 1942 О. Абт писал: «Во многих случаях необходимо и устрашение. Например, истребление всего мужского населения».¹⁵

Здесь же партизанами или связными партизан считаются даже дети: В III главе приложения № 16 содержится указание: «Нельзя проявлять снисходительности даже к совсем маленьким детям, потому что, как правило, они — связные партизан».¹⁶

Сам язык документа, отражавшего точку зрения венгерского Генштаба, опирался на нацистскую расовую теорию, объявлявшую русских и евреев людьми низшей расы. Весь этот текст с упоминанием «жидо-коммунистического господства» пропитан идеологией расового антисемитизма. В этой связи имеет смысл процитировать следующий отрывок: «Каждый еврей — независимо от пола и возраста — за

¹³ На венгерском языке: A 10-es számú parancs 1942. 39. На русском языке: Великая Отечественная война. 1942 год. 2012. С. 598.

¹⁴ Оригинальный текст содержался в партизанской телеграмме, перехваченной в Рождество 1941 г. и упомянутой в приказе генерал-майора Отто Абта № 22/108 gy.dd. I.b. от 13 января 1942г., из которого видно, что партизаны выразились жестче: «Выступление венгерских частей оказало большое воздействие на партизан. Это доказывает перехваченная ночью 24/25 декабря радиogramма, в которой говорится: «Партизаны, будьте очень осторожны там, где находятся венгры, потому что венгры ещё более жестокие свиньи, чем немцы». Нбу Gyula: Partizbnok tьkre. Athenaeum, Вр. 1945. 44. (На основании венгерских документов, попавших в качестве трофеев к советским военным соединениям, венгерский эмигрант в СССР Дюла Хаи написал пропагандистскую брошюру «Зеркало партизан», которое впервые было издано на венгерском языке в Москве в 1943 г., а затем и в Будапеште в 1945 г. Далее: Háy 1945).

¹⁵ Háy 1945. 53.

¹⁶ Háy 1945.56.

партизан! Еврейство, оставшееся на захваченной территории, боясь преследования со стороны украинского населения, вначале искало убежища за городскими стенами. Однако, когда загорелось пламя партизанского движения, большинство 14–60-летних евреев-мужчин, руководимое непримиримой ненавистью, питаемой к державам оси, стали искать и находили убежище у партизан, скрывающихся в глубине лесов и в болотах. К этой группе принадлежат также те евреи-военнопленные, которым удалось скрыть свою национальность, ввести в заблуждение немецкое командование, выдав себя за украинцев...».¹⁷

Этот документ появился в разгар Холокоста на оккупированной советской территории. К весне 1942 г., нацисты и их пособники уже уничтожили более 1 миллиона евреев СССР. Из документов выясняется, что венгерские части приняли в этом непосредственное участие. Они играли активную роль в розыске, задержании и ликвидации евреев, спасавшихся от уничтожения, а также в передаче евреев немцам.

В приложении № 16 к печально известному приказу № 10 значилось: «Евреи не могут оставаться в зоне деятельности 2-й армии. После прибытия (вступления) в какое-либо село или город их необходимо немедленно собирать и передавать в ближайшие немецкие жандармские комендатуры. [...] Полное уничтожение евреев является нашим первостепенным интересом».¹⁸

Факты Холокоста отражены не только в советских документах, но и до сих пор замалчиваемых материалах послевоенных венгерских процессов, хранящихся в Историческом архиве служб государственной безопасности в Будапеште (венгерская аббревиатура — ÁBTL). В качестве примера приведем следующую цитату: «старший лейтенант Ласло Чаба: в ноябре 1941 г. на Украине принимал участие в сборе и казни эсэсовцами 400 евреев. Во время казни подчиненные названного лица обеспечивали ее прикрытие».¹⁹

¹⁷ На венгерском языке: 10-es számú parancs 1942. 11. На русском языке: Великая Отечественная война. 1942 год. 2012. 581.

¹⁸ *Nágy* 1945. 49., 58..

¹⁹ ÁBTL 3.1.9. V-14324. 25. При помиловании поденщика Миклоша Острогонаца в конце девятилетнего срока заключения совершенное им преступление было описано так: «Осенью 1941 г. осужденный находился на советском театре военных действий. Однажды ротный командир вызвал из числа подчиненных добровольцев для казни гражданских лиц. Вышло 10 добровольцев, среди которых был и осужденный. После этого ими было расстреляно приблизительно 70–80 гражданских лиц». Там же. 33.

Один из моих докторантов нашел в будапештских архивах документы венгерских солдат, осужденных на послевоенных процессах в Венгрии, которые доказывают их участие в Холокосте. Венгерские солдаты в ходе ликвидации гетто вели евреев к расстрельным ямам, они стреляли в делавших попытку бежать и добивали раненых. Также нашлся пакет фотографий, сделанных венгерскими офицерами на месте массовых убийств. Отражена история массовых убийств евреев в г. Гайсине и его окрестностях.

Заслуживает внимание и документация, отложившаяся в местных постсоветских архивах. Плакаты и листовки оккупационных венгерских военных и административно-гарнизонных комендатур также обращались к местному населению и красноармейцам в духе расизма, национальной вражды, антисемитизма и нацизма.²⁰

Открытие доступа к российским архивам отнимет в будущем у политиков и историков возможность применения «восточноевропейской тактики», в соответствии с которой ответственность за геноцид повсеместно, от Австрии и Венгрии до Латвии, перекалдывается на немцев. Как мы уже упоминали, современная венгерская мейн-стримная академическая историческая наука практически обходит вниманием геноцид и военные преступления, совершенные на советских территориях, как будто эти преступления не являются органической частью венгерской истории. В последние семь десятилетий немцы не перекалдывали ответственности на других, им пришлось до самого конца пройти мучительным, тернистым, чреватым множеством конфликтов путем национального самопознания. Задача венгерских исследователей должна состоять и в том, чтобы в интересах сохранения национального самоуважения, пусть даже с опозданием на десятилетия, взглянуть на страшные события войны как на часть нашей собственной истории, восприняв их без пристрастия — так, как они произошли.

При фиксации фактов геноцида в годы войны, проводившие расследования комиссии сосредоточивали свое внимание на преступлениях, а не на поисках островков человечности в море бесчеловечности. И все же всегда необходимо помнить и о тех сохранившихся

²⁰ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 2100, Оп. 1, Д. 297, Л. 1. В нижней части пожелтевшего печатного плаката видна надпись мелкими буквами «Ung 2».

в народной памяти, нередко ставших легендарными, случаях, когда венгерские солдаты спасали несчастных из рук венгров или немцев, бескорыстно помогали нуждавшимся. Сбор и анализ этих редких фактов особенно важен еще и потому, что, как учит история, можно оставаться человеком и в бесчеловечном мире. Нужно всегда помнить о том, что всегда существует альтернатива бесчеловечности, даже если эта альтернатива связана с риском для жизни.²¹

Все это настоятельно заставляет нас взглянуть в лицо фактам двойного геноцида, осуществленного режимом Хорти: Холокоста и геноцида против остальных народов СССР.²²

Мифологизация Холокоста караимскими общинами России и Израиля

Михаил Борисович Кизилов
(Симферополь, Россия)

Несмотря на то, что о положении и роли караимов во время Холокоста написано достаточно много, данная проблема отнюдь не исчерпана. По-прежнему, до конца не понятен статус и положение караимов во время прихода к власти в Европе фашистских и национал-социалистических правительств; неясно участие караимов в коллаборационистской деятельности; неизвестно точное количество караимов, погибших во время Холокоста и Второй мировой войны и т. д. Доподлинно известно, что, с одной стороны, нацисты целенаправленно не уничтожали караимов, к 1943 г. признав их народом несемитского происхождения, а их религию — некоей синкретической смесью из элементов ислама, иудаизма, христианства и шаманизма. С другой, есть также сведения о том, что некоторое количество караимов (по нашим оценкам, ок. 500–700 человек) было уничтожено германским командованием как евреи или просто как советские граждане, проживавшие на оккупированных территориях¹. Кроме того,

²¹ Возможность выбора существует и в экстремальной ситуации, как выясняется, например, из материалов начавшегося в 1949 г. судебного процесса над добровольным палачем, гонведом Каройем Белше, рассказавшим в свое оправдание о казни советских граждан в 30 км от Воронежа следующее: «Сержант Бароди, (перед казнью обреченных — Т. К.) угостил их сигаретами, от которых они отказались, а на вопрос сержанта Бароди, не боятся ли они смерти, старший по возрасту местный житель ответил, что он старый коммунист, остается коммунистом по сей день и ничего не боится. Тогда старший лейтенант Вильмош Йенеи пришел в ярость и отдал приказ об исполнении казни. Приказ приводили в исполнение гонвед Янош Чорба из поселка Татахаза и другой, неизвестный мне гонвед, имя которого я уже забыл. Янош Чорба немедленно исполнил приказ и выстрелил, в то время как другой гонвед не смог выстрелить, у него дрожали руки, поэтому Вильмош Йенеи закричал на него, что он трус, после чего сержант Бароди взял винтовку из рук испугавшегося гонведа и передал ее мне, а я прикончил 65-летнего старика выстрелом в затылок...» АВТЛ V-34417. 14–15. Кто же был тогда храбрым, а кто трусом...?

²² См. подробнее: Варга Е.М., Краус Т. Замалчиваемый геноцид: венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза / Великая Отечественная война. 1943 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. — М.: Издательство Главархива Москвы, 2013. с. 285–312.

¹ См. важнейшие публикации на тему истории караимов во время Холокоста: Ross D. Acts of Faith. A Journey to the Fringes of Jewish Identity. New York, 1982. P. 131–135; Freund R. Karaites and Dejudatization // Acta Universitatis Stockholmiensis. 1991. №30. P. 84–96; Green W.P. The Nazi Racial Policy toward the Karaites // Soviet Jewish Affairs. 1978. №8. P. 36–44; Green W.P. The Fate of the Crimean Jewish Communities: Ashkenazim, Krimchaks and Karaites // Jewish Social Studies. 1984. №46. P. 169–176; Trevisan Semi E. L'oscillation ethnique: le cas des Caraites pendant la seconde guerre mondiale // Revue de l'Histoire des Religions. 1989. №206. P. 377–398; Trevisan Semi E. The Image of the Karaites in Nazi and Vichy France Documents // The Jewish Journal of Sociology. 1990. №32:2. P. 81–93; Friedman Ph. The Karaites Under Nazi Rule // On the Track of Tyranny / Ed. Max Beloff. London, 1960. P. 97–123; Itzhak Ben-Zvi. The Exiled and the Redeemed / Transl. Isaac A. Abbady. Philadelphia, 1957. P. 155–162; Feferman K. The Fate of the Karaites in the Crimea during the Holocaust // Eastern European Karaites in the Last Generations / Ed. Dan Shapira and Daniel Lasker. Jerusalem, 2011. P. 171–191; Feferman K. Nazi Germany and the Karaites in 1938–1944: Between Racial Theory and Realpolitik // Nationalities Papers 2011. №39:2. P. 77–294; Müller H. (Müller-Sommerfeld H.). Religionswissenschaftliche Minoritätenforschung. Zur religionshistorischen Dynamik der Karäer im Osten Europas. Wiesbaden, 2010. S. 120–162; она же. Gunst und Tragik einer Privilegierung: Karäer im Osten Europas // Judaica. 2011. №67:1. S. 48–96. Наиболее подробно данная тема разбирается в Kizilov M. The Sons of Scripture. The Karaites in Poland and Lithuania in the Twentieth Century. Berlin / Warsaw, 2015. P. 294–369.

некоторые данные указывают, что отдельные караимы участвовали во Второй мировой войне на стороне Германии².

Данная статья, тем не менее, будет посвящена несколько иной теме, а именно, мифологизации холокостной проблематики караимскими общинами России и Израиля, а также их реакции на научные публикации на эту тему. Помимо мифологизации (романтизации) отдельных событий, мы также будем говорить о сознательном умалчивании отдельных фактов, т. к. процессы мифологизаторского «забвения» и «приукрашивания» тех или иных событий, как правило, идут рука об руку.

Прежде чем начать анализировать эту тему, необходимо отметить, что караимы России и Израиля имеют в настоящий момент совершенно разную этническую идентификацию: караимы России и Восточной Европы (проживающие в основном в Крыму, Литве, Польше и Украине) считают себя народом тюркского происхождения, исповедывающим отдельную караимскую религию. В то же самое время караимы Израиля (преимущественно ближневосточного и египетского происхождения) считают себя частью еврейского народа и исповедывают иудаизм караимского (т. е. не-талмудического) образца³. Как следствие, мифологизация участия караимов в Холокосте среди общин России и Израиля имеет различные направления и тенденции. Если для караимов Израиля максимально важно подчеркнуть свою причастность к событиям Холокоста, то для восточно-европейских (и российских в том числе) караимов — с их про-тюркской идеологией и идентификацией — напротив, крайне важно всячески дистанцировать себя от судьбы еврейства во время войны.

² По данным других исследователей (У.П. Грин, Э. Тревисан Семи и др.), основанных на переписке между представителями германского командования, около 500–600 караимов принимали участие в войне на стороне Германии, были сотрудниками штаба Розенберга, полиции и СС (*Trevisan Semi*. L'oscillation. P. 398; *Green*. Fate. P. 174; *Green*. Nazi Racial Policy. P. 40). На наш взгляд, тем не менее, эта цифра является явным преувеличением, и число подобных коллаборационистов не превышало нескольких десятков человек. Кроме того, сотни караимов во время Великой Отечественной войны сражались в рядах Красной армии и партизанских отрядах (см. подробнее в *Kizilov*. The Sons of Scripture. P. 314–316).

³ Подробнее о специфике формирования современной идентичности восточно-европейских караимов см. *Kizilov M.* Social Adaptation and Manipulation of Self-Identity: Karaites in Eastern Europe in Modern Times // *Eastern European Karaites in the Last Generations* / Ed. Dan Shapira and Daniel Lasker. Jerusalem, 2011. P. 130–153.

Приведу несколько примеров подобной мифологизации. Так, о причастности караимов к судьбе европейских евреев в эпоху Шоа писал известный лидер израильской караимской общины, Йосеф бен Овадия Альгамиль, автор многочисленных трудов по истории караимства. Со ссылкой на устный источник (сообщение доктора Ш. Кагана), он утверждал, что лидеры варшавской караимской общины в годы войны сообщили варшавскому раввину, отцу доктора Кагана, о том, что они — евреи, и выразили желание разделить судьбу остальных евреев⁴. Данное утверждение едва ли может быть правдиво по следующим причинам: 1) в Варшаве на тот момент проживало всего лишь несколько разрозненных караимских семей, а не целая община; 2) лидером варшавских караимов был тюрколог профессор Ананьяш Зайончковский, известный своей про-тюркской позицией, не раз заявлявший в своих научных и популярных трудах о происхождении караимов от тюрков-хазар⁵. Благодаря отличным контактам между Зайончковским и его татарскими студентами варшавские караимы даже получили разрешение на использование местной мечети (!) для религиозных целей. В результате деятельности Зайончковского, а также решений, принятых берлинскими нацистскими властями, местные караимы добились получения несемитского статуса для своей общины. Как следствие, сведения Альгамилля полностью расходятся с данными других источников и являются, на наш взгляд, романтизацией реальной истории, согласно которой варшавские караимы старались держать себя максимально далеко от местных евреев. Им это не всегда удавалось.⁶

Кроме того, несколько далее, со ссылкой все на то же устное сообщение Ш. Кагана, Альгамиль пишет, что встреченный отцом Кагана в Вильне (Вильнюсе) караим из Трок (Тракая) сообщил тому, что

⁴ *Algamil Y.* Toldot ha-yahadut ha-karait. Ramle, 1979. Vol. 1. P. 198–200, 212; сравни *Beker A.* Di Karaimer. Historishe iberblik. Tel Aviv, 1986. P. 113–116.

⁵ Подробнее о специфике формирования современной идентичности восточно-европейских караимов см. *Kizilov M.* Social Adaptation and Manipulation of Self-Identity: Karaites in Eastern Europe in Modern Times // *Eastern European Karaites in the Last Generations* / Ed. Dan Shapira and Daniel Lasker. Jerusalem, 2011. P. 130–153.

⁶ К примеру, Лидия Шоле (Каракаш), имевшая семитские антропологические черты, была убита гитлеровцами прямо на улице Варшавы в марте 1943 г. ([*Zajaczkowski A.*] Pamięci tych, co odeszli // *Myśl Karaimska*. 1946. №1. S. 140; *Pawelec M.* Płomień zgasły przedwcześnie // *Awazymyz*. 2011. №1 (30). S. 12–14). Остальных варшавских караимов, тем не менее, нацисты не тронули.

караимы разделяют страдания местных евреев⁷. И это сообщение так же не может отражать историческую ситуацию того региона: в Вильне, Троках и окрестностях этих двух городов, благодаря стараниям караимского *гахамы* и ученого-востоковеда С. Шапшала, караимов практически не трогали.

Другой израильский караимский лидер, Неемия Гордон, предложил воспринимать историю караимов в Восточной Европе во время Холокоста⁸ как пример «неправильно понятой идентичности» (*mistaken identity*). Опираясь на тюркскую идентификацию современных восточно-европейских караимов, Гордон указал на необходимость отделять их от израильских караимов с еврейской идентичностью. Кроме того, по мнению Гордона, все свидетельства источников об участии караимов в анти-еврейских действиях германского командования были ложно интерпретированы современными учеными — преимущественно раввинистического или антисемитского происхождения⁹. Статья Гордона, опубликованная пока только в Интернете, также явственно искажает исторические реалии: автор не только верит в псевдонаучную теорию о мнимом «тюркском» происхождении караимов, но и обвиняет еврейских авторов в тенденциозном анти-караимском подходе к анализу событий Холокоста. Позиция Гордона, резко отличающаяся от позиции Альгамилля, может быть объяснена прежде всего личным фактором: Альгамиль был рожден в караимской общине, в то время как Гордон, изначально бывший евреем-раввинистом, присоединился к ней уже в зрелом возрасте. Возможно, именно по этой причине Гордон активно поддержал в данной публикации идею о том, что восточно-европейские караимы были тюрками-прозелитами, присоединившимися к караимской общине в хазарское время.

Тенденциозность восточно-европейских караимских авторов имеет прямо противоположную направленность. В течение длительного времени (приблизительно до конца 1990-х гг.) местные караимы предпочитали вообще не говорить о событиях этой страшной эпохи. Подчеркивались только участие караимов в военных действиях Крас-

⁷ *Algamil*. Toldot ha-yahadut... 212.

⁸ Сам Гордон, по какой-то причине, пишет в данной статье (за исключением титула) слово «Холокост» с маленькой буквы.

⁹ *Gordon N.* Karaites in the Holocaust? A Case of Mistaken Identity // <www.karaite-korner.org/holocaust.htm>.

ной армии, союзников и партизанских отрядах. Лишь позднее стали упоминать о караимах, погибших на оккупированных территориях, приводить цифровые данные и списки погибших¹⁰. Тем не менее, до сих пор община предпочитает не упоминать о предполагаемом расстреле караимов в Бабьем Яру — по всей видимости, по той причине, что большинство расстрелянных там были евреями¹¹. Лишь сравнительно недавно караимы стали публиковать мемуарную литературу о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн; при этом первым автором, опубликовавшим свои воспоминания, был С.М. Альянаки, происходивший из смешанной караимо-еврейской семьи¹².

В караимской литературе, опубликованной в Восточной Европе в последние годы, предпочитают также не упоминать об известном эпизоде 1942 г. с участием М. Балабана, З. Кальмановича, И. Шиппера, Я. Шалла и др. еврейских ученых. Получив приказ от немецкого командования создать исторические работы по истории караимов, все из вышеуказанных авторов, несмотря на то, что они считали последних этническими евреями, сообщили нацистам о тюрко-монгольском происхождении караимов¹³. Это, вне всякого сомнения, помогло караимам позднее получить освобождение от еврейских законов Рейха и избежать уничтожения (при этом все из вышеуказанных еврейских ученых были позднее расстреляны нацистами). Несмотря на то, что этот исторический эпизод упоминается практически во всех исследованиях западных ученых, караимские авторы прак-

¹⁰ *Фуки А.И.* Караимы: Сыновья и дочери России. Рассказы и очерки об участии в боях от Крымской войны до Великой Отечественной. М., 1995; *Zajončkovskis M.* Karaimai kariuomenėje = Karajlar javanlychta = Karaims on [sic] military service = Karaimi na žolnierse = Караимы в армии. Vilnius, 2000; *Кронотов В.С.* Военные традиции крымских караимов. Симферополь, 2004; Караимская народная энциклопедия. Т. V. СПб., 2006. С. 407–428 и др.

¹¹ Дискуссию о предполагаемом расстреле караимов в Бабьем Яру см. *Kizilov*. The Sons of Scripture. P. 304–305. Отметим, впрочем, что недавно в Интернете появился подготовленный караимскими авторами список убитых и замученных в годы войны караимов (<www.karaims.com/page.php?cod=ru&page=225&node=215&p=288>). Это свидетельствует о том, что часть караимов предпочитает историческую правду вместо рассказней о том, что «нацисты не трогали караимов».

¹² *Альянаки С.М.* О том, что помню... Феодосия, 1998; *Тонгур В.* Фронтовой дневник (1941–1945) / Ред. Э.И. Лебедева, В.Н. Лебедев. Симферополь, 2006; *Pilecki S.* Chłopiec z Leśnik. Dziennik z lat 1939–1945. Wrocław, 2009; *Urzeczeni Orientem*.

¹³ Первым об этом интереснейшем эпизоде сообщил Ф. Фридман, к которому нацисты в годы войны также обращались с подобной просьбой (*Friedman Ph.* The Karaites Under Nazi Rule).

тически игнорируют его — или же упоминают о нем в совершенно неверной, искаженной манере¹⁴.

Кроме того, во многих публикациях русскоязычных караимских авторов последних лет присутствует нескрываемая гордость по поводу того, что, дескать, даже нацистские ученые признали антропологическое тюркско-монгольское происхождение караимов и, как следствие, делали им всяческие послабления и поблажки¹⁵. При этом авторы без всякого зазрения совести печатают переводы статей нацистских «ученых» военного времени как «весомое доказательство» своего нееврейского происхождения¹⁶. Тем не менее, общеизвестно, что профессиональная пригодность и объективность нацистских антропологов, мягко говоря, вызывает сомнения. По этой причине, ссылаться на псевдонаучные работы того страшного времени как на академические «доказательства», безусловно, совершенно невозможно.

О том, что в действительности караимы вплоть до самого последнего момента оккупации опасались расстрела, свидетельствуют многие независимые источники. К примеру, В. Поляков писал в воспоминаниях о том, что «десятки людей рассказывали мне, как ужасно чувствовали себя караимы, опасаясь в любую минуту разделить судьбу евреев, крымчаков, цыган»¹⁷. Не будем также забывать о том, что, несмотря на официальный несемитский статус общины, дискуссия

¹⁴ *Казас М.М.* Караимов забывают спросить // Крымское время. 23.10.1996; *Спаский-Борю Ю.* Караимы отвечают // Крымское время. 23.10.1996; *Кропотов.* Военные традиции. С. 124–125.

¹⁵ Автор лично был свидетелем того, как в июне 2012 г. один из караимских гидов, водивших по Тракаю израильскую (!) экскурсию, с энтузиазмом рассказывал об отличных отношениях между караимами и немецкими оккупационными властями, не замечая, как вытянулись при этом лица его изумленных слушателей. О подобной сомнительной «гордости» также с изумлением писал немецкий автор К.М. Гаусс (*Gauß K.-M.* Die fröhlicher Untergeher von Roana. Vienna, 2009. S. 131).

¹⁶ К примеру, были переведены и перепечатаны статьи следующих нацистских и антисемитских авторов: *Steiniger F.* Bilder von Karäimen und Tataren im Ostland // Natur und Volk. 1944. №77. S. 39–48, 78–83 (статья переведена на русский: *Штейнигер Ф.* Караимы и татары восточных земель // Крымские караимы. Историческая территория, этнокультура / Ред. Полканов Ю.А. Симферополь, 2005. С. 153–158); *Вейссер О.* Караимы // Голос Крыма. № 88. 25.07.1943 (перепечатана как *Вейссер О.* Караимы // Таврические ведомости. № 26 (Июль 1993)); *Абданк-Коссовский Вл.* Караимы // Парижский вестник. №74. 13.11.1943. С. 3, 7 (перечатана в сборнике Мозаика культуры крымских караимов / Сост. Н.А. Зинченко-Кефели, А.Д. Максимук, А.Ю. Полканова. Симферополь, 2006. С. 59–64).

¹⁷ *Поляков В.* Клад и другие караимские истории. Симферополь, 2004. С. 75

об этническом происхождении караимов велась в нацистских кругах вплоть до мая 1945 г.

По всей видимости, именно в этом же контексте следует рассматривать стихотворение современной караимки, Вероники Бойко (Синани), в котором автор интерпретирует принятие Талмуда крымскими тюркоязычными евреями-крымчаками как решающего судьбоносного фактора, приведшего крымчаков к гибели. В то же время караимы, которые не признавали Талмуда, были, напротив, спасены. Поэтесса пишет:

*Крымчак обижен, что караев¹⁸
В войну не трогали совсем,
Что не считали за евреев
И не отдали под расстрел¹⁹.*

Как явствует далее из этого стихотворения, виновата в этой «обиде» крымчаков на караимов, по мнению Бойко, некая «умелая рука», под которой надо понимать, по-видимому, мировой сионизм²⁰.

Наибольший интерес для нашей темы вызывает, пожалуй, книга евпаторийского караима В.С. Кропотова, в которой автор не только подробно разбирает историю караимов Восточной Европы, но и активно полемизирует с западными учеными, писавшими ранее на эту тему. По мнению автора, другие ученые пришли к неверным выводам в связи с изначально неправильными установками, обусловленными, как явствует из слов Кропотова, прежде всего, их еврейским происхождением. Признавая, что отдельные караимы «могли вступать в фашистскую армию», Кропотов полностью отрицает возможность массового участия караимов в действиях оккупационных властей, т. к. «таковые не прослеживаются ни в отечественных, ни в зарубежных документальных источниках»²¹.

¹⁸ Этим псевдотюркским термином современные идеологи караимов зачастую называют собственный народ, чтобы избежать ассоциации с древнееврейским термином *караим* (читающие, сведущие в Писании)

¹⁹ *Бойко В.* Мои святыни. Симферополь, 2008. С. 54.

²⁰ Там же. Говорю об этом, естественно, с печальной иронией.

²¹ *Кропотов.* Военные традиции. С. 124–125. Подробнее об этих расстрелах см. *Kizilov.* The Sons of Scripture. P. 303–307, 355, 370.

Соглашаясь с Кропотовым, что сотрудничество караимов с нацистами не носило массового характера, не могу не отметить, что нами все же было обнаружено несколько архивных источников, в которых упоминаются имена и фамилии караимов, в той или иной степени (вплоть до службы в Вермахте, институтах СС, Айнзатцштабе Розенберга, Службе безопасности и т. п.) сотрудничавших с немецкой администрацией в Крыму, Литве, Польше и Германии²². Особым цинизмом, на наш взгляд, является принижение подвига еврейских ученых (М. Балабана и др.), вопреки собственным убеждениям, засвидетельствовавших перед нацистами «несемитское» происхождение караимов. Вместо того, чтобы выразить благодарность мученикам от науки, позднее безжалостно уничтоженным нацистами, Кропотов снисходительно утверждает, что действия еврейских ученых не имели особого значения в деле спасения караимов²³. Кроме того, автор — сознательно или нет — не упоминает о расстрелах Краснодар, Новороссийска, Риги, Посволя (Пасвалиса) и, предположительно, Киева, где караимы были уничтожены как представители еврейского населения²⁴. Таким образом, несмотря на желание быть объективным и незаинтересованным, Кропотов, безусловно, представляет совершенно искаженную картину данной темы.

Неверно также и недавнее утверждение Д.З. Тирияки, нынешнего *газзана* (главы) Евпаторийской караимской общины, о том, что «караимов фашисты по этническому или религиозному признаку не истребляли»²⁵. Как мы упоминали выше, в некоторых населенных пунктах караимов расстреливали именно по этническому признаку, т. е. как евреев; добавим также, что т. н. «русских караимов» (т. е. русских прозелитов, принявших иудаизм караимского неталмудического образца) расстреливали и по религиозному признаку.

²² *Kizilov*. The Sons of Scripture. P. 313–316. Дополнительные данные о караимско-коллаборационистах, недавно обнаруженные нами в архиве Американского государственного мемориального музея Холокоста в Вашингтоне, ожидают публикации. Повторимся: число караимских коллаборационистов не превышало нескольких десятков, в то время как сотни караимов героически сражались с нацизмом в рядах Красной армии и партизанских отрядах.

²³ *Кропотов*. Военные традиции. С. 124–125.

²⁴ Подробнее об этих расстрелах см. *Kizilov*. The Sons of Scripture, pp. 303–307, 355, 370.

²⁵ См. Известия Духовного управления религиозных организаций караимов. №15 (24). 2015. С. 1

Подводя итоги, отметим, что проблематика даже таких трагических событий, как Холокост или, скажем, армянский геноцид и депортация крымских татар, зачастую «романтизируется», искажается и инструментализируется учеными и национальными лидерами для достижения тех или иных идеолого-политических задач. В данном случае, наблюдатель может видеть явственное искажение проблематики Холокоста караимскими лидерами, как Израиля, так и Восточной Европы (прежде всего, в Республике Крым). Если для караимов Израиля важно продемонстрировать причастность караимской общины Восточной Европы к трагическим событиям Шоа, то для караимов Крыма, с их тюркской идентификацией, напротив, важно максимально дистанцироваться от уничтожения евреев и представить свою историю этого периода в контексте истории и депортации крымских татар. И та и другая тенденция, тем не менее, явно искажает реальный ход событий.

Alfred Rosenberg, the Holocaust, and the War of Destruction in the East: Recent Findings from the Rosenberg Diaries

Frank Bajohr
(Munich, Germany)

In 2013, diary notes and a large quantity of formerly unknown writings of the Nazi chief ideologue, Alfred Rosenberg were discovered in the United States, in the scattered archival collections of the former American prosecutor at the Nuremberg War Crimes trials, Dr. Robert Kempner. After using them as documents in the trial, Kempner had taken Rosenberg's papers to the United States where they had disappeared into his private files and lain there forgotten for many decades. This year they were published as a result of a joint project of the Mandel Center for Advanced Holocaust Studies at the United States Holocaust Memorial Museum in Washington and the Center for Holocaust Studies at the Institute for Contemporary History in Munich.¹

This German edition will be followed by English, French, Spanish, Polish, and Portuguese editions in the coming years.

Limited space renders it impossible to give a concise overview of all aspects of this almost unique source, for only a few leading Nazis kept diaries. Most of them saw themselves as «men of action», rather than reflective penpushers. Among Hitler's top aides, only two wrote extensive diary notes: one was Propaganda Minister Joseph Goebbels, the other was Alfred Rosenberg, chief ideologue of the Nazi party and later Reich Minister for the Eastern Occupied Territories, in charge of an area where, in the second half of 1941, the transition from the persecution of Jews to their systematic extermination took place. Therefore I would like to concentrate on two aspects of the diary and the documents that are of particular importance for this conference. First I would like to touch on Rosenberg's crucial role as ideologue. This «godfather of National Socialism», as Hitler used to call him, was responsible for the ideological foundation for the German war of destruc-

¹ Jürgen Matthäus/Frank Bajohr (eds.), Alfred Rosenberg. Die Tagebücher 1934–1944, Frankfurt am Main 2015. All following quotes refer to this publication and have been translated into English.

tion in the East. Second, I would like to examine Rosenberg's role in the cumulative radicalization of Nazi anti-Jewish policies leading finally to the Holocaust. This also gives me the opportunity to emphasize and to re-examine the role of the ideological core of the Holocaust. Research in the last two decades has very much concentrated on developments at the periphery, illuminating the Holocaust as a European phenomenon and analyzing the social processes in which the Holocaust was embedded in the various European countries. However, Germany's crucial role in this development should not be forgotten, especially Alfred Rosenberg's functional fusing of antisemitic and anti-Bolshevist theory and political practice.

Alfred Rosenberg, born in 1893 in Reval to Baltic German parents, had studied architecture before leaving Russia for Germany in 1918. Rosenberg quickly found a home in the right-wing radical movement evolving in the city of Munich, with its strong antisemitic and anti-democratic orientation. From 1921 he worked for the Nazi party's flagship newspaper, *Völkischer Beobachter*, whose editor he became in 1923. In the eyes of Hitler and other Party leaders, Rosenberg had what few could offer: firsthand experience of the Russian Revolution of 1917 and a relentless commitment to fighting Bolshevism as a Jewish attempt to rule the world. In his diary entries and other writings Rosenberg never left any doubt about his unshakable adherence to antisemitic and anti-Communist goals. Already in his early books published at the beginning of the 1920's, Rosenberg connected anti-Semitism and anti-Bolshevism, and this ideological fusion decisively influenced Hitler's ideas as expressed in his book *Mein Kampf*. Undoubtedly it was Alfred Rosenberg who laid the ideological foundations for the German war of destruction in the east.

For Rosenberg, «the Jew» as the personification of the negative principle, the «anti-race», formed a central element in his binary worldview. Anti-Semitism helped structure a highly unstable ideological construction and hermetically seal it against unwanted intrusions by reality or humanistic compassion. In Rosenberg's mind, the so-called «Jewish spirit» had not only hatched Communism, but also permeated Christianity and dominated western democracies, all of them based on universalistic ideas of human rights and human equality while ignoring the basic importance of blood and race. In order to liberate the Nordic race, one

had to drive the axe into the root of the problem and neutralize — ideally eliminate — the «Jewish influence».

Hitler regarded Rosenberg as a uniquely competent and trustworthy advisor on all issues related to «world Bolshevism» and the «Jewish question». Apart from Rosenberg's functions as chief ideologue, in particular as so-called Plenipotentiary of the Führer for Supervising Nazi Party Ideological Training, Hitler already planned in the mid-1930s to grant Rosenberg special powers for breaking up Stalin's empire and German expansion. As becomes clear in the diary, both discussed in June 1937 the creation of a «central office for the defense against world Bolshevism», with Rosenberg at its head. Although these plans did not become reality due to other priorities in German foreign policy at the time, they undoubtedly paved the way for Rosenberg's appointment as Reich Minister of the Occupied Eastern Territories in 1941.

As far as the so called «Jewish question» was concerned, Rosenberg advanced radical ideas of the total expulsion of Jews from all European countries. In 1939, he suggested concentrating them in remote territories like Madagascar. Beyond his core role as Nazi ideologue, Rosenberg was unable to secure a decisive function in the implementation of Nazi policies at that time. His anti-Soviet intentions suffered a severe blow when, in late August 1939, his old enemy Ribbentrop managed to conclude a non-aggression pact with Stalin. Rosenberg's diary entries in the days after the surprise announcement of the Hitler-Stalin deal hint at a sense of betrayal; how could the regime ally itself with a government «which we had proclaimed for twenty years now to be Jewish gangsterism? The Führer said about four years ago, in my presence, to a foreigner: He can't go along with Moscow because it is not possible to forbid the German people to steal and simultaneously maintain a friendship with thieves».

Nevertheless Rosenberg acquired certain executive powers in the first phase of the Second World War. In October 1940, after the German victory over France, he was put in charge of the newly formed Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg (Rosenberg Task Force), a sprawling organization devoted to the systematic looting of Jewish libraries, archives, art collections, and other assets in countries overrun by the German army. His task force was not the only Nazi agency involved in the theft of Jewish property, but it quickly became the most successful: less than one

year after its founding, Rosenberg's men had robbed artwork of a value amounting to more than one billion Reichsmark.

In the next months, Hitler's decision to attack his Soviet ally brought Rosenberg into the innermost circle of the Führer's advisors. In late January, Hitler had agreed to Rosenberg's proposal for an inaugural international conference of the Institute for Study of the Jewish Question to be held at the end of March in the city of Frankfurt am Main. By that time, the unprecedented radicalism of the regime's plans for the elimination of its archenemy, «Jewish Bolshevism», had become apparent. Rosenberg gave the final talk at the conference on, «The Jewish Question as a Global Problem», which was broadcast live on German radio. Rosenberg underlined that «the Jewish question will not be solved until the last Jew has left Europe altogether.» Determined to confront «one of the most important problems in the context of overall European politics», he expressed his confidence that «all the peoples of Europe will ultimately march behind this cleansing».

Rosenberg's address mentioned neither Madagascar nor any other precise destination to which the European Jews were to «leave.» Given his earlier elaborations in this direction, this might seem odd; yet conditions had changed and Rosenberg knew it. With the planning for Operation Barbarossa, Nazi leaders saw a solution to the «Jewish question» dawning on the eastern horizon. None among Hitler's aides was more interested in bringing about radical change in the Soviet Union than Rosenberg, who must have absorbed the rumors about the impending German attack with growing anticipation.

When, on April 2, 1941, he had a chance to discuss the «Russian question» with Hitler, he felt he had scored the biggest success of his political career. The diary entry for the evening of that day opened with a quote from Hitler — «Rosenberg, now your great hour has come» — which could not have been more encouraging. Rosenberg continued in his entry:

«The Führer then expanded in detail on the prospective development in the East, which I do not want to put down in writing today. But I will never forget it. At the end, he said: I want to set up an office here for this whole Russian question, and you are the one I want to take it on.

Twenty years of anti-Bolshevist work are thus to have their political, indeed world-historical, effect.... Millions....and their lot in life are

thus placed in my hands. Germany can be delivered for centuries from a pressure that has weighed on the country repeatedly, taking on a variety of forms. What does it matter whether millions of others one day curse the enforcement of this imperative, if only a great Germany to come blesses these actions of the near future!»

Rosenberg's staginess and pompous style of writing could not conceal the bloody consequences of the war of destruction for «millions of others». On the same day, April 2, Rosenberg handed a memorandum to Hitler that was much more unconcealed. «Greater Russia» with Moscow as its center was to be crippled by completely destroying «the Bolshevik-Jewish state apparatus» and using the region as a «deportation destination for unwanted population elements». Concerning German treatment of «unwanted» groups in general and Jews in particular, it was Rosenberg who, based on his long-held convictions, had the broadest vision, a vision he expected his key administrators to share. Rosenberg saw the war in the East as a chance to develop new, more effective and—given the parameters of German planning—more radical methods, if one kept an open mind to the possibilities offered by the course of events. This was reflected in the propaganda guidelines his new office developed in the spring of 1941. The «Jewish question», the guidelines projected, could «be solved to a significant degree by giving free rein to the population for some time after the occupation». Especially in Ukraine, locals were expected to «proceed to large scale Jewish pogroms and murders of Communist functionaries»; thereafter, the only task left to the Germans would be «to attend to the remaining oppressors». Rosenberg was not the only Nazi leader expecting locals to help bring the «Jewish question» closer to a «final solution» by way of pogroms and murder. But he was the first to translate this idea into an plan of action.

While Rosenberg and the other Nazi leaders agreed on the war of destruction against Jews and Communists and the basic principles of the racial restructuring of the East, differences of opinion became visible when it came to the question of an independent Ukrainian nation state. In Rosenberg's conception people in the Baltic States, the Ukraine, and the Caucasus region should be utilized by the Germans as allies, and should serve as a long-term protective shield against Russia. According to Rosenberg's diary notes, Hitler remained undecided

on this question even weeks after the beginning of Operation Barbarossa. However, Rosenberg's ideas for a differentiated treatment of East European nations did not succeed in the long run, because the war of destruction and the logic of economic exploitation unfolded a specific dynamic and buried ideas of independent East European nation states under German hegemony.

Concerning the Jews in the East, Rosenberg's initiatives lacked any kind of differentiation. Only recently have scholars acknowledged how decisive the arrival of Rosenberg's civil administrators was for the escalation of anti-Jewish mass violence. In his groundbreaking study on the Holocaust in Lithuania, historian Christoph Dieckmann points to the spiking of mass executions in many districts since late July 1941 after the arrival of RKO officials under Generalkommissar Theodor Adrian von Renteln. The involvement of Rosenberg's men in anti-Jewish measures was a matter of active choice, not an assigned one. At a time when, as Rosenberg confided in his diary, «history is looking over our shoulders», his ideological convictions and pragmatic flexibility made him as susceptible to the «radical treatment of the Jewish question» as Himmler's Einsatzgruppen officers. Looking beyond the difficulties of practical implementation, his gaze was fixed on the potential of the present for advancing Nazi goals well into the future. «Now that the Jews and Communists have been eradicated», he wrote in mid-September regarding the situation in Latvia, «the people are coming back to life again.» For «the East» to become the locus of genocide on a continental scale, the convergence of decisions made centrally in Berlin, pressure from regional officials, and violent determination at the periphery was required. Rosenberg played a key role in creating this convergence. In these decisive weeks, Rosenberg sensed the opportunity for fostering a comprehensive approach to solving the «Jewish question» not in some remote place, but in the territory administered by him, after he was formally appointed Reich Minister for the Occupied Eastern territories on July 17, 1941. In early September the Ostminister saw an opportunity when news reached Berlin about Stalin's plan to deport ethnic Germans living in the Volga region to Siberia. According to his diary, Rosenberg submitted a proposal to Hitler to threaten the Allies that «if this mass murder [that is, the deportation of the Volga Germans] were to be carried out, Germany would make the Jews of central Europe suffer for it.»

In the afternoon of September 17, 1941, Hitler therefore decided to have the Jews from the Reich and the Protectorate in the Czech lands deported, not sometime after the war, but as soon as possible. Given the dramatic events in these crucial weeks and the many players involved, it is difficult to gauge the individual role of high-ranking Nazis. By mid-October 1941, Rosenberg had projected the deportation of Jews from the Reich, from the Generalgouvernement and from Western Europe as well as the «removal» of other undesirables to the very territory he was in charge of — a region that in the preceding months had seen an unprecedented explosion of violence by German agencies determined to destroy «Jewish Bolshevism», to expand the Reich's borders, and to redraw the ethnic map of Europe.

In a confidential press briefing in Berlin on November 18, 1941, following the official announcement of the creation of his ministry, Rosenberg articulated his goals unmistakably:

«At the same time, this East is called upon to solve a question that is posed to the peoples of Europe: it is the Jewish question. Around six million Jews still live in the East, and this problem can be solved only by a biological extermination of all of Jewry in Europe [*biologische Ausmerzung des gesamten Judentums in Europa*]. The Jewish question is only solved for Germany when the last Jew has left German territory, and solved for Europe when not a single Jew stands on the European continent as far as the Urals. That is the task that fate has set for us.»

At that time the mass killings of Jews in the East since June 22, 1941, had finally developed into a systematic program of genocide affecting all Jews in all European states. Although Heinrich Himmler and the SS were those who carried out systematic mass murder, Rosenberg played a major and active role in this development that led to the Holocaust. First as ideologue propagating the idea of fighting against «Judeo-Bolshevism» since the early 1920s, and second as Reich Minister propagating a «final solution of the Jewish question» in the territory he was in charge of. In a speech given after the battle of Stalingrad, Rosenberg made this unambiguously clear: the goal remained «to eradicate this dirt, and what is happening today by excluding the Jews from all countries of the European continent is also a kind of humanism, a tough, biological humanism». Again Rosenberg confessed to the old goal: «The

Jewish question in Europe and in Germany will only be solved when there is no longer a single Jew on the European continent».

On the whole Rosenberg's diary and additional writings present an important addition to existing documents enabling us to evaluate the development of the Holocaust. In particular, the material facilitates a clearer assessment of Rosenberg's role in shaping the regime's plans and policies, and it finally emphasizes the role of the ideological center for the genocidal practice.

Юлиус Штрейхер на Нюрнбергском процессе: советские свидетельства

Александр Михайлович Ермаков
(Ярославль, Россия)

Нюрнбергский Трибунал признал виновным по четвертому разделу обвинительного заключения «Преступления против человечности» и приговорил к смерти через повешение гауляйтера Франконии Юлиуса Штрейхера — патологического юдофоба, который всю свою жизнь посвятил пропаганде антисемитизма. В то время как отечественными историками не создано ни одной специальной работы о Штрейхере, за рубежом политическая биография «профессионального антисемита» и его еженедельник «Штюрмер» изучаются уже в течение нескольких десятилетий. Обращаясь к последним месяцам жизни Штрейхера, исследователи, помимо документов Нюрнбергского процесса, привлекают свидетельства, оставленные американскими участниками событий — психиатрами Густавом Гилбертом и Леоном Голденсоном. «Нюрнбергский дневник» Гилберта был обнародован почти семьдесят лет назад, он использовался авторами первых научных работ о Штрейхере¹ и популярен до сих пор. «Нюрнбергские интервью» Голденсона, введенные в научный оборот не так давно, были быстро взяты на вооружение биографами Штрейхера и исследователями нацистского антисемитизма².

Иначе обстоит дело со свидетельствами советских людей — участников судебного процесса и тех, кто имел возможность непосредственно наблюдать за происходящим в зале суда и вне его. Их впечатления об «антисемите номер один», зафиксированные в газетных статьях и очерках 1945–1946 гг., а также в воспоминаниях, до сих пор не были приняты во внимание историками. Изучение этих источников дает возможность узнать, какой образ Штрейхера сформирова-

¹ См., напр.: Hahn F. Lieber Stürmer! Leserbriefe an das NS-Kampfblatt 1924–1945. Eine Dokumentation aus dem Leo-Baeck-Institut. — Stuttgart, 1978. S. 265.

² Ruault F. «Neuschöpfer des deutschen Volkes». Julius Streicher im Kampf gegen «Rassenschande». -Frankfurt am Main, New York, 2006. S. 550; Ruault F. Tödliche Maskeraden: Julius Streicher und die «Lösung der Judenfrage». — Frankfurt am Main, 2009. S. 402; Roos D. Julius Streicher und «Der Stürmer» 1923–1945. — Paderborn, 2014. S. 518.

ли СМИ у советского населения во время Нюрнбергского процесса, какие представления о нем закрепились в исторической памяти после суда над нацистскими преступниками. Важно подчеркнуть, что благодаря этому, читатель получал представление, пусть и весьма дозированное, о масштабах и формах преследования евреев в Германии.

Первыми, кто в Советском Союзе публично выразил свое мнение о Штрейхере, были журналисты центральных и республиканских газет, аккредитованные на Нюрнбергском процессе. Чаще всего его имя встречается в статьях корреспондента «Комсомольской правды» С. К. Крушинского; упоминали Штрейхера Л. М. Леонов, Вс. В. Вишневский и В. А. Величко, писавшие для «Правды»; И. Г. Эренбург, публиковавшийся в «Известиях»; Ю. В. Корольков («Красная звезда»), С. И. Кирсанов («Труд»). В «Правде» и «Известиях» помещал свои статьи консультант советской делегации академик А. Н. Трайнин. Их мнение о человеке, «с остервенением распространявшем отравленные человеконенавистнические идеи» (В. Величко), совпало с официальным советским дискурсом и выражалось, главным образом, с помощью описания внешнего облика и поведения Штрейхера или же преподносилось в виде обобщающих характеристик. Вот как выглядел нацистский антисемит глазами советских писателей: у него «отвратительное лицо» (Вс. Вишневский); «похож на старую жабу» (И. Эренбург). Многие корреспонденты обращали внимание на то, что «на суде Штрейхер невозмутимо жует» (С. Кирсанов), «жует, ворочая челюстями, как свинья в хорошо унавоженном хлеве» (С. Крушинский). Читатели «Комсомольской правды» могли ознакомиться с такой зарисовкой С. Крушинского: «Вот Штрейхер, прослушав тексты еще нескольких нарушенных Германией договоров, снимает наушники и начинает сосредоточенно что-то жевать. Он не интересовался подобным чтением в притонах Нюрнбергских насильников, не желает утруждать себя им в зале суда»³. Только однажды была зафиксирована иная реакция Штрейхера на происходящее в зале суда: когда в феврале 1946 г. на процессе давал показания узник Виленского гетто писатель А. Г. Суцкевер, бывший издатель «Штюрмера» «почти спрятался за барьер»⁴.

³ Крушинский С. Международные громилы // Комсомольская правда. 1945. 8 декабря. С. 4.

⁴ Крушинский С. Простые слова // Комсомольская правда. 1946. 1 марта. С. 3.

В статьях советских журналистов о Штрейхере высказывались следующие суждения: «мерзавец», «растлитель малолетних и погромщик», «вислогубый кумир нюрнбергских притонов», голова которого «создана для того, чтобы об нее разбивали пустые бутылки» (С. Крушинский), «невежественный провинциал с уголовным прошлым» (И. Эренбург), «громил» (Ю. Корольков), «один из самых отвратительных военных преступников, растлитель малолетних», «убежденный погромщик» (А. Трайнин), который «посещал притоны вместе со своим сыном» и которого с Гитлером «объединяли в прошлом общие похождения» (С. Крушинский). Информация о том, что Штрейхер растлевал малолетних, еще в 1930-е гг. распространялась в Швейцарии, Польше, Франции⁵, встречалась в советской публицистике⁶ и восходит, по-видимому, к пропаганде немецких антифашистов, которые еще до прихода Гитлера к власти нередко бросали своим политическим противникам обвинения в сексуальных преступлениях или извращениях. В репортажах с Нюрнбергского процесса советские журналисты сообщали, что в отношении Штрейхера «в том же Нюрнберге двадцать лет тому назад велось следствие о растлении им малолетней» (И. Эренбург) или даже, что он «судился 12 раз за все виды распутства» (Л. Леонов). В годы Веймарской республики Штрейхер действительно не раз представлялся перед судом, но по обвинениям в оскорблениях и клевете в связи с его публичными выступлениями и публикациями «Штюрмера»⁷. Для советской пропаганды было удобнее утверждение о том, что один из обвиняемых — насильник и растлитель. Позднее оно воспроизводилось в воспоминаниях участников Нюрнбергского процесса и советской научной литературе. Например, Д. Е. Мельников и Л. Б. Черная, доказывая, что на ранних этапах гитлеровского движения поставщиком кадров для него стал преступный мир, ошибочно заявляют, будто Штрейхер, «получил на заре своей карьеры четыре года тюрьмы за сексуальное преступление, жертвой которого стала девятилетняя девочка»⁸.

Бросается в глаза, что рассуждая о Штрейхере, советские журналисты старались обойти причину, по которой он оказался на скамье подсудимых,

⁵ См., напр.: Julius Streicher // PariserTageblatt. 1934. 26. Mai. S. 2.

⁶ Корнев Н. Третья империя в лицах. -М., 1937. С. 451.

⁷ См.: Roos D. Op. cit.

⁸ Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Преступник №1. Нацистский режим и его фюрер. — М., 1991. С. 60.

димых, — пропаганду антисемитизма. Переводчик О. А. Трояновский, присутствовавший на Нюрнбергском процессе в течение первых шести месяцев, основываясь на собственных впечатлениях, пишет, что «особенно много внимания уделялось документальным материалам о поголовном уничтожении еврейского населения»⁹. Корреспонденты не могли не замечать этого, но учитывали социальный заказ и сосредоточивались на отвратительных чертах личности издателя «Штюрмера», а не на его вульгарных антисемитских взглядах и их пропаганде. Одним из немногих, кто прямо писал о Холокосте в связи со Штрейхером, был И. Г. Эренбург. Еще во время войны он поставил своей задачей информирование читателей об уничтожении еврейского народа, умело обходя цензурные ограничения¹⁰. В статье «Мораль истории» (1 декабря 1945 г.) писатель отметил, что на совести патологического юдофоба — «миллионы евреев всех европейских стран». В статье «Час ответа» (4 декабря 1945 г.) он еще раз напомнил, что нацистский антисемит «повинен в смерти миллионов евреев». На завершающем этапе процесса, когда подсудимые произносили последнее слово, в статье А. Н. Трайнина «У последней черты» (7 сентября 1946 г.) было кратко сказано, что Штрейхер — «бесшумный редактор отвратительного листка «Дер Штюрмер», изо дня в день призывавшего к истреблению евреев».

Некоторые журналистские работы, содержавшие характеристики Штрейхера, были еще раз опубликованы в 1966 г. в отдельном сборнике¹¹. В этот же время вышли в свет и первые воспоминания участников и очевидцев Нюрнбергского процесса: писателей И. Г. Эренбурга (1966), Б. Н. Полевого (1966) и руководителя советского военного секретариата в Нюрнберге А. И. Полторака (1965). К 40-летию процесса была приурочена публикация воспоминаний помощника главного обвинителя от СССР М. Ю. Рагинского (1986). В этих свидетельствах появились новые подробности о Штрейхере. Например, Б. Полевой утверждал, что во время выступления советского обвинителя Р. А. Руденко бывший гауляйтер Франконии «истерически кашлял и хохотал». В следующие дни процесса, когда выступали свидетели нацистских преступлений, а обвинители демонстрировали суду образцы человеческой

⁹ Трояновский О. А. Через годы и расстояния. История одной семьи. — М., 1997. С. 113.

¹⁰ Холокост на территории СССР: энциклопедия. -М., 2011. С. 1112–1113.

¹¹ Суд истории. Репортажи с Нюрнбергского процесса. — М., 1966.

кожи и другие вещественные доказательства, Штрейхер запомнился Полевой «то в состоянии прострации, то тупо ковыряющим в носу»¹². И. Г. Эренбург вспоминал, что во время оглашения документов о массовых убийствах нацистский антисемит «жевал бутерброды»¹³. Новыми по сравнению с публикациями 1945–1946 гг. были сведения об отношениях между издателем «Штюрмера» и другими нацистскими преступниками. «Многие открыто сторонились Штрейхера, — пишет А. И. Полторак. — Отношение к нему других обвиняемых с предельной ясностью выразил Функ: «Я достаточно наказан уже тем, что вынужден сидеть рядом со Штрейхером на скамье подсудимых». Не общался с ним и Геринг, не забывший конфликт 1940 г. Бывший франконский гауляйтер, в свою очередь, не подходил к Герингу, а за глаза называл его кокаином, откровенным грабителем, выскочкой и карьеристом. На судебных заседаниях Яльмар Шахт «с подчеркнутой брезгливостью старался не прикасаться к Штрейхеру»¹⁴. Об изоляции патологического антисемита пишет и М. Ю. Рагинский, приводя слова Функа в более жесткой формулировке: тот «громко возмущался тем, что его посадили рядом «с этим вырожденком Штрейхером»¹⁵. Эти сведения полностью подтверждаются другими источниками, например, наблюдениями Гилберта¹⁶ (А. И. Полторак ознакомился с этими материалами еще во время работы Трибунала и, вероятно на них и опирался) и американского переводчика Р. Зонненфельда¹⁷.

В воспоминаниях советских очевидцев содержатся и описания реакции Штрейхера на приговор Трибунала. Б. Н. Полевой сообщает, что в этот момент, издатель «Штюрмера» сидел, скрестив руки, и взгляд его блуждал, как у сумасшедшего. Когда чтение итогового документа Нюрнбергского процесса закончилось, Штрейхер показался Полевому «вовсе помешанным. Глаза его дико вращаются, вены надулись на висках, с губы течет слюна. Омерзительно!»¹⁸ А. И. Полторак заметил,

¹² Полевой Б. Н. Собрание сочинений. В 9-ти т. Т. 8. — М., 1985. С. 350, 524.

¹³ Эренбург И. Люди, годы жизни: том третий. — М., 1990. С. 27.

¹⁴ Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. 3-е изд. — М., 1983. С. 30, 62, 346.

¹⁵ Рагинский М. Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. — М., 1986. С. 139.

¹⁶ Гилберт Г. Нюрнбергский дневник. — М., . С. 137.

¹⁷ Зонненфельдт Р. Очевидец Нюрнберга. Воспоминания переводчика американского обвинения. — М., 2013. С. 67.

¹⁸ См.: Полевой Б. Н. Указ. соч. С. 533, 535.

что в этот момент «Штрейхер скрестил руки и, пожалуй, впервые за все месяцы процесса не жует резинку». Советский юрист хорошо запомнил и тот момент, когда председательствующий зачитывал последний, резолютивный раздел приговора, а обвиняемых вводили в пустой зал по одному: «Вслед за Франком входит, а точнее, вбегает Юлиус Штрейхер. Широко расставив ноги и вытянув вперед голову, этот погромщик и растлитель душ тысяч и тысяч немцев производит впечатление человека, ожидающего удара. И он получает его...»¹⁹. Здесь свидетельства советских очевидцев расходятся с впечатлением, которое Штрейхер произвел на Гилберта, доставлявшего каждого из заключенных в камеру после оглашения приговора. По его словам, бывший гауляйтер Франконии «глумливо посмеивался» и говорил: «Разумеется, смертная казнь! Чего еще можно было ожидать! Да и они с самого начала это знали»²⁰.

В постсоветской России были опубликованы воспоминания о Нюрнбергском процессе переводчицы-синхронистки Т. С. Ступниковой (1998)²¹ и художника-карикатуриста Б. Е. Ефимова²², а в постсоветской Украине — воспоминания телохранителя Р. А. Руденко И. Д. Гофмана²³. В последних Штрейхеру отведена отдельная небольшая глава, однако она не имеет ценности как источник, поскольку не содержит рассказа о том, каким видел Штрейхера в 1945–1946 гг. сам автор, а построена на дневнике Гилберта и обвинительной речи Руденко. Б. Е. Ефимов рассказывает лишь о тех обвиняемых, кого считает главными: Геринге, Гессе, Риббентропе и Розенберге. О Штрейхере в книге сообщается только то, что он — «один из наиболее омерзительных подручных Гитлера». Наиболее информативны воспоминания Т. С. Ступниковой, свободные от идеологических наслоений и цензурных ограничений советской эпохи. Штрейхер для нее — «глупый, как пробка, отвратительный нацист». В отличие от остальных подсудимых, «на которых при встрече на улице вряд ли обратишь внимание», он вызывает «резкую неприязнь, более того — какое-то внутреннее отвращение»: «Маленький старичок с редкими

¹⁹ Полторак А. И. Указ. соч. С. 398, 402.

²⁰ Гилберт Г. Указ. соч. С. 380.

²¹ Ступникова Т. С. Ничего кроме правды. Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика. 2-е изд. — М., 2003.

²² Ефимов Б. Е. Десять десятилетий. О том, что видел, пережил, запомнил. — М., 2000.

²³ Гофман И. Д. Нюрнберг предостерегает. — Полтава, 2007.

кустиками седых волос на плешивой головенке. Казалось, он своим видом не мог вызвать резко отрицательных эмоций, но его гадливо искривленный рот и какой-то липкий взгляд маленьких бегающих глаз вызывали особое отвращение»²⁴. Негативное отношение к Штрейхеру Ступникова переносит и на его жену Адель (урожденную Таппе), вызванную на процесс в качестве свидетеля: «Эта хорошенькая, юная, пышущая здоровьем блондиночка в длинном платье из красного бархата... никаких фактов, которые смягчали бы вину супруга... привести не смогла. Оставалось предположить, что Штрейхер вызвал жену, для того, чтобы ее привлекательная внешность и молодость оказали на решение высокого суда смягчающее действие»²⁵ В действительности Адель была далеко не юной — через несколько дней после описанного выше допроса ей исполнилось 40 лет. Как и остальные вызванные Штрейхером свидетели, она должна была подтвердить, что в 1940–1945 гг. ее муж был отстранен от руководства гау Франкония и политикой не занимался.

Таким образом, опубликованные советские свидетельства о Штрейхере в последние месяцы его жизни (ноябрь 1945 — октябрь 1946 г.) не столь информативны, как наблюдения зарубежных участников Нюрнбергского процесса. Это объясняется, в первую очередь, тем, что члены советской делегации по долгу службы имели гораздо меньше контактов с ним, нежели их западные коллеги, такие, как Гилберт и Голденсон. Кроме того, можно предположить, что незначительное внимание советских журналистов, юристов и переводчиков к бывшему издателю «Штюрмера» было обусловлено сталинской политикой сокрытия информации о целенаправленном поголовном истреблении евреев в годы войны. Наконец, как советские, так и зарубежные участники событий считали главным обвиняемым на процессе Германа Геринга, которому уделялось гораздо больше внимания, чем всем остальным подсудимым. Все это не помешало советским участникам Нюрнбергского процесса зафиксировать свое отвращение к Штрейхеру и вместе с ним — к нацистскому расово-биологическому антисемитизму.

²⁴ Ступникова Т. С. Указ. соч. С. 34, 35, 156.

²⁵ Там же. С. 38.

«До сих пор 2000 евреев были выявлены...». Холокост в Ростове в немецких и советских документах

Кристина Винклер

(Берлин, Германия/Лестер, Великобритания)

В дискуссиях по проблемам Холокоста часто возникают споры о числе жертв. На вопрос, сколько же людей было убиты нацистами в разных местах, особенно трудно ответить, если сохранилось мало документов. Что касается числа еврейских жертв массового расстрела в Ростове-на-Дону, есть разные цифры в немецких и советских документах. Другая проблема заключается в том, что не все жертвы были евреями, но были расстреляны вместе с еврейскими членами их семей.

Три с половиной года назад Ростов-на-Дону получил известность благодаря дискуссиям о мемориальной доске на фронтоне Мемориала в Змиёвской балке, которую заменила городская администрация. Текст на первой доске информировал о том, что это самый крупный мемориал Холокоста в России. Новая мемориальная доска больше не содержала информации о том, что большинство жертв — это евреи, а Змиевская балка место Холокоста. Управление культуры мэрии аргументировало свой шаг тем, что среди жертв были не только евреи, но и представители других национальностей. Спор также шел и о количестве расстрелянных в Змиёвской балке, с упором на то, что в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) нет документов с точными цифрами жертв. Последовавший затем судебный процесс показал, как трудно спустя семьдесят лет решить вопрос о количестве жертв.¹

Тема статьи — анализ немецких и советских документов количестве жертв Холокоста в Ростове-на-Дону.

При ее подготовке использованы документы из фондов ГАРО — преимущественно, это акты областной комиссии содействия Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК). Также использованы документы, хранящиеся в фондах Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). В фондах американского

¹ См. Я. Чевеля. Змиевская балка: вопреки. — Ростов-на-Дону, 2013

музея Холокоста (USHMM) имеются копии документов из Государственного архива РФ (ГА РФ), включая материалы ЧГК. В Федеральном архиве в Людвигсбурге (BARch) и в USHMM можно найти документы судебных процессов над военными преступниками, проходивших в 60-х годах — протоколы допросов и показания советских свидетелей.² Тогда советские и немецкие судебные органы работали вместе при подготовке таких судебных процессов в Западной Германии.

Знакомство с существующей историографией массового убийства евреев Ростова-на-Дону убеждает в необходимости комплексного изучения всех имеющихся статистических материалов для получения наиболее полной картины того, что происходило в Змиёвской балке. В их числе — свидетельства очевидцев, которые историки часто считают слишком субъективным.

Анализ историографии об оккупации Ростова-на-Дону нацистами позволяет сделать вывод ее исследователю о том, какие именно документы находились в его распоряжении и как они были использованы³. В распоряжении историков гораздо больше материалов на русском языке, чем протоколов судебных процессов по делам немецких преступников.

Выводы о массовых расстрелах евреев отличаются в зависимости от того, на каких документах историки фокусируют свое исследование. Традиция отдавать предпочтение документам виновникам преступлений, проявившаяся в малочисленных исследованиях на Западе о Ростове-на-Дону, привела к тому, что события в Змиевской Балке долго не были в центре исследований. В результате, место массового убийства, находящееся в нескольких километрах от центра города, которое некоторые из российских историков сравнивают с Бабьем

² См. BARch, R 58/698, B162/1258, 1262. ГАРФ, Ф. 3613, Оп. 1, ДД. 2, 6, 8, 19, 25, 30, 441, 446. USHMM, RG-22.002M, Reel 10, Selected Records of the Extraordinary State Commission, Fond 7021-40 Russia, Rostovskaya oblast. USHMM, Records created by the Central Office for the Investigation of National Socialist Crimes, RG 14.101 M, B 162/1219/1229/1230/1232/1257/1263. ЦДНИРО, Ф. 1886, оп. 1, Д. Д. 11, 22, 27, 28.

³ См. об этом подробнее в сб. История Холокоста на Северном Кавказе и судьбы еврейской интеллигенции в годы Второй мировой войны // Материалы 7-й международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия». / Сост. И.А. Альтман и Л.А. Терушкин / Под ред. К.М. Фефермана. — М.: Центр и Фонд «Холокост», 2013.

Яром в Киеве — долго не было известно за пределами Ростова-на-Дону. Сам факт и масштаб преступления долго замалчивались.

Еще несколько лет назад существовало очень мало исследований Холокоста в Ростове-на-Дону. Некоторые историки до сих пор утверждают, что число еврейских жертв преступления зондеркоманды 10а в августе 1942 года не превышает 3000⁴. Такой вывод они делают, опираясь на так называемое «Сообщение из оккупированных восточных территорий № 16» — единственный сохранившийся документ фактических преступников, в котором говорится о 2000 евреев, которые были зарегистрированы до 1 августа 1942 года.⁵ Этот документ, как и упомянутое в нем число евреев, цитировался также в ряде протоколов допросов бывших членов зондеркоманды 10а, которые велись в шестидесятые годы в рамках подготовки процессов против военных преступников в Западной Германии.⁶ В них бывшие эсэсовцы отвечают на вопросах прокуратуры города Мюнхена в связи с расследованием преступлений зондеркоманды 10а, в том числе, и в Ростове-на-Дону. Точной информации о ходе массовых убийств в Змиевской балке в этих протоколах очень мало, так как допрашиваемые⁷ как правило, пытались скрыть свою роль в тех событиях, насколько это им было возможно. Лишь из одного протокола допроса мы узнаем, как было организовано массовое ограбление евреев до расстрелов. Но о числе жертв эти свидетельства информации не содержат.

⁴ См. A. Angrick, *Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943* (Hamburg, 2003), S. 565. А. И. Крутлов. О некоторых спорных моментах Холокоста в Ростове-на-Дону, *История Холокоста на Северном Кавказе и судьбы еврейской интеллигенции в годы Второй мировой войны Материалы 7-й Международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия» Ростов-на-Дону, 12–14 августа 2012 г.*, Москва 2013, С. 47. Pohl, *Die Herrschaft der Wehrmacht Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944*, (Munich, 2009), S. 277.

⁵ *Meldungen aus den besetzten Ostgebieten*, Nr. 16, BARch, R 58/698, S. 144.

⁶ Обвинительное заключение против Гёрца, Северина, Тримбома, USHMM 14.101 M, B 162/1.263, p. 27. В своем свидетельстве от 20 марта 1967 Вернер Шпигелберг показал, что он был информирован о Сообщении из оккупированных восточных территориях №16 и о том, что в нем якобы говорилось о 2000 убитых евреях. — USHMM 14.101 M, B 162/1.230, p. 3843. См. также более ранее свидетельство Вернера Шпигелберга от 4 ноября 1964. — USHMM 14.101 M, B 162/1.224, p. 2300).

⁷ Для тогдашних немецких юристов они были лишь «свидетели» — именно так эти преступники именовались в документах следствия.

Есть несколько причин, почему «Сообщение с оккупированных восточных территорий №. 16» недостаточно для ответа на вопрос, сколько евреев стали жертвами Холокоста в Ростове-на-Дону. В документе говорится о том, что «Назначенная в Ростов зондеркоманда создала 1.08.1942 еврейский совет старейшин и до сих пор выявила 2000 евреев. Следующие необходимые меры были подготовлены»⁸.

Массовой расстрел проходил 11 августа, то есть через 10 дней после даты, указанной в «Сообщении». Поэтому невозможно из этого документа определить число еврейских жертв массового убийства в Змиевской балке, так как он лишь описывает состояние на 1 августа и не содержит информации о том, сколько человек было зарегистрировано позже. И хотя это число включено в обвинительное заключение против Тримборна и др.,⁹ мы не можем сделать вывод, что 2000 евреев, которые были установлены на 1 августа 1942 г. — это и есть окончательное количество жертв массового убийства в Змиевской балке.

Есть еще одна причина, почему этот документ не достоверен при установлении количества еврейских жертв. Хотя дата его создания — 14 августа, мы не можем быть уверенными, что донесение включает информацию о том, что случилось в Ростове-на-Дону 11 и 12 августа, так как процедура подготовки «Сообщений из оккупированных восточных территорий» приводила к разрыву во времени между отсылкой информации о том или ином событии и его письменной обработкой сотрудниками специального отдела РСХА в Берлине. Дуглас Хэдланд пишет, что задержка обычно составляла 2 недели и более.¹⁰ Поэтому «Сообщение из оккупированных восточных территорий» N 16 не может относиться к событиям, происходившим до 14 августа 1942 г., но было датировано задним числом.

Следует делать вывод, что окончательный документ зондеркоманды 10а, в котором указано число убитых в Ростове-на-Дону 11–12 августа 1942 г., не был составлен, либо утрачен или уничтожен, так

⁸ *Meldungen aus den besetzten Ostgebieten*, Nr. 16, S. 144.

⁹ Обвинительное заключение против Гёрца, Северина и Тримборна от 27. октября 1969 г., USHMM 14.101 M, B 162/1.263, p. 27.

¹⁰ R. Headland, *Messages of Murder: A study of the Reports of the Security Police and the Security Service, 1941–1943* (1992), p. 39. См. также Arad, Krakowski, Spector, *The Einsatzgruppen Reports*, p. xiii. См. также R. Hilberg, *Die Quellen des Holocaust Entschlüsseln und Interpretieren* (Frankfurt/Main, 2002), S. 66. Krausnick and Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges*, S. 336.

как все последующие сообщения также не содержат информации о расстреле в Змиевской балке.

Документы областной комиссии ЧГК дают нам более точную картину уничтожения еврейского населения в Ростове-на-Дону. Благодаря свидетельским показаниям, в них есть информация обо всех этапах преступления, начиная с регистрации евреев, их перевозке к месту убийства, идентичности и числе жертв. Но, как и документы нацистов, документы ЧГК, конечно, тоже не беспристрастны. Так, в большинстве Актов и показаний свидетелей нет упоминания о национальности жертв. Сообщения местной и центральной прессы нередко игнорировали национальную принадлежность жертв, а публикации 60-х давали заниженные цифры.¹¹

Израильский ученый И. Арад отмечает, что именно документы местных ЧГК чаще включали информацию о еврейских жертвах¹². Действительно, в ГАРО имеется несколько свидетельств очевидцев, которые сообщили о том, что жертвы были евреями. Они включались в материалы местных комиссий. Что касается числа еврейских жертв, то эти Акты содержат более точную информацию. Одни документы называют цифры от 10 000¹³ до 13 000 убитых¹⁴ другие — 15 000–18 000¹⁵ и 27 000¹⁶ (в этом документе, не вошедшем в окончательный Акт ЧГК, приводятся цифры на основе частичной эксгумации с места казней). Первые два из них говорят именно о еврейских жертвах, а последние вообще о «мирных жителях» или «гражданах». Таким образом, можно сделать вывод, что приблизительно 18 000 евреев были убиты Зондеркомандой 10а и их местными пособниками. Однако известно, что многих жертв сопровождали их нееврейские родственники, которые и были расстреляны вместе с ними. Можно

¹¹ На краснодарском судебном процессе 1963 г. против коллаборационистов Зондеркоманды 10а Еськова, Псарева, Вейха и др. говорилось о 10 000 казненных. См. М. Андриасов, «Палачи держат ответ», *Молот* (24.10.1963).

¹² См. Arad, Itzhak. *The Holocaust in the Soviet Union*. — University of Nebraska Press, Lincoln; Yad Vashem, Jerusalem, 2009, P. 540; Арад Ицхак. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945). — Днепрпетровск: Центр «Ткума»; Москва: Центр «Холокост», 2007.

¹³ ГАРО.Ф. 3613, Оп. 1, Д. 30. — Л. 10 (Акт № 1231).

¹⁴ ГАРО.Ф. 3613, Оп. 1, Д. 6, Л. 6. ГАРО.Ф. 3613, Оп. 1, Д. 2, Л. 4об.

¹⁵ ГАРО.Ф. 3613, Оп. 1, Д. 30, Л. 1об., 2.

¹⁶ ГАРО.Ф. 3613, Оп. 1, Д. 30. — Л. 10 (Акт №1231).

сделать вывод, что их также нужно рассматривать как жертвы в контексте Холокоста.

Какие же документы являются более содержательными и достоверными при анализе событий в оккупированном Ростове-на-Дону? Немецкий историк Дитер Пол считает, что, несмотря на пропагандистский характер советских документов, и характер их создания, их необходимо включать в исследования, так как они были созданы вскоре после событий, которые они описывают¹⁷. Пример Ростова-на-Дону показывает, что документы ЧГК — единственные свидетельства о массовом расстреле, сделанные сразу же после освобождения города. Их игнорирование при описании событий в Ростове-на-Дону, может способствовать неверным выводам и приуменьшению масштабов этой трагедии.

О необходимости тщательного источниковедческого анализа документов ЧГК и их роли в мемориализации жертв Холокоста в современной России свидетельствует и тот факт, что на новой доске, установленной на фронтоне мемориала в Змиевской балке говорится о 27 000 жертв, «большинство из которых были евреями». Завышенное общее число жертв стало своего рода обоснованием преуменьшения факта Холокоста в Ростове-на-Дону: не случайно само слово «Холокост» не было восстановлено.

Мемориализация Холокоста

Memorialization of the Holocaust

¹⁷ D. Pohl, Sowjetische und Polnische Strafverfahren wegen NS-Verbrechen — Quellen für den Historiker? J. Finger, S. Keller and A. Wirsching (eds.), *Vom Recht zur Geschichte Akten aus NS-Prozessen als Quellen der Zeitgeschichte*, (Göttingen, 2009), S. 140.

Памятники Холокосту в СССР: на пути к современной памяти

Аркадий Зельцер
(Иерусалим, Израиль)

Официальное советское видение военных событий, в котором массовые убийства евреев на основе нацистского расового антисемитизма отрицались как особое явление Второй мировой войны, привело к минимальному присутствию темы Холокоста (Шоа) в общественном дискурсе¹.

Такие ограничения, отразившиеся на мемориальной деятельности евреев², способствовали формированию особой социальной памяти о Холокосте. Для описания основных путей ее формирования более всего подходит понятие «коммуникативная память». Эту память немецкий исследователь Ян Ассман определил как «вариант коллективной памяти, которая базируется исключительно на средствах повседневного общения».³ Такой вид социальной памяти, которую человек разделяет со своими современниками, формируется в основном довольно случайным образом, имеет тенденцию к трансформации по мере отдаления от событий и складывается по правилам устной истории.⁴

Центральное место в создании мощной «коммуникативной памяти» о Шоа заняла семья, по Хальбваксу один из важнейших компо-

¹ Karel C. Berkhoff, *Motherland in Danger: Soviet Propaganda during World War II*, (Cambridge, MA and London, UK: Harvard University Press, 2012); David Shneer, *Through Soviet Jewish Eyes: Photography, War, and the Holocaust* (Rutgers University Press: New Brunswick — New Jersey-London, 2012); Zvi Gitelman, «Politics and the Historiography of the Holocaust in the Soviet Union,» *Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997), pp. 14–42.

² Мордехай Альтшулер. Деятельность евреев по увековечению памяти о Холокосте в Советском Союзе в эпоху Сталина. — В сб. Даниил Романовский, Дэвид Зильберкланг, (составители), *Яд Вашем: исследования*. Том 1 (Иерусалим, 2009). С. 171–192; Михаил Рывкин, Александр Френкель, «Памятники и память», *ВЕК*, 07–08, 1989. С. 23–25.

³ Jan Assmann, «Collective memory and Cultural Identity,» *New German Critic*, No. 65, Cultural History/Cultural Studies (Spring — Summer 1995), p. 126.

⁴ *Ibid.*, pp. 126–127.

нентов формирования коллективной памяти.⁵ Причем, такая память существовала вопреки официальной советской историографии о войне. Более того, часть советских евреев сознательно выводила такую память за пределы своего поколения, для чего привозила на места расстрелов своих детей — чтобы знали где эти трагические события, связанные с их близкими произошли. Главным отличием их памяти от той, которая обычно связывала людей с родственниками прежних поколений, было понимание, что похороненные в этом месте люди умерли необычной и трагической смертью и разделили судьбу многих других евреев, таких же, как они сами.

Хотя в советских условиях именно «коммуникативная память» нередко формировала основу знаний о Холокосте, она не была их единственным источником. На протяжении почти всего советского периода по теме Холокоста появлялись отдельные произведения, в том числе книги и фильмы⁶, которые становились объединяющим фактором для носителей такой «коммуникативной» памяти. Они создавали условия для одновременного сопереживания евреям, живущим в отдалении друг от друга, усиливали интерес к Холокосту.

Однако, именно могилы на месте расстрела евреев в советских условиях стали наиболее сильной, а для многих и единственной личной эмоционально окрашенной связью с прошлым — в войне погибла наиболее традиционная часть евреев⁷. Такая потребность заполнить возникший разлом в еврейской памяти из-за заметного ослабления каналов передачи знаний о еврействе, подспудно способствовала формированию потребности перехода от «коммуникативной» еврейской памяти, ослабевавшей по мере ухода из жизни ее носителей, к «культурной памяти», для которой, в отличие от «коммуникативной», важна дистанция от повседневной жизни, ее неизменность во времени и нужное выражение через сложившиеся культурные формы

⁵ Maurice Halbwachs, *On Collective Memory* (Chicago: University of Chicago Press, 1992), pp. 54–83.

⁶ Olga Gershenson, *The Phantom Holocaust: Soviet Cinema and Jewish Catastrophe* (New Brunswick, N.J.: Rutgers), 2013; Harriet Murav, *Music from a Speeding Train: Jewish Literature in Post-Revolution Russia* (Stanford, California: Stanford University Press, 2011), 150–195.

⁷ О гибели наиболее традиционного сегмента советских евреев, см.: Mordechai Altshuler, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile* (Jerusalem: The Center for Research of East European Jewry, The Hebrew University of Jerusalem; Jerusalem: Yad Vashem, 1998), pp. 189–190.

(тексты, обряды, памятники) и институциональные связи (отношения, практики, соблюдение норм) (Ян Ассман)⁸. Переходным этапом этой трансформации от коммуникативной к культурной памяти является ее кристаллизация в форме «овеществленной (objectivized) культуры — ...в текстах, образах, обрядах, зданиях, памятниках, городах и даже в ландшафтах», связывающая организованную или церемониальную коммуникацию с идентичностью групп, то есть того, что находится в повседневной памяти. Этот переходный этап, который позволяет группе «воссоздать их идентичность» в нашем случае означил наличие конкретных совместных усилий, направленных на демонстрацию своей особой памяти и ее фиксацию в форме материальных объектов, а в случае Холокоста — памятников в местах расстрелов.⁹

Уже самим фактом своего возникновения на месте расстрела памятники выводили память за пределы «коммуникативной» памяти, поскольку создавались как средство передачи сведений следующим поколениям и другим людям вне рамок конкретных семей. О стремлении передать такую память говорят слова эпитафии на плите, установленной сразу после войны внутри бывшей шахты, расположенной недалеко от Дунаевцев, в которой нацисты замуровали живьем около 3000 местных евреев: «Следующим поколениям! В этой большой шахте, расположенной под этим холмом собраны и убиты немецкими фашистами в 1942 году 3000 наших братьев...»¹⁰

Появление общественных памятников означало переход евреев от «традиционных» к «модернизированным» формам мемориализации. Традиционная мемориализация включала чтение поминальной молитвы «Эл мале рахамим» и «Кадиш», которые происходили в день памяти, Йорцайт на идиш, в синагоге (в СССР нередко в неофициальных молельных домах), а также на месте убийства или захоронения, зажигание поминальных свечей на месте расстрела и свечей (в советских условиях чаще заменяющих их лампочки, фонарика) у себя дома. Последнее, также как дарование детям, родившимся уже после

⁸ Jan Assmann, «Collective memory and Cultural Identity,» pp. 128–129.

⁹ Ibid., p. 128.

¹⁰ См. интернет-проект на английском языке Международного института исследования Холокоста в Мемориальном Комплексе Яд Вашем: *The Untold Stories: The Murder Sites of the Jews in the Occupied Territories of the Former USSR*: <http://www.yadvashem.org/untoldstories/database/commemoration.asp?cid=695>

войны, имени погибших в Холокосте¹¹ оставались традиционными формами памяти. Последнее происходило в соответствии с еврейской традицией наименования детей по имени умерших родственников, но в противоречии с существовавшим правилом воздерживаться от этого в случае умерших насильственной смертью, имевшихся среди евреев отдельных регионов¹². Эти традиционные формы закрепления памяти, не выходявшие за рамки семьи, получили, видимо, достаточно широкое распространение по всей стране.

Другим традиционным способом демонстрации памяти семьи об умершем, существовавшем также на протяжении многих поколений, было установление надгробия на его могиле на еврейском кладбище. Такой традиционный подход иногда присутствовал и в отношении жертв Холокоста, когда люди устанавливали личный (семейный) памятник, чаще всего на кладбище, реже на месте расстрела. Причем далеко не всегда такие семейные памятники устанавливали на месте, где было действительно погребено тело убитого в Холокосте. В каких-то случаях это было символическое надгробие — кенотаф, подобно тому, как на еврейских кладбищах после войны к могилам умерших родственников стали добавлять имена погибших на фронте. Все эти нормы традиционной мемориализации могли соблюдаться как религиозными евреями, так и теми, кто отошел от выполнения большинства религиозных правил.

Модернизированная «овеществленная» память, направленная на увековечение национальной трагедии предполагала публичную групповую деятельность евреев, и включала повторяющиеся неформальные церемонии, и, особенно, создание мемориальных объектов, ставших символом этой памяти.

¹¹ См., например, Владимир Энтин. *Иосиф Зевэ бен-Дов из Прилуки* — Иерусалим, 2006. С. 66.

¹² В 2008 году в Черновцах был впервые зафиксирован термин «молодое имя» — то есть имя, обладатель которого умер молодым». См. Светлана Амосова, С. Николаева. Ономастические запреты и их нарушения у евреев Восточной Европы (на примере подольской, буковинской и бессарабской традиций). *Запретное, допускаемое, предписанное в фольклоре*. // В кн. под ред. С.Ю. Неклюдова, — Москва: РГГУ, 2013. С. 265–287.

См. интернет-проект на английском языке Международного института исследования Холокоста в Мемориальном Комплексе Яд Вашем: *The Untold Stories: The Murder Sites of the Jews in the Occupied Territories of the Former USSR*: <http://www.yadvashem.org/untoldstories/database/commemoration.asp?cid=695>

Первые, возможно неосознанные усилия, направленные на формирование памяти о погибших, стали появляться уже сразу после окончания периода нацистской оккупации. Травма от осознания гибели близких, друзей и знакомых, хотя она и была у каждого своя собственная, начала приобретать коллективный характер, и уже в силу этого требовала такого же коллективного ответа: участия в перезахоронении, установке памятника, составление списка погибших. Тот факт, что уровень внимания общества к Холокосту не соответствовал ожиданиям евреев, и то, что позицию властей по отрицанию Холокоста как особого явления войны активно поддерживала консервативная и националистически настроенная часть интеллигенции — коллизия вокруг Бабьего Яра начала — середины 1960-х годов, стала тому ярким подтверждением — лишь усиливали потребность евреев к объединению усилий по формированию общей «овеществленной» памяти.

Таким образом, многие советские евреи прилагали существенные усилия для замещения «коммуникативной» исторической памяти о Холокосте «культурной» памятью через создание памятников в местах расстрелов советских евреев. В вопросах формирования «культурной» памяти о Холокосте посредством книг и фильмов участвовала небольшая часть советских евреев, занятых в творческих сферах (как и часть либерально настроенной нееврейской интеллигенции). В отличие от этого, в создании такой памяти посредством памятников и памятных церемоний приняли участие тысячи евреев, проживавших по всей территории Советского Союза, отличавшиеся друг от друга социальным положением, возрастом, полом, образованием, уровнем приверженности национальным/религиозным ценностям.

Дахау как место разных памятей. Мемориализация Холокоста и других нацистских преступлений в одном концлагере

*Юрген Царуски
(Мюнхен, Германия)*

Особенность концлагеря Дахау состоит в том, что он функционировал с самого начала до конца существования Третьего Рейха. Лагерь на территории маленького города Дахау недалеко от Мюнхена, открылся 23 марта 1933 г. и был освобожден американскими солдатами 29 апреля 1945 г. За исключением короткого перерыва с осени 1939 до весны 1940 г., когда лагерь использовались для подготовки дивизии СС «Мёртвая голова» («Totenkopf»), в нем постоянно лишали свободы, мучили и убили заключенных.¹

Концлагерь Дахау часто называют «школой насилия».² Это связано с тем, что именно он стал моделью для развития системы концлагерей. Организационная структура, воспитание охранников в духе ненависти к узникам и типичные, функциональные элементы архитектуры лагеря развивались именно в Дахау. Теодор Эйке, комендант лагеря в 1933/34 гг., стал первым инспектором концлагерей и командиром охранных подразделений СС, и на этом посту, который он занимал до 1939 года, руководствовался «в немалой степени» опытом Дахау.³ Мир узнал об ужасах в концлагере Дахау уже в августе 1933г., когда в Москве, в «Издательстве иностранных рабочих в СССР» вышла книга немецкого коммуниста Ганса Баймлера «Лагерь смерти Дахау» («Im Mörderlager Dachau») тиражом нескольких тысяч экземпляров. Одновременно книга вышла в Нью-Йорке.⁴ Дахау стал первым символом нацистского террора — задолго до создания лагерей смерти.

¹ См. Zámečník S. Das war Dachau. Frankfurt a. M. 2007. Wolfgang Benz, Angelika Königseder. Das Konzentrationslager Dachau. Geschichte und Wirkung nationalsozialistischer Repression. Berlin 2008. Формально концлагерь находился до апреля 1939 г. на территории соседней общины Приттльбах; ср. Steinbacher S. Das eine und das andere Dachau: Die Stadt und ihr Konzentrationslager. // Benz/Königseder Op. cit. S. 49.

² Richardi H.-G. Schule der Gewalt. Die Anfänge des Konzentrationslagers Dachau 1933–1934. München 1983.

³ Weise N. Eicke. Eine SS-Karriere zwischen Nervenklinik, KZ-System und Waffen-SS. Paderborn 2013, S. 214–265.

⁴ Beimler H. Im Mörderlager Dachau. Um eine biographische Skizze ergänzt von Friedbert Mühlendorfer. Köln 2012.

Специфичность мемориального комплекса бывшего концлагеря Дахау в период после окончания войны до воссоединения Германии состоит в том, что созданный в 1965 г., он был первым и — за два десятилетия после освобождения — единственным таким учреждением в ФРГ.⁵ При этом, понятие «мемориальный комплекс» (Gedenkstätte) включает охраняемое историческое место, памятники, музей, архив и персонал, который не только занимается административными делами, но также активной работой по развитию общественной памяти.

Следует отметить, что мемориальный комплекс бывшего концлагеря Дахау создан, в первую очередь, по инициативе бывших узников, а не государства. Они играли всегда очень важную роль в работе мемориального комплекса, в котором они видели свой завет новым поколениям. Центральный памятник на апельсплаце лагеря имеет надпись на пяти языках с месседжем: «Никогда больше!». Эта заповедь является основой консенсуса всех групп бывших узников, несмотря на то, что их конкретные судьбы могут во многом различаться. Первоначальный импульс для мемориализации: опыт нацистского террора и концлагеря никогда не должен повториться.

Число узников концлагеря Дахау за время его существования превышает 200 000. Из них около 40 000 погибло в лагере и его филиалах. Состав заключенных включает в себя представителей самых разных групп и национальностей. Развитие «лагерного сообщества» отражает развитие нацистского режима и события войны.⁶ В самом начале, концлагерь Дахау, как и многие другие, часто импровизированные лагеря, служил местом ареста потенциальных противников нацистского режима, в первую очередь коммунистов, а также социал-демократов. В раннее лето 1933 года некоторые представители консервативной Баварской народной партии тоже попали в лагерь, хотя лишь на короткое время. Уже скоро спектр узников расширился социально нежелательными элементами — алкоголиками, гомосексуалистами, так называемыми профессиональными

⁵ Marcuse H. Der mühevolle Weg zur Gedenkstätte 1945–1968 // Benz/Königseder op. cit. S. 163–180. Тот же: Legacies of Dachau. The Uses and Abuses of a Concentration Camp, 1933–2001. Cambridge, Mass. 2001.

⁶ Zámečník, op. cit. S. 10.

преступниками и т. д. Политические, равно как и неполитические заключенные, попали в лагерь вследствие чисто административных решений политической полиции и других органов государственной администрацией, а не судебных органов. От политической полиции зависело также освобождение заключенных, которые не получили сроки заключения и, поэтому, не могли знать, когда заканчивается их пребывание в лагере.⁷ Главным объектом ненависти эсесовцев были еврейские узники, которые составляли главный процент погибших. При этом надо иметь в виду, что до 1938 г. евреи в большинстве случаев арестовывались в связи с принадлежностью к левым организациям, а не по национальному признаку. Но антисемитские активисты нацистской партии все чаще искали повод, чтобы послать в лагерь именно евреев — как гомосексуалистов, либо за якобы нарушение закона еврейскими предпринимателями, как «асоциальные элементы», а после издания печально известных Нюрнбергских законов — за «осквернение расы».⁸

Если в течении первых пяти лет в лагерь попали исключительно германские подданные, то во второй половине его существования он стал многонациональным, начиная с «аншлюсса» Австрии в марте 1938 г. Уже через месяц первый большой транспорт из Вены отправился в Дахау. После Мюнхенского стовора сюда попали судетские немцы-противники Гитлера; в ходе «Хрустальной ночи» — около 11 000 еврейских мужчин⁹. Далее узниками стали чехи, поляки, французы, граждане Люксембурга, Голландии, Дании, Норвегии, Югославии, Греции, Советского Союза и многих других стран — более 30 000 человек. С 1942 года значительно выросло число филиалов лагеря, среди которых особую роль играли большие комплексы в окрестностях городов Кауферинг и Мюлдорф на юге Баварии. В 1944 г. там

⁷ Hensle M. P. Die Verrechtlichung des Unrechts. Der legalistische Rahmen der nationalsozialistischen Verfolgung // Benz W., Distel B. (Hrsg.) Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Band 1. Die Organisation des Terrors. München 2005, S. 76–90.

⁸ Wünschmann K. Before Auschwitz. Jewish Prisoners in the Prewar Concentration Camps. Cambridge, Mass. 2015.

⁹ Ср. Царуски Ю. Массовые аресты еврейских мужчин и их судьбы в нацистских концлагерях в рамках «Хрустальной ночи» // В отблеске «Хрустальной ночи»: еврейская община Кёнигсберга, преследование и спасение евреев Европы. Материалы 8-й Международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия». Под ред. И.А. Альтмана, Юргена Царуски и К. Фефермана. Москва-Калининград 2014, с. 95–103.

начинали строить подземные заводы по выпуску самолетов. На этих стройках в ужасных условиях работали уцелевшие евреи из Прибалтики и Венгрии, жившие в землянках.¹⁰

До конца войны в главном лагере Дахау условия жизни тоже значительно ухудшились в связи с наплывом эвакуированных заключенных из лагерей прифронтовых регионов. Многие тысячи умерли от тифа или голода. Узники не без основания боялись попыток уничтожения лагеря и заключенных в самый последний момент перед освобождением. В целях противодействия подпольные группы в лагере сформировали «Международный комитет Дахау», в котором были представлены 13 национальных групп. После освобождения этот комитет играл важную роль при администрации лагеря до репатриации узников. Комитет был воссоздан, когда многие его члены встретились в Дахау в десятую годовщину освобождения лагеря. Именно тогда они инициировали перестройку бывшего лагеря в мемориальный комплекс.¹¹

Лагерь, за исключением территории крематория, после 1945 г. использовался как место содержания подозреваемых в военных преступлениях. С 1945 по 1948 гг. американскими военными судами в Дахау прошло 489 процессов против 1672 обвиняемых в нацистских преступлениях в концлагерях и в других местах¹². А с 1948 г. в бараках жили беженцы и немцы, изгнанные из восточных регионов.

Процесс создания мемориального комплекса длился 10 лет и опирался на широкую коалицию разных групп и лиц. Показательно, что консервативный баварский министр сельского хозяйства Алойс Хундхаммер, который провел в лагере несколько недель в 1933 г., освободил служащего его министерства, коммуниста Отто Кольхофера, от других обязанностей, чтобы тот мог заниматься полностью делами Международного комитета Дахау.¹³ История этого Комитета

¹⁰ Подробнее см. в информативном каталоге Музея бывшего концлагеря Дахау: Konzentrationslager Dachau 1933 bis 1945. Text- und Bilddokumente zur Ausstellung, mit CD. Hrsg. vom Comité Internationale de Dachau und Barbara Distel. Dachau 2005.

¹¹ Там же, S. 188–189, 214–218.

¹² Ludwig Eiber, Robert Sigel (Hrsg.): Dachauer Prozesse. NS-Verbrechen vor amerikanischen Militärgerichten in Dachau 1945–1948. Göttingen 2007.

¹³ Distel B. Münchner Kommunisten im Konzentrationslager Dachau // Dachauer Hefte 25 (2009), S. 119–134, S 130 f.

пока не написана, но одной его характерной чертой является международный плюрализм. Даже во время холодной войны представители из стран обеих блоков принимали участие в его работе. Преобладали в нем, разумеется, представители стран Запада (Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург).¹⁴ В определенном смысле, можно говорить о Комитете как явлении *обобщающей памяти*.

Потребность чтить память погибшим в лагере возникла сразу после его освобождения. Она проявлялась в разных мемориальных мероприятиях, проводившихся уцелевшими узниками еще до репатриации. Что касается немецкого общества, то «агентами памяти» выступили те общественные организации, члены которых в той или иной мере стали жертвами преследования во времена нацизма. Примером может служить молодежная организация Баварского союза профсоюзов, которая с 1952 г. и до сих пор ежегодно организует встречи и церемонии памяти жертв «Хрустальной ночи»¹⁵ Профсоюзы в данном случае чтят память не членов своих организаций, но евреев, что можно охарактеризовать как *межгрупповую* или *солидарную память*.

Другой тип мемориализации ориентируется преимущественно или полностью на историю собственной группы. Он пытается включить опыт преследования и историю концлагеря в собственную традицию как *традиционную память*. Очень важным примером этого в Дахаусском контексте служит деятельность католической церкви. Ее большое влияние на развитие Дахау как места памяти обусловлено двумя факторами: 1) с конца 1940 г. в концлагере Дахау сосредоточивалось все заключенные священники; 2) традиционно сильная позиция католической церкви в южной Баварии. Особую роль играл Михаэль Нойхойслер, ксёндз, который родился в районе Дахау. С 1941 г. и до освобождения он был заключенным с особым статусом в Заксенхаузене и Дахау. В 1946 г. он опубликовал свои воспоминания о лагерях; в 1947 г. стал епископом. Он был главным организатором 37-го Всемирного Евхаристического конгресса, который состоялся в Мюнхене в августе 1960 г. с участием одного миллиона человек.

¹⁴ Архив автора (Запись разговора с Барбарой Дистель, заведующей музеем концлагеря Дахау с 1975 по 2008 гг., Мюнхен, июнь 2015).

¹⁵ Schreiner P. Veränderungen des Gedenkens. Die Gedenkfeiern der bayerischen Gewerkschaftsjugend im ehemaligen Konzentrationslager Dachau 1952–2006. München 2008.

На территории бывшего концлагеря Дахау была построена часовня «Предсмертного страха Христа», при освящении которой присутствовали 40 000 католиков.¹⁶ После этого бывший концлагерь стал важным местом для католической церкви. Уже в 1964 г. был создан женский монастырь «Святая кровь» у границы территории бывшего лагеря. Евхаристический конгресс дал мощный импульс созданию мемориального комплекса, а также возникновению других религиозных учреждений на его территории. В 1967 г. открыта протестантская церковь примирения, освященная Мартином Нимеллером, бывшем узником лагеря. В том же году был построен еврейский мемориал и место для молитвы. В 1994 г. открыта православная Часовня-памятник Воскресения Христова.¹⁷

Но Церкви отнюдь не обладали монополией на память о концлагере Дахау. Первым руководителем мемориального комплекса в 1965 г. стала светская женщина — антифашист Рут Якуш, немецкая еврейка и эмигрантка, которая вышла замуж за бывшего узника и коммуниста Хуго Якуша.¹⁸

Обобщающую память о лагере символизирует сооруженный в 1968 г. международный мемориальный памятник югославского скульптора Нандора Глида. Одна часть памятника состоит из разных опознавательных нашивок заключенных.¹⁹ Хотя в проекте памятника имеется все их виды, но в финальной версии отсутствуют три цвета: зеленый (преступник), черный (асоциальный элемент) и розовой (гомосексуалист).

В 1980-е гг. вырос не только интерес к теме Холокоста и концлагерей, что выразилось и в росте числа посетителей мемориала Дахау. В это же время все активнее т. н. маргинальные группы общества требовали положить конец дискриминации. Весной 1980 г. группа немецких цыган (рома и синти) объявила голодовку на территории мемориала, с требованием прекратить дискриминацию, используя картотеку цыган, составленную полицией Третьего рейха. Это событие имело большое значение для организации общественного движе-

¹⁶ Fellner M. Eucharistischer Weltkongress in München, 31. Juli bis 7. August 1960 http://www.historisches-lexikon-bayerns.de/artikel/artikel_46009.

¹⁷ <http://voskresenie.de/kontakty/chasovnya-pamyatnik-voskreseniya-gospodnya-daxau/>.

¹⁸ Konzentrationslager Dachau 1933 bis 1945, S. 218.

¹⁹ О системе обозначения узников в нацистских концлагерях см. Eberle A. Häftlingskategorien und Kennzeichnungen // Benz/Distel Der Ort des Terrors, Band 1, S. 91–109.

ния цыган. Собиравшиеся в 1993 в Мемориальном комплексе цыгане из бывшей Югославии, требовавшие политического убежища, получили значительную общественную поддержку.²⁰

Потомки преследуемых и, вообще, члены преследуемой во время нацизма социальной группы выступали в защиту своих прав при совершенно других общественных условиях, но не без общего знаменателя с прошлым. В 1985 г. представители движения за равноправия гомосексуалистов из Мюнхена требовали, чтобы мемориальный каменный знак розового цвета с надписью «Убито — Замалчиваемо — Гомосексуальным жертвам национал-социализма», получил место в зале мемориальных знаков музея. Но бывшие политические узники-члены Международного комитета Дахау с этим не согласились. Эта позиция изменилась только через десять лет, когда «Розовый знак» получил убежище во дворе протестантской церкви примирения.²¹

В середине 80-х годов произошел острый конфликт в связи с проектом Международного центра встречи молодежи. Элиты города Дахау и многие его обыватели резко высказались против подобного проекта, который они называли «нетерпимым» для города. «Левые круги заставляют один маленький Дахау нести весь груз наследия нацизма», — утверждали противники проекта. Однако, он получил широкую поддержку на всех уровнях немецкого общества и даже на международном. Дать подробный анализ этого сложного и показательного конфликта в рамках данной статьи невозможно. Дело закончилось компромиссом: дом, где зарубежные гости могут подробно заниматься историей концлагеря, был открыт в 1998 году.²² Более либеральные и дальновидные представители консервативной правительственной партии ХСС убедили своих местных коллег, что дальнейшее сопротивление проекту наносит ущерб международной репутации города.

²⁰ Marcuse, Legacies, S. 354; <http://protest-muenchen.sub-bavaria.de/artikel/672?keyword=Landfahrerkartei>.

²¹ Marcuse, Legacies, S. 354–355;

²² Zarusky J. Dachau fürchtet um sein Image // Tribüne. Zeitschrift zum Verständnis des Judentums 24 (1985), H. 95, S. 122–124; тот же, Staatlich gelenkte «Geschichtsarbeit»? Auseinandersetzung um die «Internationale Jugendbegegnungsstätte Dachau» // Tribüne 27 (1988) H. 105, S. 35–40; Marcuse, Legacies, S. 382–388; Jugendgästehaus Dachau <http://jgh-dachau.de/>.

Но многолетние дискуссии и смена поколений на фоне общего развития исторического сознания в Германии изменили общественный климат в городе Дахау. Значительную роль сыграло и окончание холодной войны. Политические элиты Германии, в ходе процесса ее воссоединения, понимали, что для создания и существования объединенного германского государства необходима вера окружающего мира в то, что возвращение Германии в прошлое навсегда исключено. В середине 1996 г. в Дахау был избран новый мэр, который прекратил политику «двух» Дахау. Вместо этого был позиционирован статус Дахау как «места образования». Этим город преодолел международную изоляцию и смог устанавливать целый ряд международных контактов.

Конец холодной войны также привел к преодолению изоляции бывших узников концлагеря Дахау из Советского Союза. В 1992 г. первая группа бывших заключенных из России, Украины и Беларуси приехала в Дахау по приглашению Общества по поддержке молодежных встреч в Дахау. Они посетили музей концлагеря и принимали участие в празднике освобождения.

Хотя «русские» (так называли всех советских граждан в лагере) в 1945 г. составляли вторую по количеству группу после поляков, об их судьбах мало что было известно. Но с 1992 года²³, с редкими перерывами, ежегодные визиты, которые поддерживаются государством и частными спонсорами, продолжались до 2015 г. Интервью, письма и воспоминания, которые хранятся в архиве мемориала концлагеря, значительно расширили наше знание об истории советских узников.

Очень важное место в этом контексте является бывший полигон СС лагерь при селе Хебертсхаузен. Там 1941/42 году были расстреляны 4000 красноармейцев. Гестапо квалифицировал их как опасные элементы (к которым относились евреи, коммунисты и советские интеллигенты), поэтому их нельзя использовать в качестве рабочей силы. В целом, на территории рейха в рамках этой операции, по приказу Гейдриха, было расстреляно около 40 000 советских пленных.²⁴

²³ Distel B., Zarusky J. Dreifach geschlagen — Begegnung mit sowjetischen Überlebenden, in: Dachauer Hefte 8 (1992), S. 88–102.

²⁴ Otto R. Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im sowjetisch-deutschen Reichsgebiet 1941/42. München 1998. Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Zwängen. Göttingen 2011.

На месте массового расстрела уже в 1964 г. по инициативе немецких бывших узников был сооружен памятник. Его надпись говорит о расстреле военнопленных, но замалчивает их национальность. Многие годы полигон был забытым местом. Только с середины 80-х годов положение изменилось, когда члены движения «За мир», среди которых было немало коммунистов, организовывали специальные мемориальные церемонии в день освобождения. С 22 июня 1991 года, т. е. с 50-летия нападения Третьего рейха на Советский Союз, Дахаусское общество чтит в этот день память погибших.²⁵ Российские политики также проявили интерес к этому памятному месту. Так, например, в 1997 г. его посещал генерал и политик Александр Лебедь, в 1999 г. тогдашний мэр Москвы Юрий Лужков. Эти визиты способствовали незначительному улучшению ситуации на месте бывшего полигона: здесь поставили информационные стенды на немецком и русском языках. Но только в 2014 г. было сооружено достойное мемориальное место с выставкой на свежем воздухе и длинными каменными плитами с именами убитых. На них пока еще много свободного места, потому что известны имена только 816 человек — одной четверти жертв.²⁶

Хебертсхаузен стал своеобразным местом памяти. Оно важно и тем, что здесь можно понять: невозможно изолировать друг от друга нацистские преступления против разных групп. Там были убиты евреи, потому, что они были евреями. Но они умерли наряду с советскими коммунистами и интеллигентами, среди которых были и православные (при этом нельзя забывать, что евреев нацисты старались убить всех без исключения). Следовательно, на этом месте соединяются разные памяти: традиционная память коммунистов, которые идентифицируют себя с Советским Союзом; межгрупповая память активистов Дахаусского общества, которое выступает за международное взаимопонимание, а также еще одна традиционная память — русскоязычных еврейских иммигрантов из Мюнхенской общины, которые в последние годы стали сотрудничать с Обществом при организации мемориальных церемоний 22 июня.

²⁵ Schwenke K. Dachauer Gedenkorte zwischen Vergessen und Erinnern. Die Massengräber am Leitenberg und der ehemalige SS-Schießplatz bei Hebertshausen nach 1945. München 2012, S. 85–110.

²⁶ http://www.kz-gedenkstaette-dachau.de/gedenkorte_hebertshausen.html.

Приведенные примеры являются только частью многообразного комплекса разных памятей о концлагере Дахау и их сложного переплетения. Безусловно, каждая группа имеет право на свою собственную, традиционную память. Однако призыв «Никогда больше» требует дальнейшего развития межгрупповой, солидарной памяти — ведь всё зависит от диалога памятей.

Музей еврейского наследия и Холокоста как место памяти

Наталья Валерьевна Анисина
(Москва, Россия)

Музей еврейского наследия и Холокоста расположен в Мемориальной синагоге, возведенной Российским еврейским конгрессом (РЕК) в столице России в память о 6 млн. жертв Холокоста. Этот мемориал стал первым на постсоветском пространстве музейно-образовательным центром по теме Холокоста. Представленная здесь экспозиция по истории уничтожения евреев именно на территории СССР, долгое время была единственной специализированной выставкой в России¹.

За последние пять лет, Музей стал не только «туристической atrakцией» в контенте изучения истории российского еврейства, но и центром формирования толерантного сознания тысяч и тысяч юных россиян, своеобразным просветительским центром, показывающим трагедию Холокоста в широком историческом контексте, имеющем ценностное значение для многих народов нашей страны. Раскрывая истоки и последствия пропаганды и реализации на практике идей расовой исключительности и ненависти, приведших к трагедиям многих народов и миллионам жертв, экспозиция Музея призвана показать пути морального и нравственного противодействия любым проявлениям этногеноцида. Используя разнообразные средства, мы побуждаем посетителей к осмыслению трагедии Холокоста — не просто как еврейской, сугубо национальной, но общечеловеческой трагедии, и прекрасно помним важнейшую мысль, высказанную первым президентом Российского Фонда «Холокост» Михаилом Гефтером: «Не бывает геноцида против одного народа, геноцид всегда против всех». Другая, не менее важная мысль принадлежит нынешнему президенту Фонда и Центра «Холокост» Алле Гербер, суть ее в том, что «Холокост — еврейская беда, но не еврейская проблема».

¹ См. Анисина Н.В. Музей еврейского наследия — опыт сохранения памяти о Холокосте и профилактики будущих геноцидов. — В кн.: Геноцид в исторической памяти народов и в информационных войнах современности. — М., 2015. — С. 89–93.

Одним из вариантов привлечения внимания общественности к проблеме сохранения исторической памяти о Холокосте стали мемориальные мероприятия, участниками которых традиционно выступают дипломаты, общественные и религиозные деятели, студенты и школьники. С 2010 года в музее прошел цикл мероприятий, посвященных годовщинам начала Холокоста в разных странах: Беларуси, Латвии, Литве, Украине, Эстонии. Мемориальные вечера были организованы совместно с Посольствами этих стран, при участии Посольства государства Израиль в России. Ежегодно, с января по февраль Музей проводит цикл специализированных мероприятий, посвященных Международному Дню памяти жертв Холокоста: Международные конференции школьников и студентов «Холокост: память и предупреждение», тематические экскурсии и семинары для учащихся и педагогов.

Мемориальная церемония, посвященная Дню памяти жертв Холокоста, проводимая совместно с Центром и Фондом «Холокост», становится, как правило, настоящим форумом, привлекающим множество гостей. Впервые, в этом году, цикл мероприятий, посвященных международному Дню памяти жертв Холокоста, был включен в Федеральную программу мероприятий, на 2015 год. Центр «Холокост» совместно с Правительством Москвы, Российским Еврейским Конгрессом и Центральным Музеем Великой Отечественной войны, провели в Москве, с 15 по 26 января, целую серию мероприятий, посвященных 70-летию освобождения Красной Армией узников лагеря смерти Аушвиц (Освенцим) и Международному дню памяти жертв Холокоста. В музее на Поклонной горе прошли театральные постановки, выставки, семинары и научные конференции.

Еще одно значимое мероприятие — ежегодный Марафон Памяти, приуроченный ко Дню памяти евреев жертв — нацизма и героев сопротивления (Йом-Шоа), который проводится в годовщину восстания Варшавского гетто в апреле 1943 года и отмечается в Израиле как день памяти всех евреев, погибших в годы Холокоста. По традиции, Марафон Памяти проходит в Музее еврейского наследия и Холокоста Мемориальной синагоге РЕК, в нем принимают участие учащиеся и педагоги московских школ. Тысячи школьников и студентов из самых разных образовательных учреждений — гим-

назий, специализированных колледжей, кадетских корпусов, школ с этнокультурным компонентом, знакомятся с экспозицией Музея, встречаются с ветеранами войны, бывшими узниками концлагерей и гетто. Сегодня проведение таких мероприятий приобретает особую актуальность в связи с попытками ревизии истории, итогов и уроков Второй мировой войны и Холокоста. Трудность проведения таких встреч в том, что живых свидетелей минувшего становится меньше, они уходят из жизни. Поэтому в Музее активно используются видео и аудио интервью, предоставленные Центром «Холокост» и музеем Яд Вашем.

Важнейшим аспектом сохранения Памяти о Холокосте, является формирование музейных экспозиций. В музее эта деятельность осуществляется в нескольких вариантах: постоянная экспозиция; организация передвижных выставок; временные тематические экспозиции в школах Москвы.

Как показала практика, эффективной и перспективной представляется выставочная деятельность по мемориализации Холокоста в учреждениях образования, позволяющая реализовать принцип комплексного воздействия, направленного на восстановление связи с прошлыми поколениями.² В течение двух последних лет, музей еврейского наследия и Холокоста, совместно с Центром «Холокост» организовал ряд передвижных выставок в школах и ВУЗах России. В ряде московских школ открылись постоянно действующие экспозиции, посвященные мемориализации Холокоста. В дальнейшем, школе оказывается помощь в составлении информационных материалов и текстов экскурсий. Проводится подготовка экскурсоводов из числа учащихся школы. Материалы по этому роду деятельности отражаются на сайтах РЕК³ и учебных заведений, в которых проводится выставка.

Кроме того, в Музее успешно практикуется проведение ежегодной Международной летней сессии, однодневных мини-семинаров, выездных лекций (организаторами которых, традиционно выступает НПЦ «Холокост» в сотрудничестве с Федеральной Академией повышения квалификации работников образования). В Музее

² Инструктивные материалы по созданию экспозиции // Научный архив НМ РК. Д. 4561.

³ www.tjc.ru

регулярно проводятся международные дискуссионные форумы, научно-практические конференции, круглые столы, для педагогов, на которых обсуждается широкий круг вопросов: от субъективности описания исторических событий до противодействия современным неонацистским тенденциям в российском обществе. Такая форма работы стала популярной и позволила донести мысль о том, что изучение уроков Холокоста является эффективным средством формирования национального сознания и предупреждением проявления геноцида. Результатом этой работы часто становятся новые издания серии «Российская библиотека Холокоста», в которой публикуются материалы прошедших конференций, методические материалы для педагогов и др.

С 2012 года РЕК стал генеральным спонсором серии «Российская библиотека Холокоста», издаваемой совместно с Центром «Холокост». Создан новый Редакционный совет, куда входят известные ученые и общественные деятели. В этой серии изданы материалы Международных научных конференций «Уроки Холокоста и современная Россия», проведенных в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Калининграде и Владикавказе, вышли несколько методических пособий, одно из которых получило рекомендательный гриф Министерства образования и науки РФ⁴. Главной целью пособия является сохранение исторической памяти о трагических событиях новейшей истории, жертвами которых стали дети, а также оказание методической помощи педагогам в проведении уроков памяти о Бесланской трагедии 2004 года. В подготовке этого пособия приняли участие ученые и общественные деятели, а также педагоги из восьми регионов страны. Безусловным достоинством коллективного труда авторов является учет международного опыта преподавания истории Холокоста в сравнении его с другими геноцидами XX в.: армянского геноцида и геноцида в Руанде⁵.

⁴ Дети — жертвы Холокоста и террора: педагогический аспект. Учебно-методическое пособие / Сост. Альтман И.А., Анисина Н.В. // Под ред. А. Г. Асмолова. — М., 2014

⁵ Каменчук И.Л. «Дети — жертвы Холокоста и террора: педагогический аспект» — учебно-методическое пособие, посвященное 10-летию трагедии в Беслане // Электронный журнал «Общество. Культура. Наука. Образование». 2014.

Российский еврейский конгресс активно поддерживает проведение образовательных и музейных программ по этой теме с широким освещением истории Холокоста в регионах России. Одним из таких направлений, которое РЕК старается реализовать в тесном сотрудничестве с НПЦ «Холокост», является подготовка специалистов по теме Холокоста и геноцидов в Университетах, Институтах повышения квалификации педагогов; оказывает методическое и финансовое содействие ученым и педагогам России в изучении и преподавании темы Холокоста.

Музей активно участвует в проектах по предупреждению антисемитизма и ксенофобии в обществе, ведет просветительскую работу, изучая феномен стремительного развития нетерпимости. Однако, весь накопленный опыт по сохранению памяти о Холокосте, как механизма профилактики будущих геноцидов, свидетельствует о необходимости совместных усилий не только государственных структур, но также институтов гражданского общества, занимающихся образованием и просвещением. Только совместными согласованными действиями можно рассчитывать на результат.

Одним из примеров такого эффективного сотрудничества стало взаимодействие в рамках «Иудео-христианского диалога» с организациями евангельских христиан-баптистов (российских протестантов). Первое совместное заседание прошло в мае 2010 г. именно в стенах Мемориальной синагоги. Очередное заседание намечено на ноябрь 2015 г. Результатом практической мемориализации Холокоста в регионах России стало установка 15 памятников на местах массовых расстрелов, включая мемориал в Любавичах, составной частью стала Аллея Праведников Смоленской области.

Как говорил писатель Асар Эппель: *«У фашизма нет будущего, но у него всегда есть настоящее». Поэтому, своей главной задачей мы считаем накопление и распространение сведений о чудовищном беспрецедентном бедствии, ставшим участю миллионов евреев».*

Сотрудники Музея уверены, что трагедию геноцидов должны осознать и помнить все люди доброй воли, независимо от национальности. Она должна получить отражение в образовательных программах и музеях России. Одна из актуальных задач — наладить сотрудничество с российскими и международными обще-

ственными организациями, музеями и гражданскими институтами. Сохранение памяти о Холокосте в общественном сознании — не только исполнение долга и веление души, но и социальная «прививка» от агрессивного антисемитизма. Мемориализация Холокоста имеет первостепенное значение, прежде всего потому, что память об этой трагедии должна стать своеобразной вакциной против будущих геноцидов.

Мемориализация памяти жертв Холокоста на территории Новгородчины

Борис Николаевич Ковалёв
(Санкт-Петербург — Великий Новгород)

Новгородская область была выделена в самостоятельную территориально-административную единицу в составе РСФСР в августе 1944 г. В нее вошли районы, ранее находившиеся в составе Ленинградской и Калининской областей. Западные районы Новгородчины в 1941–1944 гг. находились под гитлеровской оккупацией. Перед войной, согласно статистическим данным, в городе Новгороде проживало 40 тыс. человек, из них евреев более 900. В Старой Руссе проживало около 38 тыс. человек. Из них евреев более 1000¹. Население города Сольцы составляло около 5 тыс. человек, из них евреев около 150. Небольшая еврейская община (около 50 человек) была в городе Холме. Во всех остальных населенных пунктах количество еврейского населения было крайне незначительно. Общее количество жертв среди мирного еврейского населения на территории Новгородской области превышало 200 человек.

В середине августа 1941 г. немецкие войска подошли к Новгороду. 19 августа он был полностью захвачен гитлеровцами. Хотя Новгород и был оккупирован, линия фронта остановилась менее чем в километре за городской чертой. Это позволило эвакуироваться и бежать значительной части населения, включая евреев. Новгород был освобожден советскими войсками 20 января 1944 г.

На территории Новгородской области установлены три места уничтожения еврейского населения в годы Великой Отечественной войны: Старая Русса, Сольцы и небольшая деревня в Батецком районе Жестяная Горка. В Сольцах и в Жестяной Горке установлены памятные знаки, в Старой Руссе это сделать пока не удалось.

Город Сольцы находился в условиях немецкой оккупации с 14 июля 1941 по 21 февраля 1944 г. Согласно акта ЧГК, «в июле месяце 1941 года немецкие захватчики в городе Сольцы собрали всех евреев, которым на рукавах одежды сделали белые повязки с надпи-

сьями «иуда», а через несколько дней их всех собрали в одно место, в т. ч. и детей, и расстреляли. Из расстрелянных комиссией удалось установить фамилии только пяти уничтоженных фашистами граждан. Расстрел проводил немец из жандармерии — Отто»².

Память об этом страшном преступлении сохранили не только родственники жертв, но и историки. Вопрос о мемориализации памяти своих погибших земляков был полностью поддержан руководством районной администрации. 24 сентября 2007 года в Новгородской области на 85-м километре дороги Великий Новгород — Псков был открыт Памятный знак в Молочковском бору — на месте расстрела нацистами евреев города Сольцы. На этом месте собралось более двухсот человек. Траурную церемонию открыл раввин новгородской синагоги Гершон Палей: «В годы войны вся Восточная Европа превратилась в огромное еврейское кладбище. Новгородская область, к сожалению, не исключение. Погибли старики, женщины и дети — те, кто не ушел на фронт, те, кто не успел или не смог эвакуироваться.

Все они попали по доносу соседей-ненавистников в руки фашистских полицаяв. И ошибаются те, кто думают, что это трагедия только еврейского народа. Нет, это трагедия всех и это предупреждение всему. Ненависть может привести к катастрофе. Но память может ее предотвратить. Открываемый сегодня в Молочковском бору памятник призывает всех нас: станьте посланцами живой памяти»³.

На открытии знака трагедию в Молочковском бору пытались осмыслить историки и краеведы. «Сегодня мы поминаем наших земляков-сольчан, которые жили и трудились на этой земле.

Они были врачами и учителями, школьниками и студентами. Они еще никем не были, просто потому, что даже не успели пойти в школу, — сказал, выступая на открытии памятника, доктор исторических наук Борис Ковалев. — Но в 1941 году пришли иноземные захватчики, которые приказали им надеть на руки повязки с надписью «Иуда». Им запретили ходить по тротуарам, использовали как рабочую силу. А через несколько недель их собрали, посадили на машины и отвезли сюда, в Молочковский бор.

¹ См.: статья «Старая Русса». Энциклопедия Холокоста на территории СССР. М., 2009.

² Государственный исторический архив Новгородской области, Ф. Р-1793, Оп. 1, Д. 30, Л. 56.

³ Жилин Иван. Послание живой памяти // Еврейские новости, № 32, сентябрь 2007.

Здесь, за мемориальным камнем, лежат десятки и десятки людей. Их расстреляли только потому, что одну национальность считали хуже другой — и лишали ее права на жизнь»⁴.

Установленный памятный знак был создан за счет пожертвованных членов еврейской общины Великого Новгорода при содействии АО «Акрон» и Российского еврейского конгресса. Российский еврейский конгресс, принявший участие в установке памятника, на траурном митинге представлял исполнительный вице-президент РЕК Николай Профирный. В своем выступлении он, в частности, сказал: «Так сложилось, что для многих людей символом одной из самых страшных трагедий XX века, Холокоста, стал лагерь смерти Освенцим, где были уничтожены миллионы людей. Но мало кто обращал внимание, что в ярах, балках, оврагах по всей территории бывшего СССР и Европы лежат не меньше казненных, чем было уничтожено в нацистских фабриках смерти»⁵.

Одно из мест массового уничтожения мирного населения и пленных красноармейцев на северо-западе России находится в деревне Жестяная Горка Батецкого района. Уже в первые месяцы после освобождения, в 1944 году, советской стороной стали собираться свидетельства о фактах массовых расстрелов. Так свидетель Большаков И.М. показал: «В нашей деревне Жестяная Горка, в которой я проживал в период оккупации, находился карательный отряд немецких войск СС в течение более двух лет, в 1941–1943 годах. За деревней Жестяная Горка расположены 4 ямы с трупами захороненных людей»⁶.

22 июня 2011 года, в День памяти и скорби, около небольшой русской деревни Жестяная Горка был установлен мемориальный камень в память о евреях Северо-Запада России, расстрелянных и замученных здесь карателями в 1942–43 гг.

Общее между Жестяной Горкой и Молочковским бором заключается в том, что они еще со второй половины 40-х годов были известны как места массового уничтожения мирного населения. Но в Молочковском бору уничтожались только евреи, а в Жестяной Горке

⁴ Жилин Иван. Послание живой памяти // Еврейские новости, № 32, сентябрь 2007.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: Петров, М.Н. Тайная война на Новгородской земле. Великий Новгород, 2005. С. 155.

нацистами и их пособниками уничтожались заложники, захваченные в плен партизаны, коммунисты и евреи.

Жестяная Горка, где установлен поминальный православный крест на месте сожженной гитлеровцами русской деревни, обелиск с красной пятиконечной звездой советским солдатам, погибшим при освобождении этих мест, памятный знак о замученных евреях — является своего рода Поклонной горой Новгородчины.

22 июня 2011 года в день «Памяти и Скорби» был открыт Памятный Знак на месте расстрела евреев в годы Великой Отечественной войны в деревне Жестяная Горка Батецкого района Новгородской области.

Открывая церемонию, директор Фонда «Еврейская община Великого Новгорода — центр развития культурного и духовного наследия» А. А. Кнопов сказал: «Здесь были расстреляны или заживо погребены мирные граждане, кто не успел или не смог эвакуироваться. Они были убиты только за то, что были евреями. Прошло 70 лет! Снова и снова рассказываем трагическую историю безвинных жертв, чтобы никогда не забывались эти события. Мы должны увековечить память каждого.

Открывая этот Памятный Знак, перелистываем еще одну страницу к миру, чтобы то, что произошло, никогда не повторилось»⁷.

В сопровождении скрипки прозвучали стихи еврейского поэта Мотла Грувмана, посвященные родным, расстрелянным гитлеровцами под Немировым на Украине. Строки из этого стихотворения «Мама» выбиты на Памятном камне: «Лежат тут и старые, и молодые, и те, кто убиты, и те, кто живые, все вместе, все вместе, и деды, и внуки...»⁸.

Наибольшее количество еврейского населения в Новгородской области было уничтожено гитлеровцами осенью 1941 года в Старой Руссе. С 2009 года предпринимались активные попытки установления там памятного знака. Весной 2010 года еврейской общиной города Великий Новгород было подготовлено «Обоснование необходимости открытия памятного знака на месте расстрелов нацистскими оккупантами и их пособниками мирных жителей, евреев Старой

⁷ Памятный Знак жертвам Холокоста. http://www.beitziv.ru/news/2011/news220611_1.html Дата обращения 02 мая 2015 г.

⁸ Там же.

Руссы осенью — зимой 1941 года». В нем говорилось: «Старая Русса находилась в оккупации до 18 февраля 1944 года. В результате боевых действий город был полностью разрушен.

31 декабря 1944 года Старорусская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в составе Ицкевича Я.Е. (председатель), Становой Л.А., Изотова В.Н., Кулешовой Н.И. (члены комиссии) составили акт № 9, в котором говорилось следующее: «В первых числах сентября месяца 1941 года немецкие военные власти объявили регистрацию всего еврейского населения, проживающего в городе Старая Русса, после чего всех евреев независимо от возраста обязали носить белые повязки на рукаве.

Спустя две недели после регистрации, немцы арестовали всех евреев, в том числе, женщин, детей и стариков, и посадили часть в тюрьму, а часть в приспособленное здание под тюрьму в монастыре. По ночам из здания тюрьмы доносились крики истязуемых немецкими палачами ни в чем неповинных женщин, детей и стариков. Немцы расстреливали целые семьи лишь только за то, что они принадлежали к еврейской национальности...».

28 и 29 октября 1944 года Комиссией была произведена эксгумация трупов в районе улицы Бетховена. Из акта эксгумации следует: «Территория городских огородов по ул. Бетховена служила для фашистов местом закапывания в землю трупов замученных ими Советских граждан».

С прискорбием приходится признать, что это место до сих пор не отмечено никаким памятным знаком...

На основании вышеприведенных материалов, в год 65-летия Великой Победы, просим разрешить установку памятного знака на месте захоронения рушан-евреев, жертв нацистского оккупационного режима»⁹.

Однако, инициативная группа граждан, проживающих в Старой Руссе, категорически выступила против установки знака. Информационную поддержку им оказала местная газета «Старая Русса», опубликовавшая несколько материалов об этом. Сотрудник музея Северо-Западного фронта А. Ф. Иванова отправила в районную администрацию письмо «К вопросу о местах захоронения еврейского

⁹ Из личного архива Автора.

населения г. Старая Русса и количестве расстрелянных евреев в оккупированном фашистами городе в 1941 году». В нем она утверждала следующее: «В историческом обосновании, предоставленном еврейской общиной Новгородской области с целью установления памятника в Старой Руссе на месте пересечения улиц Бетховена и Минеральной, нет доподлинного доказательства по факту захоронения в могилах на территории бывших огородов на ул. Бетховена, нет ссылки на точное количество евреев в оккупированном городе.

На мой взгляд, место пересечения улиц Бетховена и Минеральной, практически, въезд в историческую часть *древнего русского* (выделение А. Ивановой — Б.К.) города Старая Русса — может стать местом увековечения памяти *всех* мирных жителей города, ставших жертвами минувшей войны. Здесь вполне реально установить поклонный крест или памятную стелу, либо создать курган (холм) памяти. А решать этот вопрос нужно всем миром»¹⁰.

При этом, в 2005 году А. Ф. Иванова выпустила в качестве автора-составителя книгу «Край, опаленный войной». В этом издании утверждалось несколько другое: «В Старой Руссе в результате подготовленных и проведенных в наикратчайшие сроки погромных операций были уничтожены более трех с половиной тысяч евреев, 1700 цыган, 260 душевнобольных согласно декрету об экстаназии (так в тексте — Б.К.)»¹¹.

Можно предположить, что подобное радикальное изменение точки зрения данного сотрудника музея связано с тем, что в 2005 г. читателю сообщалось о гитлеровских злодеяниях *вообще* (выделено мной — Б.К.), а в 2010 году встал вопрос об увековечении памяти именно евреев-рушан. При этом, следуя исторической правде, на мемориальном камне предполагалось написать о том, что он указывает место расстрелов мирного еврейского населения — жителей города и советских военнопленных, замученных гитлеровцами зимой 1941–1942 годов. Но начавшаяся кампания об установлении общего знака памяти, в которой проскальзывали нотки антисемитизма, заставила еврейскую общину города Великий Новгород отказаться от своих планов.

¹⁰ Из личного архива Автора.

¹¹ Край, опаленный войной. Северо-Западный фронт и его музей в Старой Руссе. М., 2005. С. 89.

В 2014 году корреспондент газеты «Новгородские ведомости» Василий Дубовский вновь вернулся к этой проблеме. В своем материале «Неоконченный реквием» он писал: «В 2010 году новгородская еврейская община хотела установить в Старой Руссе монумент жертвам Холокоста. Со стороны местной общественности возникла встречная инициатива — увековечить на пересечении улиц Бетховена и Минеральной память всех жертв, не только евреев. Обе идеи заблудились где-то на углу исторической правды и целесообразности.

Глядя из июня 2014-го, следует признать, что только вид сделан. Никакого сквера со скамеечками и памятником на углу улиц нет и в помине. Правда, поодаль встала модульная котельная»¹².

Эту ситуацию попытался объяснить командир старорусского поискового отряда Владимир Алексеев: «Об этом не принято говорить открыто, но русский солдат до сих пор не увековечен так, чтобы нам было не стыдно. Представители национальных республик высказывают пожелания ставить памятники своим землякам. Одни уже поставили, другие еще поставят, потом третьи. А русские чем занимались? Они вообще — то сражались за Старую Руссу? Поэтому получаются ситуации, когда и другим толком сказать нечего, и самим ничего не сделать»¹³.

На настоящий момент (июнь 2015 года) вопрос увековечивания памяти жертв Холокоста в Старой Руссе по-прежнему не решен.

Последний фильм Курта Геррона

Татьяна Борисовна Манькина
(Россия — Германия)

Судьба Курта Геррона — одна из самых трагичных в истории кинематографа. Погибнув в Аушвице, знаменитый актер и режиссер еврейского происхождения получил посмертно в свою фильмографию «Терезиенштадт — документальный фильм из еврейского поселения», вошедший в историю под другим названием «Фюрер дарит евреям город». Но был ли он режиссером в том смысле, в котором мы все привыкли это понимать?

Фигура Геррона уже мелькнула один раз в нацистском пропагандистском фильме «Вечный жид» 1940 года, где был показан отрывок из фильма с его участием. В комментариях диктора говорилось о том, как евреи отрицательно повлияли на кинематограф Германии. Это было первое и последнее появление Геррона в нацистском фильме. Но за историю нацистского кино Курту Геррону пришлось оказаться в ней второй раз: в роли единственного еврея — режиссера в эпоху Третьего рейха. Фильм стал порождением нацистской пропагандистской машины. Талант и имя Геррона были цинично использованы нацистами для того, чтобы показать всем миру огромную ложь — ложь о том, что фюрер «подарил евреям город», где они работают, отдыхают, занимаются спортом, где они счастливы, беззаботны и, главное, живы.

Вопреки распространенному мнению о том, что все идеи, связанные с кинопроектами, принадлежали Геббельсу, главную роль в создании фильма играло СС. Заказчиком фильма выступил Ганс Гюнтер, директор Центрального офиса в Праге по урегулированию еврейского вопроса в Богемии и Моравии, а не Министерство пропаганды.

Еще в сентябре 1942 года Гиммлеру захотелось иметь фильм о гетто Терезиенштадт для своего «личного пользования». В нем предполагалось показать историю еврейской семьи от депортации до прибытия в гетто. «Сильный и реалистичный» фильм по сценарию Питера Кина и под режиссерской работой уроженки Праги Ирены Додаловой был снят, но ни самого фильма, ни подготовительных

¹² Дубовский Василий. Неоконченный реквием //»Новгородские ведомости» (выпуск Старая Русса). 25 июня 2014 г.

¹³ Там же.

материалов к нему не сохранилось.¹ В начале 1944 года, когда гетто готовили к визиту сотрудников Красного Креста, эта идея возродилась. Новый фильм должен был показать всему миру, как щедро, гуманно и благородно обращается с евреями Гитлер. Эта идея пришла фюреру по душе. Как потом говорил чех Иван Фрич, который, будучи совсем молодым человеком, принимал участие в работе над фильмом в качестве кинооператора, съемочной группе неоднократно напоминали о том, что создание этого фильма был личным желанием фюрера.²

Съемки подготовительного материала к фильму велись с 16 августа 1944 по 11 сентября 1944 года. В гетто Терезиенштадт, находящемся на территории оккупированной Чехословакии, возвели «потемкинскую деревню». На улицах гетто разбивались цветочные клумбы, сооружались площадки для детских игр. Гетто было переселено, поэтому из него в Аушвиц отправили тысячи лишних людей, в первую очередь, больных и немощных, отобрав для фильма самых здоровых и фотогеничных.

Предшествовавший фильму визит в гетто представителей Красного Креста состоялся весной 1944 года. В гетто спешно начали красить бараки, чистить улицы. На главной площади гетто возвели эстраду, на выкрашенные здания повесили вывески «Галантерея», «Школа», «Кафе». Улицам в гетто дали простые мирные названия. За несколько дней до приезда комиссии, жителям гетто заметно улучшили питание, тем, кого выбрали для показа Красному Кресту, выдали новую красивую одежду. Когда приехала комиссия, дети на улицах исполняли для них песни на идиш, люди в больницах выглядели довольными и ухоженными, люди вокруг улыбались, молодежь спешила на работу. Жизнь жителей Терезиенштадта выглядела вполне нормальной. Эксперты комиссии отметили, что евреи содержатся в приемлемых условиях и никаких нарушений прав человека в Терезине не наблюдается. В разных источниках, выжившие узники гетто вспоминают эпизод, когда им, бывшим в то время детьми, на глазах комиссии, на специально инсценированную для такого случая игровую площадку (этот

¹ Barbara Felsmann and Karl Prümm, *Kurt Gerron — gefeiert und gejagt, 1897–1944: das Schicksal eines deutschen Unterhaltungskünstlers: Berlin, Amsterdam, Theresienstadt, Auschwitz* (Berlin: Heinrich, 1992), S. 104.

² Ibid., S. 140

день был единственным, когда можно было на ней играть) вынесли подносы с бутербродами и заставили детей кричать зауценную ими заранее фразу: «Опять сардины? Сколько можно, мы же едим их каждый день!». Многие из них, конечно, и не знали, что такое сардины. Эксперт комиссии, молодой человек двадцати шести лет, был очень впечатлен: в тяжелое военное время практически никто не мог себе позволить есть сардины каждый день. Затем эту удачную сцену повторили в фильме — детям раздали большие куски белого хлеба, намазанные маслом. Но пока их раздали всем участникам съемки, то снимать было нечего — голодные дети съели «реквизит», пришлось посылать за бутербродами заново.

Съемки фильма, за который отвечала пражская кампания «Актуалита», решили вести «по горячим следам». Из Берлина пришло распоряжение, что в фильме должны принять участие важные и известные еврейские деятели культуры. Курту Геррону, одному из ведущих немецких актеров и режиссеров еврейского происхождения, была изготовлена в этом фильме номинальная роль сценариста и режиссера.

В Веймарской республике Геррон был звездой, играл, в основном, в комедиях, его образ смешного толстяка с непростым характером очень полюбился зрителю и стал символом хорошего кино. Он снимался вместе с такими, как Ганс Альберс, Хайнц Рюманн, Эмиль Яннингс, Марлен Дитрих. Был веселым, щедрым, очень дружелюбным и очень ранимым. Его называли «великан с душой ребенка». Играл в театрах, в том числе и у Бертольда Брехта, снимал успешные фильмы и к 1933 году стал одним из ведущих режиссеров Германии. После программной речи Геббельса, прозвучавшей 28 марта 1933 года в отеле «Кайзерхоф» в Берлине о засилье еврейских актеров и режиссеров в кинематографе и театре, уже 1 апреля (в день организованного нацистами бойкота еврейских магазинов и предприятий) Геррон был изгнан прямо со съемочной площадки. Почти полностью снятый им фильм «Амур на веревочке» вышел на экраны Германии под названием «Дитя, я радуюсь твоему появлению». В титрах фильма стоял другой режиссер с арийским именем — Ганс Штайнхофф³, закончивший по сути уже отснятый фильм. Геррон вместе со своими родителями и супругой Ольгой (Олли), родители

³ Только что отснявший свой «Квекс из гитлерюгенда» — один из главных нацистских пропагандистских фильмов, рассчитанных на молодежь

которой отказались покидать родной Гамбург, эмигрировали из Берлина сначала во Францию, затем в Австрию, а потом — в Голландию. Знаменитый Геррон и в эмиграции нашел работу и снял несколько фильмов, порой, даже почти не зная языка, как это было в Голландии. Все, кто работал с ним на одной съемочной площадке отмечали талант, доброту и дружелюбность «папы Геррона», как его все называли. Известный немецкий актер еврейского происхождения, Питер Лорре, уехавший в Америку и добившийся там успеха, насколько это было возможно тогда иностранцу с плохим английским языком в Голливуде, с помощью своего агента нашел работу для своего друга Курта. Но Геррон был занят съемками и не смог бросить фильм, не досняв его. А потом было уже поздно — работы в Голливуде для него больше не было. Сохранились длинные вежливые письма Геррона известным американским агентам и режиссерам, в том числе Фрицу Лангу, также эмигрировавшему из Германии в Америку. На какие-то письма ответом был отказ, какие-то остались без ответа. Вскоре Геррон был арестован и отправлен сначала в концентрационный лагерь Вестерборк, а потом — в Терезиенштадт, куда он прибыл вместе со своей женой в феврале 1944 года. Эту отсрочку перед смертью ему дала его известность. В «Поименном списке евреев с заслугами перед рейхом и прочими гражданскими заслугами, а также их родственников» указано: «Герзон (Геррон) Курт, рожденный 11.5.1897 в Берлине, с женой, не имеющий гражданства, израэлит, известный актер, продюсер и режиссер, кроме того участник боевых действий 1914/18».⁴

Сразу по приезду, Геррон был вызван к коменданту гетто Раму, большому любителю театра, который «разрешил» Геррону основать в Терезиенштадте кабаре. Это была знаменитая «Карусель» — глоток свежего воздуха и для актеров и для зрителей, а вокруг была смерть и голод и ежесекундная угроза быть отправленными в лагерь смерти. Вскоре, летом 1944г., Курт Геррон получил от Рама приказ принять на себя разработку и режиссерскую работу над фильмом. Геррону с самого начала стало понятно, что фильм будет лживым насквозь и не будет отражать реальной жизни в гетто, а также что может произойти с ним самим в случае отказа. Тем не менее, сразу своего согласия он не дал и отправился в юденрат, где поделился своими страхами

⁴ Ulrich Liebe, *Verehrt, verfolgt, vergessen: Schauspieler als Nazi Opfer*, Beltz Quadriga: Weinheim, 1992. S. 55.

и опасениями. Там ему посоветовали согласиться, так как отказ мог навредить не только самому Геррону, но и остальным заключенным гетто. И, конечно же, Геррон поверил в то, что нацисты вспомнили его былые заслуги и это спасет его от отправки в Аушвиц.⁵

В Терезин из Берлина была отправлена самая современная киноаппаратура. При съемках всегда присутствовали ээсовцы, которые контролировали съемочный процесс и следили за тем, чтобы участники съемок не разговаривали между собой и не предпринимали никаких несогласованных действий. Съемки шли с раннего утра и до позднего вечера. Геррон был обязан писать отчеты о съемках в управление гетто. Съемки велись в библиотеке, столярной мастерской, сапожной мастерской, прачечной и швейной мастерской; на съемках пожарные в новенькой униформе тушили инсценированный пожар. Так же в фильме были показаны хорошее обеспечение жителей продуктами и медицинское обслуживание в гетто. Готовясь к съемкам в хирургическом отделении, Курт Геррон, тут не изменяя самому себе, писал витиевато главному врачу: «Прежде я хотел бы Вас попросить подготовить в хирургическом отделении кварцевые лампы с лежащими под ними милыми детьми — но не блондинами! — которых мы будем снимать лежащими в шезлонгах».⁶ Разумеется, дети — не блондины не были личной прихотью Геррона, а указанием свыше. В Терезинштадте было непросто найти людей, подходящих своим внешним видом под шаблонный облик еврея, описанный национал-социалистами. Певец кабаре Ганс Хоффер, бывший помощником Геррона на съемках, позже вспоминал, что даже в казармах ээсовцев он не видел столько людей нордического типа, сколько было в этом еврейском гетто.⁷ В другом своем письме к внутреннему управлению гетто от 31 августа 1944 года, касавшемся съемок сцены футбольного матча, Геррон пишет: «... важно, чтобы среди зрителей находилось очень много молодежи. Но, пожалуйста, стариков — ни в коем случае».

⁵ Anny Frey, interview by Klaus Budzinski, July 5, 1984

⁶ Kurt Gerron: Brief an Dr. Hahn, in Hans Günther Adler, *Die verheimlichte Wahrheit. Theresienstädter Dokumente*, Mohr: Tübingen, 1958. S. 344.

⁷ Hans Hofer, «Der Film über Theresienstadt. Eine verspätete Reportage» in Rudolf Iltis, Frantisek Ehrmann, and Otto Heitlinger, eds. *Theresienstadt*. Wien: Europa-Verlag, 1968. S. 197.

Несмотря на кажущуюся уверенность, присутствующую в письмах Геррона, он, по воспоминаниям Ивана Фрича, все время был напуган «Его глаза всегда были беспокойны, он все время испытывал страх. Как и большинство людей, принимавших участие в фильме, его удерживала только надежда выжить».⁸ «Было понятно, что он — конченный человек», говорили другие свидетели. Геррон, звезда кинематографа, был очень известен и, благодаря своей грузной фигуре, легко заметен на улицах гетто. Даже несмотря на то, что он сильно потерял в весе по прибытии в гетто, в одежде, висящей на нем, он все равно оставался большим человеком. Пережившие гетто и бывшие там в одно время с режиссером, очень хорошо помнят его. И когда речь заходила о Герроне, они говорили, что да, любой оказавшийся на его месте, поступил бы так же, стал бы снимать, стал бы делать что угодно, ухватившись за эту надежду, не быть убитым. Тем не менее, многие тогда от него отвернулись, стали презирать. Но эти съемки обманули не только Геррона. В короткий период съемочного процесса жизнь жителей Терезиенштадта действительно стала немного легче и надежда на то, что нацисты «опомнились» и что после съемок так все и останется, появилась и не умирала.

Строка из сохранившегося дневника еще одной жертвы Терезиенштадта: «Интересно, успели ли кинематографисты запечатлеть очереди за едой, которые регулярно выстраиваются перед кухнями и днем и вечером. Это настоящий Терезин, город голодных стариков».⁹ 47-летний Курт Геррон, постаревший и не выглядевший на свой возраст, тоже стоял в этой очереди, что постоянно изумляло его поклонников — как, он, такой известный, стоит вместе со всеми? У них у всех была одна судьба.

Одним из главных пунктов фильма было проведение свободного времени жителей Терезиенштадта, отдыхающих после насыщенного трудового дня. Впечатляет сцена футбольного матча, проходящего перед импровизированными трибунами, полными зрителей. Так же в фильме присутствовали сцены в кафе, танцевальный вечер. Судя по сохранившимся наброскам сценария, значительную часть фильма составляли сцены, отснятые в кабаре. Среди прочих номеров,

⁸ Felsmann and Prüm. S. 141.

⁹ Макарова Е., Макаров С., Неклюдова Е., Куперман В. Крепость над бездной. Терезинские дневники, 1941–1945. — М.: Мосты культуры, 2003. С. 306

сам Курт Геррон исполнял знаменитую балладу о Мекки — Ноже из «Трехгрошевой оперы» Брехта. «У акулы зубы острые, нипочем их не сочтешь, у Мэкино нож, как бритва, только где он, этот нож?»¹⁰. Именно Геррон был первым исполнителем этой баллады на премьерных показах в Берлине, в театре на Шиффбауэрдамм в далеком 1928 году. Неизвестно, входила ли эта песня изначально в сценарий или вошла в него потом, по предложению самого Геррона.

Конечно, работа над фильмом стала для Геррона шансом. Но не только стремлением выжить, спастись и избежать той участи, которая довлела над всеми жителями «образцового» гетто. Шансом дальше продолжать работать по профессии, которую он любил больше всего на свете. Геррон не имел права смотреть отснятый материал, не знал, нужно ли переснимать какие-то сцены, достаточно хорошо ли они отсняты и не получил от своих «работодателей» никакого отклика на его работу. Он даже не знал: довольны ли они результатом съемок или нет. Но, возможно, иногда он и забывал о том, где и в каком качестве находится — особенно тогда, когда получил эту возможность работать и заниматься любимым делом. Сохранились воспоминания бывших заключенных Терезиенштадта, в том числе актрисы Навы Шан: «Геррон вел себя так, словно он был режиссером огромной студии УФА, был совершенно одержим своей работой и забыл, что он находится в концентрационном лагере и что за фильм он снимает. По-видимому, он был счастлив только потому, что получил возможность работать по профессии».¹¹

Желтые звезды на одежде не бросались в глаза, фильм был черно-белым. На сохранившихся кадрах: люди, слушающие музыку — в большом зале, все зрители довольно прилично одеты, на их лицах внимательное напряжение и тревога в глазах — это одна из самых напряженных сцен в фильме и именно она выдает нацистов с головой. Эти припудренные выражения ужаса на лицах людей не может скрыть никакая подготовка и режиссура. Их собрали и заставили поиграть в нормальную жизнь. Зритель видит женщин, занятых неторопливой беседой и рукоделием, но и весь фильм — черное рукоделие,

¹⁰ Перевод на русский язык А. Аппеля

¹¹ Interview mit Nava Shan, in Gerhardt Harms and Marion Schmidt, *Der Führer schenkt den Juden eine Stadt: Kurt Gerrons im KZ Theresienstadt gedrehter Film; eine filmgeschichtliche Dokumentation*, Westdeutscher Rundfunk 1986. S. 34.

шитое белыми нитками. И улыбки на лицах людей — инсценировка. Говорят, что Курт Геррон сказал, что он может снять любую сцену, но он не может убрать ужас из глаз людей.

Съемки были успешно закончены. И отправка узников гетто в Аушвиц продолжилась. Первый транспорт с 2500 евреев ушел 28 сентября, к 28 октября так называемая «осенняя транспортировка» была приостановлена. В результате, в Аушвиц было вывезено 18 000 человек. Среди них были, за редким исключением, почти все участники съемок фильма, включая Курта Геррона и его жену Ольгу.¹²

Чешская актриса Вера Шейнова вспоминала, что последний раз она видела Геррона на железнодорожной платформе Терезиенштадта, совершенно потерянного от ужаса и, тем не менее, надеявшегося избежать своей судьбы, потому что он снимал для нацистов фильм. «Это он сказал стоящему рядом эсэсовцу. Я слышала это. Я стояла в нескольких шагах от него. Но эсэсовец ударил его и втолкнул в вагон». В документальном фильме «Узник рая» снятом в 2002 году, одна из бывших узниц гетто также вспоминает, что видела Геррона при отправке в Аушвиц, но она говорит, что он, зная о своей участи, зашел в вагон «как король».¹³

Фильм был смонтирован и завершён уже без участия Геррона. Его закончили в Праге, скопировали и только в начале весны 1945 года наложили дикторскую речь и музыкальное сопровождение. Уже осенью 1944 года был организован просмотр отрывков из фильма для узкого круга. Ганс Гюнтер Адлер, автор ряда работ о Терезиенштадте и сам переживший его, в своей книге «Запрятанная правда. Терезиенштадские документы», пишет, что на этот отрывок был наложен голос диктора, который сообщал примерно следующее: «Пока евреи в Терезиенштадте сидят за столиками с кофе и тортами и танцуют, наши солдаты обременены ужасной войной, нуждой и лишениями, чтобы защитить Родину».¹⁴

Но до праздничной премьеры фильма дело не дошло — война подходила к концу и Третий рейх переживал свое падение. Несмотря на это, 6 апреля 1945 г. фильм был показан делегации международно-

го Красного Креста. И в этот раз делегация дала себя обмануть. Член комиссии, швейцарец Ленер рапортует в отчете: «...Мы смотрели отрывки из этого фильма, это в своем роде документальный фильм, конечно же, с небольшим налетом пропаганды»¹⁵. К этому моменту почти всех людей, промелькнувших в этом фильме, уже не было в живых. Ни о них, ни о режиссере никто ничего не спросил. Курт Геррон был уже давно мертв — 28 октября он был вывезен в Аушвиц и убит там 15 ноября 1944 года.

От фильма продолжительностью 45 минут сохранилось 15 минут, которые без труда можно найти в интернете. Это были отрывки, отобранные для «Немецкого еженедельного обозрения» (*Deutsche Wochenschau*) и показанные осенью 1944 года. Также остались некоторые негативы, уцелевшие при монтаже, как и некоторые промежуточные фотографии, сохраненные Иваном Фричем.

Лишь немногие выжившие смогли рассказать миру правду о Терезиенштадте и, разумеется, она не имела никакого отношения к тому, что мы видим в отрывках, оставшихся от этого фильма. Курт Геррон не был хозяином ни себе, ни своей судьбе. Он был жертвой этой страшной трагедии, трагедии Холокоста, перед которой все евреи были равны и никто, независимо от своего таланта и популярности, не имел права выжить. Но перед смертью Геррону пришлось переступить через самого себя, шагнуть в бездну, приняв участие в съемках этого постыдного фильма. Вправе ли мы его осуждать? Наверное, нет. Но в истории фильма «Фюрер дарит евреям город» навсегда так и осталось: режиссер Курт Геррон.

¹² Felsmann and Prümm, 111.

¹³ *Prisoner of Paradise*, directed by Malcolm Clarke and Stuart Sender, Menemsha Entertainment, 2002.

¹⁴ «Film Theresienstadt Vorschlag für den Schnitt» in Adler, 333.

¹⁵ Felsmann and Prümm. S. 112.

Отражение Холокоста в советских документальных фильмах военного времени и его влияние на память о жертвах войны

*Джеремии Хикс
(Лондон, Великобритания)*

В 2014 году сотрудники Британского Императорского музея войны совершили реставрацию фильма «Немецкие концентрационные лагеря: фактический обзор». Этот фильм был рассчитан на показ немецкому населению в целях их послевоенного перевоспитания. Он основан на съемках фронтовых операторов из США, Великобритании и Советского Союза после освобождения узников лагерей. Фильм заканчивается словами: «Если мир не учтет те уроки, на которые эти образы указывают, тогда наступит ночь. Но, с божьей помощью, мы, те, кто живы, выучим их».

Но фильм остался незаконченным, потому что сотрудничество между странами, бывшими союзниками во Второй мировой войне, уже стало рушиться. Сначала англичане не смогли получить необходимые кадры из советской хроники освобождения Аушвица (Освенцима) и Майданека. Потом решили, что не стоит показывать немцам их собственные зверства. Это произошло в начале «холодной войны», когда США и Англии в борьбе против потенциального коммунистического врага был необходим сильный немецкий союзник.

Фильм так и остался незаконченным. Но по другой, еще более существенной причине: то универсальное «мы», о котором говорится вначале, не существовало и не существует до сих пор. Нацистские зверства, включая массовое уничтожение еврейского народа (то, что теперь принято называть Холокостом), не учат и не учили в разных странах как один общий урок. В результате нацистских преступлений были сделаны, по крайней мере, три вывода:

1) Для сионистов, стремящихся создать еврейское государство: нужно сильное еврейское государство, чтобы евреи смогли защищать себя от нацистов и подобных им антисемитов.

2) Для американцев и британцев, которые не пережили ужасов оккупации собственной территории, и увидели нацистские зверства против чужих им народов собственными глазами лишь в апре-

ле 1945 г.: этот урок был общечеловеческий. Они сделали вывод, что нужны надгосударственный международный правовой порядок и международные учреждения, способные защищать универсальные права человека. Ими стали создание ООН, Нюрнбергский процесс, конвенция о геноциде.

3) Для Советского Союза, испытавшего самые жестокие нацистские зверства, нацистские преступления указали на другой урок: нужно иметь сильное государство, чтобы противостоять иностранным вторжениям. Такой урок вытекал из опыта оккупации, массового убийства и порабощения, которым советское население подвергалось в 1941–1944 гг.

Эти сильно отличающиеся друг от друга подходы видны по документальным фильмам о нацистских зверствах, созданных во время войны, которые тоже можно разделить на три группы:

- Фильмы и фотографии снятые самими нацистами: часто это было снято неофициально, на память, самими убийцами. Они очень сильно показывают именно еврейскую национальность жертв, потому, что нацисты не скрывали свои цели.
- Фильмы, созданные американскими и британскими операторами в 1945 г., при освобождении узников концентрационных лагерей в Германии, в Бельзене и т. д.
- Те фильмы, которые были сняты, когда советские войска начинали освобождать оккупированные территории с конца 1941 г. За три с половиной года до западных союзников, советская кинохроника стала показывать следы нацистских жестокостей и убийств. В основном, они говорили о зверствах против мирного населения, не делая упора на евреев, даже если евреи составляли преобладающее большинство жертв, как в Керчи, Харькове и Ростове — на Дону. Советские операторы так же снимали нацистские лагеря, в том числе Майданек и Аушвиц.

Эти различные фильмы не только отражают то, что сделали нацисты, они также и *вливают* на то, как мы понимаем это прошлое. Анализируя их, мы сможем лучше понять, как в России и на Западе понимают Холокост с взаимоисключающих позиций, и выводят из него противоположные уроки.

Советские операторы фиксировали следы массовых расстрелов евреев в таких местах, как Дробицкий яр в Харькове, или Багеровский

ров в Керчи (Крым). Эти фильмы были включены в выпуски хроники и документальные фильмы. Они отличаются от фильмов о лагерях смерти тем, что эти места находятся совсем рядом с родными городами и деревнями жертв, с их родиной. Этот факт облегчает процесс национального осознания Холокоста в СССР, способствует и тому, что можно назвать его «советизацией» (по аналогии с тем, что называют «американизацией» Холокоста). Советская хроника усиливает эту советизацию посредством фиксации того, как местное население опознает жертвы расстрелов. Кинооператоры снимали реакцию родных, их горе; чаще всего — женщин, узнавших своих близких среди казненных.

Примерами служат фильмы о Мстиславле и Барвенково. Эти сцены не только фиксируют, но и намеренно создают образы нацистских зверств. Во-первых, эти горящие люди как бы указывают зрителям: надо смотреть на эти зверства как на общую, а не личную трагедию. Кинообразы реакций плачущих женщин определяют эти ужасы как коллективную рану, на которую надо ответить также коллективно — отомстить подвигом, на фронте или в тылу.

Это горе очень сильно передано эмоциональными образами. Именно этим советские фильмы отличаются от американских и британских, которые показывают солдат в качестве свидетелей, но не как горящих родственников.

Но образы этих женщин служат еще одной цели — кинооператоры иногда фиксируют визуальные следы нацистских преступлений именно против евреев, как, например, в Барвенково. Но такие образы не попадают в конечные выпуски хроники. Режиссеры и монтажеры выбирают другой визуальный мотив для народной беды — плачущих женщин. Они соответствуют образу славянской матери с платком, известной по плакату И. Тоидзе «Родина-мать зовет!». Показывая рыдающих славянских женщин, эти фильмы дают понять, что жертвы тоже славянской национальности. Иногда дикторский голос в этих фильмах откровенно подчеркивают такую интерпретацию. В фильме «Освобождение Советской Белоруссии» (Владимир Корш-Саблин, 1943), когда речь идет о Мстиславле, где более 1000 евреев были убиты нацистами,¹ комментарий к раскопкам массовых могил

¹ См. Холокост на территории СССР: энциклопедия. // Под ред. И.А. Альтмана. 2 изд. — М. РОССПЭН, 2011. С. 624–626.

объясняет значение названия города, подчеркивая месть, славу и славянский характер населения, умалчивая о национальности большинства жертв.

Можно сказать, что советские документальные фильмы во время войны создали образ Холокоста, который соответствует понятиям о нацистских зверствах, как направленных против всего советского населения или даже против славянских народов в первую очередь. Во многих местах жертвы были, преимущественно, еврейской национальности.

Тем не менее, советские операторы зафиксировали места Холокоста непосредственно после событий; иногда они снимали трупы жертв Холокоста. Но в России, Израиле или на Западе, не принято считать, что это было кино о Холокосте, или даже имело отношение к Холокосту.²

Итак, образы нацистских преступлений фиксировались с разными целями и воспринимались по-разному. Советские фильмы были созданы с сознательным намерением проиллюстрировать советское понятие о нацистских зверствах как направленных против всех советских людей без национального различия.

Их можно теперь по-иному интерпретировать в учебных целях, используя дополнительный комментарий в научной литературе о национальности жертв.³ Мне кажется странным, что до сих пор это делается очень редко. Ведь в этом случае, мы сможем не только смотреть эти фильмы как кино о Холокосте, но и решить некоторые другие задачи:

1) Привлечь больше внимания к особенностям Холокоста на оккупированных территориях СССР — это были массовые расстрелы, а не газовые камеры; судьба евреев здесь была тесно связана с нацистской политикой к военнопленным, партизанам, другим национальностям Советского Союза.

2) Мы сможем больше понять, почему собственно появилось кино о Холокосте: в первую очередь, эти советские фильмы имели пропагандистские цели; они показывали зверства, чтобы вызывать

² См. об этом: Jeremy Hicks, *First Films of the Holocaust: Soviet Cinema and the Genocide of the Jews*, Pittsburgh, 2012

³ В этих целях, можно использовать книгу И.А. Альтмана «Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 гг.». — М., 2002.

ненависть у зрителей к нацистским оккупантам; обращались к зрителям, чтобы они отомстили. Вторая мотивация для советского документального кино: собирать свидетельства о преступлениях, чтобы они смогли быть использованы в будущих судебных процессах против нацистских преступников. Этот шаг был новаторским: англо-американские войска начинали фиксировать нацистские преступления посредством кино только после того, как советские фильмы были показаны на Западе.

3) Мы, таким образом, также обращаем внимание на некоторую условность в понятие о Холокосте в американских и английских трактовках. Эти советские фильмы были забыты, потому что на Западе считали: Холокост и Вторая мировая война — это повесть о том, что демократия побеждает диктатуру, показывая этим, что именно демократическая политическая система самая лучшая. Из-за этого, на Западе не принято слишком много внимания уделять Восточному фронту и решающей, советской роли в победе над нацизмом. Именно советские документальные фильмы, впервые отразившие Холокост в кино, помогут нам обратить внимание на эту трагедию, как составную часть Великой Отечественной войны.

Добровольная амнезия: Холокост в современном российском кино

*Ольга Гершензон
(Амхерст, США)*

По мнению исследователя исторической памяти Алейды Ассманн, «россияне, старательно пытаются стереть из памяти очень многое», а в их отношении к своему прошлому и к истории «преобладает стремление к забвению».¹ И это не просто потеря памяти, а добровольная — по собственному выбору — амнезия.

Конечно, в России есть Центр «Холокост» и общество «Мемориал» — своего рода институты памяти, но все-таки культура амнезии преобладает. Что это означает для памяти о Холокосте в России? Как вообще воспринимается это событие здесь сегодня? Я попытаюсь ответить на эти вопросы на примере анализа новых российских фильмов.

Как известно, очень немногие советские фильмы затрагивали Холокост. Не то чтобы Холокост отрицался, просто еврейские жертвы замалчивались.² Для этого было два механизма — универсализация и экстернализация (подробные характеристики терминов даны в моей книге «Призрачный Холокост»)³ Универсализация, это когда Холокост подминается под общую советскую трагедию войны, а евреи называются «мирными советскими гражданами». Экстернализация (вынесение наружу) — это признание уничтожения евреев, но только за пределами советских границ (например, в Германии или Польше). Универсализация означала, что в роли главных жертв нацизма выступали славяне и коммунисты, а вовсе не евреи. В то же время, экстернализация позволяла не поднимать вопрос о полицаих или просто

¹ Ассманн Алейда. «Россияне старательно пытаются стереть из памяти очень многое...» Интервью Егора Виноградова. Deutsche Welle, DW, 23 Oct. 2014. Web 19 Jan. 2015.

² Об отношении к Холокосту в СССР, см. Gitelman, Zvi. «Politics and the Historiography of the Holocaust in the Soviet Union.» Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR. Ed. Zvi Gitelman. Bloomington: Indiana UP, 1997, 14–43, и Feferman, Kiril. Soviet Jewish Stepchild: The Holocaust in the Soviet Mindset, 1941–1964. Saarbrücken: Müller, 2009.

³ См. Gershenson, Olga. The Phantom Holocaust: Soviet Cinema and Jewish Catastrophe. New Brunswick: Rutgers UP, 2013.

равнодушных свидетелях, и, тем более, об ответственности советской власти за массовое уничтожение евреев на территории СССР.

Не удивительно, что даже немногие советские фильмы, которые затрагивали тему Шоа, так или иначе отражали эти механизмы. Холокост в них универсализирован и вынесен за пределы советских границ. Более того, в отличие от западных фильмов на тему Холокоста, советские фильмы всегда были о чем-то другом: о победе всего советского народа, или о героических подвигах, т. е. уничтожение евреев оставалось «на полях повествования». Доктрина соцреализма также затрудняла показ Холокоста.

Начиная с перестройки, когда цензура ослабла, а потом была совсем отменена, Холокост перестал быть объектом универсализации: авторы фильмов теперь открыто поднимали тему жертв евреев. События в фильмах происходили на советской территории, а некоторые режиссеры даже затрагивали темы антисемитизма и сотрудничества с нацистами. Дискурс о Холокосте был растабуирован. Но, в то же время, советские традиции были не полностью изжиты.

К 2010-м, интерес к теме Холокоста как будто пропал. Даже в военных драмах — например, «Жизнь и судьба» — эта тема показана вскользь. Но есть и исключения. Два новых российских фильма — короткометражный «Туфельки» (2013, реж. Константин Фам) и документальный «Холокост — клей для обоев?» (2013; реж. Мумин Шакиров) посвящены памяти о Холокосте. Несмотря на то, что это не блокбастеры, оба фильма вызвали резонанс в России, и были представлены на международных фестивалях. Эти два фильма представляют возможность понять, какова репрезентация Холокоста в современной России, в чем ее успехи и недостатки.

События лежащие в основе фильма «Холокост — клей для обоев?» выглядят как анекдот. Сестры-близнецы Евгения и Ксения Каратыгины, участвовали в телешоу «Безумно красивые», где им был задан вопрос, что такое Холокост. Девушки не справились с вопросом, ответив на него: «Мы думаем Холокост — это клей для обоев».

Этот эпизод мгновенно разошелся по YouTube, за несколько дней его посмотрело полмиллиона человек, в том числе и режиссер Мумин Шакиров. Позже, Шакиров снял о них фильм, организовав поездку с

сестрами в Музей Аушвиц (Освенцим).⁴ В Аушвиц девушки поехали с воодушевлением — для них это бесплатный пиар, да еще и путешествие за границу. Они совершенно не представляли себе, что их ожидает... Фильм Шакирова — это рассказ об этом путешествии, переплетающийся с интервью с сестрами Каратыгиными, с их мамой и с их учительницей.

Эти интервью — самая интересная часть фильма. Мать, простая пожилая женщина, дочек оправдывает. По ее словам ни она, ни ее соседи, она спрашивала — слыхом не слыхивали ни о каком Холокосте. А учительница истории, помоложе и пообразованней матери, понимает, что ситуация неудобная, но пытается из нее выкрутиться. Холокост, по ее словам, конечно в школе изучался. «Ну, может, их вообще не было, может они прохлопали». Тут она задумывается, может быть урок был не интересным? Но никакой ответственности на себя не берет — она оправдывает себя тем, что у нее не было подходящих материалов. «Может быть я когда-то созрею до того чтобы провести отдельный урок по Холокосту... Но я должна к этому сама прийти, я должна что-то такое увидеть, что меня саму потрясет».

С мамой все понятно — она продукт своего времени, когда упоминания о Холокосте были крайне редкими, не говоря о мемориализации (да и сам термин Холокост появился в русском языке только в 1990-х). А вот о словах учительницы можно задуматься. Она педагог, профессиональный историк с университетским дипломом. Казалось бы, должна была бы обладать и знаниями и материалами, позволяющими ей преподавать важные исторические события. Что же стоит за ее оправданием, что она не имела доступа к учебным материалам для преподавания о Холокосте? Почему она, по ее словам, не готова еще провести урок—всего 45 минут—на эту тему? Даже при еще только складывающейся системе преподавания темы Холокоста в России (усилиями, главным образом, Центра «Холокост»), огромное количество материала доступно в интернете; есть литература, фото, фильмы, виртуальные выставки, методички и т. д. Как-то не верится, что она не могла найти материалов, которые ее потрясут. Мне кажется, что слова учительницы — это скорее свидетельство общего отношения — отсутствие мотивации понять историю

⁴ Шакиров Мумин. Интервью автора, 12 июля 2014.

Холокоста в целом, и взять ответственность за содеянное на местах в частности. Это, на мой взгляд, отражает ситуацию в современном российском обществе.

Но вернемся к сестрам Каратыгиным — чему их научило путешествие в Аушвиц? Как можно было и ожидать, когда они попадают в бараки, и слушают экскурсию об условиях в лагере, о машине уничтожения евреев, от их веселья не остается и следа. Все что запечатлевает камера, нам, зрителям (особенно западным) хорошо знакомо, но реакция девушек дает ощущение новизны, шока. Особенно их реакция заметна, когда они смотрят на фотографии экспериментов доктора Менгеле на близнецах. Тут крупным планом показаны лица сестер — грустные, пораженные, явно сочувствующие жертвам, таким же близнецам, как они.

После экскурсии, одна из девушек в таком шоке, что она не может говорить. Но вторая наоборот выражает новое чувство долга: в России, где по ее оценке многие не знают о Холокосте, «а мы об этом узнали и теперь должны рассказать другим». Вопрос, что они расскажут? Короткая экскурсия вряд ли дала им глубокое понимание сложных исторических событий. Но, по крайней мере, они были растроганы до слез, и, безусловно, чувствовали глубокое сострадание к жертвам. Такое сострадание к «другим» не менее важно, чем понимание истории, особенно в современном российском климате нетерпимости и ксенофобии.

Именно атмосфера ксенофобии в России и была толчком для режиссера. Шакиров родом из Средней Азии, из мусульманской семьи. И хотя он сам человек, обрусевший и не религиозный, он, естественно ощущает атмосферу ненависти и недоверия к азиатам и кавказцам. Он всерьез обеспокоен будущим своих сыновей в Москве, где они выделяются темной кожей и восточной фамилией.⁵ В каком-то смысле, это беспокойство привело Шакирова к теме Холокоста через идентификацию с парадигматическим преследуемым меньшинством, евреями.

Если растущая ксенофобия объясняет нам многое в позиции режиссера, то все-таки возникает вопрос: почему Аушвиц? Около

⁵ Шакиров Мумин. Интервью автора, 15 окт. 2014.

2.6 миллиона евреев были убиты на территории Советского Союза.⁶ Конечно, большинство из них погибли на Украине, в Белоруссии, Литве и Молдавии, но и на территории РСФСР — сегодняшней России — были десятки гетто и множество мест массового уничтожения евреев.⁷ Так почему же не начать изучение Холокоста на родине?

Для Шакирова, ответ был очевиден: «Я выбрал Освенцим, потому что это знаковое место, которое символизирует Холокост».⁸ Действительно, по выражению Джонатана Хьюнера, Аушвиц — это универсальная «метонимия Шоа».⁹ Крематории, бараки, горы волос и обуви, фотографии доходяг — все это узнаваемые образы Холокоста и свидетельства нацистских преступлений. Но почему нужно везти в Аушвиц героиню российского документального фильма? Здесь все еще сказывается советская экстернализация Холокоста. Для советской цензуры экстернализация была очень удобной: с одной стороны она позволяла поднимать тему Холокоста (хотя бы частично), и использовать узнаваемый визуальный язык; с другой, преступления против евреев выносились за пределы советских границ, так что местным жителям, а главное властям, не было в чем себя винить, и не в чем раскаиваться.

Взаимодействие с тем, что историки Джон-Пол Химка и Джоанна Михлич называют «темным прошлым», это долгий и болезненный процесс. В Германии он начался в конце 60-х, и все еще продолжается сегодня, уже со вторым и даже третьим поколением участников войны. В Польше такой процесс, возможно, идет (или начинается) сейчас. Но в России пока ничего похожего нет, и неясно, будет ли.¹⁰

⁶ Вопрос о количестве жертв спорный, и в литературе циркулируют разные данные. Здесь я основываюсь на данных Ицхака Арада, см. Arad, Yitzhak. The Holocaust in the Soviet Union. Lincoln: U of Nebraska P; Jerusalem: Yad Vashem, 2009.

⁷ См. «РСФСР» — В кн. «Холокост на территории СССР: Энциклопедия». — М.: РОССПЭН, 2009. С. 871–875.

⁸ Шакиров, Мумин. Интервью автора, 12 июль 2014.

⁹ Huener, Jonathan. Auschwitz, Poland, and the Politics of Commemoration, 1945–1979. Athens: Ohio UP, 2003, p. 15.

¹⁰ О памяти Холокоста в Германии, см. Niven, Bill. Facing the Nazi Past: United Germany and the Legacy of the Third Reich. New York: Routledge, 2001. Для сравнительного анализа состояния памяти Холокоста в Восточной Европе, см. John-Paul Himka and Joanna Beata Michlic, eds. Bringing the Dark Past to Light: The Reception of the Holocaust in Postcommunist Europe (Lincoln: U of Nebraska, 2013).

И умный, тонкий фильм Шакирова, дает, парадоксально еще одно подтверждение этого.

Конечно, важно, что кино показывает шок и боль девушек в ответ на посещение музея Аушвица. Но, в то же время, ужасные нацистские преступления, о которых они только что узнали, находятся вне их жизни — их опыта, их семьи, их родины. Эти преступления были совершены в другом месте, в другую эпоху, т. е. не имеют к ним отношения. И хотя девушки возвращаются из путешествия с чувством новой миссии — «мы должны рассказать другим» — ничто не обязывает их задуматься о том, что происходило в их стране. Холокост вынесен за границы — за рамки, что очень удобно. Кстати говоря, неясно, что поняли сестры Каратыгины про евреев; сказывается ли этот опыт на их повседневной жизни, а, главное, проводят ли они параллели между тем, что они увидели и преследованиями других религиозных или этнических меньшинств, в частности в современной России.¹¹

Фильм Шакирова одновременно продолжает и опровергает советский подход к Холокосту. С одной стороны, напрямую говорится именно о еврейских жертвах — т. е. с универсализацией покончено. Более того, фильм также поднимает вопрос об исторической памяти (или вернее амнезии) в России, где многие не только не знают, но и не хотят знать о Холокосте. Но, в то же время, Холокост представлен в фильме как событие, которое произошло где-то там, в другой стране, и к современной России отношения не имеет. Т.е. мы можем съездить в заграничный музей, поплакать, и вернуться к своей нормальной жизни, не задавая никаких неприятных вопросов о собственной истории.

* * *

За несколько месяцев до того как сестры Каратыгины прогремели на YouTube, у режиссера Константина Фама возникла необычная идея, рассказать о Холокосте через историю пары туфелек, от витрины магазина перед войной до музея Аушвица. У Фама вьетнамский папа и еврейская мама, так что он с ранних лет знает, что означает быть «нацменом». Ребенком, слова «жиденьш» и «чурка» он слы-

¹¹ О преследованиях этнических меньшинств в современной России, см. Berman, Ian. «Why Russia is Growing More Xenophobic». The Atlantic, 22 окт. 2013.

шал одновременно.¹² Так что Фам ощущал, что Холокост — это его тема.¹³

«Туфельки» — это рассказ о еврейской девушке, а, вернее, о ее красивых красных туфлях (мы видим на экране только ноги), которые она покупает в начале фильма, потом в них же влюбляется, заводит семью, и теряет ее, когда наступает война. Ее муж, черные ботинки, по доносу местного предателя заканчивает жизнь в газовой камере. По всей вероятности, там же умирает и она, поскольку в конце фильма, мы узнаем ее красные лодочки в груди обуви оставшейся от других убитых в Аушвице. Все 18 минут фильма на экране только ноги и обувь: как будто персонажи потеряли свой человеческий облик еще до того, как они были сведены к рассортированным предметам: туфлям, волосам, очкам... Ирония заключается в том, что единственный персонаж, которого камера показывает полностью — это тот самый предатель, который старичком пришел в музей Аушвица. Что это? Покаяние? Прощение?

Фам снял эффектный, даже трогательный фильм. Проблема заключается в том, что эта душеспитательная история представлена в фильме вне исторической реальности. Действие происходит в каком-то неопределенном месте, видимо, где-то в Европе. Несмотря на атмосферную музыку, это немой фильм, так что непонятно на каком языке могли бы говорить герои, и о чем. Образы на экране: рынок, лошади, колодец, еврейская свадьба со всеми атрибутами, наводят на мысль о таком ностальгическом штеттле-местечке как бы из Шолома Алейхема. Но тут, как ни странно, молодожены уезжают на медовый месяц в Париж, где они вдруг становятся буржуазными туристами. Непонятно: кто и откуда они, но одно ясно — это не Советский Союз (советские граждане туристами в Париж не ездили). Такая, казалось бы, невинная историческая и географическая абстракция на самом деле продолжает советский подход экстернализации: Холокост — это событие, которое произошло где-то «там», в каком-то неопределенном неузнаваемом месте; главное, что не там, где мы живем.

В этом отношении, фильм «Туфельки» не идет в ногу со временем. Сегодня недостаточно просто сказать: какой ужас, какие траги-

¹² Фам Константин. Слова жиденьш и чурка мне приходилось слышать одновременно. Интервью Марии Шубиной. Booknik. 13 Дек. 2013.

¹³ Фам Константин. Интервью автора, 22 мая 2014.

ческие события, пожалеть о жертвах. На сегодняшний день, лучшие фильмы о Холокосте рассказывают частные партикулярные истории, пытаются отойти от эмоциональной манипуляции. Главное, они взаимодействуют с «темным прошлым» на местах. Т.е. поднимают вопросы ответственности преступников и пассивных свидетелей, а также их потомков, как скажем, в польском фильме «Колоски» (2013, реж. В. Пасиковский).¹⁴ В отличие от таких фильмов, «Туфельки» это такая однозначная и беспроблемная история — евреи хорошие, нацисты плохие, и даже полицай-предатель прощен. Никаких неприятных вопросов, никаких неудобных открытий.

Так всем удобней, не нужно задумываться: а что делали во время войны мои дедушки и бабушки или их соседи? Поэтому действие в этом фильме о Холокосте происходит непонятно где, в каком-то ностальгическом еврейском пространстве, а не в Киеве, Минске, Смоленске, и т. д. Фильм заканчивается в музее Аукшвица, а не скажем в Пскове, и снят он с необычной точки зрения, в буквально смысле, с ракурса на обувь.

Какие из всего этого можно сделать выводы? Россия, да и все постсоветское пространство, находится в состоянии добровольной амнезии о Холокосте, как и о других темных исторических событиях. Инерция советского подхода все еще ощутима. В России Холокост до сих пор часто понимается как частное еврейское дело, а еврейские жертвы видятся как часть огромных людских потерь во время войны. Так что не только какие-то махровые антисемиты, но даже вполне просвещенные люди не понимают, зачем увековечивать Холокост как отдельное событие.¹⁵ Для них истории о войне вполне достаточно. Экстернализация тоже все еще продолжается, никто не собирается брать ответственность за преступления против евреев на местах. Так

что Холокост остается неудобной темой, с которой как-то лучше не взаимодействовать. Именно в этом контексте, фильмы Шакирова и Фама так важны.

Оба фильма—исключения, которые подтверждают правила—созданы режиссерами из числа национальных меньшинств. Я думаю, не случайно эти режиссеры стали задумываться о Холокосте и судьбе евреев, как преследуемого меньшинства. Их фильмы демонстрируют (осознанно или нет) важность и релевантность памяти о Холокосте в сегодняшней России, а также то, как эта историческая память может быть полезна в понимании того, что происходит с новыми преследуемыми группами. Я надеюсь, что эти фильмы (со всеми их недостатками) — первые сигналы того, что и в России Холокост можно будет понимать как событие и местного и мирового масштаба, имеющее отношение ко всем членам общества, и евреям и неевреям.

¹⁴ О рецепции фильма «Колоски» в Польше, см. Grollmus, Denise. «In the Polish Aftermath.»Tablet. 17 апрель 2013.

¹⁵ О мемориализации Холокоста в современной России см. Альтман Илья. Мемориализация Холокоста в России: История, Современность, Перспективы. — В кн.: Память о Войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М: НЛЮ, 2005. С. 509–31; Кукулин Илья. «Тени всех Бутырок и Трелинок...»: несколько предположений о том, почему Шоа не считается самостоятельным событием в истории России. — *Fabula: LechercheenLiterature* (в печати). Для контраста, о памяти Холокоста в западном мире, см. Assmann, Aleida. «TheHolocaust — AGlobalMemory? Extensions and Limits of a New Memory Community.»*Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. Ed. AleidaAssmann and Sebastian Conrad. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2010, p. 97–119.

Аспекты мемориализации трагедии Холокоста в музыке

Инесса Федоровна Двужильная
(Гродно, Беларусь)

Трагедия Холокоста стала катастрофой еврейской цивилизации Европы, внесшей огромный вклад в интеллектуальное наследие континента. Осмысление Холокоста во многих европейских государствах и в США является основой в формировании программы толерантного воспитания молодежи. «Субъектами памяти» становятся системы образования, произведения литературы и искусства, церемонии, СМИ, различные методы пропаганды, учреждения, выражающие разные устремления общества в целом или определенных подгрупп в нем и т. д.

Предметом данного доклада выступают аспекты мемориализации Холокоста в музыке, созданной в период с 1943 г. по настоящее время на территории СССР, постсоветского пространства. В контексте исследования будут находиться 40 музыкальных произведений разных жанров (статистика мемориальных произведений такова: Россия — 28, Украина — 2, Беларусь — 6, Молдова — 3, Латвия — 2)¹.

Выделим принципы, по которым данные сочинения рассматриваются нами как мемориальные:

а) обращение композиторов в вокально-инструментальных произведениях к текстам, связанным с гетто (Варшавы, Каунаса, Терезиенштадта), местами массового уничтожения евреев (Бабий Яр, Румбула, Змиёвская балка) лагерями смерти (Освенцим, Трешлинка);

б) указание авторами на конкретные имена, ставшие знаковыми в период Холокоста (Я. Корчак, А. Франк, Р. Валленберг);

в) посвящение произведений памяти родных, погибших во время Холокоста;

¹ Двужильная И.Ф. Историческая память в современном музыкальном искусстве: отражение темы Холокоста в музыке композиторов СССР и постсоветского пространства / И.Ф. Двужильная // Музыкальная культура Беларуси і свету ў навуковым асэнсаванні / Склад. В.У. Дадзімава; Навуковыя працы Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі. Вып. 31. Серыя 1, Беларускае музычнае мастацтва. — Мінск: УА «Беларуская дзяржаўная акадэмія музыкі», 2014. С. 112–126.

г) использование в названиях произведений слов «Холокост», «Яд Вашем», «Бабий Яр», «Анна Франк», «Трешлинка» и др.;

д) определение композиторами тематики собственных сочинений как мемориализации Холокоста.

Рассмотрим аспекты мемориализации Холокоста.

1. Авторство музыки

Круг авторов, отразивших тему Холокоста, не так широк. Для ряда композиторов обращение к ней обусловлено личной трагедией (смертью родственников). Показательна в этом отношении судьба бывших студентов Варшавской консерватории — М. Вайнберга (1919, Варшава — 1996, Москва), Л. Абелиовича (1912, Вильно — 1985, Минск), Э. Тырманд (1917, Варшава — 2008, Минск), Г. Вагнера (1922, Жирардов — 2000, Минск), которые после оккупации Польши в сентябре 1939 г. стали студентами Белорусской государственной консерватории². С началом Великой Отечественной войны они работали в тылу или стали участниками Фронтового театра. Оставшиеся же на оккупированной территории родственники стали узниками гетто и впоследствии погибли. В определенной мере личной трагедией обусловлено обращение к трагедии в Бабьем Яру и московского композитора Д. Кривицкого (1937, Киев — 2010, Москва), годы детства и юности которого прошли в Киеве. В сентябрьские дни 1941 года во время акций в Бабьем Яру погибли его двоюродные сестры³.

Отражение в творчестве темы Холокоста для ряда композиторов было вызвано и памятью о трагедии своей нации. Среди авторов — композиторы разных городов и поколений: Москвы (Г. Фрид, А. Галич, А. Вустин, М. Броннер, С. Беринский, М. Глуз), Санкт-Петербурга (И. Шварц), Ростова-на-Дону (И. Левин), Киева (Д. Клебанов), Риги (В. Хвойницкий), Кишинёва (З. Ткач), Минска (О. Сонин).

² Двужильная И.Ф. Мечислав Вайнберг и Белорусская консерватория / И.Ф. Двужильная // Весці БДАМ: навукова-гэарэтычны часопіс. — 2010. — № 16. С. 62–67. Ковшик С. Интервью, которого не было... / С. Ковшик, И. Двужильная // Мишпоха. — №29. — 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mishpoha.org/n29/29a24.php>

³ Кривицкий Д. Воспоминания, терзающие души [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://krivitsky.ru/view_public.php?id=28

Тема Холокоста нашла осмысление и в творчестве композиторов, которые не были евреями, но посчитали необходимым высказать свою гражданскую позицию (Д. Шостакович, Е. Станкович, Л. Любовский).

2. Жанровый аспект музыки о Холокосте

Тема Холокоста получает осмысление в разных музыкальных жанрах, рассчитанных на элитарную публику (опера, симфония, оратория, камерно-инструментальные сочинения) и широкую демократическую аудиторию (песни), требующих большой исполнительский состав и камерный.

Безусловно, данная тема должна была найти отражение в жанрах, связанных со словом. Мемориальным жанром в европейском искусстве выступил Реквием, в котором находит преломление и тема Холокоста: С. Беринский. Реквием памяти Я. Корчака (сакральный текст на латинском языке), М. Броннер «Еврейский реквием» (тексты из «Дневника Анны Франк», Х. Бялика на идише, псалмов на иврите). В авторском осмыслении реквием уходит от своих истоков и синтезируется с традицией еврейской культуры в жанровом миксте Каддиш-реквиема (Е. Станкович «Бабий Яр» /текст Д. Павлычко/, З. Ткач. Поэма-реквием «Каддиш» /текст М. Лемстера/) или приближается к камерной кантате (В. Хвойницкий. Реквием «Колокола Холокоста» («Молитва Румбулы»), /текст Л. Ковалья/)⁴.

Литературный текст воздействует на крупный многочастный инструментальный жанр — симфонию, расширяя ее исполнительский состав включением хора или солистов. Среди сочинений — вокальные симфонии Д. Шостаковича (Симфония 13 «Бабий Яр» /стихи Е. Евтушенко/), М. Вайнберга (Симфония №6 /стихи Л. Квитко, С. Галкина, М. Луконина/, Симфония №8 /стихи Ю. Тувима/, Симфония-каддиш №21 для сопрано и симфонического оркестра), О. Сонины (Симфония №2 «В честь и памяти Г. Лорки» /текст Г. Лорки/). Литературный текст включается и в жанр симфонической поэмы (И. Левин. Симфоническая поэма «Боль Земли» для оркестра

⁴ Двужильная И.Ф. История одного сочинения: В. Хвойницкий, Л. Коваль «Реквием Холокосту. Молитва Румбулы» // Война, Холокост и историческая память / Материалы XX Международной ежегодной конференции по иудайке. Том IV. Академическая серия. Выпуск 48. — Москва, 2013. С. 128–148.

и хора /стихи И. Хентова/; М. Глуз. «Мужество помнить!» для симфонического оркестра и хора).

Поэтические тексты получают музыкальное воплощение в кантатах, отражая события периода Холокоста (М. Вайнберг. Кантата «Дневник любви» /стихи С. Выгодского/, Д. Кривицкий. Кантата «Голоса Терезина» /стихи детей Терезина, текст Д. Кривицкого/). К жанру кантаты примыкают произведения для хора a cappella (З. Ткач «И лишь земля незыблема навеки» /текст из Евангелия/), а также вокальные циклы (М. Вайнберг «Детские песни» /стихи И. Переца на идише/, А. Вустин «Шесть миллионов» /стихи М. Тейфа/).

Для широкой аудитории создаются песни, которые эмоционально воздействуют на слушателя, вовлекая их в конкретную ситуацию. Например, бардовские песни А. Галича (поэма «Каддиш» памяти Я. Корчака) и А. Розенбаума («Бабий Яр»), авторские («Мама, отчего ты плачешь?» Н. Болтянской) и эстрадные (песни И. Пушкарь, Т. Гвердцителли, посвященные Бабьему Яру)⁵.

В иерархии музыкальных жанров высшую позицию занимает опера. В XX веке разрабатываются ее разные жанровые разновидности, рождаются оригинальные авторские. Анализируемая нами тема находит преломление в моноопере Г. Фрида «Дневник Анны Франк», крупномасштабной опере-драме «Пассажирка» М. Вайнберга, драме с музыкой Д. Кривицкого «Бабий Яр», опере М. Броннера «Долгое возвращение (Книга песен)» для хорового театра.

Тема Холокоста входит и в инструментальную музыку. Для большого симфонического состава написаны Первая симфония «Мученикам Бабьего Яра» Д. Клебанова, Симфония «Холокост» Л. Любовского, Концерт для оркестра «Жёлтые звёзды» И. Шварца и симфоническая поэма «Вечно живые» Г. Вагнера, симфонические картины «Надежда» М. Глуза.

В противоположность крупномасштабным сочинениям, камерность исполнительского состава часто способствует раскрытию лирического или лирико-драматического начала, нередко — драмы

⁵ Двужильная И.Ф. Песня как средство формирования исторической памяти в молодежной аудитории / И.Ф. Двужильная // Реальность этноса. Образование, наука, культура в устойчивом развитии Российской Федерации. XVI научно-практическая конференция в рамках Конгресса коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / Под научной ред. И.Л. Набока. — СПб.: Изд. РГПУ им.А.И. Герцена, 2014. С. 349–355.

одного человека. В таком русле решены сочинения Д. Шостаковича (Второе фортепианное трио и Восьмой квартет), М. Вайнберга (Соната №3 для скрипки соло, Струнный квартет №16, Соната №6 для альты и фортепиано), Э. Тьрманд («Элегическая импровизация» для скрипки и фортепиано), М. Броннера («Еврей: жизнь и смерть» для виолончели и фортепиано).

Нередко камерно-инструментальная музыка выступает как ретроспектива происшедших событий (реальных или ставших известными из разных источников). Вероятно, в таком ракурсе нужно рассматривать фортепианную сонату «Колокола Варшавы» С. Беринского, циклы для фортепиано «Фреска» Л. Абелиовича⁶.

3. Стилиевые символы музыкальных произведений о Холокосте

Посещая мемориалы Холокоста, мы обращаем внимание на символику, позволяющую идентифицировать тот либо иной памятник (памятный знак) как «закрепление» трагедии именно еврейского народа. Такими символами являются надписи (нередко на русском и идише), выгравированные знаки еврейской культурной традиции: звезда Давида, Менора. Нередко (не всегда) подобные знаки вводятся и в музыкальную ткань произведений. Наиболее наглядными символами выступает наличие идиша или иврита в вокальных опусах, текст которых рассказывает о событиях периода Холокоста. Такими являются вокальный цикл «Детские песни» М. Вайнберга (на идише), «Еврейский реквием» и песенная опера «Долгое возвращение (Книга песен)» М. Броннера.

В восприятии советского слушателя еврейская музыка часто ассоциировалась с танцевальной традицией, с ярко выраженным в ритмическом и интонационном абрисе зажигательным фрейлехсом, который имел самые различные музыкальные воплощения. Подобного типа мелодии мы слышим во Втором фортепианном трио и Восьмом квартете Д. Шостаковича, в Концерте «Жёлтые звёзды» И. Шварца, в Шестой симфонии Вайнберга. Менее известна была для советского слушателя канторская синагогальная традиция, которую преломля-

⁶ Двужыльная І.Ф. Абеліевіч Леў Майсеевіч. Цыкл фартэпійных п'ес «Фрэска №1» // Двужыльная, І.Ф., Коўшык, С. У. Беларуская музычная літаратура. Частка 1: 1900–1959. — Мінск: Інстытут культуры Беларусі, 2012. С. 133–135.

ют в музыкальной ткани своих произведений Д. Клебанов (Первая симфония), Е. Станкович (Каддиш-реквием «Бабий Яр»), М. Броннер («Еврейский реквием»).

Знаком еврейской идентичности выступает в музыке и особый тип экспрессивного интонирования, ладогармоническое решение с подчеркиванием в мелодике интонации увеличенной секунды.

Символом еврейской культурной традиции является и выбор солирующего инструмента, широко используемого в качестве солирующего в клезмерских ансамблях. Это, прежде всего, скрипка (Шестая симфония и Соната №3 для скрипки соло М. Вайнберга, Реквием «Колокола Холокоста» В. Хвойницкого) и кларнет («Жёлтые звёзды» И. Шварца, симфонические картины «Надежда» М. Глуза).

4. Этапы мемориализации трагедии Холокоста

В исследовательской литературе закрепляются следующие временные границы в мемориализации Холокоста⁷:

1-й период: 1943–1960 гг. Военные годы отмечены появлением первых музыкальных произведений с ярко выраженным этническим тематизмом (М. Вайнберг, Д. Шостакович, Д. Клебанов). Послевоенные годы исключили из контекста культуры СССР еврейскую традицию: с 1946 по 1953 гг. на территории СССР не исполнялись сочинения, связанные с еврейской тематикой. После длительного периода репрессий, приведших к практическому исчезновению еврейской культуры, тема Холокоста вернулась в советскую музыку лишь в конце 1950-х, в период «Хрущевской оттепели», и проявила себя в произведениях, посвященных «жертвам фашизма» (Г. Вагнер), конкретным местам Холокоста (песни С. Фейгиной, Р. Боярской).

2-й период: 1961–1991 гг. Значительную роль в возникновении музыки рассматриваемого этапа мемориализации сыграли литература и кино, отразившие данную тематику: поэма Е. Евтушенко «Бабий

⁷ Альтман, И. Мемориализация Холокоста в России: история, современность, перспективы // «Неприкосновенный запас» 2005, №2–3(40–41). Тема 5: Частичная амнезия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/authors/a/altman/>. Дата доступа: 12.01.2014.; Бураковский А. Память нужна не мёртвым... [Электронный ресурс] / Александр Бураковский. — Режим доступа: <http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=2725>. — Дата доступа: 12.12.2013.

Яр», «Дневник Анны Франк» (переведенный на русский язык), стихи еврейских поэтов М. Тейфа, С. Галкина, Ю. Тувима (на польском языке); фильмы М. Ромма «Обыкновенный фашизм» (1966), В. Лесевича и А. Мунка «Пассажирка» (1963) и др.

Появление сочинений, отражающих тему Холокоста, не приветствовалось властью, о чем свидетельствует сложная сценическая судьба эпохальных опусов Д. Шостаковича (13 симфония), М. Вайнберга (опера «Пассажирка», кантата «Дневник любви»), Г. Фрида (опера «Дневник Анны Франк»), С. Беринского (Реквием), Д. Кривицкого (кантата «Голоса Терезина»). Если же произведение рассматривалось в контексте Великой Отечественной войны, оно включалось в концерты филармоний, транслировалось по радио (Г. Вагнер «Вечно живые», Восьмой квартет Д. Шостаковича, симфонии №6 и №8 М. Вайнберга, цикл фортепианных пьес Л. Абелиовича). Не исполнялись сочинения, посвященные памяти родственников, погибших в период Холокоста. По сути, данная музыка писалась «в стол», могла звучать только в кулуарных концертах (камерные сочинения М. Вайнберга, Э. Тырманд).

Вместе с тем, появление целого ряда музыкальных сочинений предшествовали формированию историографии о Холокосте, закрепляли культурную память о нем на уровне эмоционального восприятия.

3-й период: с 1991 года. Происходят кардинальные изменения в осмысление Холокоста в историографии, политике России, Украины и др. постсоветских государств, снятие официального запрета с темы Холокоста. Расширяется и корпус музыкальных сочинений, посвященной данной теме. Наряду с музыкой академической традиции (реквием, опера, симфония), появляются и песни, звучащие с большой концертной эстрады. Их создание обусловлено, прежде всего, мемориальными мероприятиями (например, в Бабьем Яру). Тема Холокоста находит преломление в творчестве З. Ткач (Молдова), В. Хвойницкого (Латвия), активно откликаются композиторы России (Д. Кривицкий, М. Броннер, И. Шварц и др.).

5. Музыкаведение о произведениях, посвященных теме Холокоста

Сохранению культурной памяти о Холокосте способствуют и труды ученых-музыковедов, благодаря которым и происходит сохранение информации о тех либо иных произведениях, о контексте их создания.

К сожалению, тема Холокоста получает осмысление лишь на уровне публицистики, отдельных статей, посвященных музыке Д. Шостаковича⁸, Г. Фрида⁹, симфониям М. Вайнберга¹⁰, Г. Вагнера¹¹, Э. Тырманд¹². Это вызвано издательской деятельностью государств постсоветского пространства, существованием многих сочинений по исследуемой теме в рукописях, что затрудняет введение музыки в научный мир, в образовательное пространство учебных заведений произведений. Отметим, что за рубежом существуют специальные конференции, посвященные теме «Музыка о Холокосте», выделяются значительные средства на проведение научных исследований, результаты которых находят отражение и в сборниках научных статей, и в учебно-методических пособиях.

Вместе с тем, первые шаги на этом пути осуществляются. Так, в последнее время к этой теме проявляется интерес со стороны молодежи, и в рамках конкурса «Память о Холокосте — путь к толерантности» появляются работы, в которых присутствует познавательная информация о музыке периода Холокоста и музыкальных произведениях, ставших мемориализацией трагедии¹³. Однако, при преваляро-

⁸ Тавор И. Музыкальный обелиск Бабьему Яру [Электронный ресурс] / ЙоссиТавор // Лехаим 2001. — <http://www.lechaim.ru/ARHIV/116/tavor.htm>. — Дата доступа: 14.12.2013.

⁹ Цукер А. Григорий Фрид: путь художника / А. Цукер, А. Селицкий. — М.: Сов. композитор, 1990.
Двужильная И.Ф. Мир Григория Фрида (к 95-летию со дня рождения композитора) / И.Ф. Двужильная // Научные труды по иудаике. Материалы 17 Междунар. ежегодной конф. по иудаике / Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер». — Акад. серия. — М., 2010. — Том 1. — Вып. 30. С. 504–514. [Электронный ресурс]. — <http://www.elib.grsu.by/doc/2667>

¹⁰ Двужильная И.Ф. «Иголосбудет мой услышан»: трагические страницы жизни Мечислава Вайнберга / И.Ф. Двужильная // Весці БДАМ: навукова-тэарэтычны часопіс. — 2013. — № 21. С. 62–67.

¹¹ Двужильная, И.Ф. Генрих Вагнер и канторское искусство (страницы творческой биографии композитора) / И.Ф. Двужильная // Весці БДАМ: навукова-тэарэтычны часопіс. — 2009. — № 14. С. 55–59.

¹² Двужильная И.Ф. «Элегическая импровизация» Эди Тырманд: к вопросу содержательного аспекта // Актуальные проблемы мировой художественной культуры: материалы м/н. науч. конф., посвящ. памяти У.Д. Розенфельда (Гродно, 5–6 апр. 2012 г.). В 2 ч. Ч. 1. — Гродно: ГрГУ, 2012. С. 264–269.

¹³ 2. Васильев А. Тема Холокоста в музыкальной культуре второй половины XX — начала XXI века // Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте. Выпуск 11: Сборник / Сост. М.В. Гилёва, Д.В. Прокудин; под ред. И.А. Альтмана. — М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2014. — 176 с. [Электронный ресурс]. http://www.holocf.ru/Editor/assets2/Holokost_2014_sbornik.pdf

вании описательности и сопоставления фактов, они не могут претендовать на уровень научных исследований.

6. Трансляция музыки, связанной с темой Холокоста, для слушательской аудитории.

Культурная память формируется в массовом сознании. Огромную роль в этом аспекте играет исполнительская судьба произведений. Широко звучат за рубежом сочинения Д. Шостаковича, М. Вайнберга, Г. Фрида, И. Шварца, М. Броннера, чему способствует не только интерес к теме, но и высокий уровень произведений, которые включают в свой репертуар оркестры, театры, отдельные исполнители. Ряд знаковых сочинений был оценен только в XXI веке, после того, как 20–40 лет эти сочинения не исполнялись. Речь идет о музыке М. Вайнберга (опере «Пассажирка» и 21-й симфонии), Г. Фрида (о сценической судьбе оперы «Дневник Анны Франк» в России, которая только в 2010-е гг. была поставлена в Москве и Ростове-на-Дону, хотя за рубежом, начиная с середины 1970-х, ставится достаточно часто).

Значимую роль в пропаганде музыки, преломляющей тему Холокоста, играет и политика государственных и частных заказов на крупные произведения к мемориальным датам: исполнение, запись на электронных носителях и размещение в сети интернета. Показательным в этом отношении является проект «Мужество помнить!», который был реализован в Ростове-на-Дону в декабре 2014 года в рамках Международного проекта «Культура без границ» под эгидой ЮНЕСКО и посвящен 70-летию Победы¹⁴.

Вместе с тем, многие произведения, связанные с темой Холокоста, прозвучав однажды, исчезают из концертного репертуара, существуют в частных коллекциях композиторов, исполнителей. Это вовсе не говорит об их художественной ценности, скорее свидетельствует о культурной политике стран, об отсутствии финансирования в постановке затратных проектов, требующих большого исполнительского состава. Речь, прежде всего, идет о крупных вокально-инструментальных

¹⁴ Интернет-ресурс: 1-е отделение гала-концерта «Мужество помнить!»: <https://www.youtube.com/watch?v=gUBdqeALuBs>
2-е отделение гала концерта: <https://www.youtube.com/watch?v=Xo6knTd7xp0>

жанрах (Реквием С. Беринского, М. Броннера, опера Д. Кривицкого «Бабий Яр», каддиш-реквием Е. Станковича «Бабий Яр», вокально-симфоническая поэма «Вечно живые» Г. Вагнера), которые призваны формировать, по сути, и общественное мнение.

В этой связи просматривается и проблема пропаганды музыки о Холокосте на уровне творческих проектов. Возможно предложение преломления опыта западных компаний, который предлагает не только концертную программу, но и интересные визуализированные проекты с последующим размещением в сети интернета. Таковыми являются, например, исполнение Кронос-квartetом произведения «Разные поезда» Стива Райха¹⁵, проекты Краковского филармонического оркестра «Мемориальная музыка в Аушвице»¹⁶.

¹⁵ С. Райх. «Разные поезда». 2 часть: Europe — During the war: <https://www.youtube.com/watch?v=pZRBfRXJyak&list=PLCcQQ4Qzfe-O91gHWDAAdNQRZv9bJMISrR&index=5>

¹⁶ Творческий проект оркестра Кракова «Мемориальная музыка в Аушвице» (Ф. Шопен, В. Моцарт, Гурецкий, И.С. Бах): <https://www.youtube.com/watch?v=9FnwnIzdiRw&index=4&list=PLCcQQ4Qzfe-O91gHWDAAdNQRZv9bJMISrR>
<https://www.youtube.com/watch?v=7FKgZFw-e8Q&list=PLCcQQ4Qzfe-O91gHWDAAdNQRZv9bJMISrR>
<https://www.youtube.com/watch?v=miLV0o4AhE4&list=PLCcQQ4Qzfe-O91gHWDAAdNQRZv9bJMISrR&index=2>
<https://www.youtube.com/watch?v=0DRdxT7XE1E&list=PLCcQQ4Qzfe-O91gHWDAAdNQRZv9bJMISrR&index=3>

Righteous Gentiles in the Collective Memory of the Federal Republic of Germany

Susanna Schrafstetter
(USA)

In June 2014 a German couple, Alois and Maria Rauch, was posthumously awarded the title «Righteous among the Nations» by YadVashem, the Israeli Holocaust memorial and research authority. They had hidden their Jewish co-national Elfriede Seitz for over a year in their large farmhouse in the South German countryside. Elfriede Seitz escaped deportation and survived the Holocaust in hiding. The honoring of Alois and Maria Rauch took place in Munich, Germany, in the historic building that houses the parliament of the South German state of Bavaria, with the president of the Bavarian parliament providing the laudation. Many students from local and regional schools were invited. One school class had prepared an elaborate exhibition about German helpers of Jews during the Holocaust. All the speakers emphasized the «Righteous among the Nations» as exemplary citizens from whom young people could learn moral courage, independent thinking, and doing «the right thing».¹ The media reported, and some of the more recent awards of «Righteous» status to Germans featured in the primetime evening news on national television.

Starting in 1963, YadVashem began to honor as «Righteous among Nations» individuals for whom it could be demonstrated that they had «risked his or her life, freedom, and safety, in order to rescue one or several Jews from the threat of death or deportation without exacting monetary compensation or other rewards».² This article is not the place to discuss problems with such a definition, or to examine the difficulties in attempting to neatly separate «Righteous» from other helpers. But at least, it should be pointed out that somebody who could altruistically help one person could also materially exploit another, and that in some com-

¹ On the ceremony honoring Alois and Maria Rauch on June 24, 2014, see: <http://www.botschaftisrael.de/2014/06/26/yad-vashem-ehrerung-von-vier-gerechte-unter-den-voelkern-im-bayerischen-landtag/>.

² On the criteria for recognition: http://www1.yadvashem.org/yv/en/righteous/how_to_apply.asp.

plex cases it can be difficult to establish what somebody may or may not have expected in return for coming to the aid of a Jewish person. And as time progresses, collecting the necessary documentation and evidence grows more difficult. Until January 2015, over 25 000 «Righteous» have been honored worldwide, among them a mere 569 Germans.³ Further applications are still pending.

On the surface, not much has changed between the recognition of the first German «Righteous» in the 1960s and the ceremony honoring Alois and Maria Rauch in the summer of 2014. Typically, West German dignitaries praised the courage of the helpers during the ceremonies, sometimes followed by accolades by representatives from the helpers' hometowns. The German media reported on these events, even if coverage in the earlier years was not as extensive as it is today.⁴ But the façade of copious praise contained in wordy laudations and glossy photos concealed the fact that for many years German society had had significant problems with helpers of Jews, that marginalization, lingering resentment and suspicion of such helpers were widespread in West Germany during the 1950s and 1960s. Andreas Disselnkötter has argued that the reasons why until recently only a comparatively low number of Germans have been honored by YadVashem, and why we still only know very little about German helpers of Jews, can be found in postwar West German society, where silence about the Nazi past was widespread, and where helpers of Jews were treated as social outsiders.⁵ While he is certainly right to point out that helpers of Jews were perceived as «traitors» rather than «good Germans» by sections of postwar German society,⁶ this conclusion is also a little simplistic. After all, some Germans were among the first to be honored by Yad Vashem, and, as mentioned above, the media usually reported about these events. Also, as we shall see, many reasons could contribute to a lack of postwar recognition. While the image of the helpers

³ Department of the Righteous, statistics as of 1 Jan. 2015: <http://www.yadvashem.org/yv/en/righteous/statistics.asp>.

⁴ See for example: *Süddeutsche Zeitung*, 28 April 1965; *Münchener Merkur*, 1 March 1966; *Süddeutsche Zeitung* 15/16 Jan. 1972.

⁵ Andreas Disselnkötter, «Geehrt und verschmäht. Die 'Gerechten unter den Völkern' in der deutschen Erinnerungskultur,» in: Wolfram Wette (ed.), *Stille Helden. Judenretter im Dreiländereck während des Zweiten Weltkriegs* (Freiburg, 2005), pp. 248–9.

⁶ For a very good example of such behavior see Disselnkötter, «Geehrt und verschmäht», p. 248.

of Jews has changed dramatically since then, this article will point out that the way in which the topic is perceived in Germany today is still somewhat problematic.

In the following, these points will be illustrated by sketching out the treatment of helpers of Jews in postwar West Germany within the wider context of West Germany's efforts to cope with the Nazi past. What did West Germany do to honor helpers of Jews and to recognize its «Righteous among the Nations»? Who desired to recognize them, and why? The fates of some Germans who had been recognized as «Righteous» will be discussed to illustrate the ambivalent treatment they received in postwar German society. In a concluding section, some recent problems surrounding the portrayal of helpers of Jews in Germany will be addressed.

An estimated 10 000 to 15 000 German Jews tried to flee the deportations and survive in hiding inside Nazi Germany. We do not have exact figures of how many of these «submarines», as they called themselves, actually survived, but available data does suggest that probably no more than 3000–5000 of them were still alive at war's end.⁷ The majority of these flights took place in Berlin, where in 1941 almost half of the remaining Jewish population of Germany had lived. The numbers of submarines who survived is low if we consider that 164 000 Jews were still living in Germany on the eve of the deportations in the fall of 1941.⁸ However, recent research has suggested that up to ten helpers, and sometimes even more, were necessary to save one Jew in illegality. This means that a few thousand individuals living in Nazi Germany must have been involved in the rescue of Jews in one way or another, even if we consider that some of them provided help to more than one hidden Jew.⁹ In addition, there were German helpers of Jews in German-occupied areas of Europe, like Oskar Schindler,

⁷ Claudia Schoppmann, «Rettung von Juden. Einkaufsbeachteter Widerstand von Frauen», in: Beate Kosmala, Claudia Schoppmann, (eds.), *Überleben im Untergrund. Hilfe für Juden in Deutschland, 1941–1945 (Solidarität und Hilfe für Juden während der NS-Zeit, Band 5)* (Berlin, 2002), p. 114.

⁸ Schoppmann, «Rettung von Juden», p. 111.

⁹ Beate Kosmala, Claudia Schoppmann, «Überleben im Untergrund. Zwischenbilanz eines Forschungsprojekts», in: Beate Kosmala, Claudia Schoppmann (eds.), *Überleben im Untergrund. Hilfe für Juden in Deutschland, 1941–1945* (Berlin, 2002), p. 22.

who, thanks to the movie *Schindler's List*, is probably the most prominent of the «Righteous among the Nations».¹⁰

In the immediate postwar period, many former submarines and their helpers remained silent about their experiences. There were many reasons for this. Jewish survivors sought a return to normality and wanted to avoid a situation in which «their past dominated their present lives».¹¹ Others were not inclined to remember and recognize individuals who had helped them but in many cases had also exploited, blackmailed, humiliated, beaten, or sexually abused them. Given that many helpers had acted out of self-serving motives, there wasn't necessarily always a feeling of gratitude among the Jews they had assisted. In other cases, contact was simply cut off in the final stages of the war, during liberation, or as the result of emigration. And some helpers did not want their stories to become public, as they did not want any kind of attention. After 1945, many Germans saw themselves as victims of a criminal regime, as subjects of a dictatorship in which the individual had been powerless, in which dissent meant death and destruction. Stories of individual courage that challenged this widely accepted narrative were not welcome. In a small village in the region of Franconia, a family that had protected a Jewish girl during the war received threats after it had been revealed that the little girl had not really been the illegitimate child of the older daughter. This had been the cover story, one that the village community had preferred to believe with an element of *Schadenfreude*.¹² To be sure, reactions weren't always as extreme as in this case, but the helpers of Jews were inconvenient to the German majority. To honor them would have meant to ask questions about why most Germans had passively watched the deportations of their Jewish neighbors. When the painter Franz Herda, who had hidden two Jewish friends in his workshop, told his story to the journalist Kurt Grossmann in the early 1950s, he had no illusions that he would receive popular approbation for what he had done. Herda said to Grossmann, with a chuckle, «By the way, should any kind of fellow

¹⁰ The film *Schindler's List* (1993), directed by Steven Spielberg, was based on a book by Thomas Keneally, originally titled *Schindler's Ark*. Thomas Keneally, *Schindler's Ark* (London, 1982).

¹¹ Mark Roseman, *In einem unbewachten Augenblick. Eine Frau überlebte im Untergrund* (Berlin, 2002), p. 496.

¹² Arno Lustiger (ed.), *Rettungswiderstand. Über die Judenretter in Europa während der NS-Zeit* (Göttingen, 2011), p. 68.

‘Aryan’ have a problem with my aid for Jews, what I’d happily say to the mis quite simply the quote of Götz von Berlichingen!»¹³ «Quoting Götz von Berlichingen» is a polite German form of saying, «you can kiss my behind!»

Few people cared about the stories that Franz Herda and others had to tell. However, among the people who were in fact interested was the above-mentioned German-Jewish writer Kurt Grossmann. He had fled Nazi Germany in 1933, eventually emigrating to the United States in 1939.¹⁴ Grossmann wanted to recognize those few Germans who had stood by their Jewish neighbors and friends, document their stories, and refute the notion of the collective guilt of all Germans.¹⁵ His intention was consistent with that of non-Jewish Germans like Ruth Andreas-Friedrich, who in wartime Berlin had been a member of a resistance group that had organized hiding places for Jews. Publishing her diary, *The Shadow Man (Der Schattenmann)* in 1947, she also wanted to show that there had been Germans who had behaved differently from the majority.¹⁶ Kurt Grossmann published his book of stories about Germans who helped Jews inside Germany under the title *Unsung Heroes (Unbesungene Helden)* in 1957.¹⁷

Although interest was low at first, by the late 1950s the theme of German help to Jews had come to be seen as a useful way to present the past.¹⁸ The narrative of German help to Jews bolstered notions of German resistance and helped to somewhat salvage Germany’s reputation following the mass murder of the European Jews. West German government agencies, the Federal Press Office (Bundespresseamt) in particular, promoted distribution of the book.¹⁹ In addition, such stories were seen as suitable

¹³ Kurt Grossmann, *Die Unbesungenen Helden. Menschen in Deutschlands dunklen Tagen* (Berlin, 1957), p. 114.

¹⁴ On Grossmann: Lothar Mertens, *Unermüdlicher Kämpfer für Frieden und Menschenrechte, Leben und Wirken von Kurt R. Grossmann* (Berlin, 1997).

¹⁵ Grossmann, *Die Unbesungenen Helden*, pp. 11–12. See also Dennis Riffel, *Unbesungene Helden. Die Ehrungsinitiative des Berliner Senats 1958 bis 1966* (Berlin, 2007), pp. 37–39.

¹⁶ Ruth Andreas-Friedrich, *Der Schattenmann. Tagebuch aufzeichnungen 1938–1945* (Berlin, 1947). See also Riffel, *Unbesungene Helden*, pp. 30–31.

¹⁷ Grossmann, *Die Unbesungenen Helden*. A second edition of the book, containing a number of new cases, appeared in 1961. Kurt Grossmann, *Die Unbesungenen Helden. Menschen in Deutschlands dunklen Tagen* (Berlin, 2nd revised edn 1961).

¹⁸ Riffel, *Unbesungene Helden*, pp. 38–39.

¹⁹ *Ibid.*, p. 39.

sources for teaching young Germans about the Holocaust. In seven German states, Grossmann’s book was recommended for inclusion in school curricula.²⁰

Honoring those who had risked a great deal to save Germany’s Jews was a different matter, however. Only one German city publicly honored those among its citizens who had helped save Jews during the war. As a result of Grossmann’s book about «unsung heroes», the city government of West Berlin initiated a program (also titled «Unsung Heroes») to provide financial assistance and public recognition to local residents who had come to the aid of Jews during the war. German historian Dennis Riffel, who has discussed the origins and the implementation of the program, has called it «extraordinary and unique».²¹ The driving forces behind this initiative were the West Berlin city official Joachim Lipschitz and the lawyer Ralf Loewenberg. Both Loewenberg, who was Jewish, and Lipschitz, who was considered «half-Jewish» by the National Socialists, had survived in hiding. They were supported in their efforts by the Jewish community of Berlin.²² By 1966, when the program was wound up, 760 citizens of West Berlin had been honored as «unsung heroes».²³

However, none of the other cities or states of West Germany was willing to implement a similar program. Their reluctance to do so stemmed from fears that the act of bestowing an honor on such persons would lead to demands for financial awards similar to compensation to the Jewish victims of the Holocaust.²⁴ This seemed somewhat paradoxical because West Berlin, the city with the largest number of helpers, presented its own «unsung heroes» with a modest financial award (based on need). In Berlin however, the situation was different from the rest of Germany inasmuch as Berlin had a sizeable Jewish community, as well as a city

²⁰ Mertens, *Unermüdlicher Kämpfer*, p. 271 and Riffel, *Unbesungene Helden*, p. 39.

²¹ Riffel, *Unbesungene Helden*, p. 241.

²² On the creation of the program: Riffel, *Unbesungene Helden*, pp. 43–64 and Dennis Riffel, «Unbesungene Helden». *Der Umgang mit «Rettung» im Nachkriegsdeutschland*, in Kosmala, Schoppmann, *Überleben im Untergrund*, pp. 318–319.

²³ Riffel, *Unbesungene Helden*, p. 129. A much larger number of applications, 1824 in all, had been submitted. The reasons for refusal were manifold, but in many cases it had to do with applicants living outside of Berlin or having died already. Sometimes lack of evidence was a problem. *Ibid.*, pp. 129–135.

²⁴ Riffel, *Unbesungene Helden*, p. 246.

administration containing German Jews, and Germans with partial Jewish heritage, who had survived the war.²⁵

West Berlin's financial subsidies for helpers of Jews reflected the fact that some of those who had supported Jews during the war had suffered ailments resulting from the emotional and physical strain, had lost jobs, or had otherwise faced difficult circumstances. West German legislation governing compensation had not envisaged subsidies to those who had sheltered Jews before 1945. In fact, as mentioned above, West German officials outside of Berlin feared that implementing a program even to honor helpers of Jews would only lead to claims for financial compensation. From 1953 onwards, however, at least those helpers who had been punished for aiding or sheltering Jews during the Nazi period could claim compensation as victims of Nazism.²⁶ Up to that point, these kinds of applications could be rejected on the basis of the argument that the applicant had not been persecuted for political, religious or racial reasons. In his book, Kurt Grossmann discussed the case of Franz Fritsch, who had saved a number of Jews in Krakow and, as a consequence, had been imprisoned in a Gestapo prison. After 1945 he was dependent on social welfare.²⁷ His claim for compensation had been rejected in the early 1950s. In another case, a German who had been recognized as «Righteous among the Nations» was so despondent that he had to beg his local city council for financial aid, as his small pension was not enough to support him and his wife. His claim for compensation had been denied.²⁸

Unfortunately, there are no dependable figures for how many West Berlin «unsung heroes» received financial aid, but the two examples provided above are evidence of need. The reluctance of West German authorities outside of West Berlin to implement programs for the recognition of «unsung heroes» suggests that West German authorities were happy to draw on the moral credit the «righteous» provided for postwar Germany, but unwilling to provide them with a minimum of financial relief. In fact Josef Meyer, whose entire family had received awards

²⁵ Riffel, *Unbesungene Helden*, p. 43.

²⁶ Susanna Schrafstetter, *Flucht und Versteck. Untergetauchte Juden in München: Verfolgungserfahrung und Nachkriegsalltag* (Göttingen, 2015), p. 258.

²⁷ Grossmann, *Die Unbesungenen Helden*, pp. 164–173.

²⁸ Stadtarchiv München, *Direktorium* 3/22, 157, 50–7/WM.

as «Righteous among the Nations» for helping to hide Jews in the Eastern Galician town of Złoczów,²⁹ pointed out that, although German officials had ignored his past actions, it was precisely these kinds of actions that served as a precondition for a postwar German foreign policy.³⁰ In other words, the acts of Germans like himself contributed to the rebuilding of Germany's international reputation and its reintegration into the community of nations. Meyer may have overestimated his own importance somewhat, but his recognition by Yad Vashem at a time when West Germany and Israel established diplomatic relations did indeed provide a positive note.³¹

A lack of adequate provision for those who had actively opposed the destruction of the European Jews was one problem in postwar Germany. Another one was the suspicion and resentment that helpers had to face. I will illustrate these problems and the ambivalent treatment that German helpers of Jews received in postwar West Germany with reference to two specific examples of Germans who had been recognized by Israel as «Righteous among the Nations».

The first person ever to be honored by Yad Vashem was the German carpenter Ludwig Wörl, a communist activist from Munich. He had been arrested in 1934 for having participated in the dissemination of leaflets informing the German population about the horrible conditions in the Dachau concentration camp. He was arrested and sent to Dachau himself, where he worked as a paramedic.³² In 1942 he was sent to Auschwitz as part of a group of paramedics to fight a typhoid epidemic. As a non-Jewish German prisoner in Auschwitz, he obtained a position of relative authority, serving in a supervisory function (*Lagerältester*) in the barracks for sick prisoners. He was able to falsify lists for selections and protect some Jewish inmates, especially Jewish doctors with whom he worked. When he was transferred to a satellite camp of Auschwitz he was also able to protect Jewish prisoners from violence and to organize food for them. During the dissolution of the camp he managed to hide

²⁹ On Josef Meyer and his family, Daniel Fraenkel, Jakob Borut (eds), *Lexikon der Gerechten unter den Völkern. Deutsche und Österreicher* (Göttingen 2005), pp. 196–198.

³⁰ Schrafstetter, *Flucht und Versteck*, p. 277.

³¹ *Ibid.*

³² Fraenkel, Borut, *Lexikon*, p. 289.

some inmates, who thereby escaped the death marches.³³ Wörl survived and returned to his hometown of Munich.

In 1963 Ludwig Wörl received YadVashem's award of «Righteous among Nations». The German press reported widely, and in 1966 he was awarded the Leo Baeck Prize of the Central Council of Jews in Germany.³⁴ Munich's mayor, Hans Jochen Vogel, praised Wörl as «courageous, just, merciful and human», but in all the laudations and all the reporting, Wörl's communist background was totally omitted.³⁵ In fact, Wörl was among those Germans who re-established the German Communist Party in the western zones of occupation, serving as a founding member of the KPD in Munich in 1945.³⁶ In postwar West Germany, this «courageous and just» helper of Jews in Auschwitz was under observation by the West German secret service, which was interested in his political activities and his travels into the Soviet zone of occupation.³⁷ While Wörl was considered to be trustworthy as a witness in postwar trials against former SS-personnel from Auschwitz, and while he testified, most importantly, in the Frankfurt Auschwitz trial of 1964–65, his political convictions remained a source of suspicion, even though he had scaled down his political activism during the 1950s.³⁸ Had he lived in West Berlin, he might not have qualified for recognition as «unsung hero», as any kind of activity regarded as being in violation of the West German constitution, including active membership in the KPD, could render one ineligible for this honor.³⁹

In the case of Hermann Gräbe, it was his profound knowledge about German atrocities in occupied Soviet territory that made him a liability

³³ Fraenkel, Borut, Lexikon, S. 289 f., details Wörl's activities during the war. For information about his life after 1945 see Katharina Stengel, Hermann Langbein. Ein Auschwitz-Überlebender in den erinnerungspolitischen Konflikten der Nachkriegszeit (Frankfurt, 2012), pp. 333–340 and Hermann Langbein, Menschen in Auschwitz (Vienna, 1972), p. 545.

³⁴ Riffel, Unbesungene Helden, p. 245.

³⁵ Süddeutsche Zeitung, 1 March 1966; Süddeutsche Zeitung, 4 Nov. 1966; Münchner Merkur, 1 March 1966.

³⁶ StaatsarchivMünchen, Pol. Dir. 15582, Leumundsbericht, 23 July 1958.

³⁷ StaatsarchivMünchen, Pol. Dir. 15582, Bayerisches Landesamt für Verfassungsschutz an Polizeipräsidium München, 12 Feb. 1960.

³⁸ StaatsarchivMünchen, Pol. Dir. 15582, Polizeipräsidium München an die Staatsanwaltschaft beim Landgericht Freiburg, 9 March 1959.

³⁹ Riffel, Unbesungene Helden, pp. 130; 205–210.

in postwar Germany.⁴⁰ Working for a German construction company in occupied Volhynia during the war, Gräbe had not only witnessed mass shootings, but had repeatedly negotiated with SS personnel in order to secure the release of Jews for urgent work assignments (which he had invented). He had also provided false papers for a number of Jews.⁴¹ Toward the end of the war, Gräbe had succeeded in fleeing westward with some of the workers he had protected, reaching American lines in the late fall of 1944.⁴²

Following his internment, Gräbe served as a valuable German witness for the prosecution in the International Military Tribunals in Nuremberg in 1945/46. In the aftermath, he received death threats. For that reason, he decided to emigrate to the US in 1948,⁴³ but he remained active in seeking the prosecution of German war criminals.⁴⁴ When Gräbe testified in the 1960 trial against Georg Marschall, the former German commissar for Zdolbunov, with whom Gräbe had negotiated over Jewish lives during the war, Marschall's defense successfully sought to discredit Gräbe as a reliable witness. The fact that Gräbe had falsely claimed to have left the Nazi Party in 1932 (he was a member at least until 1935) was used to smear Gräbe as a liar.⁴⁵ In 1965, only months after Gräbe had been honored by Yad Vashem, he was portrayed in the German weekly journal *Der Spiegel* as a dubious character. It was implied that his economic success in the US most likely stemmed from generous compensation payments to Jews by Germany.⁴⁶ Gräbe was investigated for perjury in Germany and therefore could no longer return to his home country to provide further testimony against Marschall and another German war

⁴⁰ The story of Hermann Gräbe has been documented in the biography by Douglas Huneke. Douglas Huneke, In Deutschland unerwünscht. Hermann Gräbe. Biographie eines Judenretters (Lüneburg, 2002) sowie dem Beitrag von Horst Sassin, Hermann Friedrich Gräbe, ein Solinger Schindler, accessible online: <http://www.bgv-solingen.de/graebe.pdf>.

⁴¹ Fraenkel, Borut, Lexikon, p. 125. For a detailed account see Huneke, Deutschland, pp. 101–116. See also: <http://www.yadvashem.org/yv/en/righteous/stories/graebe.asp>.

⁴² Huneke, Deutschland, pp. 197–202.

⁴³ Huneke, Deutschland, pp. 220–221.

⁴⁴ *Der Spiegel*, 1 Jan. 2001, Einer gegen die SS. <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelspecial/d-27113199.html>.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ *Der Spiegel*, 29 Dec. 1965, Affären, NS-Prozesse: Bewegtes Leben, <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-46275506.html>.

criminal.⁴⁷ Marschall got off with a light prison sentence.⁴⁸ More negative press coverage soon followed, discrediting Gräbe's reputation, especially in his hometown of Solingen, where the award from Yad Vashem had not even been reported.⁴⁹

In 2001, *Der Spiegel* published a revised portrait of Hermann Gräbe, emphasizing his courage in rescuing a substantial number of Jews. The article discussed the postwar character assassination as an example of West Germany's failure to appropriately deal with its Nazi past during the 1950s and 60s. *Der Spiegel's* own role in the whole affair was only mentioned in a half-sentence.⁵⁰ The newsmagazine's belated rehabilitation of Gräbe reflected the way in which «Righteous among the Nations» have come to be seen as models of moral courage and independent thinking to be emulated by others. While Oskar Schindler was perhaps the first case of a helper to reach an audience of millions, interest in, and media coverage of, helpers of Jews has been on the increase in Germany.⁵¹ Since the end of the Cold War, public interest in the Nazi past and the Holocaust have received a strong boost, both on the level of commemoration and one the level of academic research. This is not only evident in the number of recent academic (and popular) publications, but also in new sites

⁴⁷ Huneke, Deutschland, pp. 226–7 and Horst Sassin, Ablehnung, Reserve, Stolz: Die Wahrnehmung Fritz Gräbes in seiner Heimatstadt Solingen 1945–2002, in: Huneke, Deutschland, p. 282.

⁴⁸ Der Spiegel, 1 Jan. 2001, Einergegen die SS. <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelspecial/d-27113199.html>.

⁴⁹ Sassin, Ablehnung, Reserve, Stolz, p. 283. On the perception of Gräbe in his hometown of Solingen see *ibid.*, pp. 277–304.

⁵⁰ Der Spiegel, 1 Jan. 2001, Einer gegen die SS, <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelspecial/d-27113199.html>.

⁵¹ This includes academic interest in rescue stories of Jews. In the early 1990s Wolfgang Benz initiated a major research project entitled «Solidarity and Help for Jews during the NS-Period». Numerous publications resulting from this project document specific cases of rescue within Germany and occupied Europe. Most importantly, see the seven volumes of studies that appeared as part of a series entitled «Solidarity and Help for Jews during the NS-Period»: Wolfgang Benz (ed.), *Solidarität und Hilfe für Juden während der NS-Zeit*, 7 Bände (Berlin 1996–2004) see also Wolfgang Benz (ed.) *Überleben im Dritten Reich. Juden im Untergrund und ihre Helfer* (Munich, 2003) and Beate Kosmala, Georgi Verbeeck (eds.) *Facing the Catastrophe. Jews and non-Jews in Europe during World War* (Oxford, 2011). Before the research project «Solidarity and Help for Jews during the NS-Period» was launched, only a small number of academic publications had dealt with hidden Jews and their helpers. See for example Leonard Gross, *Versteckt. Wie Juden in Berlin die Nazi-Zeit überlebten* (Reinbek, 1983); Avraham Seligmann, «An Illegal Way of Life in Nazi Germany», in: Leo Baeck Institute Yearbook Vol. 37 (1992), pp. 327–361; Yisrael Gutman, Ephraim Zuroff, *Rescue Attempts during the Holocaust. Proceedings of the Second Yad Vashem International Historical Conference, 1974* (Jerusalem, 1977).

of memory and memorialization, such as the «Foundation Memorial to the Murdered Jews of Europe», the «Topography of Terror Documentation Center» in Berlin, and the NS-Documentation Centers that have opened in a number of German cities. A new generation of Germans has fewer problems in acknowledging German responsibility for the Holocaust, but at the same time Oskar Schindler and other helpers are figures with whom Germans can identify as «good Germans» in the Holocaust. It is no coincidence that the West German city of Solingen «discovered» its local hero Hermann Gräbe only in the wake of the success of the film *Schindler's List*.⁵² And whether it is a recent German television film about the blind helper Otto Weidt in Berlin, or the wide publicity surrounding recent «Righteous» awards to Alois and Maria Rauch and to the painter Franz Herda, the recognitions contain an element of celebrating the growing number of «good Germans.»⁵³

This is why, in conclusion, I'd like to suggest that there are still a number of problems in the ways in which helpers of Jews are perceived in Germany today. First, as German social psychologist Harald Welzer has shown in several studies about German intergenerational family history, stories about grandparents who lived during the Nazi period have a tendency to change as they get passed down from one generation to the next. In this process, stories are created about how one or both of the grandparents had helped Jews. In other words, a grandparent helping Jews becomes part of the redemptive collective memory of a family's history in the Nazi period.⁵⁴ Second, while there is great emphasis on celebrating the courage of the «good Germans,» there still is very little attention given to the extent to which Jews were beaten, sexually abused, blackmailed, cheated, robbed and betrayed by Germans who posed as helpers. This darker side of «recue» has been highlighted in a recent memoir by Marie

⁵² Sassin, Ablehnung, Reserve, Stolz, p. 295.

⁵³ «Ein blinder Held. Die Liebe des Otto Weidt», directed by Kai Christiansen, ARD, 2014. See also «NichtallemwärenMörder», directed by Jo Baier, ARD 2006 for a German movie with a similar theme.

⁵⁴ Harald Welzer, Sabine Moller, Karoline Tschuggnall, *Opa war kein Nazi* (Frankfurt, 2002), pp. 67–69, 101–103, 149 f. see also Welzer, *Kumulative Heroisierung. Nationalsozialismus und Krieg im Gespräch der Generationen*, in: *Mittelweg* 36 Vol. 10 (2001/02), pp. 57–73 and Christoph Hamann, «Uropa war einGuter». *Retter und Überleben im Nationalsozialismus als Thema des Geschichtsunterrichts*, in: Kosmala, Schoppman (eds.), *Überleben*, pp. 381–394.

Jalowicz Simon, who survived living in illegality in Berlin.⁵⁵ Third, there is also very little acknowledgement of the fact that many of the helpers had suffered under persecution, were foreigners, or both. They included «half-Jews,» French and Dutch forced laborers, and Russian emigrés—among other groups.⁵⁶ When we consider that a lot of the help came from these groups, the number of supposedly «good Germans» is a good deal smaller than we would like to think. In the collective memory of Germans today, however, it seems that many Germans would like to remember their ancestors as helpers of Jews.

⁵⁵ Marie Jalowicz Simon, *Untergetaucht. Einejunge Frau überlebt in Berlin, 1940–1945* (Frankfurt, 2014).

⁵⁶ See for example the network of helpers around Franz Kaufmann and Helene Jacobs: Katrin Rudolph, *Hilfe beim Sprung ins Nichts. Franz Kaufmann und die Rettung von Juden und «nichtarischen» Christen* (Berlin, 2005).

Сопrotивление на Розенштрассе: история спасения немецкими женами своих мужей-евреев в контексте исторической памяти

*Борис Львович Хавкин
(Москва, Россия)*

Сопrotивление немцев нацистской диктатуре — тема сложная и малоизвестная в России. Тем более, если речь идет о совместном Сопrotивлении немцев и евреев.

С началом гитлеровской агрессии на Востоке Европы одной из главных задач нацистской диктатуры было «окончательное решение еврейского вопроса», т. е. физическое уничтожение евреев как народа. Ко времени прихода Гитлера к власти в Германии проживало около полумиллиона евреев (0,76% всего населения). 160 тыс., то есть треть из них — жили в Берлине.

В связи со все более агрессивной антисемитской политикой нацистов к концу 1930-х годов из Германии эмигрировало 170 тыс. евреев. «Я бы не хотел быть евреем в Германии!» — заявил с трибуны рейхстага «наци № 2» Герман Геринг после «Хрустальной ночи» 9 ноября 1938 г.¹

С началом Второй мировой войны, в особенности после нападения Германии на СССР, разработанная нацистской верхушкой программа истребления еврейского населения в Третьем рейхе и на территориях, оккупированных вермахтом, начала набирать зловещую силу. Йозеф Геббельс, который был не только министром пропаганды и народного просвещения нацистской Германии, но и гауляйтером Берлина, хотел, чтобы столица рейха стала примером в «окончательном решении еврейского вопроса» и возможно скорее была бы «Judenfrei» (свободной от евреев).

Жизнь евреев в Германии резко осложнилось с введением 1 сентября 1941 г. обязательного отличительного знака — куска ткани желтого цвета в виде «звезды Давида» и слова «Jude». Этот знак следовало носить на одежде на левой стороне груди. Евреи были лише-

¹ Хавкин Б.Л. 9 ноября 1938 г. в германской истории: дата, событие, символ. // В отблеске «хрустальной ночи». Материалы 8-й Международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия». Москва-Калининград, 2014. С. 123–131.

ны всех политических, личных и имущественных прав и почти всех источников существования, кроме работы на военных предприятиях. Все еврейские организации и их печатные издания были запрещены, экономическая и культурная жизнь евреев парализована.

23 октября 1941 г. эмиграция евреев из Германии была запрещена. Вскоре начались депортации евреев из крупных немецких городов, включая Берлин. Немецких евреев железнодорожными эшелонами отправляли на оккупированную территорию СССР, а с 1942 г. — в лагеря уничтожения на территории Польши. Поначалу не трогали тех, кто был привлечен к принудительному труду на предприятиях военной промышленности. Однако в конце 1942 г. рейхсминистр внутренних дел Германии Йозеф Геббельс, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер и генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Фриц Заукель скоординировали мероприятия по скорейшей депортации их из Берлина.

К началу 1943 г. евреев в Германии насчитывалось около 50 тыс., в том числе в Берлине — около 15 тыс. Акция по аресту всех оставшихся в Германии евреев и их высылке в лагерь уничтожения тщательно планировалась и задумывалась Геббельсом как подарок Гитлеру к его 54-летию — к 20 апреля 1943 г.

Акция началась рано утром в субботу, 27 февраля 1943 г. Подразделения полиции, СС и сотрудники гестапо арестовали в Берлине 11 тыс. евреев. Аресты проводились на рабочих местах, в жилищах, порой людей хватали прямо на улицах.

Около 2 тыс. арестованных евреев, живших в так называемом «смешанном браке» (муж — еврей, жена — немка), были размещены по адресу Розенштрассе 2–4 (Розенштрассе — маленькая улица на востоке Берлина, рядом с Александерплац) в огромном пятиэтажном здании, в котором ранее располагались социальные учреждения еврейской общины Берлина. Арестованных держали под строгой охраной, контакты родственников с ними были запрещены.

Уже вечером 27 февраля перед зданием Розенштрассе 2–4 стихийно образовалась толпа, состоявшая из немецких женщин — жен арестованных. Женщины требовали освобождения заключенных, хором громко скандируя: «Верните нам мужей!».

В течение недели сотни немок, многие с детьми, ежедневно приходили сюда, стояли круглые сутки, не пугаясь даже авианалетов.

Иногда их, скандирующих «Верните нам мужей!», разгоняла полиция, но они только ненадолго расходились по ближайшим улицам и быстро возвращались, вспоминала Рут Гросс, которой было 10 лет в 1943 году, когда арестовали ее отца, и она с матерью и старшим братом приходила на Розенштрассе.

Немецких жен арестованных евреев гестаповцы публично оскорбляли, называя «еврейскими шлюхами», «расовыми преступницами» и «предательницами». Гестапо пыталось убедить их, что, разведясь, они спасут себя и своих детей.

Но 5 марта произошло чудо: сначала сняли вооруженную охрану дома 2–4 на Розенштрассе, а затем стали освобождать арестованных. Более того, 25 человек, которых уже успели отправить в Аушвиц, срочно возвратили в Берлин. В итоге были освобождены все узники, содержащихся в здании на Розенштрассе — около 2 тыс. чел. Есть основания утверждать, что это было сделано по личному приказу Геббельса, с тем, чтобы прекратить эти, по его выражению в его дневнике, «досадные сцены»².

Нацистские власти были всерьез напуганы этим открытым протестом в центре Берлина. В итоге, женщины настояли на своем; нацистский режим отступил. Директива гестапо «временно» освобождала от депортации евреев, женатых на «арийках». Однако отдельные случаи депортаций евреев из таких смешанных семей еще до зимы 1943 показывают, что такая «временная» защита в любой момент могла прекратиться.

Отметим, что из 11 тыс. евреев, арестованных 27 февраля 1943 г. в Берлине, были освобождены лишь те, кто состоял в браке с немками. Что же касается остальных 9 тыс. чел., то их судьба трагична — они были депортированы в лагерь уничтожения, главным образом в Аушвиц.

Внимательный читатель, наверное, уже обратил внимание на некоторую нестыковку: в Берлине жило в начале 1943 г. 15 тыс. евреев, арестовано было около 11 тыс. (из них 2 тыс. — освобождены, а 9 тыс. депортированы). Возникает вопрос: «Куда же девались оставшиеся 4 тыс.?»

² Goebbels Tagebücher aus den Jahren 1942–1943. Mit anderen Dokumenten. Hrsg. von Louis P. Lochner. Zürich, 1948.

Именно этот вопрос задал себе Геббельс в дневниковой записи от 2 марта 1943 г. и сам же на него ответил: «Мы выгнали евреев из Берлина. Они в прошлую субботу одновременно схвачены и будут в кратчайшее время депортированы на восток. К сожалению, и здесь оказалось, что известные слои общества, особенно интеллектуалы, нашу еврейскую политику не понимают и даже отчасти принимают еврейскую сторону. Вследствие этого наша акция преждевременно получила огласку, так что довольно большой части евреев удалось скрыться»³.

Таким образом, вышеупомянутые 4 тыс. берлинских евреев спаслись от арестов, уйдя в подполье: их прятали немцы. В целом же, по Германии в 1941–1945 гг. проживало на нелегальных условиях от 10 до 15 тыс. евреев. Из них пережили войну менее одной трети; в Берлине в канун его штурма советскими войсками в живых остались менее полутора тысяч немецких евреев.

Но вернемся на Розенштрассе. Уместно поставить вопрос: почему нацисты уступили, почему не решились применить силу против немецких женщин?

Одним из главных тезисов нацистской пропаганды было утверждение о так называемой народной общности («Volksgemeinschaft») — нерушимого единства немецкой нации, без которого переустройство Германии на принципах национального социализма на основе расового превосходства «арийской» нации было невозможно.

Однако, по статистике, которой располагали немецкие органы управления, перед началом Второй мировой войны в Третьем рейхе около 35 тыс. евреев и евреек жили в смешанных браках. Родственными узами с евреями были связаны около 400–500 тыс. «арийцев», проживавших в основном в крупных городах, что подрывало нацистский миф о народной общности.

Гитлер считал, что важнейшей причиной того, что Германия проиграла Первую мировую войну, стали не поражения на поле боя, а происки изменников и предателей, в частности евреев, нанесших рейху «удар ножом в спину». К поражению привело резкое падение морально-политического единства немецкого населения, его готовности переносить тяготы и лишения, связанные с войной. В конце

³ Цит. по: Черкасский Я. Сопrotивление сердец на берлинской улице Роз // «Русская Германия», 2013, № 9.

января 1943 г. под Сталинградом была разгромлена 300-тысячная группировка генерал-фельдмаршала Паулюса, более 100 тыс. немецких солдат и офицеров, 24 генерала во главе с Паулюсом оказались в советском плену. В рейхе был объявлен трехдневный национальный траур; вера в победу Германии в немецком обществе стала гаснуть.

Эти настроения подпитывались все нарастающей активностью англо-американской бомбардировочной авиации — разрушительным атакам «летающих крепостей» союзников с воздуха подверглись Любек, Росток, Кёльн. 1-го и 2-го марта 1943 г. английские бомбардировщики нанесли по Берлину два мощных бомбовых удара; в центре города и в ряде районов возникли многочисленные крупные пожары, погибли сотни людей, тысячи потеряли жилища.

В этих условиях, когда война становилась «тотальной», затяжной и непредсказуемой, нацисты избегали принимать решения, которые могли бы привести к ярко выраженному недовольству значительной части немецкого общества и к тому же разрушали бы культивируемый пропагандой миф о «единстве фюрера и народа».

Некоторые историки — по аналогии с успешным завершением протеста женщин на Розенштрассе — решаются сделать предположение: если бы во времена гитлеровского режима простые немцы, что называется, «люди с улицы», смогли решиться на сколько-нибудь массовое и внятное движение Сопrotивления против расовых преступлений режима, они бы, эти преступления, попросту не имели бы места.

Думаю, такое предположение спорно — прежде всего, потому, что хорошо продуманная нацистская пропаганда, с одной стороны, и массовый террор, с другой стороны, цепко и надежно удерживали среднестатистического немца в границах лояльности и преданности Третьему рейху и «лично Гитлеру». К тому же, нация объективно спланивалась перед общей угрозой войны на Востоке и на Западе, на земле и на небе, на поверхности морей и океанов и под водой.

По мнению профессора Флоридского государственного университета (США) Натана Штольцфуса, который назвал протест женщин на улице Роз «Сопrotивлением сердец», протест на Розенштрассе нельзя рассматривать как единичный случай, не имеющий серьезного значения: во время Второй мировой войны были и другие случаи

открытых протестов против нацистской диктатуры, сравнимые с ним по форме и результатам⁴.

Например, 11 октября 1943 г. в Виттене на Руре на демонстрацию вышли около 300 женщин, протестующих против решения властей лишить их продовольственных карточек с тем, чтобы вынудить эвакуироваться из Рурской области. На следующий день акции протеста прошли в Люнене, Хамме и Бохуме. По мнению Штольцфуса, документы, свидетельствующие о том, что протест в «третьем рейхе» был возможен, до сих пор вызывают болезненную реакцию в Германии. Такие случаи зачастую замалчивали, а демонстрация на Розенштрассе стала широко известна лишь после кинофильма знаменитого режиссера Маргаретт фон Тротта «Розенштрассе», вышедшего на экраны в 2003 г. и заслужившего на разных престижных кинофестивалях пять премий.

Речь в фильме Маргаретт фон Тротта идет о Берлине 1943 г., а действие начинается в Нью-Йорке: умирает муж Руфи Вайнштейн. Оплакивая его, вдова вспоминает свое берлинское детство, войну и Розенштрассе, на которой она простояла много часов в надежде увидеть арестованных родителей. Боль, которую Руфь много лет подавляла в себе, всплывает и мешает жить ей и ее дочери Ханне, которая пытается понять происходящее. Ханна летит в Берлин, чтобы встретить Лену Фишер, немку, которая в 1943 г. спасла ее будущую мать.

Не будь Лена Фишер реальным человеком, можно было предположить, что режиссер Маргаретт фон Тротта списала свою героиню с себя. Фон Тротта — аристократка, чуть ли не королевских кровей (мать ее, кстати, приехала в Германию из России); она родилась в Берлине в 1942 г. Аристократы в Германии, даже подчинившись Гитлеру, не любили его, не считали ровней, даже пытались сопротивляться: достаточно вспомнить заговор против Гитлера, участники которого были почти сплошь родовитыми дворянами; они были казнены в конце войны⁵.

⁴ Stolfus N. Widerstand des Herzens. Der Aufstand der Berliner Frauen in der Rosenstraße 1943. München, 1996.

⁵ Хавкин Б.Л. Россия и Германия. 1900–1945. Сплетение истории. М., 2014. С. 252–294.

Лена Фишер — баронесса. Отец не простил дочь после ее свадьбы с евреем-музыкантом Фабианом. Но брат Лены, офицер, тяжело раненный под Сталинградом, поддержал молодых — так же, как потом он поддержит свою сестру в борьбе за мужа. Лена совершенно не собиралась брать к себе еврейскую девочку. Скорее, это маленькая Руфь выбрала Лену новой мамой, и так бы они и остались вместе, если бы родственники из Америки после войны не выписали девочку к себе. Думая, что с родными ребенку будет лучше, Лена отпускает ее. А Руфь не могла смириться с потерей уже второй матери ни тогда, ни сейчас. И только юная Ханна, найдя в Берлине постаревшую Лену Фишер, примиряет мать с ее спасительницей.

В 1995 г. на Розенштрассе был сооружен состоящий из двух частей многофигурный памятник, автор — скульптор Ингеборг Хунцингер. Этот памятник включен в путеводитель по еврейским местам Берлина⁶.

⁶ <http://venividi.ru/node/11964>

Сохранение памяти о спасителях евреев в годы Холокоста: опыт, проблемы, перспективы

Татьяна Борисовна Пасман
(Псков, Россия)

История спасения евреев от нацистских преследований занимает особое место в истории Холокоста по нескольким причинам. Во-первых, действия спасителей позволили сохранить жизни не менее 50 000 евреев. Во-вторых, и это отмечает подавляющее большинство исследователей, — уникальность действий спасителей, нередко рисковавших своей жизнью и жизнью близких. Неоднократно звучала эта мысль и на нашей конференции. Выступающие подчеркивали, что количество людей, спасавших евреев, несоизмеримо меньше числа жертв и палачей. Оценки, которые дают специалисты, колеблются в широких пределах — от 50 до 500 тысяч. Бывший руководитель департамента Праведников Народов Мира Яд Вашем Мордехай Палдиэль допускал, что потенциальных Праведников «может быть от 100 до 250 тысяч. По его мнению, в годы Холокоста они спасли до 250 тысяч евреев»¹. Своими действиями Праведники позволили появиться на свет новому поколению евреев. Среди спасенных и их потомков были люди, ставшие золотым фондом многих стран, включая СССР и Россию. Вероятно, точное количество спасителей и спасенных, никогда не будет установлено. Тем не менее, необходима фиксация и анализ каждого конкретного случая спасения с привлечением как методов устной истории, так и в результате ввода в научный оборот новых видов источников.

Долгое время данная тематика находилась на периферии историографии. Исследователи в большей степени концентрировались на изучении трагедии и сопротивления самих евреев. Это наиболее ярко проявилось в концепции трех групп участников

¹ Беркович Е. Праведники мира в ландшафте Холокоста // Сетевой портал «Заметки по еврейской истории [Электронный ресурс] URL: <http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer7/PravMira1.htm> (дата обращения 12.04.2015)

событий Холокоста: жертвы-палачи-наблюдатели. Даже упоминание об актах поддержки и включая их в научный контекст, исследователи зачастую только описывали отдельные факты спасения как уникальные явления, достойные высокой оценки общества и государств, не подвергая глубокому научному анализу причины, характерные черты и последствия этих действий как социального явления.

Наконец, изучение историй спасения евреев (кроме собственно научного), усиливает и воспитательный потенциал темы истории Холокоста. Обычно под этим подразумеваются разнообразные виды деятельности: проекты и программы, посвященные сохранению памяти о Холокосте. На мой взгляд, разработка содержательной составляющей темы Праведников позволяет открывать новые страницы истории Холокоста — истории спасения евреев в годы Второй мировой войны. В последние годы система образования в России в большей степени ориентирована на реализацию значимых социальных проектов. Данная тема открывает широкое поле практической деятельности для молодежи и школьников.

В 1963 году музей и институт Яд Вашем разработал критерии присвоения почетного звания Праведник народов мира, которое присуждают спасителям евреев в годы Второй мировой войны. Начала действовать общественная Комиссия, возглавляемая судьей Верховного суда Израиля, которая рассматривает каждый конкретный случай, принимает решение и несет полную ответственность за присвоение этого звания. Признанные получают медаль и Почетную грамоту, а их имена увековечивают в мемориале Яд Вашем в Иерусалиме. Первоначально, в честь спасителей высаживали деревья на аллее Праведников. Сегодня их имена увековечивают на специальной Стене. На 1 января 2015 года этого звания были удостоены 25685 человек. Статистика по странам, база данных и избранные истории спасения размещены на сайте Яд Вашем в специальном разделе². В образовательном разделе представлены обучающие материалы, разработанные на основании материалов музея и архива — уроки, выставки, фотографии и т. п.

² Праведники народов мира// Яд Вашем [Электронный ресурс] URL: <http://www.yadvashem.org/yv/ru/righteous/index.asp> (дата обращения 14.05.2015)

Несколько десятилетий основными источниками информации о спасении евреев в годы войны, которые были основанием для присвоения звания Праведника, являлись письменные свидетельства спасенных, подтвержденные документально. Новые возможности для исследователей, в том числе по региональной истории, предоставляют документы бывших советских архивов, ставшие доступными сравнительно недавно, и огромный комплекс (более 52 000) аудио-видео записей, выполненных Фондом исторических видеосвидетельств «Шоа» (создан Стивеном Спилбергом). Они хранятся вместе с компьютерной базой данных в Университете Южной Калифорнии (Лос-Анжелес, США), а копии представлены в крупнейших музеях мира по теме Холокоста. Эти интереснейшие материалы, к сожалению, еще редко используются отечественными учеными и педагогами.

Тему настоящей статьи во многом определили находки, сделанные нами во время работы в архиве Яд Вашем в 2013 году. В процессе поиска источников по истории Холокоста на Псковской земле я прослушала и расшифровала ряд интервью, записанных Фондом «Шоа» в середине — второй половине 90-х годов. Два из них особенно заинтересовали меня, т. к. позволили открыть новые страницы истории Холокоста на Северо-Западе России. В них пережившие Холокост псковички Регина Мамиоффе (Галяева) и Роза Гранковская, рассказывая свои истории, упомянули о людях, благодаря которым они выжили, пройдя ужасы оккупации и концлагерей. В интервью информанты назвали не только своих спасителей, но и рассказали о местах их работы, условиях спасения, дали другие сведения. Эти фамилии не значились в базе данных Яд Вашем, в научной, научно-популярной или учебной литературе.

Связавшись с еврейской общиной Пскова, я выяснила, что обе информантки живы, встретила с ними для уточнения фактов, упомянутых в интервью. Это позволило установить не только ряд важных деталей по истории Холокоста, но и новые имена спасителей.

Данные источники требуют серьезного анализа, технической и правовой обработки, дополнительных поисковых работ. Примером тому являются рассказы моих собеседниц.

Регина Самуиловна Галяева (Мамиоффе) родилась в Пскове в 1934 году. Семья была смешанной: мама — полька, отец — еврей. Он работал в банке. Семья не смогла вовремя эвакуироваться: отцу поручили сохранить деньги и банковские документы. Некоторое время до прихода немцев и уже после захвата города они всей семьей жили в подвале банка, «спали на каких-то мешках и ящиках». Потом вернулись домой на ул. Некрасова. Отец оказался в числе расстрелянных в первые дни оккупации псковичей — заложников, наказанных за убийство немецкого солдата. «Отец прятался в бункере, вырытом возле дома, больше недели после прихода немцев. Ночевать приходил домой. Когда стали обыскивать, искать жидов, коммунистов, то соседи его сдали».

А вот Регине удалось выжить благодаря помощи соседней и друзей матери. К сожалению, далеко не всех она смогла вспомнить во время интервью. Наиболее подробно рассказывала о Корсунской Людмиле Александровне: «мамина подруга, работала где-то в Доме пионеров, кружком руководила. В войну в столовой немецкой прислуживала. Когда отца расстреляли, мама увела меня к ней, т. к. я черненькая была, похожая на еврейку. У нее была дочь, моя ровесница. Она очень хорошо относилась ко мне. Не унывала. Придумывала спектакли. Родители не очень хорошего происхождения (дворянка). Отдавала отчет в опасности. Она потом работала в немецкой столовой и носила еду — объедки. Пробыла там несколько месяцев. Лето. А потом мама забрала меня домой: «Если что случится, пусть случится с нами вместе».

Помогала Регине спастись и еще одна семья — семья Никитиных. «Соседи по дому. Они молчали».

В метрике Регины была указана национальность ее отца и поэтому девочка долго не могла выходить на улицу. Изменилась ситуация после того, как к ним в квартиру поселился нацистский офицер с денщиком. Он работал в тюрьме (дом находился рядом с городской тюрьмой). «Для офицеров в тюрьме нужны были квартиры. Я сидела на своем месте за шкафом. Мамка приказала даже не кашлять. Через несколько дней вывела, познакомила с офицером. Свободно ходила по комнате. Австриец. Антифашист. Помог мне и маме изменить фамилию — Шведер Регина (мама Ирина).

Мама рассказала все ему. Я не знаю его имени. Он показывал фото своей семьи, жены, детей. Угощал сахаром, сладостями. Средних лет. Около сорока лет. Приветлив. Относился с нежностью. Это было странно. Эту часть через некоторое время перевели куда-то и уехал офицер».

Регина была благодарна своим спасителям: до самой их смерти помогала, поддерживала. А «тетя Мила», как она называла Корсунскую Л.А., жила в их семье все последние годы.

Сегодня Регина Самуиловна живет в Израиле. На мой вопрос, почему не обратилась в Яд Вашем с просьбой присвоить звание Праведников своим спасителям, ответила, что всегда считала это частным делом и лично должна была отблагодарить их за сделанное.

Примерно так же рассуждала и Роза Давидовна Гранковская (1924 г. рождения). История ее жизни еще более драматична: к началу войны она уже была сиротой и жила с соседкой Пузановой Евдокией Михайловной, пожилой женщиной (в 1935 г. ей было 64–65 лет), поваром в столовой военторга. Евдокия Михайловна знала, что Роза еврейка, поэтому, будучи сама православной, не пыталась окрестить ее: «Была верующая, но меня не брала в это. На еврейскую Пасху делала мацу. Дома». Правда, после прихода в Псков немцев просила надеть на шею крест перед выходом на улицу для защиты. Но не настаивала на этом.

В отличие от Регины, Роза Давидовна была старше и понимала, что несет евреям нацизм: ««Болотные солдаты», фильмы смотрела, все понимала. И тетя Дуня понимала. Но не верила — видела в гражданскую войну, говорила — культурные».

Но уже в первые дни оккупации Евдокия Михайловна увидела, что это совсем другие немцы и просила Розу не выходить на улицу. «В соседях была уверена. И это подтвердилось. Если бы спросили, то не сказали».

Когда пришли немцы, — вспоминала Роза Давидовна, — то евреев заставили носить желтые шестиконечные звезды, по тротуарам запретили ходить. Когда всех евреев забрали ночью — не видела. У меня был аусвайс. Боголюбов (бывший учитель русского языка и литературы, классный руководитель) и Барбашинова Мария (немка, работала переводчицей) сделали. Тетя Дуня направ-

вила к Боголюбову. Больше не к кому было. Они понимали, чем рискуют. Встретились. Через несколько дней сделал. Со своей фамилией. Не требуя благодарности. Барбашинова была здесь после войны. Ее судить собирались за сотрудничество с нацистами. Выступила в защиту, и многие выступили».

Оставил воспоминания о спасении евреев в Пскове представитель Псковской православной миссии — Ростислав Владимирович Полчанинов³. Он описал историю, связанную с главным врачом ветеринарной лечебницы Владимиром Матвеевичем Григорьевым. Кроме поддержки партизан (рискуя жизнью, снабжал медикаментами, спасал раненых) доктор «принял в семью еврейскую девочку Люсю Вербицкую, выдавая ее за свою дочь». Медсестра этой же лечебницы — Зинаида Матвеевна Одоранская — взяла из лагеря еврея Ефима Хейфеца, выдававшего себя немцам за Ибрагимова. Ефима немцы расстреляли, но не как еврея, а за связь с партизанами. «Мы были знакомы, и он не скрывал от меня своей настоящей фамилии. После конца войны я сообщил через Красный Крест его родителям о судьбе их сына».⁴

Будущая жена Ростислава Владимировича, работавшая переводчицей в ветеринарной лечебнице, имела связь с партизанами и однажды помогла двум еврейским девушкам найти убежище у партизан, указав, куда и как им идти. Эту историю Полчанинов поведал в личной переписке.

Заслуживает внимания и установление факта соучастия уроженца г. Острова, Псковской губернии, писателя Леонида Зурова (1902–1971) в спасении лауреатом нобелевской премии И.А. Бунным и его женой В.Н. Муромцевой на вилле в Грассе под Каннами евреев, укрывавшихся там в годы оккупации Франции.⁵

На этих примерах мы видим, что тема Праведников имеет большой потенциал для поисковой работы в рамках региональной истории по теме Второй мировой войны, в проблематику которой должны быть включены и судьбы наших соотечественников, оказавшихся в годы войны за рубежом.

³ Полчанинов Р.В. Как псковичи помогали своим пленным// Полчанинов Р.В. Молодежь русского зарубежья. Воспоминания 1941–1951. — Посев, 2009 .

⁴ Там же. С. 121–125

⁵ <http://www.holocf.ru/news/995>

Из 25685 Праведников народов мира — россиян всего 197. Но это не значит, что менее 200 человек, рискуя жизнью, спасали евреев в годы Холокоста. Их гораздо больше. Ведь ни один из тех, о ком вспоминали мои информанты, пока не включен (а возможно и не будет включен) в Базу данных Яд Вашем. Причины — несоответствие критериям присвоения звания праведника. Например, неоднозначная ситуация с оценкой деятельности спасителей: часть из них наряду со спасением евреев сотрудничали с нацистами, служили им.

Еще одна проблема: зачастую спасенные не называют имен своих спасителей во время интервью, не указывают подробности спасения в силу возраста. Задача исследователей — продолжить разговор, расширить круг поиска. Но для этого важно сделать так, чтобы эти интервью в аудио и текстовом формате были доступны не только в крупнейших хранилищах документов по теме, но и в тех регионах, где проходили опросы. Большую роль может сыграть создание доступной базы данных на сайте Центра «Холокост» и публикация этих воспоминаний и свидетельств (пока же они доступны только узкому кругу специалистов).

Многие спасенные, да и спасатели, во время интервью не оценивают эти действия как подвиги, достойные награды. Нередко звучит мысль, что это норма, «так поступали все». Срабатывают стереотипные идеи коллективного подвига советского народа, благодарностью за который являются безымянные памятники. Иногда даже высказывается, на мой взгляд, ошибочное суждение, что благодарность праведникам — это частный вопрос, еврейская задача, задача самих спасенных.

Люди, спасшие в годы войны одного человека, да еще в условиях оккупационного режима, — настоящие герои, и их подвиги должны быть известны обществу, должны получить высокую оценку и сохраняться в памяти потомков. Для этого важно продолжать проводить разъяснительную работу через обучающие и методические семинары, конференции исследователей, педагогов и школьников, публикации (сборники докладов научных конференций, исследовательских работ школьников).

Очень важно внести уже выявленные и собранные источники в ту литературу, которая доступна школьникам. На общероссий-

ском уровне такая работа проделана⁶, но подобные пособия должны быть в каждом регионе Российской Федерации.

Есть организационная проблема — доступность самих интервью. Несколько лет назад Фонд «Шоа» начал оцифровку и размещение в сети Интернет записанных им интервью, некоторые из которых можно найти на сайте Яд Вашем. Но пока русскоязычный сегмент публикаций очень невелик. Поэтому было бы важно иметь в России полный перечень имеющихся источников, полученных из наших регионов, и механизмы доступа к ним по запросам исследователей. На мой взгляд, большую пользу для науки, образования и воспитания молодого поколения может оказать специальный раздел историй спасения в форме базы данных на сайте Центра «Холокост».

Естественно Государство Израиль и Яд Вашем будут сохранять свою систему благодарной поддержки Праведников. Российская общественность может поднять вопрос об использовании существующих форм государственного поощрения для людей, спасавших евреев в годы войны. Такой опыт есть в Великобритании, Германии, Австрии, Украине, Литве.

Ряд государственных наград Российской Федерации поощряют граждан за успехи в охране здоровья и жизни, защиту прав и свобод граждан, за значительный вклад в дело защиты Отечества и обеспечение безопасности государства, за активную благотворительную деятельность и иные заслуги перед государством. Есть несколько наград, которые можно предложить для российских спасителей:

— *орден Святой великомученицы Екатерины* — «общегражданская награда, которой награждаются известные своей высокой духовно-нравственной позицией и милосердием граждане Российской Федерации и граждане иностранных государств за выдающийся вклад в миротворческую, гуманитарную и благотворительную деятельность, сохранение культурного наследия»;

⁶ См. издания «Российской библиотеки Холокоста»: «Книга Праведников. — М.: Фонд «Холокост»: МИК, 2005. — 128 с., цв. вкл.; Альтман И.А., Полторак Д.И. Праведники Народов Мира. Праведники России. 1941–1945 // Пакет-комплект документов // Методические рекомендации к учебному пособию. 9–11 классы / И.А. Альтман, Д.И. Полторак. — М.: ЗАО «Русское слово: учебник», 2011.

— *орден Мужества* — общегражданская награда, присуждаемая за самоотверженность, мужество и отвагу, проявленные при спасении людей, охране общественного порядка, в борьбе с преступностью, во время стихийных бедствий, пожаров, катастроф и других чрезвычайных обстоятельств, а также за смелые и решительные действия, совершенные при исполнении воинского, гражданского или служебного долга в условиях, сопряженных с риском для жизни.

Преподавание и осмысление тем Холокоста, геноцидов и террора

Teaching and Comprehension of the Holocaust and Genocides

The Pedagogy of Perpetration: Contesting Educational Spaces¹

Nela Navarro
(Newark, USA)

Let us to begin with a poem for two reasons: first, because it encourages the use of fluid, non-linear and imaginative language of poetry, language that seems appropriate for this subject, and, second, because it frames, suggests and, I propose, summarizes the ideas that will be shared with you this afternoon. The well regarded Irish poet, William Butler Yeats wrote: *«Education is not the filling of a pail but rather the lighting of a fire»*. This is to say that education is not the accumulation of facts or concepts but rather the process of nurturing and supporting independent critical thinking. Thinking for liberation and compassion. The Shoah and all other genocides and mass atrocities leave in their wake an extraordinary burden that is felt by the survivors and the descendants. As the next generation attempts to understand their past, they often rely on imaginative, collaborative and critical processes and spaces to work through this traumatic history.

Since education is often envisioned as the space in which values and culture are transmitted, it is also viewed as a critical space that can enable the next generation to articulate this past and understand the impact of its meaning on their lives and the lives of future generations.

This article explores traditional notions of education as spaces that should be contested, as spaces, which, on the one hand, have the potential to transmit values of intolerance, injustice and violence while, on the other, are expected to reconstruct society and create «citizens of change» in their local and global societies.

This article explores how education in, for example, post-genocide Cambodia and Rwanda has both erased (some memories of what happened) and embraced (for the purposes of those in power) the past. It is important to present these two non-European examples to precisely address the academic challenges that the organizing committee of this conference has.

¹ This article was based on a plenary talk given on June 22, 2015 for an International Conference: The Holocaust: 70 years Later that was hosted by the Russian State University for Humanities: Moscow

Posed. So what indeed are the lessons of the Shoah and contemporary Russia for educating about genocide and for sustaining education for a culture of human rights, tolerance and understanding?

I propose that we understand the Shoah and, for that matter, the Armenian Genocide, as critical frameworks to help one understand some of the key features of a 20th and 21st century societies which chose to engage in a genocidal project. If we accept this premise one could argue that one critical lesson of the Shoah is the role that education plays in the construction and destruction of our common humanity. The traditional didactic approaches to teaching the Shoah and other genocides and mass violence must be contested and interrogated by those of us who envision a world in which we can mitigate and perhaps even prevent mass genocide on the scale and scope of the Shoah.

Traditional approaches to an understanding of teaching about genocide are, at the core, deeply problematic and lead to what I would call a «pedagogy of perpetration», in other words, educating to perpetuate violence. Many of my fellow educators have often asked: How can you suggest this? «Education is the solution to prevention.» I argue that traditional educational approaches can indeed create spaces in which perpetration is nurtured. For example, when we use language such as «teaching about the Shoah» this suggests a didactic approach of accumulation and consumption, one that is ultimately about enslaving, objectifying and not about developing independent critical thinking that would encourage the imaginative practices needed to work towards creating a culture of non violence and meaningful engagement.

As educators we should contest the traditional ideas of «teaching about» in favor of «teaching towards» a culture of nonviolence. We should also interrogate what Paulo Friere would call «banking education» a term he employed to describe education in which learners are treated as passive, objects, «others» and the person in «charge» in this case, the teacher, preselects «so called knowledge» of «facts» and, in an act that is not unlike the appropriation of the other, a kind of annihilation of the other, «deposits» preselected, pre determined knowledge «into the learner.» This process not unlike the dehumanization of the other, the objectification of the other and the imbalanced, power dynamic that can be seen in the survivor/genocidur (perpetrator) relationship. It would be useful for those of us not familiar with «banking education to review the key elements of this cri-

tique of education: **Banking education is a kind of educational space in which:**

- Education is a process that prepares you for life rather than education as a part of life.
- Students are viewed as passive learners absorbing and repeating what is «taught: rather than being actively critical of what is being «taught» or of the processing of being taught.
- The educator as a figure of authority to be feared, rather than an experienced partner who fosters an environment of thinking, questioning and engaging.
- The community and one's duties and responsibilities to the community are envisioned as separate instead of as an integral part of the educational space.
- Learning is linear with a focus on the accumulation of facts and the mastery of «useful skills,» instead of a non-linear, spiral process with the emphasis on critical thinking and examining the human condition.

This kind of educational space and process in fact best serves the goals of the perpetrator and has been used successfully in the process of propagandizing for the genocidal agenda. Indeed, some of the most impressive educational reforms from Nazi Germany to Cambodia, Rwanda, Argentina and current day ISIS developed a «education for citizenship» platform curriculum employing **the very strategies**, skills and methods used by educators and policy makers whose interest is in violence and genocide prevention.

Why is this the case? This is precisely because we endow education with a kind of «mythical status «Without remembering that educational spaces are community spaces where people engage and interact. This is also because we insist on establishing binaries in which the perpetrator becomes «the other», «the monster», the person we can't talk to, without remembering that there is no «us» vs. the perpetrator. The perpetrator is in each one of us and the challenge is to develop and embrace a pedagogy of liberation so that we can remain vigilant and mitigate the perpetrator in us, the human impulse to perpetrate. This requires an education that develops asSensibility or a critical consciousness. Paulo Freire calls this « conscientization», a process by which the learner advances towards critical consciousness and away from the «Culture of Silence».

This «culture of silence is a culture in which dominated individuals lose the means by which to critically respond to the culture that is forced on them by a dominant culture.

Indeed, educator Richard Shaull informed by Freire's concern that traditional education has the potential to create citizens who are enslaved and therefore more likely to enslave reminds us:

«There is no such thing as a neutral education process. Education either functions as an instrument which is used to facilitate the integration of generations into the logic of the present system and bring about conformity to it, or it becomes the 'practice of freedom', the means by which men and women deal critically with reality and discover how to participate in the transformation of their world.» We must reexamine educational spaces so that they can nurture these practices of freedom» so that the next generations are able to transform their world and not simply react to it. Genocide education for prevention requires this transformative impulse. Too often in post genocide or post conflict contexts stakeholders from a cross section of society designate education and education spaces as «neutral, ideal spaces» spaces. The infrastructure that they often create in post genocide contexts clearly does not take into account that post genocide societies who continue to suffer the trauma of their collective past face challenges in working through the past. It is important to develop spaces that enable them to transform their past and not simply repeat it.

I would like to briefly examine as examples the work of the ministries of education of Cambodia and Rwanda's work on education in a post genocide society. In both Rwanda and Cambodia, education and the process of «creating citizens «is seen as the integral, main goal. The principal entrusted what scholar Marianne Hirsch calls «the guardianship of a traumatic personal and generational past». Yet this «educational mediation» process relies on pedagogical approaches and practices that run counter to their goals of «teaching to democratize» or «teaching to liberate. Liberation after all comes with a critical sense of awareness and meaningful «on the ground action» and not with simply learning the timeline of the tragedy, the main actors and the «body count».

At the heart of their approach is the notion that those responsible for engaging in the post memory project must be compelled by the horror

of what happened to not forget. Thuthe logic of «not forget» unfolds into a learning «lessons about the trauma» which becomes simply an exercise in content accumulation. «Learners become as Freire described vessels to be filled so that they are not «empty or «ignorant of their past» indeed it becomes a obligation of the young local-global citizen to «absorb «as much of their history and trauma as possible. Indeed if we employ a Freirian framework as a lens by which to examine the limitations of these national curricular agendas, these education ministries will realize that in fact this approach that is often envisioned as new, needed and emancipatory is simply a replication of the power dynamic that created the conditions for the events that led to the atrocities and genocide in this first place. It is a kind «appropriated, cannibalized past» appropriated and controlled by those in power to control and manage the trauma for their own interests.

This intervention on the part of government entities particular ministries of culture, youth and education prevents post genocide societies from thinking for action, thinking in order to move towards: a radical pedagogy one that demands in Freirian terms, *concientization* that is to say that learners develop a critical awareness of their social-political reality by reflecting and acting on their own behalf. Thus, learning in this «banking concept» context is not liberating and fails to recognize that learning requires that significant social problems be «uncovered» not «discovered» and revived and that they demand solutions and actions. Instead the dominant social relations that are reinforced creates a culture of silence even as they embrace an agenda of «never again» the logic of never again institutes a negated lowered sense of self for the oppressed, the victims of these atrocities. In this context the oppressed is not able to critically reflect, respond and most importantly reject the culture that is imposed on them by the dominant culture.

This domination is present in the educational spaces thus one can detect the slow erasure of the identity of those who have suffered. I would like to share with you a brief summary of the approaches often embraces by the various educational offices, ministries and stakeholders as they attempt to «teach the genocide». They do not embrace a dialogic approach but rather a reactive one. Thus what we can see in these post genocide societies is an affirmation of practices that help make the genocide possible. Following is a summary of the practices:

Summary of Practices:

In both Rwanda and Cambodia there is an emphasis on events, detailed atrocities, site visits

And what one can call «accumulating the tragedy». There is minimal and often no acknowledgment, discussion or engagement of the power dynamic/the construction of the other, or the context in which this other is constructed.

Curriculum development: There is an emphasis on national unity/national identity

an «alleged reborn Rwandan or Khmer citizen» with notions of citizenship often imported from the global NGO and donor communities that have no cultural relevance for their people and show a lack of understanding of the local contexts. There is limited discussion or no interrogation of the very concept of citizenship, the traits and qualities that make that «new» citizen. In fact it is usually a repetition of the very qualities, notions that made for one «dominant/ideal « new citizen the «citizen» that was annihilated in the genocide.

Professional Development practices: The «training» of teachers places an emphasis on the delivery of content and on the use of new technologies and often on how to implement and import global strategies. There is no discussion of the power dynamic implicit in the «development» of one dominant group engaged in the «teaching/training of the over another group. Finally there is a rush by «officially sanctioned» historians and leadership **to tell the** «The official story»/«the story», his story, certainly not her story or their story. There is no discussion of who tells the story, what are the myths that are told and why these stories. They often do not consider the possibility that the local arts and literature may be the ideal space in which reflection and action (the act of creating) might more clearly enable society to engage with their past in meaningful ways, and thus work towards violence prevention project. In fact one, an important educational consulting project with a very high-ranking officer in the ministry of education, asked me why I proposed that more curriculum development efforts and resources be placed in literature, writing and arts or culture classes. He asked: Why teach genocide in a literature class? That is a «soft subject», a woman’s subject. It would be better to «teach our new history» in the history, sociology classes. In those classes, we can teach facts, hope they remember and, if not, tell them what we want them to remember.»

When he was done, he smiled and asked if I had understood him and if I had a comment. I had no comment at that moment. As I way to conclude this brief article, I would propose that we all think about his proposed appropriation of educational spaces. His approach is akin to what Freire proposes are the great limitations and the enslaving qualities of traditional educational approaches. It is an approach that seems to shift from «never again» to «once again». One might respond by suggesting that literature, music, dance and the arts encourage an imaginative journey in which we are encouraged to imagine other experiences, realities and identities. This process is an integral part of the transformative engagement needed to develop innovative approaches towards the prevention of violence. To borrow the title from the great poet Maykovsky: We must call ourselves to account!

From: Call to Account 1917 — Mayakovsky

...When will you stand to your full height,
you,
giving them your life?
When will you hurl a question to their faces:
Why are we fighting?... (1917)

**What does education after Auschwitz mean today?
Changing Conceptions and Perspectives
in Educational Institutions and Memorial Pedagogy**

*Annette Eberle
(München, Germany)*

«What does education after Auschwitz mean today?» was the pivotal question of a study of the responses given by educators in Germany conducted between 2008 and 2010 by the History Department at the University of Leipzig. The inquiry focused on educators working at memorial sites, museums, and educational institutions.¹ The following article introduces some of the most significant findings.

What was the situation that led to the study, and what considerations was it based on? There are two key developments here: The first one relates to the emergence of institutions within Germany's culture of remembrance that understand their work in terms of an educational mission. Prime examples of this are the memorial sites at former concentration camp locations. Until German unification the two German states, the old Federal Republic and the German Democratic Republic, followed different pathways in their remembrance of the past.² In West Germany there were only a few memorials situated at sites of Nazi terror or in synagogues. For the most part they came into being thanks to initiatives shown by survivors of the terror, or the support of smaller regional organizations. Their goal was to promote public debate and

¹ Annette Eberle, Abschlussbericht. Projekt: Institutionen, Innovationen und Individuen im Wandel der historisch-politischen Bildungsarbeit über die NS-Verbrechen. Zwischen «Nie wieder Faschismus» — Parole und «Immer wieder NS-Geschichte» (12/2008–12/2010). Leipzig, Januar 2011 (unpublished); the main results will be published in: Annette Eberle, «Was bedeutet Pädagogik nach Auschwitz heute? Einschätzungen von Pädagogen an Gedenkorten, Museen, und Bildungseinrichtungen», *Holocaust Education im 21. Jahrhundert*, Eva Matthes, Elisabeth Meilhammer (eds.), Bad Heilbrunn 2015 (expected date of publication November); see. also www.vielfalt-tut-gut-workshop.de/en, June 2010, (available, 31.7.2015).

² About the history of the memorial sites and memory culture, see, for example, Wolfgang Benz, *Ungeliebte Kinder oder Partner im öffentlichen Diskurs? Perspektiven für die Gedenkstätten*, *Geschichtswerkstatt 29* (1997), pp. 47–59; Volkhard Knigge, *Gedenkstätten und Museen, Verbrechen erinnern. Die Auseinandersetzung mit Holocaust und Völkermord*, Norbert Frei and Volkhard Knigge (eds.), Bonn 2002, pp. 378–409.

encourage greater research into Nazi crimes, as well as to promote greater recognition of the sufferings of the persecuted, an undertaking that faced huge resistance at the time. In East Germany, on the other hand, support for the location of commemorative sites on the grounds of former concentration camps, such as Buchenwald, Sachsenhausen, or Ravensbrück, was part of the politics of history, which was, of course, under the guidance of the state and subject to the dictates of ideology. In the wake of the political upheavals of 1989–1990 a new connective phase was born. Both politicians and the general public were concerned with the question of how, at these sites, the hitherto split tradition of remembrance could be transformed into a unifying culture of commemoration capable of fostering a national identity. The focus was now the need to learn from the experiences of two dictatorships. In 1993, the first draft of the federal government's conception of memorial sites was tabled; it also included memorial sites dedicated to the victims of the communist dictatorship in the GDR. The educational mission was formulated as follows: «Presenting and passing on historical knowledge at authentic sites serves to reinforce reflection on the humane and democratic foundations of individual and social action, a process that needs to be undertaken anew by each generation. For this purpose, memorial sites develop educational methods which are particularly suitable for making productive the potential of remembrance and historical explanation inherent to these authentic locations».³ The public discussion that followed on hitherto tabooed topics of Nazi history, in particular the involvement of the 'society of perpetrators' in Germany, led to a broader understanding of commemorative culture and its institutions. Documentation centres were established, for instance, at sites which had played key roles in consolidating and exercising the power of the Nazi regime, most prominently the House of the Wannsee Conference in Berlin and the Nazi Documentation Centre in Munich, which opened only two months ago. At the latter, Munich's development into the 'capital

³ Deutscher Bundestag, Schlussbericht zur Enquete-Kommission «Überwindung der Folgen der SED Diktatur im Prozess der deutschen Einheit mit dem Kap. VI.: Gesamtdeutsche Formen der Erinnerung an die beiden deutschen Diktaturen und ihrer Opfer. (Deutscher Bundestag, Drucksache 13/11000 vom 10.06.98), Bonn pp. 226–332; here pp. 242–243.

of the movement' is documented.⁴ This was preceded by heated and controversial local discussion lasting over twenty years. Other institutions, for example, the Jewish museums, opened as Jews from the former Soviet Union were permitted to migrate to Germany, a process that began in the 1990s. Extremely small until this point in time, Jewish communities grew rapidly, particularly in the larger cities. The Jewish museums are publicly funded and not run by the local Jewish communities. They do not understand themselves to be museums of the Shoa but rather as a link to the tradition of Jewish museums prior to 1933. They tell the story of Jewish culture and communities in terms of their relationships to German society.⁵

The second development concerns the natural emergence of a new generation to be «educated after Auschwitz». With the fiftieth anniversary of the end of the war and liberation in 1995, a discourse on the grandchildren and great-grandchildren, neither of whom had experienced a direct connection to the Nazi period, began within the field of education. In addition, the number of young persons of migrant background in schools rose.⁶ The explosive effect that had accompanied learning from direct experiences with National Socialism for so long, now seemed to recede. At the same time, as public interest grew, so did the expectations of the normative impact of education about «Auschwitz». Education was to facilitate the development of an affirmative attitude towards democracy and human rights amongst the young generation. Here the discussion centred on what was to take place in schools. Curricula were changed. In out-of-school institutions the discussion revolved around the specific topics and methods of education programmes capable of tuning in to the needs and attitudes of the younger generations.⁷

⁴ See München und der Nationalsozialismus. Katalog des NS-Dokumentations-zentrums München, Winfrid Nerdinger (ed. in association with Günter Hockerts, Marita Krauss, Peter Longerich), München 2015; <http://www.ns-dokumentationszentrum-muenchen.de/centre> (available July 2015).

⁵ Annette Eberle, Pädagogik und Gedenkkultur. Bildungsarbeit an NS-Gedenkorten zwischen Wissensvermittlung, Opfergedenken und Menschenrechtserziehung, Würzburg 2008, pp. 36–38.

⁶ See e.g. Opa war kein Nazi. Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis, Harald Welzer, Sabine Möller, Karoline Tschugnall (eds.), Frankfurt a.M. 2002; Viola Georgi, Entliehene Erinnerung. Geschichtsbilder junger Migranten in Deutschland, Hamburg 2003.

⁷ Eberle, 2011.

These changes were the starting point of our study on the transformation and perspectives of education after Auschwitz, which was conducted as part of the programme, «diversity and its benefits,» run by the Federal Ministry for Families. We were interested in what educators themselves felt about these developments and how they responded to them? In what ways did this transformation in the culture of remembrance express itself in concrete educational practice? Besides the new institutions of commemorative culture and schools, we also wanted to identify what other kinds of organizations were involved and what role they played. We approached educationalists from over forty organizations and institutions who have for some time regularly run programmes dealing with the Nazi dictatorship and era. Besides the institutions of the official commemorative culture and their collaboration with schools, it emerged that programmes offered by adult education centres play an important role. These centres are traditionally the most prominent non-school educational institutions in Germany.⁸ Expert interviews were held with the educationalists, supported by a questionnaire. The pivotal question concerned the changes their educational programmes had undergone since the 1990s, and the new perspectives that had emerged from these changes.

One of the most important results was that all of the experts described the changes as depending on the particular tradition the respective institutions or organizations had cultivated as an actor in the commemorative culture in the public debate on National Socialism and the Holocaust. It was interesting to note that the educators, depending on the institution or organisation where they were active, differed greatly in their assessment of the time period in which these changes took place. For instance, the education experts active in adult education centres in the former Federal Republic saw the transformation as occurring over the longest timespan. They placed its beginnings in the immediate post-war period. In their eyes the decisive transformation was the change of attitude in society towards the Nazi era; a process that was going on until the 1990s. One education expert described the change that occurred over four decades as the «breaking of taboos». In the interview he said: «In

⁸ About the decisive role the Volkshochschulen play for historical learning, see e.g. Theorie und Praxis der politischen Bildung an der Volkshochschule'. Von den Anfängen der Gegenwart. Bericht zur 16. Konferenz des Internationalen Arbeitskreises zur Aufarbeitung historischer Quellen der Erwachsenenbildung, Christian Stifter (ed.), Bonn 1998.

the 1970s and 1980s there was still total psychological repression as far as the topic of National Socialism was concerned. As soon as you spoke about it you could count on hearing objections. This spurred you on, so that one explored the topic even more intensively, and thus lots of taboos were broken».⁹ The educators saw it as their task to address the social conflicts ignited in the process of trying to come to terms with Germany's historical past, to provide relevant information where ignorance appeared, and clarification where misconceptions reigned. Those surveyed from the adult education centres in the old Federal Republic represented a generation for whom this experience of conflict was still personally present. In contrast, in the new federal states of unified Germany, i.e. from the 1990s onwards, the topics of the Holocaust and anti-Semitism were paramount, accompanied by the task of trying to confront right-wing extremism. An educator from the adult centre in Leipzig said: «We can approach right-wing extremism only by also considering the preceding historical periods of the GDR and National Socialism. Many young people are interested in the past. The thesis is that this generation is supported in its extreme right-wing views by their grandparents, while the parent generation has no influence at all. And stays silent».¹⁰

Described as a removal of taboos, this transformation continues to determine the character of education programmes today, including how they represent a means of reflecting on politics and history. The aim is to activate participants and encourage them to actively take part in developing democratic society. Beginning in the 1980s, new methods and approaches were formulated for this purpose, for example, contemporary witness projects, a new emphasis on social history and everyday life (microhistory), or formats of 'seeking traces' of the past or self-organization. Today, these approaches are part of the standard repertoire of «education after Auschwitz», which were also adopted later by the newly formed education programmes at the memorial sites. This innovative role played by adult education centres has more or less been forgotten today. Currently, these education programmes are under enormous financial pressure to prove their viability.¹¹

⁹ Interview with B./VHS/B, 10 June 2009.

¹⁰ Interview with T./VHS/L, 5 November 2009.

¹¹ See Eberle, 2011.

Educators at the institutions of commemorative culture described the transformation as one taking place in a field of tension between civil society and state support. Most of those surveyed first started working in the education field in the early 2000s, at a time when state support of the memorial sites began to have an effect. At the same time, direct ties to local initiatives launched by citizens began to loosen. With this detachment from civil society, many were alarmed by the danger that the subject matter and its presentation could become increasingly oriented toward a canon desired by the state and official politics, thus losing its critical potential. Remembrance of the victims for their own sake, as well as reflection on the view of the persecuted, who had represented a small minority in German society, were in danger of being hijacked and exploited for political purposes. An educator at a memorial site in Bavaria remarked: «The specific nature of educational work at a concentration camp memorial site is the connection to the very place itself, and it thus serves the survivors, and not some mission formulated by the state, while assuming the role of a learning place outside of school means that there is no state curricula: it is intrinsic to the location that a minority be remembered who were forced to suffer here due to the actions of a majority, and the majority must answer for these actions.»¹²

For educators, the transformation also made it self felt in how their work was increasingly oriented toward establishing their own institution as a place of remembrance, and this often in competition with other institutions. Only those places of remembrance which are recognised as being of «national importance», for example, the concentration camp memorial sites of Dachau or Buchenwald, receive federal government funding.¹³ Smaller sites such as the documentation centre at the former Stalag 326 (VI K) Senne, a POW camp, must rely on regional funding. The focus is on preserving and reconstructing the former use of a facility in the Nazi period and its reinterpretation into a place of remembrance. The fewer survivors there are who can still relate their experiences of persecution, the more symbolic importance is attached to the «authentic». This limits the horizons of the education services and programmes available to the history of the respective site and limits

¹² Interview with K./GS/D, 19 April 2009.

¹³ See Gedenkstättenkonzeption des Bundes, 1998.

the profile to certain victim groups. As a consequence, the remembrance dwindles of those victim groups whose sites of persecution do not profit from state funding. Two prominent examples of this are the 'euthanasia' sites, where an estimated 300 000 persons were murdered across Nazi-occupied Europe, and the sites of the former POW camps where the largest group of victims, the Soviet prisoners of war, numbered over three million.¹⁴ On the other hand, educators see this rivalry between victims, stemming as it does from the politics of commemoration, as a productive challenge, demanding the development of concepts for interesting biographical work. Historical contextualization and the plotting of the «journey through life» of specific figures create a «counter-interview» to the categorization based on the perpetrators' ideology, enabling the educators to underline by way of contrast the universality of the experience of persecution.

At Jewish museums educators had to adjust to a new situation — namely that their role as mediators between Jewish communities and non-Jewish German society had changed. The transformation of the small Jewish communities into lively flourishing ones that was triggered by the arrival of Jews from the former Soviet Union, brought with it a greater emphasis on post-war history, which could not remain focused solely on the location itself. Emphasis is now placed on the post-war history of new community members with their Eastern European roots and experiences as migrants. One expert from the Jewish Museum in Augsburg, founded in 1985, described this development in her affiliated community as follows: «The community was very old and there was little hope that a large and lively community would emerge in one or two generations. That actually marked our birth. It was followed by the most radical change in the last fifteen years. More than ninety per cent of the current community comes from the former Soviet Union. The museum is not yet understood as a part of their own

¹⁴ Forthereappraisalofthe «euthanasia», see .e.g., Das Vergessen der Vernichtung ist Teil der Vernichtung selbst'. Lebensgeschichten von Opfern der nationalsozialistischen 'Euthanasie', Petra Fuchs, Maïke Rotzoll, Ulrich Müller, Paul RichterandGerrit Hohendorf(eds.), Göttingen 2007; fortheremembranceofthesovietprisonersof war, see e.g., Jürgen Zarusky, Sowjetische Opfer von Krieg und nationalsozialistischer Verfolgung in der bundesdeutschen Erinnerungskultur, Erinnerung an Diktatur und Krieg. Brennpunkte des kulturellen Gedächtnisses zwischen Russland und Deutschland seit 1945, Andreas Wirsching, Jürgen Zarusky, Alexander Tschubarjan, Viktor Ischtschenke (eds.), Berlin/Boston 2015, pp. 227–248.

history, but as part of German history. But we want to bring the stories of the migrants into the museum.»¹⁵

At all commemorative institutions, orientating education work toward consolidating the respective site or centre brought about an increase in education services, which rose from 50 to 70 per cent; this increase was, moreover, independent of the resources available. At the same time, it needs to be recognized that this growth would have been impossible without the increasing acceptance by schools. Visiting a memorial site or documentation centre is meanwhile expressly recommended in many curricula. Such visits are by no means limited to the subject of history. Teachers of religion have shown increasing interest in introducing their pupils to Jewish museums. But the increasing significance assigned to the topic of National Socialism in curricula since the 1990s has begun to ebb. The focus of historical studies in schools has shifted: where once the history of National Socialism formed the endpoint of epoch-based courses, the contemporary history of the post-war period has now come to prominence, in particular that of the Federal Republic and the GDR. This shift in focus has been accompanied by something similar in didactics — instead of following the chronology of a historical narrative, interest has turned to specific thematic blocks, for example «violence and dictatorships.» The issues raised by this thematic approach are then explored throughout the course of history down to present-day events, with selected examples of a phenomenon taken from world history.¹⁶ Whatever the advantages of this shift may be, it has become clear that it results in a loss of knowledge as to the specific historical context of the Nazi period. School pupils visiting memorial sites often have difficulty in placing the Second World War chronologically.

One unanswered question still preoccupied most of the interview participants: believing that education needs to see the historical past as a constitutive part of our present day, they were still searching for ways to make this viable when discussing Nazi crimes. The study revealed that post-war reflections play an important role, whether focusing on places or collective experiences. Orientation for this reflec-

¹⁵ Interview with S./JM/A., 28 April 2009.

¹⁶ See e.g. Lehrplan Gymnasium, Geschichte, Sek. II, G 11.2 «Demokratie und Diktatur», München 2008; , Kernlehrplan Geschichte, Gymnasium, Sek I, gültig seit 1.8.07; NRW, Kernlehrplan Gesellschaftslehre, Gesamtschule, Sek 1 , Düsseldorf 2010.

tion is provided by the saying coined by the survivor Chaim Schatzker that awaits visitors to the Dachau memorial site exhibition: «Each of us today is shaping the antecedent history of tomorrow.»¹⁷ At the same time, this saying also means: «Each of us today is shaping the historical reflection on yesterday.»

Методические аспекты преподавания темы Холокоста и геноцидов

*Ольга Владимировна Горских
(Томск, Россия)*

«Существование на грани», «зияющая бездна бытия», «страх и метафизический ужас», потрясающие человека в своем прозрении, — вот попытка мыслителей-экзистенциалистов дать эмоционально-образное объяснение явлениям XX века, который ознаменовался в культуре памяти Первой и Второй мировыми войнами, трагедией армянского геноцида, приходом нацизма и Холокостом.

В последнее время произошли сдвиги в общественном сознании; все большее число учителей-практиков осознают необходимость говорить на занятиях о Холокосте, изучать вместе со своими учениками истоки этой беспрецедентной трагедии. Это особенно актуально еще и в свете перехода на новые Федеральные государственные стандарты, где особый акцент ставится на уважительном отношении к истории и культуре других народов, воспитании гражданственности, патриотизма, национальной идентичности. Вот почему изучения Холокоста и геноцидов несет в себе мощный воспитательный потенциал. Вместе с тем, это требует от учителя не только особых человеческих качеств, но и профессионального владения современными образовательными методиками, в том числе и зарубежными¹; умения выстраивать педагогические дискурсы, осмысливая тему Холокоста целостно, с позиций истории, сохранения культуры памяти, мемориализации, в глубокой взаимосвязи с литературой, искусством, философией, а шире — культурой.

На наш взгляд, в образовательной практике школ и вузов складывается методология изучения истории Холокоста и геноцидов.

¹ О зарубежных методиках преподавания темы Холокоста и педагогических студиях см.: Семинар в Берлине. Отзыв участницы семинара О.В. Горских <http://www.holocaust.ru/news/?skip=220>; Горских О.В. Преподавание темы Холокоста: образовательные практики в международной школе Яд Вашем (Израиль) <http://www.youtube.com/watch?v=mozSqH8gHc> (дата обращения 20.05.2015 г.)

¹⁷ Konzentrationslager Dachau 1933 bis 1945. Text und Bilddokumente zur Ausstellung, mit CD, Barbara Distel (ed.), München, Dachau 2005, p. 43.

Обратимся к опыту преподавания темы Холокоста в сибирском регионе, обозначив основные методические аспекты в организации деятельности по сохранению исторической памяти о Холокосте.

Одно предварительное уточнение. На первый взгляд, преподавание темы Холокоста должно быть особенно близко жителям тех регионов, где происходили военные действия. Казалось бы, каким образом эти события могут найти отзвук в Сибири, не входившей в зону оккупации? Но ведь многие люди были эвакуированы, после войны спасители и спасенные жили практически во всех уголках России, в том числе на территории Томской области. Кроме того, биографии некоторых томичей самым непосредственным образом оказались связанными с освобождением лагерей смерти.

Изучение проблемы Холокоста в нашем регионе разворачивается в рамках развития этнокультурного образования в Томской области. На площадках сети Центров этнокультурного образования (сеть включает общеобразовательные учреждения, библиотеки, учреждения дополнительного образования, национально-культурные автономии) созданы проектно-творческие группы педагогов, которые в урочной и внеурочной деятельности организуют изучение темы Холокоста, координируют исследовательскую, розыскную работу учащихся.

Современные методические подходы к преподаванию Холокоста предполагают деятельностные формы и практики организации занятий. Так, новым проектным и методическим опытом для педагогов, школьников и студентов стало проведение в апреле 2012 года мероприятия «Эстафета памяти», инициированного Российским еврейским конгрессом, Центром «Холокост» и Проектом имен «Яд Вашем» (Израиль). Методика организации и подготовки данного события заслуживает внимания. Проект мотивировал учащихся и студентов включиться в работу по восстановлению имен погибших и спасенных во время Холокоста: они интервьюировали ветеранов, опрашивали своих родственников о событиях войны, разыскивали дневники и письма времен войны, взаимодействовали с региональными СМИ, областным советом ветеранов, еврейской общиной, разрабатывали сценарий мероприятия, согласовывали проведение события в Музее «Следственная тюрьма НКВД». Проектные работы учащихся представлялись затем на областном этапе

Конкурса «Память о Холокосте — путь к толерантности», а работа одного из студентов, повествующая о судьбе Курта Зоммера, семья которого за десять дней до начала войны была депортирована из Буковины в Сибирь, опубликована в сборнике работ «Мы не можем молчать. Школьники и студенты о Холокосте»². Отрадно, что такого рода образовательно-просветительские события не ограничиваются проведением мероприятия, а всегда имеют пролонгированный эффект. Так, на «Эстафете памяти» выступал майор в отставке, боец-разведчик, освободитель Освенцима (Аушвица) Л.В. Брандт. Именно тогда в своем интервью он впервые рассказал о своем участии в этой операции³. Спустя два года Леонтий Вениаминович был приглашен Центром «Холокост», Российским и Европейским еврейскими конгрессами на мероприятия, посвященные 70-летию освобождения Освенцима в Москве и Терезине, став одним из центральных героев в праздновании этой даты.

Другим методическим опытом, наглядно демонстрирующим, как изучение Холокоста экстраполируется на смежные темы по предотвращению экстремизма и геноцидов, является организация проектных online-Лабораторий. Заседание первой Лаборатории «Противодействие террору, национальному экстремизму и ксенофобии» прошло в феврале 2014 г. в рамках молодежного межрегионального дистанционного Форума с международным участием «Формирование гражданской и национальной идентичности в молодежной среде»⁴. Инициаторами встречи выступил ОГБУ «Региональный центр развития образования» (г. Томск) во взаимодействии с Центром «Холокост» при содействии Российского Клуба национальностей при Общественной палате РФ.

Консорциум региональных online-площадок представляли гг. Томск, Псков, Архангельск, Гродно (Республика Беларусь). В числе участников были методисты с большим опытом работы по теме. Псковскую область представляли Т.Б. Пасман, координатор образовательных программ Центра гражданского образования ПОИПКРО и М.Е. Жихаревич, заведующий Центром гражданского

² Мы не можем молчать. Школьники и студенты о Холокосте. Выпуск 10. М.: Центр и Фонд «Холокост», 2013. С. 31–35

³ <http://www.holocf.ru/pages/26>(дата обращения 20.05.2015 г.)

⁴ <http://www.tusur.ru/ru/faculties/gf/chairs/ks/news.html?path=2014/04.html> (дата обращения 19.05.2014 г.)

образования ПОИПКРО, а также школьники — участники проекта «Мы разные — в этом наше богатство, мы вместе — в этом наша сила». Они поделились методическим опытом организации проектной деятельности в регионе, направленной на предупреждение дискриминации по национальному признаку в молодежной среде, представили учебные пособия по противодействию ксенофобии.

Площадку г. Архангельска, а также деятельность Молодежного Центра при Центре «Холокост» представляла М. Гилева, студентка Северного (Арктического) Федерального Университета имени М.В. Ломоносова. Она рассказала о проекте Молодежного Центра «Мир, в котором я живу», основная идея которого заключается в формировании уважительного отношения к различным общественным группам, воспитании чувства гражданственности и ответственности. А это, по замыслу модераторов проекта, возможно осуществить, в том числе посредством обращения к истории Холокоста, изучению идеологии ненависти к этническим группам с целью предупреждения и профилактики национального экстремизма и ксенофобии.

Особый интерес участников Лаборатории вызвал опыт разворачивания проекта «Разнообразие культур: путь в будущее» под руководством И. Д. Поляковой, учителя гимназии №1 им. академика Е.Ф. Карского г. Гродно (Беларусь). Проект демонстрирует инновационную практику взаимодействия между образовательными учреждениями Беларуси, Литвы, Польши и России. Именно такие проекты способствуют противодействию ксенофобным настроениям, этнической нетерпимости и укрепляют ценности добрососедства, учат сотрудничеству не только на уровне школьного микро-социума, но и общества в целом.

Видеомост позволил не только территориально расширить пространство профессионального взаимодействия педагогов, школьников, студентов, представителей национально-культурных автономий, молодежных организаций, но и стал своего рода переговорной площадкой по вопросам изучения темы Холокоста и предупреждения этноэкстремизма. Участники Лаборатории активно интересовались прорывными проектами других регионов, направленными на межнациональную солидаризацию, предлагали свои решения по предупреждению ксенофобии через проведение серии просве-

дительских мероприятий, например, публичных лекций, тренингов, кино клубов, дискуссионных подиумов.

Отметим, что ранее дискуссионный подиум по вопросам преодоления ксенофобии и гармонизации межнациональных отношений организовывался на одной из площадок молодежного кросс-культурного Форума с международным участием «Этнокультурная мозаика» (г. Томск), его ведущим стал сопредседатель Центра «Холокост» И.А. Альтман⁵. Методика дискуссионного подиума включала подготовительный этап, в ходе которого составлялись вопросы, осуществлялось интервьюирование участников разных возрастных и социальных групп, создавался и монтировался видеоролик. Сценарий подиума разворачивался посредством обсуждения ответов респондентов, представленных в ролике. Пружинной темой, вокруг которой выстраивалась дискуссия, явилась проблема Холокоста. Предлагалось прокомментировать ситуацию: «Недавно юные участницы одной из новомодных телепередач на вопрос: «Что такое Холокост?» дают поражающий своей откровенностью ответ: «Это — клей для обоев». Как по-вашему, в чем опасность незнания молодыми людьми этих трагических страниц истории?».

Одна из участниц дискуссии перенесла эту тему на личную историю своей семьи, соотнесла с трагедией армянского геноцида в начале XX века: «До сих пор память об этом событии отдается болью в сердце каждого армянина».

Впоследствии тема геноцида армян стала изучаться в рамках занятий проектно-творческих групп. В Томской области проживает большая армянская диаспора, и практически каждой семье коснулась эта трагедия. В частности, рядом со мной работают две коллеги, армянки по происхождению, которые рассказывали трагические истории гибели и удивительного спасения их сородичей. В настоящее время мной ведутся переговоры по поводу записи видеосюжетов или написания воспоминаний с их старшими родственниками. Дело в том, что многие семьи, пережившие геноцид, внутренне не всегда готовы говорить об этом. Думается, что методы, приемы, опыт мемориализации, накопленные в процессе преподавания темы Холокоста, послужат обогащению методических практик по исследованию армянского геноцида. Первым шагом

⁵ <http://www.holocf.ru/news/788>(дата обращения 19.05.2015 г.)

в этом направлении стало издание пособия «История Холокоста на территории СССР» на армянском языке и совместный семинар педагогов России и Армении в г. Ереване, в ходе которого состоялся обмен методиками преподавания истории геноцидов⁶.

Исследовательской перспективой в изучении армянского и других геноцидов для томских педагогов стал сибирский дневник Арпеник Александян⁷, рассказывающий о выселении армян из Тбилиси и жизни спецпереселенцев в Томской области в 1949–1953 гг. Вместе с тем, в этом историческом источнике описываются сюжеты погромов и геноцида армян, оставивших след на психологическом облике народа.

Важным методическим аспектом преподавания темы Холокоста и геноцидов является организация занятий, в ходе которых происходит обращение к конкретным примерам текстов. Так, учащиеся анализировали применение манипулятивных технологий в создании образа врага в период геноцида армян и Холокоста на материале печатных изданий, плакатов, листовок, других агитационных материалов. Обучающиеся маркировали лексические особенности, синтаксис, метафорические конструкции, апеллирующие к эмоциям читателя, и, как следствие, обладающие большой воздействующей силой. Вот пример формирования негативного образа «чужого», нации-врага на страницах периодических изданий, выходивших на оккупированных территориях, только через заглавие статей: «Евреи — враги человечества» («Смоленский вестник», 26 ноября 1941 г.), «Жидо-большевизм не имеет право на существование» («Новый путь», г. Клинцы, 15 апреля 1943), «Как жида господствовали на Украине» («Дрогобычское слово» от 30 марта 1942 г.).

Надо сказать, что формирование образа «чужого» происходит, как правило, посредством имплицитных языковых средств, но при этом четко восстанавливаемое читателем из контекста. Особенно же нацистской пропаганды являлось абсолютно открытое экстремистское сообщение о «чужом». Например, «На земле не будет

⁶ <http://www.tusur.ru/faculties/gf/chairs/ks/news.html?path=2014/29.html> (дата обращения 15.05.2015 г.)

⁷ Александян А. Сибирский дневник: 1949–1954 гг. Ереван, Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2007. 408 с. Данная книга по просьбе сына А. Александян, Арутюна Марутяна, члена научного совета Музея-института Геноцида армян, была передана в школьный музей села Высокий Яр Бакчарского района.

светить солнце до тех пор, пока не умрет последний еврей. Гитлер освобождает мир от его еврейских мучителей»⁸. В данном случае используется открытая коммуникативная агрессия или иллокутивный акт призыва, т. е. обладающий определенной силой, имеющий целью выдвинуть заданную программу действий и побудить читателя к осуществлению данной программы.

Участники проектных групп систематизировали и анализировали (идея, жанр, цвет, пространство, динамика) так называемые семиотически осложненные тексты (плакаты, карикатуры и пр.) периода армянского геноцида и Холокоста. Рассматривали с точки зрения речевой структуры конкретные источники, в том числе зарубежные издания (1910–20-х гг.), титульные страницы газет и журналов которых отчетливо демонстрировали кровавые события в Армении. Интерес для юных исследователей представляли публикации, сообщающие о реакции армянской общественности на события Холокоста. Так, в ереванских газетах публиковались сведения о зверствах в отношении европейских евреев. В газете «Коммунист» (Ереван, 10 января 1942 г.) в статье «Зверское хозяйничанье немцев в Варшаве» сообщается: «Ежедневно от голода, холода и болезней умирает свыше 400 евреев. Индивидуальные похороны запрещены, и умершие в гетто сотнями сбрасываются в одну общую могилу. Страдания и отчаяние, царящие среди обитателей гетто, приводят к многочисленным случаям самоубийства. Евреи в варшавском гетто полностью лишены мыла и каких-либо дезинфицирующих средств. Около трех четвертей обитателей гетто больны. Жилищные условия ужасны — в одной комнате помещается часто по 40 человек. Евреям разрешается питаться только почти несъедобным черным хлебом, которого они получают по 50 граммов на человека в день».

Такого рода формы организации деятельности по углубленному изучению источников, как, например, сопоставительный анализ текстов разных типов и видов, относящихся к периоду геноцида армян и Холокоста, дает возможность погрузиться в эпоху, увидеть, как посредством манипулятивных технологий разворачива-

⁸ См.: Альтман И. А., Гербер А. Е., Полторац Д. И. История Холокоста на территории СССР. Учебное пособие. М.: Фонд «Холокост», 2001. С. 8.

лась геноцидальная политика, жертвами которой стали миллионы людей.

Таким образом, рассмотренные нами дискурсивные практики, позволяют говорить о сложившейся методике преподавания темы Холокоста, концептуальные основы которой целесообразно экстраполировать на изучение других геноцидов.

Беспрецедентность и универсальность Холокоста в контексте развития современных образовательных технологий в Российской Федерации

*Павел Петрович Щербинин
(Тамбов, Россия)*

Развитие современного образовательного пространства в Российской Федерации происходит в условиях перманентного реформирования и необъявленной турбулентности. Время от времени в педагогическое сообщество вбрасываются идеи или прямые директивные указания о важности изучения основ религиозной культуры, либо патриотического воспитания обучаемых. Данный подход отражает поиск фундаментальных основ и инноваций при формировании образовательного кластера в современной России.

В данных условиях важно опираться на опыт осмысления и изучения истории и трагедии Холокоста в мировой образовательной политике и практике. Беспрецедентность и универсальность Холокоста признается во многих государствах мира, а информированность и память об этой трагедии является одним из признаков развития системы образования и образовательных технологий в конкретной стране. Изучение Холокоста стало индикатором развития и уровня образованности, отражая общечеловеческие принципы и подходы теории и практики воспитания и образования в современном мире.

Преподавание истории Холокоста и его последствий развивается в образовательных учреждениях Российской Федерации волнообразно и не системно, отражая непростые реалии управления образованием и мировоззренческих традиций в отдельных регионах или конкретных образовательных учреждениях. Выдающаяся роль и научно-методический фундамент образовательных полей проблемы изучения Холокоста несомненно принадлежит Центру и Фонду «Холокост», опубликовавшего несколько десятков учебных пособий и статей, в том числе в издании Организации Объединенных Наций¹. Отметим грамотную образовательную стратегию проведения семи-

¹ См. Ilya Altman Holocaust Education in Russia Today: its Challenges and Achievements. In Holocaust. Discussion Papers. Volume II. NY, The Holocaust and United Nations Outreach Programme, New York 2013, pp. 117–128

наров, летних школ, конференций и других мероприятий, которые позволяют преподавателям, учителям, организаторам образования повышать свой теоретический уровень, а также обобщать и использовать методики исследовательской, научно-практической и методической работы в контексте изучения Холокоста.

Важнейшим направлением развития данной концепции должна стать ступень высшего профессионального образования². Основой ее источниковой и историографической базы могла стать библиотека Центра и фонда «Холокост», а также электронная база отечественных и зарубежных публикаций, которую необходимо разместить в сети Интернет. Для рационализации и теоретико-методологического наполнения образовательной концепции изучения и преподавания истории Холокоста предлагаются следующие направления:

1) создание сетевого ресурса центра Холокост региональных представителей с электронными версиями учебников, учебно-методических пособий, презентаций;

2) проведение ежегодной Интернет-конференции с видеотрансляцией докладов и методических разработок преподавателей университетов по теме Холокост;

3) организация конкурсов на разработку видео-лекций и опорных занятий для студентов высшей школы;

4) обобщение опыта преподавания темы Холокост при изучении и предотвращении геноцидов, этноконфессиональных конфликтов, ксенофобии и нацизма;

5) подготовка сборника научно-методических разработок по опыту преподавания темы Холокоста в регионах России;

6) организации курсов повышения квалификации профессорско-преподавательского состава университетов по обучению применения интегрированных подходов преподавания проблем Холокоста;

7) изучения опыта преподавания по теме Холокоста в университетах стран СНГ и дальнего зарубежья;

8) запись лучших уроков и внеклассных мероприятий и трансляция этой видеоинформации для региональных представителей фонда.

² Основные концепции отражены в кн.: Уроки Холокоста и нарушение прав в современной России: педагогический аспект. М., 2014.

Авторский опыт методической работы и координации образовательных и воспитательных практик преподавания в университетах темы Холокоста отражен в деятельности регионального представительства Центра и фонда Холокост в Тамбовском университете имени Г.Р. Державина. Его базовые компоненты состоят из семинаров для преподавателей университета, научно-исследовательской работы студентов, координации работы школьных преподавателей и методистов региональных управлений образования.

Кроме того, одним из стратегических направлений образовательных конструкций по изучению Холокоста могла бы стать работа по привлечению к исследованиям студентов колледжей и техникумов. Данные категории учащихся имеют большой потенциал и желание принимать участие в научной работе. Так, студенты Тамбовского областного медицинского колледжа более трех лет работают над проектом «Холокост и медицина».

В целом, можно констатировать успешную реализацию проекта по формированию научно-педагогического сообщества и мотивации преподавателей по трансляции знаний и опыта преподавания Холокоста в образовательной среде региона.

Концепция межрегиональных связей и сотрудничества вполне успешно отражена в деятельности Центра «Холокост» и представлена на сайте, однако личные, групповые и предметные контакты между региональными представителями имеют серьезную перспективу развития в современной России.

Преподавание темы Холокоста в контексте мемориализации

*Ноа Сигал
(Израиль)*

Представляя данную тему, нельзя не сказать несколько слов о Международной школе изучения и преподавания Холокоста, действующей в рамках мемориального комплекса Яд Вашем, а также об идее, истории создания и развития самого комплекса.

Идея эта зародилась задолго до окончания войны, в 1942 г. и автором ее был человек по имени Мордехай Шенхави, живший в подмандатной Палестине в кибуце Хефциба, в Изреэльской долине. Впоследствии сам Шенхави рассказывал, что толчком к этой идее был его сон, в котором миллион евреев шли вереницей с надгробными памятниками на плечах, а затем строили из этих памятников гигантский мемориал. Шенхави счел этот сон пророческим, согласно его замыслу, задача мемориала заключалась в том, чтобы поименно увековечить память о тех, кого лишили не только жизни, но и могилы, и имени. Уже тогда он замыслил «Павильон исчезнувших» — прообраз нынешнего Зала Имен, «где будут собраны имена всех евреев, замученных и убитых в разных странах в ходе текущей войны и германских бесчинств. Следует (также) включить имена всех еврейских солдат, боровшихся в этой войне».

Уже в 1945 г. в Лондоне первая послевоенная конференция сионистов постановила: соорудить в Палестине мемориал погибшей диаспоре «Яд Вашем». Не случайно было выбрано и название для будущего комплекса «Яд Вашем» — память и имя: «...им дам Я в доме Моем и в стенах Моих память и имя, которые не изгладятся вовеки...» (Исайя, 56:5).

19 августа 1953 г. в торжественной обстановке Кнессет Государства Израиль принял закон об учреждении Яд Вашем. 28 августа закон был опубликован.

С момента основания Яд Вашем стал национальным институтом. Закон от 15 августа 1953 г. определяет основные направления деятельности Яд Вашем. Среди них: сбор имен и свидетельств Шоа и героизма, исследовательская и издательская деятельность, изучение и понимание уроков прошлого.

Концепция мемориала не является чем-то раз и навсегда утвержденным, она развивается и меняется в соответствии с требованиями времени.

Здесь следует отметить, что вплоть до начала 60-х годов тема Шоа не преподавалась в израильских школах и память о тех событиях носила весьма политизированный характер.

Дидактический подход к вопросу о преподавании Шоа стал развиваться в 60-е годы, основной спор касался возможности преподавания этой темы, как еще одного исторического события. В 1967 году первая группа израильских школьников посетила Польшу и места массового уничтожения, что тоже повлияло на представление о том, где и как происходила трагедия. Только в 1980 году, вышел закон об обязательном преподавании темы Холокоста в старших классах на протяжении 30 учебных часов.

Таким образом, упорядоченное преподавание этой темы на уроках истории, происходит на протяжении лишь 30 последних лет, и, параллельно формальному образованию, эта тема затрагивается в Дни памяти евреев-жертв нацизма и героев Сопротивления, а также в программах поездок школьников в Польшу.

И здесь следует отметить ту важнейшую роль, которую играет в образовательном процессе мемориал Яд Вашем. Еще в романтическом замысле Мордехая Шенхави в комплексе был предусмотрен учебный и студенческий центр. В 70-е годы, на втором этапе развития мемориала, одним из ключевых направлений деятельности комплекса стала разработка концепции преподавания истории Холокоста и подготовка преподавательского состава.

При Яд Вашем была открыта Международная школа изучения и преподавания истории Холокоста. Здесь ежедневно проводятся лекции, консультации и семинары, в которых принимают участие десятки тысяч человек (старшеклассники, студенты, военнослужащие и другие). В декабре 1999 г. было открыто специально построенное для Школы здание, а в 2013 оно было значительно расширено.

Но Школа не только разрабатывает материалы для учебных программ израильских школ.

Для того, чтобы наиболее глубоким и разносторонним образом осветить проблемы преподавания темы, Международная школа, в соответствии со своим названием, проводит международные семи-

нары для преподавателей школ и высших учебных заведений. За 16 лет работы Школы семинары окончили несколько тысяч учителей из разных стран.

Я имею честь работать в Европейском отделе школы, где ежегодно проводится более 50-ти семинаров в год для педагогов из стран Европы. Наш отдел отвечает за работу с учителями из стран бывшего Советского Союза — России, Украины, Беларуси, Литвы, Латвии и Эстонии.

Я хочу сказать несколько слов о специфике нашей работы — как об общем педагогическом подходе Яд Вашем, так и об особенностях работы моего «постсоветского» отдела.

Общими направлениями нашей работы являются:

— Подготовка преподавателей

— Разработка педагогического подхода и развитие учебных программ и пособий — Инициатива проектов и образовательных программ.

Что касается педагогической концепции, то она развивается в соответствии с теми вопросами и спорами, которые в Израиле беспрерывно идут вокруг темы увековечения памяти и, собственно, концепции мемориала Яд Вашем в целом. Что для нас важнее — хронология или тематика? Коллективная или личностная память? Через какую призму будет рассказываться история? С чего начинать рассказ? Что важнее — фактическая или эмоциональная сторона истории? Правмерно ли рассматривать историю только глазами жертв?

У семинаров, проводимых конкретно моим подразделением, есть свои особенности — дело в том, что преподавание темы Холокоста советского еврейства начала разрабатываться в Яд Вашем практически на моих глазах — с конца 90-х годов. В те годы, когда писались основные израильские учебники, исторической информации о происшедшем на Советских территориях попросту не было. Вплоть до начала перестройки советские архивы были закрыты для израильских и западных историков и тема, как таковая, не существовала.

Такие авторитетные историки, как Израэль Гутман и Хаим Шацкер, на конференциях происходивших в 70–80-е годы, подчеркивали тот факт, что для научных выводов нет достаточной исторической информации о происшедшем на оккупированных территориях

СССР. Как хорошо известно, то, что не изучено исторически, не имеет шансов попасть в школьные учебники.

Методика преподавания темы Холокоста на территориях бывшего СССР развивалась параллельно с новыми исследованиями в этой области, значительный вклад в которые внес бывший директор Яд Вашем и бывший советский партизан д-р Ицхак Арад.¹

Здесь важно отметить, что работая с преподавателями с постсоветского пространства, нам необходимо было учитывать иную специфику восприятия — невозможно говорить о Холокосте советского еврейства, не учитывая, как исторический контекст, события Великой Отечественной войны, под каким бы углом зрения мы их не рассматривали (понятно, что восприятие этих событий будет разным у участников, допустим, из Белоруссии и из стран Балтии).

Поэтому, работая с этой аудиторией, мы прежде всего стараемся опираться на универсальные аспекты событий Шоа и на богатейший местный материал, благо это сейчас позволяют современные исследования.

Эту специфику мы учитывали, как при разработке новых учебных пособий, так и при переводе и адаптации уже существующих. Например, переведенный на русский язык учебник Израэля Гутмана и Наамы Галиль «Катастрофа и память о ней» был дополнен главами и иллюстративным материалом об истории и особенностях советского еврейства до, во время и после Шоа; материалами о политике Кремля до и после войны, еврейском сопротивлении на советских территориях, об истории создания и гибели Еврейского Антифашистского комитета, «Черной книге», выдающихся представителях советского еврейства, Праведниках народов мира на территории СССР. Книга дополнена соответствующим иллюстративным материалом, включающим в себя, как вновь обнаруженные документы и фотографии, так и литературные фрагменты, касающиеся судеб советского еврейства.

При переводе другого пособия «Альбом Аушвиц» мы не могли пройти мимо факта освобождения Аушвица советскими войсками и добавили в пособие соответствующую главу — и это не только тео-

¹ См. Арад Ицхак. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945). — Д.: Центр «Ткума»; Д.: ЧП «Лири ЛТД»; М.: Центр «Холокост», 2007. — 816 с.

ретический материал, но и воспоминания советских солдат и офицеров, приведенные параллельно с воспоминаниями узников. Это обогатило книгу не только фактическим, но и методическим материалом, позволив сравнить снимки, сделанные немецкими фотографами в Аушвице в пропагандистских целях, с той ужасающей реальностью, которая предстала перед глазами освободителей.

Но самым важным аспектом нашего опыта преподавания мы считаем тот факт, что мы видим его результаты в активной работе наших выпускников на местном материале. К счастью, мы уже прошли тот этап, когда значительная часть презентаций работ участников представляла собой стандартный набор найденных в Интернете знаковых фотографий, сделанных в нацистской Германии, Варшавском гетто, Аушвице и т. д. в сопровождении дежурной цитаты из «Варварства» Мусы Джалиля (при том, что Муса Джалиль прекрасный поэт).

Сейчас мы каждый год получаем интереснейшие проекты, построенные на аутентичном, краеведческом материале. И раз уж я заговорила об учебных пособиях, нельзя не рассказать еще об одном из них, также переведенном и адаптированном. Это пособие называется «Транспорт» и основано оно на сопоставлении двух документов: отчета о депортации евреев из Дюссельдорфа в Ригу, составленном начальником транспорта, офицером полиции Паулем Салитером и дневника молодой женщины, немецкой еврейки Хильды Шерман, которая находилась внутри этого транспорта. В первом варианте пособия на английском языке затрагивались в основном проблемы нравственного характера (первое его название — «Как человек оказался на такое способен»). Затем оно было переведено на немецкий язык уже под названием «Транспорт». Нас оно заинтересовало в числе прочих причин еще и потому, что финальной точкой прибытия была Рига — точнее, Рижское гетто, куда попала Хильда и концлагерь Саласпилс, где спустя несколько месяцев погиб ее муж Курт. Это позволяло дополнительно рассказать о специфике геттоизации на советских территориях, добавить подробности о существовании там так называемых «внутренних» гетто для немецких евреев (подобное гетто, под названием «гамбургское» существовало, например, в Минске). Кроме того, еще в ходе работы над немецким вариантом наши коллеги (кстати, тоже через своих выпускников) нашли интереснейшие подроб-

ности о дальнейшей карьере Пауля Салитера. Обнаружилось, что в послевоенные годы, уверяя комиссию по денацификации в своей непричастности к массовым убийствам (он ведь всего-навсего служил в охранной полиции!), Салитер лгал. После возвращения из Риги, в марте 1942 года его направляют в «заграничную командировку» на Украину в город Староконстантинов. В его обязанности входило наблюдение и контроль над работой местного подразделения украинской вспомогательной полиции (немцы называли их «шущманшафты»).

Главной задачей подчиненного Салитеру батальона была охрана различных объектов на железной дороге. Известно также, что батальон принимал участие, как минимум, в одной акции массового расстрела в качестве живого ограждения. Даже, если Салитер лично и не участвовал в расстреле, именно вверенное ему подразделение обеспечило организацию, охрану и возможность практического осуществления массовой казни.

Разумеется, мы перевели материал, полученный от немецких коллег, но помимо этого, сочли нужным добавить в наш вариант пособия главу о городе Староконстантинове и судьбе его еврейства — в сборе материала нам очень помогли выпускники с Украины.

Кстати, в ходе работы над материалом о Староконстантинове в архиве Яд Вашем была обнаружена фотография памятника евреям города, сооруженном в 1948–49 годах на средства выживших родственников погибших. Это один из немногих советских памятников того времени, надпись на котором сделана на языке идиш.

И, наконец, когда мы представляли пилотный вариант пособия группе учителей из Латвии, после практикума к нам подошла учительница из рижской школы Ирина Анзулевич и сказала, что две ее выпускницы пишут работу по истории товарной станции Шкиротава — той самой, на которую прибыл транспорт из Дюссельдорфа. Школьницы изначально собирались писать только о довоенных и послевоенных депортациях латышей в Сибирь после установления Советской власти в Латвии, но в ходе работы над архивными материалами обнаружили еще одну, далеко не всем известную трагическую страницу в истории этого места. И глава из этой исследовательской работы двух рижских старшеклассниц стала органичной частью нашего пособия.

Я хотела бы привести еще два примера работ наших выпускников — они лучше всего иллюстрируют и наполняют смыслом труднопроизносимое слово «Мемориализация». Учительница истории из маленького российского города Сураж Лилия Скок преподает в школе, на стене старого корпуса которой установлена табличка с надписью: «В 1941–1943 гг. в этом здании и на его территории фашистские палачи зверски замучили и расстреляли 900 советских граждан». Сразу после освобождения Суража от фашистов специально созданная комиссия вскрыла несколько ям и траншей возле тюрьмы и обнаружила 900 трупов. Сураж — один из российских городов, который в свое время входил в черту оседлости, и Лилия со своими учениками решила узнать, кем были эти безымянные советские граждане, памятник которым находится на территории школы. В ходе исследования школьники опросили немногих оставшихся в живых свидетелей, определили место, где находилось гетто, узнали интереснейшие подробности о еврейской истории Суража, о трагедии и героизме своих еврейских сограждан в годы войны. Работа была дополнена Листами свидетельских показаний из Зала Имен Яд Вашем и размещена на сайте Яд Вашем.

И еще один пример того, как работают наши выпускники. На украинской страничке нашего сайта размещен рассказ о Музее памяти жертв Холокоста Хмельницкой области. Куратором культурно-просветительской работы в этом музее работает наша выпускница Надежда Уфимцева. Разумеется, этот скромный провинциальный музей нельзя сравнивать с мемориалом Яд Вашем, но в его структуре, в подборе экспонатов мы видим то, к чему стремились и продолжают стремиться все, кто так или иначе занимается проблемами памяти о Шоа.

Концепция музея и главное правило, которым руководствовались его создатели при подборе материалов, заключается в следующем: «Холокост произошел не только в Германии или Польше, это случилось у нас, в нашем городе, на соседней улице».

Вот только один из экспонатов — кружевная скатерть, которую в 1942 году связала крючком для невесты своего брата еврейская девушка Ида Мардер. Связала она ее уже находясь в гетто и, незадолго до гибели, успела передать подарок с сопроводительной надписью: «На долгую и добрую память родной и любимой Марусеньке

от Иды. 8/6/1942. В тяжелые дни. Проскурров». Не очень любимое мной слово «мемориализация» — это не только памятники разной степени пышности и ежегодные церемонии разной степени рутинности. Лично мне кажется, что при всей важности и необходимости ежегодных ритуалов, вот это простодушное «на долгую и добрую память» гораздо больше скажет современному школьнику об истории и трагедии тех, кто когда-то жил на этой земле. Это именно то, что мы называем «очеловечиванием истории» и то, о чем когда-то сказал Абель Герцберг: «Во время Холокоста не были уничтожены шесть миллионов евреев, а произошло шесть миллионов убийств и каждый раз погибал один человек».

Когда изучение истории Холокоста — закон: опыт штата Нью-Джерси

Игорь Котлер
(Ньюарк, США)

Америка — страна традиционной иммиграции, в которую с момента ее основания прибывают люди со всех концов света. Это страна, в которой до сих пор с горечью говорят о рабстве и о войнах с индейцами. Преподаватели и многие мыслящие люди боятся балканизации Америки, так как в этой стране, наряду с английским, который, кстати, не является официальным языком, функционируют сотни языков и существуют места, в которых испанский превалирует над английским, или, по крайней мере, на нем говорит значительная часть населения. Это страна, в которой живут представители всех рас и религий, где существуют кварталы этнические, кварталы людей, связанных по религии, кварталы, где люди объединены расовыми признаками, и где 40 миллионов ее жителей из 313 миллионов населения родились за границей.¹

В этой стране преподавание истории Холокоста и геноцида ставится на очень высокий уровень. В нескольких штатах, таких, как Флорида, Нью-Джерси, Иллинойс, Калифорния и Нью-Йорк приняты законы об обязательном преподавании темы Холокоста и геноцида учащимся начальных и средних школ.² Это делается для того, чтобы школьники узнали историю не только своей страны, но и мира, и поняли, как страшно, когда один человек полностью попадает в руки другого человека, ненавистника, подчас, жесточайшего убийцы. Американскую молодежь знакомят с тем, что происходило в ближних и дальних странах; как случалось, что один сосед пошел на соседа, как люди поднимали руки на детей, женщин, и в принципе, на беззащитное население, что приводило к массовым расстрелам, уничтожению в газовых камерах и сжиганию в крематориях. Пре-

¹ Данные о численности иммигрантов в США за 2013 год (доступно: <http://cis.org/immigrant-population-record-2013>).

² Доклад международной организации по сотрудничеству в увековечивании и изучении Холокоста о преподавании темы Холокоста в США (доступно: <http://www.holocausttaskforce.org/education/holocaust-education-reports/unitedstates-holocaust-education-report.html>)

подавание темы Холокоста и геноцида молодежи помогает Америке предотвратить на своей земле кровавые бесчинства, столь часто повторявшиеся, и, к сожалению, повторяемые в истории человечества по сей день.

Толерантность стала одной из основных, фундаментальных, концепций образования в Соединенных Штатах, иначе страна погрязла бы в расовых конфликтах, которые до сих пор иногда происходят на ее широтах. Одним из основных элементов этой концепции является преподавание истории Холокоста, а штат Нью-Джерси стал одним из пионеров в применении этой концепции на практике.

Штат Нью-Джерси — это самый густонаселенный и один из самых многонациональных штатов США, по результатам переписи населения 2010 года здесь проживают 8,8 миллиона жителей, говорящих более чем 130 языках и имеющих различное расовое, этническое, религиозное и культурное происхождение.³ Именно в Нью-Джерси более тридцати лет назад была разработана первая программа преподавания темы Холокоста для учащихся средних школ.

В 1982 году губернатор штата Нью-Джерси Томас Кин учредил консультационный совет по вопросам преподавания Холокоста в средних школах, который, в свою очередь, принял решение о том, что все школы штата должны включить тему Холокоста в программу обучения. Как отметил исполнительный директор комиссии с 1982 года Пол Винклер: «Между 1982 и 1990 годами, многие школы и отдельные лица были вовлечены в преподавание темы Холокоста, но часто их имена были Гольдберг, Гринберг и Коган. Скоро стало очевидно, что многие педагоги воспринимают Холокост как исключительно еврейскую проблему, а преподавание темы Холокоста как очередную еврейскую школьную программу для еврейских учеников, составленную еврейскими преподавателями».⁴

Конечно, это очень далеко от истины. Выдающийся ученый в области Холокоста, доктор Франклин Литтелл, пастор Методистской церкви, в своей статье «Почему мы преподаем тему Холокоста»,

³ По данным о переписи населения штата Нью-Джерси (доступно: <http://quickfacts.census.gov/qfd/states/34000.html> и http://www.mla.org/cgi-shl/docstudio/docs.pl?map_data_results)

⁴ Winkler, Paul, McLoughlin, Maryann. *Teaching the Unspeakable: The New Jersey Story of Holocaust & Genocide Education*. Second Edition. Mangate, New Jersey: Qomteq Publishing, pp. 26, 70.

пишет: «Холокост — это не исключительно еврейская проблема. У христианина есть свои причины противостоять Холокосту, поскольку эти чудовищные преступления были совершены крещеными христианами. За небольшим исключением, церковные лидеры предали доверие, оказанное им. Так называемые «христианские государства» путем сопричастности или безразличия, обесчестили религию, которую они исповедовали». Доктор Литтелл отмечает: «Мы преподаем уроки по теме Холокоста, потому что он, более чем любое другое событие в европейской истории, ведет к тотальному уничтожению, если уроки не усвоены вовремя».⁵

В 1990 году преемник Томаса Кина, губернатор Джим Флорио и законодательный орган штата, представленный Генеральной Ассамблеей и Сенатом штата, распустили консультационный совет по вопросам преподавания Холокоста. Вместо него они приняли законопроект о создании комиссии по преподаванию темы Холокоста штата Нью-Джерси, постоянного подразделения при правительстве штата, которое будет заниматься развитием обучения теме Холокоста и геноцида. В итоге многолетней предварительной работы 10 марта 1994 года штат Нью-Джерси принял закон об обязательном преподавании темы Холокоста, цель которого сформулирована в самом тексте закона:

«Преподавание должно позволять учащимся различать и анализировать практические теории в изучении человеческой природы и поведения; понимать, что геноцид — это последствие предубеждения и дискриминации; и что вопросы морали и совести оказывают большое влияние на жизнь. Преподавание должно подчеркивать личную ответственность, которую несет каждый гражданин, в борьбе с расизмом и ненавистью, где бы это не происходило».⁶

В состав комиссии вошли ученые и преподаватели, общественные деятели и активисты, а также раввины и несколько переживших Холокост. В 1991 году был предложен сопровождающий законопроект по созданию из университета Ратгерса центра по изучению Холокоста штата Нью-Джерси. Однако, члены исполнительного комитета встретились с губернатором и предоставили убедительные доводы

⁵ Цит. по Франклину Литтеллу «Почему мы преподаем Холокост».

⁶ Полный текст законопроекта доступен: http://www.state.nj.us/education/holocaust/about_us/mandate.html

в пользу того, что признание одного центра не было в интересах штата. В Нью-Джерси уже действовало несколько центров по изучению Холокоста, которые также проводили обучение. Было решено, что вместо одного центра должна быть организована целая система центров с целью проведения обучения и программ для более широкого изучения Холокоста и геноцида. Это решение сыграло решающую роль в становлении штата Нью-Джерси лидером в преподавании темы Холокоста.

В начале своей работы Комиссия столкнулась с полной неосведомленностью публики, включая учащихся и преподавателей средних школ, в вопросах Холокоста. Традиционно, отношение к Холокосту в средней школе было, в лучшем случае, поверхностным, несмотря на то, что это событие привело к массовому уничтожению миллионов людей. В 70-х годах XX века доктор Гленн Пейт, профессор университета Аризоны, выяснил, что из 47 самых популярных учебников по истории в Америке, по которым в то время велось преподавание в школах, в 27 не было абсолютно никакого упоминания о Холокосте или геноциде. Только в пяти из них объяснялось значение этих терминов и ни в одном из учебников оба эти термина не употреблялись одновременно, ни в одном учебнике эти термины не были внесены в алфавитные указатели и в среднем на эти темы выделялось лишь по пять предложений. Доктор Пейт провел дополнительные исследования в 80-х и в начале 90-х годов. Он не обнаружил значительного изменения в учебниках, которые исследовал, несмотря на внимание, которое уделялось Холокосту, геноциду и другим проблемам, связанным с правами человека за предшествующие годы.⁷

В 1991 году члены комиссии окончательно определили свою миссию, структуру и порядок работы. Основной миссией комиссии по преподаванию темы Холокоста штата Нью-Джерси является развитие преподавания истории Холокоста в штате. На долговременной основе у комиссии существуют следующие обязанности: исследование статуса преподавания темы Холокоста; разработка, поддержка и развитие преподавания темы Холокоста и геноцида; проведение образовательных программ в Нью-Джерси; координация специальных мероприятий, направленных на меморализацию Холокоста.

⁷ Pate, Glenn. «The Holocaust in American Textbooks.» In *The Treatment of the Holocaust in Textbooks*. New York: Columbia University Press, 1987, pp. 231–233.

Комиссия предоставляет помощь и консультации частным и государственным школам, члены комиссии встречаются с работниками школьных округов и учителями местных школ, а также представителями общественных и государственных организаций для помощи в планировании программ обучения, связанных с Холокостом. Для осуществления своей миссии, комиссией были организованы комитеты по программам обучения, по связям с общественностью и программам просвещения, по оценке программ, «Поколения «Шоа» (Холокоста), и др. Комиссия курирует следующие уникальные программы:

- Опека над пережившим Холокост
- Записи рассказов переживших в качестве свидетеля
- Выпускной бал переживших Холокост
- Программа получения образовательных сертификатов пережившими Холокост
- Торжественные обеды
- Антологии переживших Холокост
- Портреты переживших Холокост
- Программы бар- и бат-мицвы для переживших Холокост
- Чемоданы переживших Холокост
- Компьютерное обучение переживших Холокост

Это лишь некоторые программы, в которых за эти годы участвовали учащиеся и пережившие Холокост.

За последние годы диапазон работы комиссии расширился. Созданы и проведены следующие программы: учебный курс по 9/11, армянский геноцид, геноцид в Камбодже, Дарфур, голодомор на Украине, греческие острова во время Холокоста, наследие Гитлера, голод в Ирландии, итальянцы и Холокост, нанкинская резня, коренные американцы (индейцы), Руанда, рабство и геноцид. В стадии разработки находится тематический учебный план.

Тема Холокоста продолжает быть центральной, но также появился интерес к общей теме геноцида. Этот интерес совпадает с тенденцией в изучении преподавания истории Холокоста и геноцида в США. Многие музеи, посвященные истории Холокоста, включают в свою программу выставки, встречи, лекции, посвященные историческим событиям, связанным с геноцидом. Такое развитие

отразилось и на составе комиссии штата Нью-Джерси: в ее состав был введен житель Дарфура, Абдельбаги Абушанаб, спасшийся от геноцида в Судане.

За последнее время в дискуссиях комиссии часто обсуждается проблема современного рабства, вывоза женщин за границу. Вообще, вывозу людей за границу, продаже их в рабство обычное и сексуальное, в комиссии уделяется возрастающее внимание, что связано, во многом, с тем, что проблема сексуального рабства существует и в Америке. Другой пример: в этом году в комиссии обсуждается столетие армянского геноцида, и все это идет с упором на вопрос о правах человека, так как, естественно, проблема геноцида напрямую сопряжена с проблемой соблюдения, или несоблюдения, прав человека.

Возглавляемый мною Музей прав человека, свободы и толерантности, входящий в состав центров, курируемых комиссией, в 2013 году провел семинар в Блумфилдском школьном округе для учителей, преподающих тему Холокоста и геноцида. В семинаре мы затронули разные аспекты по интересующей нас тематике и прочитали две лекции: одну о Холокосте и вторую об армянском геноциде. Во время подготовки нашей программы, во время ее проведения и во время обсуждения результатов, мы еще раз убедились, какое серьезное значение преподаватели придают теме Холокоста, как инструмента воспитания толерантности среди учащихся. И это понятно: расовый состав средней школы Блумфилд включает 30% белых, 30% черных, 30% испаноязычных и 10% — азиаты. Кстати, еврейских учеников в школе очень незначительное количество, что еще раз показывает, что тема Холокоста давно стала общеамериканской.

Американских школьников знакомят с концепцией сохранения памяти и осмысления исторических событий в практическом приложении. Это то, о чем написал лауреат Нобелевской премии по литературе Эли Визель, сам переживший Холокост: «Сохранение памяти — это выражение благородства, не допускающего мужчин и женщин к проявлению равнодушия, доходящего до зла, если не от самого зла... поскольку когда война и геноцид развязывают руки ненависти, направленной против одного или нескольких народов, в итоге все оказываются охвачены огнем... Возможно, мы никогда не сможем

понять, чем был Холокост, тем не менее, это не должно освобождать нас от моральной ответственности продолжать задавать вопросы».⁸

В последнее время в США появилась новая тенденция употребления слова «acceptance» (принятие) вместо «tolerance» (толерантность), подразумевая то, что американцы не «терпят» друг друга, а «принимают». Вместе с этим, в Соединенных Штатах идея «melting pot», плавильного котла, превращается в теорию «салата». «Салат» живет одной жизнью, в то время, как каждый его компонент имеет право на определенную индивидуальность.

В заключение, следует отметить еще раз, что комиссия является государственным учреждением штата Нью-Джерси, который выделяет средства на ее содержание. Штат Нью-Джерси создал эту комиссию для того, чтобы осуществлять закон об образовании в области Холокоста и геноцида и результаты воплощения этой идеи очевидны. Большое количество школьников и студентов колледжей знакомятся с этой трагической страницей истории человечества, что помогает вырастить людей толерантных, уважающих других, вне зависимости от их цвета кожи, религии, национальности и всех остальных особенностей.

Holocaust Education in Catalonia

Marta Simo, Jordi Algue
(Barcelona, Spain)

Historical background

In order to analyze the current situation of Teaching and Learning about the Holocaust in Spain it is necessary to understand how it has developed and what main features of it should be taken into account.

First, what was the role played by Spain during the Holocaust and how does this affect the country today?

During the Nazi period (1933–45), Spain went through dramatic political, social, and economic changes. It went from being a Leftist Republic in 1936, through Civil War from 1936–39, and ended up as a Fascist Dictatorship that lasted almost forty years from 1939–75.

In all those convulsive years from 1936 to 1945, according to the traditional approach to studying the Holocaust, different actors appeared on the scene: victims, perpetrators, bystanders, collaborators, and rescuers, but memory of them declined and they were forgotten once the Cold War began.

Franco managed to create the idea of Spain as a neutral country without any relation to the Holocaust. This strategy allows the Holocaust to be seen to have occurred only because of World War II, completely apart from Spanish History and any spark of anti-Semitism in Spain. Although many new academic publications have appeared in recent years, this idea still persists.¹

In contrast to other dictators, Franco was the only winner, because he died in bed. His ability to rechannel Spanish anti-Semitism into mere anti-Communism, with particular reference to Spanish participation on the Eastern Front with the Blue Division, allowed Franco to survive in the framework of the Cold War without being condemned.

⁸ Из письма Эли Визеля мемориальному музею Холокоста 27 сентября 1979 года (доступно: <http://www.ushmm.org/information/about-the-museum/presidents-commission/cover-letter>).

¹ See for example, Bernd Rother: *Franco y el Holocausto*, Madrid, 2005; Manuel Ros Agudo: *La Guerra secreta de Franco*, Barcelona, 2002; Christian Leitz: *Sympathy for the Devil. Neutral Europe and Nazi Germany in World War II*, New York, 2001, **Wayne H. Bowen**. *Spaniards and Nazi Germany: Collaboration in the New Order*. Columbia and London: University of Missouri Press, 2000. among many others.

On the other hand, the role played by National Catholicism as the unique educational institution for many years in Spain, was instrumental in the persistence of anti-Semitic ideas. Moreover, the situation of the small number of Jews in Spain during this period, that forced them to remain unnoticed, silent, or even to convert, did not help in the recovery of Holocaust memory.²

Later on, during the Spanish Transition period, historical memory was based on the Pact of Forgetting.³ That meant there would be no confrontations based on memory between the winners and losers, no discussion of the pro-Nazi past of Franco's regime, and not acknowledging the fate of around 9,300 Spanish political prisoners in the Nazi concentration camps. And in terms of Jewish Memory: no link with the Spanish Civil War and the participation of Jews in the International Brigades, no mention of Cross Memories in French concentration camps like Gurs or Rivesaltes, and no memory of Spanish Jews assassinated in extermination camps.

This period could be typified by its oblivion, but with one exception, the role played by Amical Mauthausen as the only institution to hold a part of this memory based on deportation and concentration camps, but not focused on the destruction of European Jewry.

A small change occurred in 1986 when Spain joined the European Union. The need to belong to the European Community pushed political institutions to approach European History and European Collective Memory. Another important factor was the establishing of formal relations with Israel.

Finally, some important recent facts. The decision on December 10, 2004, to establish January 27 as the official Holocaust Remembrance Day. The Historical Memory Law of 2007, with a specific interest in the recovery of republican memory and memory sites. And becoming member of IHRA (International Holocaust Remembrance Alliance before Task Force) in 2008. Since then, and for the first time, teaching about the Holocaust using a multi-disciplinary approach was introduced into the Spanish educational system.

² See for example: Sontheimer D. *Las siete cajas*. 2014

³ For this concept see Omar G. Encarnación: *Democracy without Justice in Spain: the politics of forgetting*. Pennsylvania Studies in Human Rights Series. Philadelphia University Press, 2014.

But, despite all this progress, the situation today is that there remains a non-continuous line between what policy makers want, what academics and researchers deal with, what resources teachers have, and what expectations and attitudes students express concerning the Holocaust.

That means:

1. Teachers are still not well trained and end up explaining the Holocaust through a film or novel, simplifying the facts, not relating Nazi ideology to anti-Semitism, showing the Holocaust as very much focused in Western nations and centralized in concentration camps which are sometimes confused with extermination camps, and with there being a very small presence of the Holocaust in Eastern Europe. And on top of all this, a lack of pedagogical tools and materials in Catalan or Spanish.

2. Students still have very superficial knowledge of all aspects of the Holocaust: Jewish culture and identity, anti-Semitism, racial policies, the role play by each government in Europe as well as very basic tools to act against racism, xenophobia and the lack of respect for diversity.

Moreover,

1. We are facing new anti-Semitism camouflaged as anti-Zionism mainly by leftists groups that trivialize the Holocaust and compare it to the Israel — Palestinian Conflict.

2. Also the emergence of new forms of neo-Nazism, shaped out of racism and xenophobia and the banalization of the Holocaust used in political spheres and discourse.

New initiatives. Educational and didactic approaches. Formal and Non-formal Education

Formal Education

Because of all the facts mentioned above, three years ago a group of teachers, researchers, and civil servants founded a working group to deal with teaching about Exile, Deportation, and the Holocaust under the umbrella of the Educational Department and the «Memorial Democratic» of the Catalan Government. Among other activities, they are responsible for organizing the International Day of Commemoration of the Victims of the Holocaust for Students in Secondary School (age 14–17),

following the proposals of the Holocaust and the United Nations outreach programme,⁴ and the Holocaust Memorial Day Trust (HMDT) from the UK.⁵

Each year with material researched and created for the day, a different pedagogical tool is prepared to help teachers and students to learn and teach about the Holocaust, trying as much as possible to use real-life stories linked to our local history. In 2014, the theme chosen for the International Day was «Journeys». The idea was to learn how journeys themselves became a part of genocide, and how the journeys undertaken were often experiences of persecution and terror for so many people who suffered in the Holocaust and under Nazi persecution. We chose eight different real life stories. From those, we took two to elaborate a video that we will be showing at the end of this presentation.

The reasons for choosing these two stories were:

1. The possibility of obtaining original and personal documents, since we know some of their descendants;
2. They were cross memories allowing us to go through the whole period of the Holocaust (from 1933 to 1945) in Europe, and through the entire Spanish history of Civil War, Exile, and Deportation.
3. To explore both totalitarianisms: Nazism and Francoism. What it meant to be a perpetrator, collaborator, or bystander, and what level of responsibility for and commitment to such ideology they possessed.
4. Finally, to build a bridge to the present day through ethical judgment based on democratic and universal values and practices in order to become supportive and respectful of others and recognize the signs of new genocides.

Non-formal education

Moreover, we intend not only to focus on formal education as the sole way to teach and learn about the Holocaust, but on non-formal education also to raise awareness of this issue. It is crucial to reach not only Educators and Students but also Civil Society and Mass Media. With this aim, last April, for the first time in Catalonia and Spain, we installed five

Stolpersteine,⁶ to commemorate the fate of five Republicans prisoners in Mauthausen. This is the project carried out by Gunter Demnig in twenty countries with more than 50 000 stones. This initiative was possible thanks to a project called «Breaking Silence» carried out by the local government of Navàs (a small town near Barcelona) to recover local historical memory. A memory that still requires governmental recognition and the opportunity for the families to freely mourn their victims.

We believe this can help to overcome differences between the memory of Republicans and Jewish victims. To know the role played by each subject, its circumstances, and the policy that underlay their fate will allow us not to trivialize, not to dilute, but to accept the uniqueness and universality of the Holocaust and therefore to commemorate the memory of each victim.

Conclusions

Teaching and learning about the Holocaust is not an easy matter to carry out in Spain. As we have seen, many factors exist that influence it. However, we believe that the type of pedagogical initiatives presented here will enable the acquisition of solid knowledge of historical facts, as well as the tools to treat this terrible event in humanity's history with justice and objectivity, honouring each victim as unique but also understanding the main distinctions behind the aim of the destruction of each group.

Moreover, it will allow the building of a bridge between past, present and future. This is extremely necessary if we are to preserve the freedom and dignity of each human being and group, and convey some signals to society as a whole to participate, to be aware, and to possess a commitment against acts of racism, xenophobia, and discrimination, instead promoting and preserving human rights and democratic values.

⁴ <http://www.un.org/en/holocaustremembrance/2015/calendar2015.html>

⁵ <http://hmd.org.uk/>

⁶ www.stolpersteine.eu

*Приложения***Расшифровка видеосвидетельства С. Хёнигсфельдта**

«Пока мы, пережившие Холокост, живы, мы должны рассказать нашу историю».

Ицхак Козн

Меня зовут Стефан Хенигсфельд; я родился в 1896 году в деревне Пулавы, в Польше, недалеко от Люблина. Моя семья занималась торговлей, и мои родители стремились, чтобы мои братья и я могли учиться. Благодаря стипендии у меня была возможность учиться по специальности «инженер-электротехник», сначала в Чехословакии и потом в Австрии.

В Вене я познакомился с Розой, молодой студенткой, изучавшей музыку, также из Польши. Она родилась в селе неподалеку от моего, и училась в консерватории. Мы поженились, и у нас появилась наша единственная дочь Рут. Мне было 24 года и я был полон сил, и когда компания, где я работал, предложила мне работу в своем отделении в Мадриде, я долго не раздумывал. Испания казалась слишком далекой и экзотической страной, но мой беспокойный дух заставил меня принять это предложение. Так начался путь, который оставил зарубки и на моей личной, и на профессиональной жизни. В 30-е годы в Мадриде моя жена часто давала концерты для немецкой диаспоры испанской столицы. Но с ростом нацизма в 1933 году ее перестали приглашать и даже перестали с нами здороваться. Наши еврейские корни были проблемой для этих людей. Наша дочь также была вынуждена бросить немецкую школу, в которой она училась. С началом гражданской войны в Испании мои жена и дочь решили вернуться в Польшу. Мадрид для всех нас больше не был безопасным.

Наша семья была еврейская, но не религиозная. Хотя идиш они знали, но говорили обычно по-польски. Они чувствовали себя поляками, как и их соседи. Наша дочь делилась игрушками со своими двоюродными братьями. Мы оставались там полтора года, а затем решили переехать в Париж. Мы попрощались с семьей, еще не зная, что многих из них нам уже никогда не увидеть снова.

Чтобы вернуться в Испанию в 1939 году, нам пришлось отречься от иудаизма и креститься в испанской церкви в Париже. Тогда, в роковом 1939 году, когда немцы оккупировали Польшу, нашу семью выгнали из собственного дома. Они были вынуждены искать прибежища где только было можно, и наконец, укрылись в Варшаве. Моя теть Цезия работала стоматологом в больнице гетто. Но их раскрыли и отправили в другие гетто и лагеря, откуда мы получили от них последние открытки. Мы ничего не могли сделать, чтобы вытащить их оттуда, потому что во франкистской Испании были приняты законы, содержавшие четкие антисемитские элементы. «Следует отказываться в паспорте и, если необходимо, в визе тем, кто испытывает враждебное отношение к национальному делу [...], или тем, кто имеет ярко выраженный еврейский характер; евреям, за исключением тех, с кем связывают особые дружественные связи...»

Они были депортированы и убиты. Война сделала невозможным поддержание связи с остальной семьей, это были времена цензуры и лишений. Мы не могли даже представить себе, что происходило. В конце войны нам открылась страшная правда: большая часть нашей семьи погибла. Других родственников и знакомых постигла разная участь: одного двоюродного брата взяли в бельгийскую семью после того, как его отец был депортирован и убит в Аушвице; другие эмигрировали в Боливию и в конце концов обосновались в Аргентине, а некоторые поехали в Тель-Авив, Израиль.

Ужасы нацизма привели к тому, что наша семья пошла очень разными путями и в конечном итоге оказалась разбросанной по дальним странам». Что у нас общего и что нас объединяет — это желание передать будущим поколениям все то, что узнали мы» (Цви Гуиль).

Расшифровка видеосвидетельства М. Феррер

«Достоинство — это всегда движение против: против всего, что отрицает достоинство».

Джон Холловэй

Меня зовут Маргарита Феррер. Я родилась в Мадриде в 1916 году в семье с глубокими социалистическими убеждениями. Мой отец был врачом и биологом. В 1920 годы факультет морских наук в Барселоне предложил ему хорошее место, и мы переехали сюда жить. Этот город, в котором я росла; город, в котором моя семья и я разделяли надежды, принесенные Второй республикой, и стремление к свободе, сопутствовавшее ей. Но война разрушила все это.

Город заполонили беженцы, а мужчины стали уходить на фронт. Мы стремились жить нормальной жизнью, но должны были привыкнуть следить за небом и бежать в бомбоубежища при звуках сирен противовоздушной обороны. Появились тысячи добровольцев из разных стран, чтобы сражаться за Республику: это были Международные бригады. Однажды я пошла посмотреть на их парад и познакомилась там с парнем по имени Руди. Он был механиком, родился в Вене в начале века. Мы полюбили друг друга, и так начался наш совместный путь. Руди был старше меня на 10 лет, и потому мой отец не хотел, чтобы мы поженились. Война разлучила мою семью, и мы с сестрой были вынуждены бежать во Францию. Сначала мы были в лагере Сант-Кипрен, а затем Аржеле.

Но, несмотря на трудности, я знала, что Руди близко, потому что он тоже пересек границу в феврале 1939 г. Он был доставлен в Сант-Кипрен, где содержались почти сто тысяч заключенных, а затем в Гюрс. В конце концов, я смогла найти его, и мы поехали в Савойю работать там. Там меня застала прекрасная новость: я беременна! После рождения нашего сына Эдуарда мы хотели пожениться, но с началом Второй мировой войны решили отправиться в Австрию, чтобы продолжать борьбу против фашизма.

В Австрии Руди арестовало гестапо, его перевезли в Вену, а затем в Аушвиц. Меня отправили в Германию, где я работала по 14–16 часов в сутки. Из-за моих черных волос меня приняли за еврейку, и я пере-

жила все виды дискриминации. Наконец, я узнала, что Руди находился в Аушвице с января 1942 г. После многих усилий я получила уведомление, в котором сообщалось, что Главное управление имперской безопасности в Берлине разрешил нашу свадьбу. Мы могли пожениться. Однако, этот счастливейший день в нашей жизни мы должны были провести в месте, где Руди потерял свою свободу. Аушвиц был ужасным местом, но узники «арийского происхождения», как Руди, находились там в лучших условиях, чем евреи, цыгане или славяне.

Брачную ночь мы провели в лагерном борделе. На следующий день Руди сказал мне, что евреев убивают в газовых камерах. Он также признался, что подпольная группа сопротивления планировала побег, и он собирался принять в нем участие. Наша семья, все трое, побыли вместе эти несколько часов, и Руди играл с нашим сыном Эдуардом. Это был очень красивая ночь. Это были последние часы, которые мы провели втроем.

Перед побегом кто-то выдал подпольную группу, и план побега сорвался. Руди и других четырех заключенных повесили в Аушвице 30 декабря 1944 года, менее чем за месяц до освобождения лагеря. Его последними словами были: «Сегодня мы, а завтра вы» (Рудольф Фримель).

Эволюция отражения Холокоста в школьных учебниках истории в Латвии в постсоветский период

Григорий Смирин
(Рига, Латвия)

Известный французский историк Марк Ферро, обращаясь к проблемам преподавания истории, пропаганды исторических знаний и отношения к историческому наследию, пишет, что по прошествии стольких лет после начала Второй мировой войны «час окончательных суждений об этой войне еще не наступил», что «по-прежнему каждая страна использует ее историю для оправдания собственной политики»¹. Выделяя «горячие» точки этих разногласий, он отмечает, что отношение каждого народа к этой войне «проявляется также в умолчаниях, в том, о чем не говорится. Каждая нация, каждый общественный институт имеют свои «семейные» тайны, разглашение которых отнюдь не приветствуется. Эту задачу берет на себя, как правило, бывший противник»².

Данная статья основывается на более чем 20-летнем опыте работы ее автора над школьными учебниками в качестве издательского редактора. Речь пойдет главным образом о продукции основного поставщика на рынок учебной литературы в Латвии — издательства «Звайгзне» (с 1993 года — «*Zvaigzne ABC*»), изданных на русском языке. Как правило, это переводы с оригинального издания на латышском языке.

В отражении Холокоста в постсоветских латвийских школьных учебниках истории прослеживается влияние двух факторов — наследия Советской Латвии, с одной стороны, и комплексов и мифов, возникших в среде латышской эмиграции на Западе, — с другой. Несмотря на, казалось бы, антагонизм этих двух сред, для них обеих характерно замалчивание тех или иных фактов и мотивов. В советское время это могло объясняться, в частности, тем, что коммунистические идеологи опасались после Холокоста возрождения некоего мистического «еврейского национализма». По этой причине они

¹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. [2-е изд.]. М., 2010. С. 395.

² Там же.

всячески противились выделению еврейских жертв из общей массы «советских граждан». Кроме того, обращение к теме Холокоста неизбежно выявляло истинные масштабы коллаборационизма, а это противоречило концепции «единого советского народа». Латышская эмиграция на Западе в попытках психологически оправдать свой коллаборационизм с нацистами и/или бегство из страны культивировала «теорию жертвы».

Тему эволюции в освещении Холокоста в Латвии нельзя рассматривать вне контекста «войны за историю», которая развернулась на всем постсоветском пространстве. Целью этой «войны», в частности в Латвии, стало переформатирование общественного сознания для закрепления новой власти. В основу «национальной» идеологической конструкции был положен тезис латышских эмигрантских кругов о прибалтийских странах как жертвах двух тоталитарных режимов, согласно которому советский режим подавался как «более опасный и худший», чем нацистский³.

Латвийским историк Виктор Гуцин выделяет следующие направления современной латышской историографии Второй мировой войны:

- «страшный год» (т. е. период советской власти с 5 августа 1940 года по 22 июня 1941 года) в истории Латвии был намного более тяжелым и кровавым, нежели период немецко-фашистской оккупации с 1941 по 1945 год;
- в годы Второй мировой войны страну, следуя один за другим, оккупировали два противоборствующих тоталитарных режима. Латвийское государство и его жители стали жертвами нацистского и коммунистического режимов;
- при нацистах латышам жилось лучше, чем при коммунистах;
- освобождение территории Латвии от нацистской оккупации — начало второй, советской, оккупации, которая длилась с 1945 года по 1991 год⁴.

Именно эти взгляды — не просто иная концепция изложения исторических событий, а конъюнктурный пересмотр итогов Второй

³ Подробнее см.: Дюков А., Симиндей В. Государственная историческая политика Латвии: Материалы к изучению. М., 2011. С. 3–4.

⁴ Гуцин В. Латвии не нужна правда // Стратегия России. 2015. № 3. (Доступно: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1425234269&archive=1424975653&start_from=&ucat=14&).

мировой войны с точки зрения проигравшей стороны, т. е. нацистов и их местных пособников — нашли отражение в ряде учебных изданий⁵

С «теорией жертвы» связано и то, что освещение Холокоста в разных латвийских учебниках истории укладывается и в «заговор молчания», и в принижение значения геноцида против другой этнической группы⁶, ибо при непредвзятом взгляде оказывается, что жертвы этой этнической группы были гораздо большими. Если, как указывает латвийский историк Дзинтарс Эрглис, в Латвии царил советская дезинформация, «то в эмиграции ее создавали сами латыши. Были такие эмигранты... которые сами были непосредственными соучастниками или свидетелями этих ужасов и могли бы писать как авторитетный источник, но не делали этого и на эту тему ничего не писали»⁷.

Характерный образец перестроенного учебника в Латвии, где элементы советской историографии уже сочетаются с эмигрантскими подходами, представляет собой учебное пособие для средней школы «Очерки истории Латвии. С 1940 года до наших дней» под редакцией Мартиньша Вирсиса (оригинальное латышское издание вышло в 1990 году, русский перевод — в 1991-м). Здесь уже говорится и о сталинских репрессиях, и об участии местных жителей в уничтожении своих сограждан. В параграфе «Латвия в период германского нацистского оккупационного режима (июнь 1941 — май 1945 года)» места осуществления репрессий (Межапарк (Рига), Страздумуйжа, Саласпилс, Бикерниеки, Румбульский и Дрейлинский леса под Ригой, дюны Шкеде под Лиепайей, Межциемс под Даугавпилсом) указаны недифференцированно по категориям жертв (хотя основные жертвы в каждом из мест известны)⁸. Зато в этом параграфе имеется рубрика «Трагическая судьба латвийских евреев», где авторы пишут, что «особая жестокость была проявлена в отношении евреев. В круп-

⁵ См.: Гуцин В. Свет и тени латышских учебников истории. (Доступно: http://www.globalitv.ru/show/1031_svet_teni_latyishskih_uchebnikov_istorii.html). (31.03.2010).

⁶ Дубровский Ю. Холокост в латвийских учебниках истории.

⁷ *Ērglis Dz.* Holokausta historiogrāfijas attīstībā Latvijā: Neatrisinātās problēmas // Konferenču un semināru materiāli, 2009–2014. R., 2015. 104. lpp.

⁸ Очерки истории Латвии: С 1940 года до наших дней: Учеб. пособие для сред. шк. / М. Вирсис, И. Берзиньш, И. Горе, А. Зунда, П. Лакис, А. Лапиньш, И. Фелдманис; Под ред. М. Вирсиса. Рига, 1991. С. 71.

нейших городах — Риге, Лиенае и Даугавпилсе — были созданы еврейские гетто. В городах и населенных пунктах даже стали появляться надписи «юденфрай» (нем. «свободно от евреев»). Это означало, что все евреи здесь уничтожены...»⁹. При этом указывается, что «все в период оккупации было уничтожено примерно 89,5 % всех латвийских евреев»¹⁰.

Экспериментальный учебник для 5-го класса «История Латвии» (авторы Гунар Курлович и Андрис Томашун) — первый учебник по этому предмету, вышедший после восстановления независимости Латвии (оригинальное латышское издание — 1991 год, русский перевод — 1992 год). В параграфе учебника «Судьба Латвии во Второй мировой войне» (подраздел «Германская оккупационная власть в Латвии») сказано только, что «в Саласпилсе, Межапарке, Салдусе, Страздумуйже и Елгаве были созданы концентрационные лагеря, в которые были заключены жители Латвии, военнопленные и жители других стран Европы, оказавшие сопротивление оккупантам. Массовому уничтожению были подвергнуты жившие в Латвии евреи и цыгане»¹¹. Как видим, здесь сужена категория депортированных в Латвию жителей других стран, в том числе евреев, — среди них были отнюдь не только «оказавшие сопротивление оккупантам», но и не проявившие никакой политической активности обыватели — такова была репрессивная политика нацистского режима.

Однако в параграфе «1940–1941 годы в Латвии» этого учебника подраздел «Перемены в Латвии в 1940–1941 годах» имеет подзаголовок «Страшный год». Эпитет «страшный год» впервые употребляется в статье «Как чекисты грабили и жгли центральную Ригу», опубликованной в издававшейся на латышском языке нацистской газете «*Tēvija*» («Отечество») за 4 июля 1941 года и начинающейся словами: «Страшным был весь год красного террора в нашей прекрасной Риге...». Историк К. Зеллис отмечает: «Уже с 1943 года употребление обозначения «страшный год» стало всеобщим, с примечанием, что «это данное народом обозначение года правления большевиков». <...> ...Позднее такая трактовка была перенята и изданными после

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Курлович Г., Томашун А.* История Латвии: Эксперим. учеб. для 5-го кл. Рига, 1992. С. 131–132.

восстановления независимости Латвии учебниками»¹². Это связано с тем, что, с одной стороны, отсутствие в Латвии в советское время собственного диссидентского движения обусловило недостаток оригинальных политических и научно-исторических идей¹³, а с другой — после войны в республике не была проведена денацификация, как это было в Германии, — в том смысле, что советская власть должным образом не работала с населением и своей политикой «умолчания» лишь замаскировала проблему. В результате среди населения, в том числе и его образованной части, до сих пор продолжают бытовать застарелые предрассудки, внушенные нацистской пропагандой.

В учебнике Г. Курловича и А. Томашуна, переизданном для учащихся основной школы в 2002 году (оригинальное латышское издание — 2000 год), есть только дополнение о том, что уничтожение евреев называется иностранным словом «Холокост»¹⁴.

А вот авторы «Истории Латвии» (под редакцией Одиссея Костанды) для детей школьного возраста вообще, т. е. для более широкой читательской аудитории (учебник не имеет грифа министерства), освещают этот вопрос шире. В параграфе «Латвия под игом нацистов», в подразделе «Фашистский террор», они пишут, что «именно зверства немцев были тем, что позволяет несомненно провести знак равенства между обеими оккупационными властями — советской и фашистской»¹⁵. (Уравнивание нацистского и советского режимов — характерный политический прием латышской эмиграции на Западе с целью оправдать свой коллаборационизм, и этот прием позаимствован у нее некоторыми действующими латвийскими политиками, которые ощущают себя ее идеологическими наследниками.) «Всего в немецкое время, — отмечают далее авторы названного учебника, — в Латвии в концентрационных лагерях (в Саласпилсе и др.) или иначе были уничтожены примерно 110 тыс. человек: 18 тыс. латышей (главным образом коммунисты и советские активисты), 66 тыс. — 70 тыс.

¹² Зеллис К. «Страшный год» — миф и его эволюция // Евреи в меняющемся мире: Материалы 8-й Междунар. конф., Рига, 30 июня — 4 июля 2011 г. Рига, 2015. С. 157–158.

¹³ Подробнее об этом см.: Гуцин В.И. Роль эмиграции в становлении латышской независимости // Национальные интересы. 2011. № 5. (Доступно: <http://ni-journal.ru/archive/2f64ca2c/n5-2011/b06551f9/8a096e9f/?print=1>).

¹⁴ Курлович Г., Томашун А. История Латвии: Для осн. шк. Рига, 2002. С. 254.

¹⁵ Latvijas vēsture: Skolas vecuma bērniem. 2., papild. izd. / M. Auns, O. Auns, R. Ābelnieks, O. Kostanda, E. Pelkaus, I. Vjacira; O. Kostandas red. R., 1993. 313. lpp.

латышских евреев, 20 тыс. евреев, привезенных из Западной Европы, 2000 цыган, а также много военнопленных красноармейцев и душевнобольных. Среди уничтоженных больше всего было евреев, потому что фашисты считали их «неполноценными существами» и «врагами человечества». Всего в Европе нацисты уничтожили несколько миллионов людей этой национальности»¹⁶. На факт, что «в этих кровавых делах в Латвии участвовали и латыши», авторы указывают как на постыдный, отмечая, что среди созданных нацистами вспомогательных латышских подразделений СД выделялась «команда Арайса», которая в Латвии расстреляла примерно 30 тыс. человек. Здесь же упоминается и Герберт Цуккурс — выдающийся летчик, ставший нацистским преступником. Авторы честно признают, что в таких командах участвовали не только бывшие военнослужащие и полицейские независимой Латвии, но и студенты и даже школьники. В качестве основного мотива такого выбора для них называется желание отомстить евреям за своих близких, пострадавших от репрессий в год советской власти. При этом совершенно справедливо отмечается, что выбор был сделан под влиянием нацистской пропаганды, которая утверждала, что евреи — виновники всех несчастий. Авторы проводят мысль, что хотя среди сторонников советской власти в 1940–1941 годах было много евреев¹⁷; в преступлениях сталинизма нельзя обвинять еврейский народ — точно так же, как и весь латышский народ нельзя обвинять в преступлениях, совершенных «командой Арайса». Правда, тут же утверждается, что всю «черную работу» выполняли специальные немецкие подразделения¹⁸ (что справедливо в отношении расстрела 25 тыс. узников Рижского гетто в Румбуле), однако при этом ничего не говорится о порядке 30 тыс. евреев в латвийской провинции, уничтоженных уже к осени 1941 года главным образом, силами местных коллаборационистов.

Рассматриваемый учебник под редакцией О. Костанды (речь идет о его 2-м издании) даже в латышском медиапространстве был при-

¹⁶ Ibid. 313–314 lpp.

¹⁷ Здесь мы вновь имеем дело с воспроизведением стереотипа, внушенного нацистской пропагандой. Недавнее исследование латвийских историков показало, что функционерами советской власти в 1940–1941 годах были главным образом латыши и именно они занимали ведущие посты в организациях и учреждениях (см.: Дрибинс Л., Жвинкис А., Странга А. и др. Евреи Латвии и советская власть, 1928–1953: Науч. очерк. Рига, 2010).

¹⁸ Latvijas vēsture: Skolas vecuma bērniem. 314. lpp.

знан чересчур радикальным и даже милитаристским. Поэтому его русский перевод был доведен только до начала XX века¹⁹ (оригинальное латышское издание вышло в 1990 году). Однако нельзя не признать, что в освещении темы Холокоста этот учебник представлял собой существенный шаг вперед в сравнении с предыдущими учебными изданиями.

В этом смысле, с ним нельзя сравнить учебник для 5-го класса «Родной край» Индулиса Кениньша (оригинальное латышское издание — 1992 год, первое русское издание — 1993, второе — 1996 год). «Родной край» (по-латышски «*Dzimtenes mācība*» — точный перевод: «учение о родине») — преподававшийся в те годы пропедевтический курс, в котором сочетались сведения из географии, истории и культуры Латвии. В параграфе учебника «Латвия в годы Второй мировой войны» освещаются лишь факт участия жителей Латвии в боевых действиях на обеих сторонах советско-германского фронта и нацистские планы уничтожения части населения страны и ее колонизации немецкими переселенцами²⁰. Определенный акцент делается на сталинских депортациях 14 июня 1941 года (к чести автора следует отметить, что жертвами этих депортаций представлены не только латыши). Возможно, автор считает, что учащиеся 5-го класса еще не созрели для восприятия такой страшной темы, как Холокост.

Далее речь пойдет о собственной попытке автора этой статьи создать неполитизированное учебное пособие по истории Латвии для широкого круга читателей. Книга «История Латвии. Пособие для самообразования» выдержало два издания (1993, 1999 годы)²¹. В нем разъясняется, почему день 4 июля 1941 года, когда были сожжены рижские синагоги, отмечается как начало геноцида нацистского оккупационного режима и его местных пособников против еврейского населения Латвии²². Читатель также может получить представление

¹⁹ История Латвии: Пособие для учащихся / Р. Р. Абелниекс, М. О. Аунс, О. П. Аунс, И. А. Вяцира, О. С. Костанда; Под. ред. О. С. Костанды. Рига, 1990.

²⁰ См.: Кениньш И. Родной край: Для 5-го кл.: Учеб. 2-е изд., испр. Рига, 1996. С. 282–285.

²¹ Оно не могло получить гриф министерства, поскольку не соответствует ни официальной периодизации истории, ни укоренившейся трактовке целого ряда событий. Разумеется, по прошествии двух десятилетий в свете последующих достижений исторической науки, ряд цифр нуждаются в уточнении.

²² Смирин Г. Основные факты истории Латвии: Пособие для самообразования. Рига, 1993. С. 138; 2-е изд. Рига, 1999. С. 103.

о том, что такое гетто, о его истории в Риге, в Даугавпилсе и Лиенае, о дальнейшей судьбе их узников²³.

Последующее развитие преподавания темы Холокоста в Латвии мы наблюдаем в книге Индулиса Кениньша «История Латвии. XX век»²⁴, позиционированной как учебное пособие для основной школы (основная школа дает в Латвии обязательное девятилетнее образование). В параграфе «Латвия в период Второй мировой войны», в подразделе «Гитлеровский террор», основное внимание уделено деятельности созданной нацистами «команды Арайса», которая расправлялась со всеми сторонниками советской власти, но особенно жестокой была к евреям. Отмечается, что хотя «таких людей... было не очень много, их преступления и сегодня являются темным пятном в истории латышского народа»²⁵. Среди вступивших в эту пресловутую команду автор учебника упоминает тех, кто хотел отомстить коммунистам за своих замученных близких, тех, кто стремился выслужиться перед новыми хозяевами, просто уголовных преступников, а также неуравновешенные людей с садистскими наклонностями²⁶. Кратко разъясняются сущность гитлеровской расовой теории и особенности нацистской пропаганды в Латвии (а именно якобы месть евреям за действия советской власти). Впервые в Латвии в учебной литературе для школьников описываются ограничения, налагавшиеся на евреев, и смысл ношения ими на одежде звезды Давида. Кратко излагается история Рижского гетто и судьба его обитателей, а также указывается, что в период нацистской оккупации в Латвии было уничтожено более 70 тыс. латвийских евреев (цифра, принятая на данный момент большинством авторов); несколько десятков тысяч евреев, привезенных из Германии, Австрии, Чехословакии и других стран, а также 2000 цыган — примерно 50 % от их общего числа в Латвии²⁷.

Латвийский историк Айвар Странга подчеркивает, что отношение к Холокосту стало меняться под определенным международным дав-

²³ Смирин Г. Основные факты истории Латвии. 2-е изд. С. 105–106.

²⁴ Оригинальное латышское издание вышло в свет в двух томах в 1997–1998 годах, русский перевод — в одном томе в 1999 году.

²⁵ Кениньш И. История Латвии, XX век: Учеб. пособие для осн. шк. Рига, 1999. С. 177.

²⁶ См.: Там же.

²⁷ Там же. С. 176–177.

лением²⁸. Изменением отношения государства ознаменовался 1998 год, когда, согласно «Образовательному стандарту по истории для основных школ» (вступил в силу 12 августа 1998 года), тема Холокоста стала частью школьной программы — по крайней мере он включен в список терминов, которые школьник должен понимать и использовать²⁹. В том же году тогдашним президентом Латвии Г. Улманисом была учреждена комиссия историков при президенте Латвийской Республики (или Латвийская комиссия историков), которая включает как латвийских, так и иностранных членов. Главное в работе комиссии — охватить новые архивные материалы как в Латвии, так и в зарубежных странах и выработать по возможности объективную их оценку. Комиссия также ставит целью внести вклад в школьное преподавание истории, подготовив базу для составления новых учебных пособий³⁰. Комиссия историков провела несколько конференций и издала ряд очень содержательных книг.

На положение в Латвии с исследованием и преподаванием Холокоста повлияло также создание по инициативе шведского правительства Целевой группы для международного сотрудничества в сфере просвещения, сохранения памяти и изучения Холокоста (*The Task Force for International Cooperation on Holocaust Education, Remembrance, and Research*), известной также как Международная организация по сотрудничеству в увековечивании и изучении Холокоста. Латвия начала сотрудничество с ней в январе 2000 года, а присоединилась к ней в мае 2004 года.

Выступая на церемонии открытия мемориала в Румбуле 29 ноября 2002 года, президент Латвии В. Вике-Фрейберга сказала, что этот день в 1941 году стал «одной из самых черных дат в истории Латвии, ибо это произошло на нашей земле и при участии наших соотечественников»³¹.

Весьма важный поворот в освещении Холокоста в Латвии в учебной литературе был отмечен выходом в свет книги «Передайте об этом детям вашим... История Холокоста в Европе. 1933–1945» (авто-

²⁸ *Stranga A.* Latvijas sabiedrības attieksme pret holokaustu // *Holokausta izpētes problēmas Latvijā*. R., 2001. 31. lpp. (Latv. Vēsturnieku kom. r. 2. sēj.).

²⁹ См.: *Дубровский Ю.* Холокост в латвийских учебниках истории.

³⁰ Подробнее о Латвийской комиссии историков см.: http://www.president.lv/pk/content/?cat_id=7&lng=ru

³¹ В Риге появился новый памятник жертвам нацистов // *Коммерсантъ*. 2002. 30 нояб.

ры Стефан Брухфельд и Пол А. Левин). Книга издана на латышском и русском языках в 2001 году.

Раздел «Холокост в Латвии» имеет несколько рубрик и начинается с «Введения», в котором характеризуется положение еврейского меньшинства перед войной и его отношения с населением коренной национальности. Вывод, к которому приходят авторы: «...существованием элементов антисемитизма в Латвии нельзя объяснить насилие националистов-экстремистов над евреями в период немецкой оккупации»³². «Инициаторами большей части направленных против евреев акций были немцы, но если бы латыши не оказывали им поддержку, значительно большему числу евреев удалось бы избежать арестов и верной гибели»³³. Рубрика с красноречивым названием «Рабский труд или мгновенная смерть?» рассказывает о шансе отсрочить неминуемое. В рубрике «Команда Арайса» речь идет не только об этой команде, но и о роли местных коллаборационистов в системе нацистского оккупационного режима. Отдельные рубрики посвящены истории Рижского гетто и акциям уничтожения его узников в Румбуле, Жанису Липке и другим спасителям евреев, рисквавшим жизнью — собственной и своей семьи (число спасенных евреев оценивается в 400). Названный в рубрике «Окончание Холокоста в Латвии» итог — около 1000 выживших в Холокосте евреев Латвии³⁴. В «Заключении» указывается на специфику исследования Холокоста и распространение знаний о нем в Латвии — эти процессы затруднены нежеланием общества возвращаться к воспоминаниям о Холокосте и они никогда не будут легкими и простыми³⁵.

О сложности перехода к объективному и непредвзятому освещению Холокоста свидетельствует написанное в «лучших традициях» эмигрантской литературы учебное пособие И. Баумерта, Г. Курловича и А. Томашуна «Основные вопросы истории Латвии» (2002 год, оригинальное латышское издание — 1998 год), адресованное не только ученикам средней школы, но и претендентам на латвийское гражданство. В параграфе «Оккупационный режим нацистской

³² *Брухфельд С., Левин П. А.* Передайте об этом детям вашим...: История Холокоста в Европе, 1933–1945. Рига, 2001. С. 84.

³³ Там же. С. 85.

³⁴ Там же. С. 84–93.

³⁵ См.: Там же. С. 93.

Германии в Латвии», в подразделе «Надежды и разочарования латвийского общества» говорится: «В борьбу против советской власти включились и вооруженные группы национальных партизан³⁶, которые препятствовали отступлению Красной армии и бегству советских работников. В июне — июле 1941 года было уничтожено около 2000 советских военнослужащих, милиционеров и советских работников. Борцы помогали немецким войскам в надежде на помощь Германии в восстановлении государственной независимости»³⁷. (Давать моральную оценку этому пассажи, оправдывающему страшные преступления, совершенные ради призрачных целей, — ничего подобного немцы латышам не обещали, — представляется излишним.) В подразделе «Нацистский террор» рассказывается, что нацистский режим создал на территории Латвии десятки тюрем, концентрационных лагерей и еврейских гетто, что тысячи людей были убиты уже в первые недели оккупации, что в этих карательных акциях участвовала и местная полиция, что особенно беспощадно поступали с евреями и цыганами. Печальный итог Холокоста подводится в параграфе «Национальные меньшинства на территории Латвии» (подраздел «Евреи»): «Во время Второй мировой войны бо́льшая часть евреев (более 70 тыс.) были убиты»³⁸.

Относительно скуп в освещении темы Холокоста в Латвии экспериментальный учебник «Новейшая история. XX век» (автор Юрис Фрейбергс, оригинальное латышское издание — 1998 год, русский перевод — 2000 год), поскольку издание по всеобщей истории должно отразить эту тему в общеевропейском контексте. В разделе «Вторая мировая война» (параграф «Второй период военных действий (22 июня 1941 года — ноябрь 1942 года)», подраздел «Успехи стран «оси». Германский «новый порядок»») этот «новый порядок» объясняется расовой теорией Гитлера (значительное сокращение численности населения Восточной Европы с целью освобождения жизненного пространства для немецких колонистов; полному уничтожению подлежали евреи и цыгане; частично предусматривалось уничтожить все славянские народы, которые считались второсортными, для чего

³⁶ Имеются в виду террористические и диверсионные группы пронацистского подполья, активизировавшиеся с нападением Германии на Советский Союз.

³⁷ Баумерт И., Курлович Г., Томашун А. Указ. соч. С. 97.

³⁸ Там же. С. 139.

по всей Европе была создана сеть концлагерей — фабрик смерти). Приводятся цифры: из уничтоженных примерно 12 млн человек 6 млн составляли евреи. Слово «Холокост» определяется как геноцид против евреев³⁹. Для иллюстрации приводится речь по еврейскому вопросу рейхсфюрера СС Г. Гимmlера в Познани 4 октября 1943 года⁴⁰ и карта «Концентрационные лагеря Германии и Холокост в Европе», на которой указано число жертв в разных странах⁴¹.

В параграфе «Латвия во время германской оккупации» Холокост освещается в подразделе «Массовые репрессии». Как и в латвийских учебниках начала 90-х годов, концлагеря и другие места массового уничтожения перечисляются недифференцированно по категориям жертв. Правда, отмечается, что «особенно безжалостно, как и везде в нацистском рейхе, происходили расправы над евреями»⁴². Число евреев, успевших эвакуироваться на восток, занижено; неясными остаются цифры убитых.

Недостаточную информацию по Холокосту в учебнике дополняет идущая с ним в комплекте рабочая тетрадь, где приводятся три текста, к которым ставятся ряд вопросов, в том числе и находящаяся в морально-этической плоскости оценка Холокоста и участия в нем латышей⁴³. Правда, комментатор Ю. Дубровский в содержащихся в этой рабочей тетради текстах по Холокосту усматривает тактику недосказанности. Из всей монографии А. Эзергайлеса о Холокосте в Латвии, где много внимания уделено «команде Арайса», выбран отрывок, который смещает акцент с участия латышей в преступлениях нацистского режима на рассказы об антисемитской пропаганде и деформации под ее воздействием сознания латышей. В результате получается оправдание участия в репрессиях. Поэтому вопросы «Как вы оцениваете Холокост и участие в нем латышей?» и «Должны ли сегодня латыши испытывать чувство вины и моральной ответствен-

³⁹ Фрейбергс Ю. Новейшая история, XX век: Для осн. шк.: Эксперим. учеб. Рига, 2000. С. 206.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 207.

⁴² Там же. С. 221.

⁴³ Фрейбергс Ю. Новейшая история, XX век: Рабоч. тетр. для осн. шк. Рига, 2001. С. 74.

ности за преступления латышей во время Второй мировой войны?»⁴⁴, по мнению Ю. Дубровского, останутся без ответа⁴⁵.

Новый учебник для средней школы уже упоминавшихся авторов Г. Курловича и А. Томашуна «История Латвии» в двух томах вышел только на латышском языке, ибо в 2000 году уже считалось, что учащиеся русских средних школ в состоянии и должны изучать историю по-латышски. В главе «Латвия во Второй мировой войне», в параграфе «Репрессии против жителей Латвии», указывается, что особой составной частью политики нацистов был антисемитизм — направленные против евреев идеология и террор, что евреев заключали в гетто, а их имущество конфисковалось. Раскрывается различие между концентрационным лагерем и гетто, Холокост определяется как организованные массовые убийства евреев. Отмечается, что к пропагандистской работе нацистам удалось привлечь и ряд латышских публицистов. Чтобы идеология антисемитизма получила поддержку в Латвии, евреи были объявлены инициаторами коммунистического террора. Для иллюстрации использована карта «Холокост в Европе»⁴⁶ и текст из отчета айнзатцкоманды 2 (начало 1942 года) об итогах уничтожения еврейского населения Латвии в 1941 году⁴⁷. Тема спасения затронута на примере жителя Лиепай Роберта Седолса, спасшего от гибели 11 евреев (приводится фото спасенных)⁴⁸.

В другом учебнике Г. Курловича и А. Томашуна «История Латвии: годы оккупации» (1999 год, вышел только на латышском языке) рассказ о нацистских репрессиях более развернут, здесь упоминается не только об убийцах, но и о пропагандистах нацистской идеологии, а также о тех, кто спасал обреченных⁴⁹.

В учебнике «Всемирная история для средней школы» (2003 год, издан только на латышском языке), написанном коллективом авторов, события Второй мировой войны в Латвии рассматриваются в обще-европейском контексте. Относительно Холокоста авторы приходят

⁴⁴ Фрейбергс Ю. Новейшая история, XX век: Рабоч. тетр. для осн. шк. Рига, 2001. С. 74–75.

⁴⁵ См.: Дубровский Ю. Холокост в латвийских учебниках истории.

⁴⁶ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai: Eksperim. mācību grām. R., 2000. 2. sēj. 233. lpp.

⁴⁷ Ibid. 234. lpp.

⁴⁸ Ibid. 235. lpp.

⁴⁹ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture: okupācijas gadi. R., 1999. 149. lpp.

к следующему выводу: «В 1990-е годы возрожденным странам Балтии пришлось решать вопрос об ответственности за Холокост. Латвия, Литва и Эстония как государства за него не ответственны, поскольку утратили суверенитет уже в 1940 году. Советская оккупация и репрессии поколебала балтийскую интеллигенцию, которая могла бы показать моральный пример. Жителей охватили шок и злоба. Тем не менее это никак не оправдывает тех, кто участвовал в преступлениях»⁵⁰.

Вита Криевиня, автор учебного пособия для средней школы «Всемирная история в кратком изложении» (2004 год, оригинальное латышское издание — 2000 год) в главе о Второй мировой войне (параграф «Оккупационный режим и борьба против фашизма») отмечает только что «нацистская идеология предполагала господство немецкого народа» и рассказывает о депортациях разных народов, преследовании цыган, приводя цифры («во... время Холокоста было уничтожено 6 млн европейских евреев»)⁵¹. Этот весьма короткий текст рушит один из главных эмигрантских мифов — о том, что на стороне нацистской Германии латышские солдаты воевали за независимую Латвию, — лишая этот миф элементарной логики.

Не сразу, лишь после нескольких, что называется, «проходных» изданий, в 2000-е годы был, наконец, создан учебник по истории Латвии, отражение Холокоста в котором соответствует самым современным представлениям, и это позволяет закончить статью на оптимистической ноте. Речь идет об учебнике «История для основной школы. Латвия в XX веке», написанном коллективом авторов (2010 год, оригинальное латышское издание — 2006 год). В главе «Латвия в годы Второй мировой войны» уже имеется специальный параграф «Холокост в оккупированной нацистами Латвии»; в отдельной колонке разъясняются основные термины по теме. Параграф щедро проиллюстрирован как историческими фотографиями, так и разного рода текстами, расширяющими представления учащихся, — о положении еврейской общины Латвии перед войной, о сущности антисемитской пропаганды нацистов и пр.⁵² В подразделе «Уничтожение еврейской

⁵⁰ Pasaules vēsture vidusskolām / D. Bleiere, I. Butulis, I. Feldmanis, J. Goldmanis, J. Taurēns. R., 2003. 3. d. 172. lpp.

⁵¹ Криевиня В. Всемирная история в кратком изложении: Учеб. пособие для ср. шк. Рига, 2004. С. 156.

⁵² История для основной школы: Латвия в XX веке / С. Голдмане, И. Клишане, А. Клявиня, И. Мисане, Л. Страубе. Рига, 2010. С. 106–107.

общины Латвии» ход событий излагается в хронологической последовательности, причем изложение иллюстрируется вспомогательными текстами. Значительное место в параграфе уделено теме спасения⁵³.

Преподавание истории Холокоста в Латвии осуществляется на уроках всемирной истории и истории Латвии в 9-м и 12-м классах. Количество учебных часов, отведенных на изучение этой темы, составляет 1–2 часа в курсе всемирной истории и 1 час в курсе истории Латвии, а на всю историю Второй мировой войны отводится около 8–10 часов. Это, несомненно, требует от преподавателя специальной подготовки, материалов, адаптированных к конкретному предмету, классу, теме, а главное — готовности и желания учителя заниматься этой темой сверх программы⁵⁴.

Уроки Холокоста, геноцидов и террора

Lessons of the Holocaust, Genocides and Terror

⁵³ История для основной школы: Латвия в XX веке / С. Голдмане, И. Клишане, А. Клявиня, И. Мисане, Л. Страубе. Рига, 2010. С. 108–109.

⁵⁴ См.: Баркаган М. Проект преподавания истории Холокоста «Помнить, чтобы не повторилось» // Материалы конференций и семинаров, 2009–2014. Рига, 2015. С. 307–308.

Холокост в исторической памяти жителей России: проблемы восприятия

*Алла Ефремовна Гербер
(Москва, Россия)*

Памятью о Холокосте занимаются в последнее время на территории бывшего Советского Союза достаточно активно. На мой взгляд, анализ сделанного (и не сделанного) заслуживает отдельного исследования. Но, прежде чем говорить о настоящем, давайте сначала вернемся к прошлому, к истории Холокоста, не отворачиваясь от будущего.

Для меня в последнее время самый важный вопрос: ПОЧЕМУ? Почему именно на территории бывшего Советского Союза нацисты могли, не посылая людей в лагеря смерти, а прямо на месте, прямо на глазах остального населения, вершить свою мерзость. В массовых расстрелах самое активное участие принимали местные жители. И здесь опять — ПОЧЕМУ? Поняли ли нацисты, что не надо тратить время и средства на доставку евреев с этих территорий в лагеря смерти, потому что с ними можно расправляться прямо на месте, при поддержке местного населения? Для меня важно осознать не просто проблему коллаборационизма, а молчаливого, и порой активного участия т. н. «соседей» в Холокосте. Постараюсь это объяснить.

Да, конечно, местное население где-то внутренне было подготовлено к приходу немцев. Очень многие ненавидели советский режим — молча. А некоторые — не молча, но таких было немного. Он их «достал», этот режим — многие были его жертвами, если не сами, то их родственники: папы, мамы, дети. Крестьянство, интеллигенция, рабочие... Эти люди были не то, что рады, но внутренне готовы: придут освободители, сталинского режима не будет... Такая готовность, безусловно, была, и оккупанты этим умело пользовались.

И тут я хочу сказать, что для меня является, безусловно, актуальным, в связи с мыслями не только о Холокосте, а в связи с мыслями о нашем собственном прошлом, настоящем и будущем.

Жертвы — не только те, кого убивали; жертвы — не только те, кого лишали жизни. Жертвы — и те, кто лишал жизни, кто потерял человеческий облик. Нацистская антисемитская пропаганда блестяще сработала. Особую роль сыграл кинематограф: были готовы фильмы, которые тут же запускались в местных кинотеатрах. Издавались пропагандистские газеты и журналы. Геббельсовская пропаганда была превосходна, и свое дело сделала, но легла она, безусловно, на уже подготовленную советским режимом почву.

Перейдем к настоящему. В связи с юбилеем Победы и 70-летием освобождения Аушвица, правительство, наконец, признало: память о Холокосте важна, это серьезно. И не из-за особого сострадания к евреям, а потому что именно Красная армия освобождала Аушвиц (Освенцим).

Мне кажется, что нельзя сейчас говорить о Холокосте в школах, думать о Холокосте, преподавать эту тему вне контекста сегодняшнего дня. Потому что за два последних года стало очевидно, как сильно изменился политический климат в нашей стране.

Действительно, государственного антисемитизма в России сейчас нет. И президент наш не антисемит, что важно. Но при этом состояние ненависти в обществе очень велико. Это опасно, потому что антисемитизм сейчас переживает некую ремиссию; он ушел в глубины подсознания. Сейчас другие проблемы, другие враги и злодеи. Поэтому состояние ненависти, в котором пребывает страна, опасно не только и не столько для евреев, а для каждого независимо от его национальности. К сожалению, в последние годы у нас, с помощью пропаганды, люди загнаны в состояние повышенной агрессии. Но это не к евреям (евреи ушли в зону временной неопасности), а вообще к «врагам России». Это и Запад, и США, и, к сожалению, Украина и украинцы. И это страшно, потому что любая ненависть разрушительна для обычной человеческой жизни. И меня это состояние, в котором находится МОЯ страна — не «эта» страна, а МОЯ страна, — оно меня очень волнует. Потому что Холокост — это результат пропаганды ненависти. Поэтому, считаю: когда мы идем в школы и говорим о Холокосте, мы должны говорить и об опасности пропаганды, пропаганды ненависти, нелюбви вообще к кому бы то ни было, к любой стране, любому народу. Я понимаю, как важно говорить, думать, страдать в связи

с Холокостом. Но дело не только в количестве жертв, и не в том, как убивали, а в том самом — ПОЧЕМУ? Почему соучастниками нацистов стали «соседи».

Давайте не бояться думать. Давайте не бояться говорить. Сегодня многие начинают бояться, но мы — не будем!

Увековечение памяти жертв Холокоста в Украине

Аркадий Ильич Монастырский
(Киев, Украина)

Известный историк и философ Иегуда Бауэр писал: «Память о Холокосте необходима, чтобы мы и наши дети никогда не были жертвами, никогда не были палачами, никогда не были сторонними наблюдателями»¹. Холокост в Украине — это не только физическое уничтожение 1,5 миллионов евреев в Ярах, концлагерях и гетто, но и попытка уничтожить культурное наследие, которое еврейский народ создал для человечества за тысячи лет своего существования. Бабий Яр, Дробицкий Яр, Шахты Артемовска, Яновский лагерь, Доманевка, Бердичев, Сосенки — это далеко неполный список мест уничтожения, которые существовали на территории Украины.

Накануне и на протяжении всех лет независимости Украины возрожденная еврейская община уделяет большое внимание теме памяти жертв Холокоста. Первые официальные мероприятия, посвященные 50-летию трагедии Бабьего Яра прошли в Киеве и в Украине в сентябре 1991 г. Они были организованы Обществом еврейской культуры Украины, которое возглавлял Илья Михайлович Левитас (1931–2014). По его инициативе на центральной улице Киева — Крещатике впервые были размещены передвижные фотовыставки, посвященные жертвам Бабьего Яра, в том числе еврейским детям, а также экспозиция, посвященная Праведникам народов Мира. На месте расстрелов евреев в Бабьем Яру был открыт памятный знак «Менора», сооруженный по проекту архитектора Юрия Пасхевича. В траурных мероприятиях приняли участие свыше 50 000 тысяч киевлян и гостей столицы Украины. В 1992 г. Еврейский совет Украины основал «Фонд Памяти жертв Холокоста» и «Фонд Памяти жертв Бабьего Яра». С 1992 по 2011 годы под редакцией Ильи Левитаса было издано четыре издания книги памяти жертв Бабьего Яра где собрано более 20-ти тысяч имен

¹ См. И.А. Альтман, А. Е. Гербер, Д.И. Полторак. История на Холокоста на территории СССР. /Уч. пос. — М., 2001.

и фамилий евреев, погибших в Бабьем Яру². Изданы также книга о Праведниках Бабьего Яра и «Дети — жертвы Холокоста»³. Создано несколько передвижных выставок, которые неоднократно демонстрировались в различных музеях Киева, а также побывали в других городах Украины, Чехии, Польши.

В Украине, помимо Фонда «Память жертв Холокоста», Еврейского совета Украины, созданы и активно работают Центр по изучению Холокоста и еврейской истории «Ткума» в Днепропетровске (руководитель Игорь Щупак), Украинский центр по изучению Холокоста в Киеве (под руководством Анатолия Подольского, а также Центр еврейских исследований, которым руководит профессор Феликс Левитас. Ряд научных и образовательных проектов по теме Холокоста успешно проводит Институт Иудаики (зам. директора Юлия Смилянская).

За годы независимости Украины созданы: Музей истории Холокоста в Харькове (директор Лариса Воловик); музей Холокоста в Одессе (директор — Павел Козленко), а также открытый в 2013 г. в Днепропетровске крупнейший в Украине Музей истории еврейского народа и Холокоста (директор Игорь Щупак).

Большое внимание теме Холокоста уделено в передвижной выставке Еврейского форума Украины «История и культура евреев Украины» (руководитель проекта — Аркадий Монастырский), которая экспонировалась в здании Верховной Рады Украины, а также в помещениях Национального исторического музея и Национального музея литературы. Еврейскими организациями Украины, при поддержке Государственных телерадиокомпаний создано более 30 художественных и документальных фильмов об истории Холокоста в Украине. Среди них художественные фильмы «Дамский портной», «Изгой», документальные фильмы: «Бабий Яр», «Анна Франк. Урок толерантности», «Крик Чернозема» и другие. Государственными наградами за эти годы были отмечены: званием Герой Украины подпольщица Татьяна Маркус (посмертно), Орденом «За Заслуги» 1–2–3 степени — Илья Левитас, Президент Еврейского совета Украины, Орденом

² Книга памяти жертв Бабьего Яра . Сост.И.М. Левитас. — К., 1991; Книга памяти: Бабий Яр./ Авт. — Сост. И.М. Левитас — К., 1999; Книга Памяти жертв Бабьего Яра. / Авт.-составитель И.М. Левитас. — К., 2011 См. также «Герои и жертвы». / Авт. — Сост. И.М. Левитас ; 2-е доп. изд. — К., 1997

³ Праведники Бабьего Яра. / Авт-Сост. И. М. Левитас. — К., 2001

«За Заслуги» 2-й степени Борис Забарко — Президент Ассоциации евреев — бывших узников нацистских концлагерей и гетто, автор трилогии «В живых остались только мы» (воспоминания бывших узников гетто и концлагерей Украины)⁴. Правительственных наград удостоены и Праведники Народов Мира. По инициативе И.М. Левитаса было учреждены звания «Праведник Украины» и «Праведник Бабьего Яра», которые удостоены сотни спасителей евреев, которые по тем или иным причинам не соответствовали критериям при присвоении звания Праведник Народов Мира «Яд Вашем». С 1998 года в Украине успешно работает программа «Память и Благодарность», цель которой сооружение памятных знаков, памятников и мемориалов на местах массовых расстрелов еврейского населения. Так, за последние 10 лет было сооружено около 100 памятников на местах расстрела жертв Холокоста, в том числе — 10 памятников Еврейским фондом Украины (в Киевской, Житомирской, Николаевской, Черниговской, Одесской областях); 25 памятников — Объединенной общиной Украины и Всеукраинским еврейским Конгрессом; более 50-ти — при поддержке различных еврейских и не еврейских общественных организаций и 12 памятников при поддержке местных властей. Успешно развивается международное сотрудничество еврейской общины Украины по теме Холокоста. С 1991 по 2011 гг. осуществлено пять международных проектов с Домом Анны Франк (Нидерланды). Это передвижные выставки «Анна Франк — урок истории», «Истоки толерантности», украинские книги «Воспитание толерантности». Выставки побывали в 86 городах Украины, и их посетили более 40 тысяч человек.⁵

Успешно развивается сотрудничество еврейских организаций Украины с российским Центром «Холокост», Домом Ванзейской конференции (Германия), Яд Вашем (Израиль), Мемориалом «ШОА» (Франция) и др.

Для увековечивания памяти жертв фашизма Еврейский форум Украины организовал и проводит ежегодную Всеукраинскую акцию «Шесть миллионов сердец», которая предусматривает проведение мемориальных мероприятий в городах и селах Украины.

⁴ «В живых остались только мы». / Под ред. Б.М. Забарко, Т. 1–3. Киев, 2005–2006. Трилогия издана на русском, украинском, английском и немецком языках.

⁵ Архив Еврейского фонда Украины.

Исследователи культуры памяти о Холокосте в Украине отмечали, что основные усилия в этом направлении делались в 90-е — десятые годы нынешнего века, в основном, усилиями еврейских и других общественных организаций, при минимальной поддержке государства и превалировании темы Голодомора в своеобразной «конкуренции жертв».⁶ В последние годы наметились новые важные тенденции. В 2011 г., благодаря усилиям Еврейского форума Украины, Верховная рада Украины приняла постановление о ежегодном отмечании в Украине Международного дня Памяти жертв Холокоста, который отмечается 27 января. С 2011 г. еврейские общины Украины проводят эти мероприятия совместно с государственными органами власти. В большинстве областных центров Украины проводятся выставки фотографий и документов жертв Холокоста, организуются уроки Памяти в школах, проводятся траурные митинги, молебны и мемориальные вечера. В этом году наиболее массовые мероприятия прошли во Львове, Киеве, Одессе, Виннице, Полтаве, Днепропетровске.

В Киеве состоялся Мемориальный вечер, посвященный Дню Холокоста и 70-летию освобождения концлагеря Аушвиц-Биркенау. На вечере присутствовали представители правительства Украины, руководители министерств и ведомств, главы 20 дипломатических представительств, народные депутаты Украины, религиозные и общественные деятели. Организатором вечера был Еврейский форум Украины, в адрес которого были направлены обращения Президента Украины, спикера украинского парламента и Премьер-министра Украины. От правительства Украины на мемориальном вечере выступил вице-премьер, министр культуры Украины. В Музее истории Великой Отечественной войны в январе 2015 года была открыта выставка «Аушвиц. Украинское измерение», посвященная, в том числе и теме истории Холокоста в Украине.

В сентябре 2016 г. в Украине будет отмечаться 75-летие трагедии Бабьего Яра. Президент Украины издал специальный Указ о подготовке мероприятий к этой дате. Еврейские организации Украины предлагают создать к годовщине трагедии постоянно действующую выставку, посвященную истории трагедии в Бабьем Яру с пер-

⁶ См., например, Иванова Е. Конструирование коллективной памяти о Холокосте в Украине // *Ab Imperio*, 2004, № 2; Подольский А.Е. . Украинское общество и память о Холокосте: попытка анализа некоторых аспектов. // В сб. *Евразийский еврейский ежегодник — 5768 (2007/2008)*. — М., 2009

спективой строительства на территории Национального историко-мемориального заповедника «Бабий Яр», музейного комплекса. Еврейский форум Украины и другие еврейские организации работают сейчас над концепцией этого музейного комплекса. По предложению Еврейского форума Украины в сентябре 2016 года в Украине предлагается провести Международный форум «Бабий Яр. 75 лет спустя», на который предлагается пригласить государственных и общественных деятелей из многих стран Европы, Израиля и Америки. Надеемся, что создаваемая в Украине программа сохранения культуры и памяти будет соответствовать лучшим европейским и мировым стандартам, а увековечивание памяти жертв Холокоста станет составной частью украинской истории.

The Holocaust from a Turkish-Jewish Perspective

*Daniel Altaras
(Istanbul, Turkey)*

As a member and representative of the Turkish Jewish Community, I would like to share a Turkish Jewish perspective on the Holocaust era. In the hope that it may contribute to a better understanding of this perspective, I will begin by briefly presenting the historical events and developments that have shaped the Jewish presence in Turkey.

The history of the Jews in Anatolia commenced many centuries before the migration of Sephardic Jews; even the Talmud contains quotations from Jews in Cappadocia. Yet, in 1492, Isabella I and Ferdinand II, the joint monarchs of Spain, ordered the expulsion of the Jews from the country, a measure that immediately afflicted hundreds of thousands of people whose Spanish roots could be traced back for generations, and whose ancestors lay buried in Spanish soil.

Faced with the expulsion of the Jews of Spain, Sultan Bayazid II ordered the provincial governors of the Ottoman Empire, «not to refuse the Jews entry or cause them difficulties, but to receive them cordially.» For three centuries following the expulsion, the prosperity and creativity of the Ottoman Jews rivaled that of the Golden Age of Spain. Four Turkish cities: Istanbul, Izmir, Safed, and Salonika developed into centers of Sephardic Jewry.

A central, yet baseless, source of anti-Semitism in Christian Europe was the infamous Blood Libel Accusation, which had appeared in the twelfth century and never gone away. In 1840, Sultan Abdulmecid issued his famous decree concerning the Blood Libel, saying: «... for the love we bear to our subjects, we cannot permit the Jewish nation, whose innocence of the crime alleged against them is evident, to be worried and tormented as a result of accusations that have not the least foundation in truth...» Thus, the Blood Libel accusation was repudiated by the Ottoman Sultan himself.

World War I brought the end of the Ottoman Empire. In its place, the Turkish Republic was founded as the nation state of the Turkish people; it was built upon a secular constitution. When World War II broke out, Jews all over Europe felt the heat until, eventually, the Nazi conflagration

gration reached them, and ruthlessly pursued them to their destruction. The Nazi influence, with its wave of racism and anti-Semitism, had by then already reached and passed beyond the borders of Greece and Turkey. Some Turkish publications and politicians advocated that Turkey should ally itself with Germany; antisemitic articles and cartoons adorned the pages of several newspapers and magazines.

From the perspective of Turkish Jews, their homeland of Turkey faced yet another historic challenge. At this critical juncture of history would Turkey succeed and, in succeeding, maintain its traditional role as a safe haven, or would it fail and surrender to the pressure exerted by the Nazi regime. During the war and the years leading up to it, Turkish foreign policy followed an uncertain and alternating path, sometimes favoring a German direction and sometimes moving closer to the Allies.

In highlighting events of crucial importance for the Jews at this time, let me start with Einstein's letter. We know that Professor Einstein wrote a letter to President Atatürk asking him to invite Jewish academics to Turkey. As a result, as early as 1933, President Atatürk invited a number of prominent German Jewish professors to flee Nazi Germany and settle in Turkey. Before and during the war, these scholars contributed a great deal to the development of the Turkish university system.

Turkey also provided safe passage for numerous Jews fleeing the horrors of Nazism. The transportation of Jewish refugees was organized by the Jewish Agency, which was based in Istanbul, and began before the war broke out. The route to Palestine was by sea from Bulgarian and Romanian ports to Haifa. Although, in April 1939, the British parliament decided to thwart the sailing of these ships, most of them managed to reach their destinations, mainly thanks to the Transit Passage Permit issued by the Turkish government in February 1941. Eleven registered ships and numerous small boats bore a total of 22 000 Jewish refugees from Romania to Palestine. The Transit Passage Permit continued to serve its purpose even after the war until 1948. The Jewish Agency, based in Istanbul and headed by Haim Barlas, did not only deal with the Aliyah Beth illegal transports. Barlas also organized the transfer of cash and material aid to Jewish communities in nearby occupied countries, as well as the transportation of children by railway to Palestine via Turkey. In Istanbul, together with Nuncio Roncalli, later to be Pope John XXIII, they produced forged documents that succeeded in saving many lives.

During the war, several Turkish diplomats in European countries helped save Jews with Turkish passports from the Holocaust. One such diplomat was Selahattin Ülkümen, the Consul General on the Greek island of Rhodes in 1943 and 1944. In July 1944, as the Germans began to round up the Jews in Rhodes, Ülkümen interceded on behalf of those Jews who were Turkish nationals. By his efforts, 42 Jewish families, totaling more than 200 people, were released from deportation to Auschwitz-Birkenau. By way of reprisal, the Nazi authorities bombed Ülkümen's house, fatally injuring his pregnant wife. In June 1990 Mr Ülkümen was recognized by Yad Vashem as a Righteous Gentile.

During the war Turkey succeeded in maintaining its neutrality, but the power of the totalitarian, racist, and antisemitic Zeitgeist was so strong and so intense as to be difficult to evade completely. In this atmosphere, there were unfortunate events that still haunt the collective memory of Turkish Jews. One of these was the notorious 1942 Wealth Tax. This tax was based on the pretext that some merchants made huge and unfair profits from war conditions. However the tax was imposed mainly on non-Muslim citizens, and surpassed the total wealth of those taxed. These individuals had to pay the tax by selling their businesses and properties; if they did not, they would find themselves interred in labor camps in eastern Anatolia. Today, it is generally accepted that the underlying reason for the tax was to wreak financial ruin on a minority of non-Turkish citizens and terminate their prominence in the country's economy.

The Struma tragedy was another such event. The Struma was one of the small ships organized by the Jewish Agency, carrying nearly 800 Jewish refugees from Romania to Palestine in December 1941. Turkey detained her in Istanbul because Britain refused to admit the passengers into Palestine. With her fate uncertain, the Struma spent endless weeks and months in Istanbul under winter conditions, with an engine that needed repairs, and a lack of necessary supplies. On February 23, 1942, Turkish authorities towed her back out into the Black Sea and cast her adrift about ten miles off Istanbul. The next morning, allegedly, a Soviet submarine torpedoed and sank her. All the passengers, except for the 19-year-old David Stoliar, lost their lives. This incident is a tragic example of mutual responsibility.

Despite both German and Allied pressure, Turkey did not enter World War II. While six million Jews lost their lives in European lands, Nazi

troops never set foot on Turkish soil, and no Turkish Jews were ever rounded up for transportation to the Nazi camps. The Jewish community suffered heavy material losses, but it survived intact.

Today, seven decades after the Holocaust, Turkey, a nation with a predominately Muslim population, is an observer nation in IHRA, the International Holocaust Remembrance Alliance, IHRA's mission is to disseminate Holocaust Remembrance and Holocaust Education, according to the Declaration of the Stockholm International Forum on the Holocaust. Turkey will be seeking full membership status in the near future.

Since 2011 Turkey has, likemost member nations, observed January 27 as International Holocaust Memorial Day. This year the victims of the Struma tragedy were also remembered with a ceremony organized by the Foreign Affairs Ministry, and with the participation of the Minister of Tourism and Culture.

This time last year around twenty Turkish academics participated in a special seminar at Yad Vashem's International School for Holocaust Studies. During a week long seminar, the participants, most of whom held PhDs in history, political science, or international relations, took in depth tours of the museums, archives, and sites at Yad Vashem, and engaged in discussions with leading historians and experts in the field of Holocaust education, history, and research. All of these are important steps and initiatives that form part of the beginning stage of Turkey's journey to establish Holocaust awareness in our country.

To conclude my paper, despite all the efforts to create Holocaust awareness in our land and in the international community, we are still far away from conveying the message of the Holocaust to the masses. We have to more actively bring the ideas communicated in the speeches and discussions held here and on other platforms, into practice. We have to disseminate the message of the Holocaust, not only as a Jewish issue, but as a human one. We need to plant the seeds of this awareness in our schools by educating our children from an early age against intolerance and hate crimes, and by teaching them loving kindness — and we must create the laws that will ensure such principles. I truly hope that my country, which has started to take this initiative, will be the leading one in this field.

Сохранение памяти о Холокосте в современном Казахстане

Татьяна Евгеньевна Свахина
(Усть-Каменогорск, Казахстан)

Специфика изучения Холокоста, а также сохранения памяти о трагедии европейского еврейства в современном Казахстане непосредственно связано с историей заселения края. В формировании еврейской диаспоры Казахстана можно выделить два основных момента. Первый, с конца XVIII века, после создания «черта оседлости» и до февральской революции 1917 г., — в результате высылки в Среднюю Азию «неблагонадежных» элементов¹. Второй — в годы Великой Отечественной войны, когда в Казахстан прибыло значительное число эвакуированных, из них евреев — 75 024 (46,5%)². В Семипалатинскую область оказалось 2823 еврея, а в Восточно-Казахстанской — 2181³.

С обретением Казахстаном независимости, евреи перестали ощущать на себе дискриминацию по национальному признаку: в конце 1980 — начале 1990 гг. началось возрождение еврейской общинной жизни. В 1992 году был открыт первый в Восточном Казахстане Дом Дружбы Народов, а в 1995 году была образована Ассамблея народа Казахстана, сформировались этнокультурные объединения. Благодаря тесному сотрудничеству Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (далее — Музея-заповедника) с еврейскими этнокультурными центрами городов Усть-Каменогорска, Семипалатинска, филиалом Еврейского Агентства «Сохнут» общинным центром Хэсэ-дом «Фаина» ведется изучение наследия еврейской диаспоры Восточного Казахстана.

¹ См. Крутова Н.В. Евреи на земле Восточного Казахстана. Часть 1. — Усть-Каменогорск, 2006. С. 21, 235.

² Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР (национальный аспект). — Алма-Ата: «Казахстан», 1987. С. 93, 156.

³ Михеева Л.В. К истории евреев, эвакуированных в Карагандинскую область в годы Великой Отечественной войны // Евреи в Казахстане. История, религия, культура. Материалы II Международной научно-исторической конференции 27–28 мая 2004 г. г. Алматы — Алматы: Изд. Ассоциация Еврейских национальных организаций РК «Мицва», 2005. С. 105

Такое плодотворное сотрудничество привело к созданию в Музее-заповеднике уникальной коллекции культовых предметов по иудаике. Ее фондообразователями стали Еврейские культурные центры области, филиал Еврейского Агенства «Сохнут», Израильский культурно-информационный центр г. Усть-Каменогорска, Консульский отдел Посольства государства Израиль в Казахстане и Средней Азии. Немалое количество предметов передано в дар музею представителями еврейской общины⁴. В коллекции особое место занимают предметы, отображающие тему Холокоста: книги, нарукавные повязки, переписка. Особенно интересна почтовая открытка, отправленная весной 1941 г. из Варшавского гетто, которая долгое время хранилась в семейном архиве семьи Гальберштадт⁵, а затем была передана в фонды Музея-заповедника. Результатом многолетней исследовательской деятельности стала книга его научного сотрудника Н.В. Крутовой «Евреи на земле Восточного Казахстана» (ч. 1–2), вышедшая в Усть-Каменогорске в 2006 и 2012 годах.

Казахстанские исследователи одними из первых приступили к научной разработке темы эвакуации беженцев во время Второй Мировой войны. Крупнейшим научным проектом в сфере изучения наследия эвакуации людей, промышленных объектов, учреждений культуры в годы Второй Мировой Войны в Казахстан стала Международная научно-практическая конференция «История. Память. Люди», которая проводится Ассоциацией еврейских национальных организаций Республики Казахстан «Мицва» и РГУ «Центральный государственный архив» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан с 2002 г. в г. Алматы при поддержке Американского Еврейского Объединенного Распределительного комитета «Джойнт» и евроазиатского еврейского конгресса. Конференция проходит с двухгодичной периодичностью с участием авторов из Центральной Азии, Белоруссии, Израиля, Канады, Латвии, России, США, Украины и других стран. В 2014 году организаторам удалось расширить тематический диапазон научных докладов, и на VII заседании конферен-

⁴ Коллекция предметов иудаики в собрании музея-заповедника. Конец XIX — начало XXI вв. / Каталог, составитель Н.В. Крутова, г. Усть-Каменогорск, 2008. С. 7.

⁵ Там же. С. 64

ции участники впервые предоставили итоги работы, посвященные истории и увековечиванию памяти жертв Холокоста.⁶

Еврейская диаспора Восточного Казахстана в настоящее время насчитывает около 1500 человек. Почти все они — потомки спасшихся от гибели в Катастрофе европейского еврейства эвакуированных в годы Великой Отечественной войны. Именно здесь бережно хранится память о многовековой истории и традиции.

Ежегодно 27 января во всех хэсэдах Республики проходят памятные акции, зажигаются «свечи памяти» о погибших в огне Катастрофы, демонстрируются фильмы о Холокосте. Подобные мероприятия открыты для всех желающих.

В юбилейный 2015 год к этому дню молодежной театральной студией «Бейт Шемеш» (руководитель Инна Семененко) г. Семипалатинск был поставлен спектакль о Холокосте «Дети из бездны». Символично, что все роли исполняли дети. А известная в городе поэтесса Любовь Бароховская создала цикл стихов «Холокост», написанных под впечатлениями от бесед со старейшинами общины пережившими Шоа.

В каждом еврейском центре Республики имеются действующие библиотеки. Именно здесь собирается и формируется библиофонд о Холокосте. Так, например, в библиотеке Хэсэда «Фаина» г. Усть-Каменогорска постоянно действует выставка книг «Память жива», на которой экспонируются произведения разных лет, преимущественно израильских авторов и издательств. А воскресная еврейская школа, открытая при Областном Доме Дружбы, проводит для слушателей уроки по еврейской традиции — среди них цикл «Уроков Холокоста».

Большая работа по сохранению памяти о Холокосте проводится еврейской библиотекой им. М. Симашко (г. Алматы) и ее волонтерами. Так, одна из них Л.Я. Корецкая (бывшая узница рабочего лагеря во Франкфурте-на-Одере), рассказывает о тех событиях, очевидцем которых стала сама.

К сожалению, в последнее время все чаще оспаривается число жертв Холокоста, ставится под сомнение существование масштабного геноцида еврейского народа.

⁶ В. Решетов (Рига), «Холокост был предсказан в Риге»; Ю. Серовайская (Алматы). «А.Г. Бордюков и увековечивание памяти Велижского гетто».

Для выявления общественного отношения к Холокосту в г. Усть-Каменогорске сотрудниками Музея-заповедника было проведено социологическое исследование «Что я знаю о Холокосте?» на основе анкетирования. Для более объективного отражения проблемы исследование проводилось в несколько этапов; в разных по возрасту и социальному статусу группах населения. Возрастной состав респондентов — от 17 до 65 лет и старше. Согласно «теории развития личности Эрика Эриксона» все респонденты были поделены на 5 возрастных групп: 17–19, 20–25, 26–40, 41–64, 65 лет и старше. Опросы проводились анонимно, с учетом уровня образования респондентов. Репрезентативная выборка составила 392 респондента.

*Распределение респондентов по уровню образования
(% к числу опрошенных)*

Уровень образования респондентов	Возраст респондентов, лет				
	17–19	20–25	26–40	41–64	65 и старше
Начальное	2,8	1,4	1,7	7,7	29,1
Среднее	97,2	22,2	10,4	21,2	37,4
Неполное высшее (бакалавриат)	–	58,2	33,1	8,3	18,2
Высшее (магистратура)	–	18,2	54,8	62,8	15,3

Как показали данные исследования, именно респонденты первой возрастной категории в своем большинстве затрудняются дать четкий ответ о том, что такое Холокост, и, следовательно, не могут высказать своего отношения к нему.

Распределение ответов на вопрос относительно собственного мнения о Холокосте:

- Холокост был, его трагедию нельзя оспаривать — 24 %
- Холокост был, но в меньших масштабах, количество жертв преувеличено — 19 %
- Холокост был, но с учетом военного времени и общих человеческих жертв — это не трагедия — 38 %
- Холокоста не было, данные о жертвах — фальсификация — 2 %
- Не высказали ни какого мнения — 17 %

Из ответов, выявляющих установки респондентов, относительно трагедии Холокоста можно выделить две устойчивые точки зрения:

— Холокост нельзя отрицать: это противоестественно; все попытки опровергнуть существование Холокоста — циничны, это акт неуважения, как к жертвам, так и тем, кто остановил Катастрофу; в стране, где живут потомки победителей, тех, кто уничтожил фашизм — такие разговоры недопустимы.

— индифферентность: Холокост был, но не такая это трагедия для человечества, как ее преподносят; что такое 6 млн. жертв, по сравнению с 27 млн. советских людей, погибших в годы войны; Холокост рассматривается только как «трагедия еврейства», но геноциду подвергались и другие «не арийские» народы — белорусы, украинцы, цыгане и т. д.; слишком много шума вокруг Холокоста; было и было, пора уже успокоиться и жить дальше и т. д.

Таким образом, данные социологического исследования, приводят к выводу, что события Холокоста не занимают подобающего места в коллективной памяти. В целом, следует отметить, довольно равнодушное отношение к данной теме, но, тем не менее, активных противников, оспаривающих историческое значение Холокоста нет.

Одной из причин, почему возникает двойственное отношение к Холокосту, мы видим в недостаточном освещении данной темы в школьных учебниках и учебных пособиях. Нами был осуществлен анализ современного школьного учебника истории, по которому обучаются казахстанские школьники.

С историей Второй мировой войны казахстанские школьники знакомятся в 9 и 10 классах общеобразовательных школ. Анализируя учебники по предмету «Всемирная история» в учебнике для учащихся 10 класса, в общем тексте, посвященном капитуляции Германии и распаду фашистского движения в странах Европы, было обнаружено одно черно-белое фото: «Жертвы фашистских лагерей»⁷. Ни о том, кто и почему стал этими жертвами, что с ними случилось, и какова их численность нет ни одного пояснения. Также нет ни терминов «геноцид» и «Холокост». Таким образом, учащиеся, окончив курс общеобразовательной школы, даже не знакомы с данным исто-

⁷ Всемирная история / Школьный учебник для 10 класса естественно-математического направления общеобразовательных школ / А. Чупеков, К. Кожамет-улы и др., изд-во «Мектеп», Алматы, 2006. С. 108

рическим фактом. Лишь в обновленных учебниках по данной дисциплине появляется абзац текста, разъясняющий понятие «Холокост»⁸. Отсутствует и преподавание данной темы в ВУЗах.

Подводя итог проведенной работе, можно сделать следующие выводы:

— общественное отношение к Холокосту в Казахстане стало изменяться с начала XXI века; неоднозначное отношение к Холокосту у молодежи формируется под влиянием фильмов, Интернета и т. д.; память о Холокосте в современном Казахстане сохраняется точно (Этнокультурные объединения, Хэсэды, община), но постепенно происходит его забвение.

Данное исследование, показывает, что включение в содержание школьного учебника темы «Холокост», вызвано необходимостью учитывать его историческое наследие в воспитании толерантной молодежи, живущей в многонациональном государстве⁹.

Роль публичных библиотек в осмыслении молодежью истории Холокоста

*Сербина Оксана Геннадьевна
(г. Таганрог, Россия)*

Библиотека в сознании людей — это символ «Храма мудрости и знаний», накопленных человечеством за всю историю своего существования. И сегодня это крупнейшие хранилища результатов развития цивилизации — истории, культуры, науки, технологического развития. Но уже не только место хранения, но и место коллективного познания и культурного просвещения, место общения, место заявления точки зрения отдельного индивидуума и целого сообщества на ту или иную проблему. Сегодня публичная библиотека — это просветительский центр города и села, где проходят встречи с участием писателей, ученых, политиков, педагогов, музыкантов, художников, режиссеров, библиофилов, краеведов. Согласно Модельного стандарта деятельности общедоступных библиотек, библиотеки «гарантируют сохранность, неизменность, аутентичность и правомерность (легитимность) предоставления результатов интеллектуальной и культурно-просветительской деятельности, признавая это одним из приоритетов своей деятельности... Являются центрами межкультурного и межнационального взаимодействия... Интегрируют и реализуют опыт сохранения мирового культурного наследия».¹ В наши дни библиотеки, в силу своей активной просветительской деятельности, привлекли к себе внимание представителей бизнеса, городской общественности, власти и пользуются заслуженным авторитетом среди различных слоев населения (молодежи, среднего возраста, пожилых людей, инвалидов). Не случайно, именно библиотека — место наиболее толерантного отношения к многообразию культур нашего общества, его социально-экономической, политической многослойности, национальной составляющей. Здесь есть все возможности наиболее открыто, свободно, не вызывая политических и межнациональных дискуссий проводить мероприятия на темы геноци-

⁸ Всемирная история / Школьный учебник для 10 класса естественно-математического направления общеобразовательных школ / А. Чупиков, К. Кожамет-улы и др., изд-во «Мектеп», Алматы, 2006. С. 298

⁹ Там же. С. 302

¹ Модельный стандарт деятельности общедоступных библиотек: http://clrf.nlr.ru/images/SiteDocum/News/mod_standart_31_10_2014.pdf

да и преследования целых народов по национальной принадлежности². Всякий геноцид страшен по своей сути и, наверное, будет неправильно особо выделять в истории нашей цивилизации те или иные примеры человеческой ненависти из-за различий в вероисповедании, цвете кожи, языка. А таких примеров, к сожалению, немало. Но напоминать о каждом случае геноцида, в какой бы исторический отрезок времени это не происходило, необходимо.

Мне хотелось бы на примере раскрытия темы Холокоста и сохранения памяти о страшной трагедии человечества в XX веке рассмотреть возможность публичных библиотек попробовать помочь найти представителям молодого поколения ответ на вопрос: «Почему в истории человечества был возможен геноцид, и что нужно делать, чтобы не допустить истребления одного народа другим лишь по национальному признаку?».

Приступая к подготовке библиотечного мероприятия, необходимо выбрать форму проведения встречи, основную аудиторию, определить продолжительность мероприятия. Но самое важное, надо попытаться ответить для себя на два вопроса: «Как рассказать ребятам о Холокосте?» и «Зачем вспоминать о Холокосте?». Главное, говорить без надрыва и лишних эмоций, уверенно, опираясь на исторический и архивный материал, и, что немаловажно, искренне делиться своими знаниями о страшной странице истории Человечества. Эта тема психологически тяжелая для восприятия юным сознанием и неоднозначно трактуема гражданами нашей огромной страны. Поэтому, при подготовке любого мероприятия, будь то тематический час или кинопоказ с дальнейшим обсуждением, вечер памяти или семинар, круглый стол или литературно-музыкальная композиция, важно поставить перед собой задачу: как донести молодым посетителям библиотеки, казалось бы, такую простую мысль о том, что неприятие культурных, национальных особенностей другого человека может привести к общечеловеческой трагедии, подобной Холокосту? Необходимо наметить для себя круг вопросов, ответив на которые, возможно достучаться до сердец юных читателей: почему целые нации и народы несколько

тысячелетий преследовали евреев, где искать истоки антисемитизма, «окончательное решение» еврейского вопроса явилось исторической закономерностью или страшным стечением обстоятельств, почему современный мир не может избавиться от ксенофобии, как перевернулось германское историческое сознание после покаяния за грехи и беззакония фашизма, за миллионы загубленных жизней, за геноцид еврейского народа? В рассмотрении темы Холокоста очень важно, чтобы информация, полученная в библиотеке, переросла во внутреннее убеждение, стала частью мировоззрения, и поэтому очень важно на библиотечных встречах создать соответствующий эмоциональный настрой, дать почувствовать сердцем и душой трагедию Холокоста. Именно в библиотеке есть все возможности раскрыть основную тему мероприятия, переплетая познавательную, информационную и эмоциональную линии.

Хотела бы поделиться опытом работы Таганрогской Центральной городской публичной библиотеки имени А. П. Чехова в этом направлении. Разумеется, опыт нашей работы неразрывно связан с историей оккупации и Холокостом в Таганроге, где было уничтожено 6000 евреев и уставлены памятники жертвам, включая мемориал еврейским детям. При подготовке мероприятия по теме Холокоста необходимо использовать ресурсы, имеющиеся в фондах библиотеки (учебные пособия, научно-популярные издания, художественная литература, мемуары, публицистика, медиатека, краеведческий материал), а также Интернет-ресурсы официальных сайтов учебных центров, мемориальных музеев, сохраняющих память о Холокосте и зарекомендовавших себя как надежный источник информации. На сайтах этих организаций представлены фото и видеоматериалы, исторические документы, статистические и информационные материалы, художественные и документальные фильмы, письма, рисунки, дневники. Многие городские библиотеки находятся в тесном творческом содружестве с образовательными и культурными учреждениями города и могут приглашать самодеятельные и профессиональные творческие коллективы к участию в мемориальных вечерах. Более того, сотрудники библиотеки могут делать «социальный заказ» творческим коллективам и отдельным исполнителям на новые творческие номера, отражающие тему Холокоста. Так, на одном из мемориальных вечеров памяти жертв Холокоста таган-

² Видимо, не случайно, первый совместный мемориальный вечер, посвященный трагедии Холокоста и геноцида армян прошел именно в московской библиотеке им. Н.А. Некрасова в апреле 2014 г.

рогской библиотеки наряду с документальными свидетельствами геноцида европейского еврейства в годы Второй мировой войны, кадров кинохроники, выступлений историков, уцелевших жертв и свидетелей звучали пронзительные стихи Мусы Джалиля «Варварство», «Колыбельная для Ангела» Джона Уильямса к кинофильму «Список Шиндлера» (реж. С. Спилберг). Танцевальный коллектив Дворца культуры под песню А. Розенбаума «Долгая дорога лета» с помощью хореографических средств воссоздал картину расстрела беззащитного мирного населения у многочисленных «яров» страны. Минута молчания в память о жертвах Холокоста стала обещанием помнить чудовищный геноцид, приведший к истреблению одной трети еврейского населения планеты и несчетного числа представителей других национальностей. В финале вечера символом победы над фашизмом, породившем Холокост, звучали слова песни «Пусть всегда будет солнце!» Во время другого вечера памяти жертв Холокоста юным зрителям были представлены литературная композиция о последних годах жизни в Варшавском гетто и трагической смерти вместе со своими воспитанниками в фашистском лагере Трешлинка польского и еврейского педагога, врача, писателя, директора Дома Сирот Януша Корчака и поэма таганрогского автора Л. Севера «Значок» о годах оккупации Таганрога немецко-фашистскими захватчиками и расстреле мирного еврейского населения в эти страшные дни. В канун двух памятных дат — Международного дня памяти жертв Холокоста и 70-летия полного снятия блокады Ленинграда в январе 2014 года в таганрогской публичной библиотеке имени А.П. Чехова прошел вечер-реквием «И дам вам память и имя...». В этот день молодые читатели услышали воспоминания участников этих страшных событий: узника фашистской тюрьмы, жителей Таганрога, детьми пережившими оккупацию, Праведника народов Мира, проживающего в Таганроге. На этом вечере переплелись две главные нити повествования: тема памяти жертв Холокоста и блокадного Ленинграда. Обширная информация об истории Холокоста, о страшных страницах блокады, о силе духа тех, кто в еврейских гетто и блокадном Ленинграде отдавали последние крохи детям, была представлена в виде литературно-музыкальной композиции. Сценарий был построен таким образом, чтобы юные зрители, пришедшие в библиотеку смогли осознать

масштаб трагедии Второй мировой войны. Был представлен фрагмент исторического романа американского писателя Джонатана Литтла «Благоволительница», раскрывающий невероятный масштаб трагедии Второй мировой войны, и отрывки из дневников, наверное, двух самых известных девочек, оставивших письменные свидетельства против фашизма — еврейской девочки из Голландии Анны Франк и русской девочки из блокадного Ленинграда Тани Савичевой. Победительница международного конкурса «Уроки Холокоста — путь к толерантности» — студентка педагогического института им. А.П. Чехова Кристина Михайлец познакомила всех собравшихся со своей конкурсной работой «Нацистский геноцид в Таганроге». В этот день звучали пронзительные поэтические строки Ольги Берггольц и Евгения Евтушенко, проникновенные песни о Великой Отечественной войне, а театрально-хореографическая композиция, представленная артистами ансамбля «Кураж», еще раз заставила задуматься о трагедии тех событий, о людях, чьи жизни, мечты и надежды оборвала война. Ровно через год накануне Международного дня памяти жертв Холокоста, установленного Генеральной Ассамблеей ООН 27 января — в день освобождения советскими войсками фашистского лагеря смерти Освенцим, в библиотеке прошел вечер-реквием «Мне никогда в жизни не стать старше...», посвященный 70-летию освобождения узников Освенцима. И вновь, в форме литературно-музыкальной композиции участникам встречи было поведано об этапах «окончательного решения еврейского вопроса» нацистами, о фабрике смерти Освенцим, чья основная функция была уничтожение «неполноценных рас». На встрече студенты колледжей и старшеклассники узнали о лагерных порядках, о так называемых «селекциях», медицинских опытах над заключенными, газовых камерах. Артист театра прочитал отрывки из книги бывшего узника Освенцима Primo Levi «Человек ли это?». Гости вечера познакомились с фотодокументами и кинохроникой о том, каким Освенцим увидели освободители — солдаты Первого Украинского фронта Красной Армии и электронную презентацию рисунков художников — бывших узников концлагерей. За месяц до вечера-реквиема в чеховской библиотеке состоялась презентация художественной выставки бывшего узника концлагерей Йосефа Бау, организованная Культурным центром Посольства

Израиля в РФ, и в память о завязавшихся дружеских отношениях приветствие участникам мемориального вечера направил первый секретарь Посольства Израиля в России. Он поблагодарил организаторов встречи за сохранение памяти об ужасах войны, чтобы черные страницы истории, несущие боль, страх и слезы, никогда не повторялись. Трогательное и проникновенное выступление «Зажгите свечи» подарили учащиеся коррекционной школы 1–2 видов. Маленькие артисты этой школы — в основном слабослышащие дети. Вокальные и инструментальные номера представили зрителям юные музыканты города, а студия танца «Меланж» в сотрудничестве с сотрудниками библиотеки подготовила танцевальную композицию «Танго смерти», впоследствии получившую высокую оценку профессионально жюри на хореографическом конкурсе.

Сотрудники библиотеки в сотворчестве с руководителями городских школьных театральных коллективов за последние годы подготовили целый ряд литературно-театральных композиций, миниатюр, спектаклей на тему Холокоста. Несомненной творческой удачей был спектакль по роману ирландского писателя Джона Бойна «Мальчик в полосатой пижаме», исполненный участниками театральной студии одной из таганрогских школ. Благодаря чуткому и талантливому руководителю студии — преподавателю русского языка и литературы юные артисты смогли передать атмосферу абсолютно двух разных миров, разделенных колючей проволокой, и непонимание главных героев — мальчишек-ровесников, почему они находятся по разные стороны этой проволоки. А уже на следующий год библиотека стала инициатором и организатором Минифеста школьных театральных коллективов «Я родом не из детства — из войны», где часть представленных театральных постановок затронула тему Холокоста. Главной целью фестиваля были не высокие оценки судей и награды победителям, а возможность для юных артистов раскрыть себя, увидеть творчество других, пообщаться и обменяться опытом с единомышленниками, а аплодисменты зрителей, среди которых были одноклассники юных артистов и читатели библиотеки, стали главной наградой выступающим. Яркие сценические образы, созданные ребятами, показали зрителям еще одну сторону войны — детский страх, боль, горечь и одновременно веру в возвращение детства и Победу.

Таганрогская чеховская библиотека неоднократно становилась площадкой для просмотра и обсуждения документального фильма М. Шакирова «Холокост — клей для обоев?». Начиная с августа 2013 года, когда таганрогским зрителям и читателям библиотеки свой фильм представлял лично режиссер фильма Мумин Шакиров и до сегодняшнего дня все, кто посмотрели этот фильм о мгновенном взрослении девушек, побывавших в лагере смерти Освенцим, уверены, говорить о пережитой человечеством трагедии физического уничтожения целых народов важно и нужно, поскольку эта тема несет мощную нравственную составляющую в становлении личности. Все вышеперечисленные мероприятия были рассчитаны на старших школьников и студентов, но о недопустимости повторения страшных примеров геноцида можно говорить и с более младшими ребятами. Например, в рамках проекта таганрогской библиотеки «Лето с библиотекой», был подготовлен и проведен тематический час «Расскажите сказку, доктор», посвященный памяти польского и еврейского педагога, детского врача и писателя Януша Корчака (Генрик Гольдшмит). Ребята с интересом слушали рассказ об удивительном человеке, имя которого для миллионов людей является воплощением доброты, любви к детям и всему человечеству. Для большинства ребят, присутствующих в зале, рассказ о подвиге выдающегося педагога, основателя «Дома сирот» для еврейских детей в Варшаве, не пожелавшего покинуть своих воспитанников и разделившего с ними горькую участь сначала в варшавском гетто, а затем в фашистском лагере смерти Трешлинка, стало открытием. Со сцены звучали фрагменты поэмы А. Галича «Кадиш», посвященные Янушу Корчаку и отрывки из произведений самого писателя, написанные им о детях и для детей. Юные гости библиотеки попробовали себя в роли актеров, став участниками моментальной инсценировки отрывка из повести-сказки Я. Корчака «Король Матиуш Первый», и в роли художников, изобразив множество разноцветных бабочек, напоминающих свободное беззаботное детство последних воспитанников писателя, отравленных в газовой камере Трешлинка. В завершение встречи, многие из ребят пожелали отправиться в детские библиотеки Таганрога, чтобы взять домой понравившуюся книгу писателя и как можно больше узнать об удивительном человеке — Януше Корчаке.

Известно, что человек воспринимает внешнюю информацию с помощью всех органов чувств, и если во время подачи информации задействованы все каналы восприятия: слуховой, зрительный, тактильный, полученные знания не проходят сухим, бездушным, лишенным красок и эмоций, докладом. А остаются в памяти историей, произошедшей с такими же ребятами, их родителями, соседями, друзьями. И возможно, когда кто-то из участников библиотечных мемориальных встреч, посвященных жертвам Холокоста, вновь услышит «Колыбельную для Ангела» или подобную ей грустную мелодию скрипки, вспомнит о еврейских семьях, обреченных на смерть в концлагерях фашистской Германии. Возможно, читатели библиотеки, общаясь со своими сверстниками из детских домов, уже никогда не забудут о таких же девчонках и мальчишках, живших в середине XX-го века в Варшавском «Доме Сирот» и его добром директоре Януше Корчаке, а летом, наблюдая за полетом бабочек, припомнят, что те ребята из гетто уже никогда не увидят полет легкокрылой бабочки. И когда наши юные читатели отправятся путешествовать поездом, в их сознании возникнут образы переполненных вагонов для перевозки скота, в которых в нечеловеческих условиях фашисты перевозили евреев в лагеря смерти.

По мнению посетителей библиотеки, все культурно-просветительские мероприятия, раскрывающие тему Холокоста, с помощью документальных, фактографических, образных и художественно-эмоциональных средств смогли отразить огромную трагедию уничтожения народов в самой страшной в истории человечества войне. По проведенным устным опросам посетителей мероприятий, можно сказать, что полученные знания на каждой встрече становятся основой убеждения о недопущении кровопролития в новых проявлениях геноцида против какого-либо народа. Очень важно, что с помощью местного телевидения и газет о мероприятиях по теме Холокоста регулярно узнают жители нашего города.³

³ Литературный час о подвиге польского и еврейского педагога, врача, директора Дома сирот, разделившего судьбу своих воспитанников в газовой камере, Януша Корчака // Таганрог TV 23 канал «Домашний». — 2014. (июль); Минифест «Я родом не из детства — из войны» // Таганрог TV 23 канал «Домашний». — 2015 (апрель); Минифест «Я родом не из детства — из войны» // Новый таганрогский курьер — 2015. — 6 мая — № 16(48)

Именно библиотека может помочь преподавателям осуществить интеграцию курсов истории, обществознания, права, литературы, мировой художественной культуры, изобразительного искусства. Публичные библиотеки обладают всеми возможностями и ресурсами, чтобы через призму человеческих переживаний, судьбы отдельных людей передать юному поколению весь ужас геноцида против народа, и в том числе трагедию еврейского народа в годы Второй мировой войны.

Противодействие терроризму через память о Бесланской трагедии

Анета Николаевна Гадиева
(Беслан, Россия)

Бесланская трагедия — одна из самых страшных страниц в истории человечества¹. Она стала показателем человеческой жестокости и варварства. Бесланский теракт 1–3 сентября 2004 года своей чудовищностью и изуверской жестокостью потряс весь мир. Современное общество в очередной раз приблизилось к опасному рубежу, но, по-прежнему, остается инфантильным.

Процесс мемориализации значимых событий в истории человечества — это одна из возможностей для общества преодолевать невежество, делать выводы, не повторять ошибки и развиваться. Именно поэтому тема мемориализации Бесланского теракта особо актуальна, а сохранение памяти об этом страшном событии — наша обязанность.

В настоящее время в вопросах мемориализации выделяют государственно — ориентированный, лично — ориентированный и объединительные подходы². Эти подходы используются в событиях, связанных с войной, где есть четкие формы и акценты. В случаях с терактами, которые обычно носят латентный характер, порой бывает сложно определить причины, цели, субъект теракта; непросто бывает

¹ 1 сентября 2004 г., около 09 часов 15 минут, в г. Беслане в Северной Осетии, группа лиц в количестве 32 человек (по официальным данным следственных органов), вооруженных автоматическим оружием, ручными гранатометами, снайперскими винтовками, захватила среднюю школу № 1 в момент проведения торжественной линейки. Всех находившихся в школе детей, родителей, учителей общим количеством 1127 человек, преступники захватили в качестве заложников и содержали в помещениях и спортивном зале школы. Террористы выдвинули требования политического характера и, угрожая убийством заложников, пытались оказать давление на граждан и органы власти. 3 сентября 2004 г. примерно в 13 часов 05 мин. в спортзале прогремел взрыв, а спустя некоторое время ещё два. В результате террористического акта погибли 334 человека, в том числе 186 детей и 1 житель города Беслана не из числа заложников, 10 сотрудников ФСБ (за все время своего существования, «Альфа» и «Вымпел» не несли таких одновременных потерь) и 2 сотрудника МЧС, 783 человека получили ранения различной степени тяжести, в т. ч. 55 бойцов и сотрудников МВД. Практически уничтожено здание школы №1. Ответственность за теракт взял на себя чеченский террорист Шамиль Басаев.

² Типология приводится в коллективной монографии: Ashplant T., Dawson G., Poper M. (Eds.). *The Politics of War Memory and Commemoration*. London: Routledge, 2000.

дать политическую оценку. Поэтому методы сохранения памяти не столь структурированы, но все же близки к подходам памяти о войне. С точки зрения государственно-ориентированного подхода память о теракте может рассматриваться как некий политический феномен, пытающийся разрушить основы государства и угрожающий его народу.

Сторонники лично-ориентированного подхода рассматривают память как явление индивидуальное, результат личной утраты, травматической реакции личности на смерть близких. В этом подходе психологическая травма личности (или коллективная травма представителей причастных к событию групп) определяет формы мемориализации события³. Однако современные исследователи памяти более склонны к развитию третьего — объединительного — направления, некоторого аналога объединительной парадигмы в социологии⁴. В этом подходе строится многомерная модель анализа памяти о трагическом событии, репрезентацию которой одновременно определяют структурные условия функционирования общества (политика государства) и «чувства» отдельных людей и социальных групп, пострадавших от трагического события (в данном случае от теракта). Одно из направлений объединительной парадигмы развивают французские исследователи памяти⁵. В их работах память о событии определяется как конструируемый, контекстуальный феномен — «место памяти» (понятие Пьера Нора), значение которого выкристаллизовывается в ритуале коммеморации. «Коммеморация определяется как процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о коммеморативном событии, [...] служит выражением солидарности группы»⁶. Конструируемая природа памяти позво-

³ См.: Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; Winter J., Sivan E. (Eds.). *War and Remembrance in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

⁴ Данилова Н. Мемориальная версия афганской войны// Альманах «Искусство войны», 2008.

⁵ Nora P. (Ed.). *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. Vol. 1: *Conflicts and divisions*. N.Y.: ColumbiaUniversityPress, 1996; На русском языке главы из книги представлены в кн.: Нора П., Озуф М., Де Пюимеж Ж., Винок М. *Франция-Память*. СПб.:Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.

⁶ Sherman D. *The Construction of Memory in Interwar France*. Chicago: The University of Chicago Press, 1999, p. 7.

ляет рассматривать мемориалы не только как застывшее воплощение национальной истории, но и как символы, отражающие параметры функционирования современного общества. Именно этот подход применяется нами для анализа мемориальной культуры Бесланского теракта, которая понимается, одновременно, как конструируемый и в то же время структурно обусловленный феномен, зависимый от политики государства в отношении теракта и ее участников, а также от коллективного чувства утраты, испытываемого участниками коммеморации.

Позиция государства относительно определенного события является также пространством памяти. Ее фиксация способствует более объективной трактовке произошедшего.

Анализу и осмыслению произошедшей трагедии в Беслане, должно было предшествовать объективное и всестороннее расследование причин и обстоятельств, приведших к теракту. Однако следственные органы пошли по пути умалчивания и сокрытия многих фактов, раскрывающих истинную картину событий.

Такая позиция власти препятствует активному извлечению уроков из кровавых событий Беслана, а, следовательно, тормозит разработку и использование эффективных методов борьбы с терроризмом, не дает возможность расставить правильные акценты и, тем самым, не дает возможность в полном объеме проводить процесс мемориализации трагедии.

Кроме этого, замалчивание темы Бесланского теракта затрудняет сотням потерпевших до конца пережить свое горе, переосмыслить его и найти в себе силы полноценно жить дальше, препятствует их психическому выздоровлению, что значительно осложняет процесс их ресоциализации. Пострадавшие в результате теракта не могут также в полной мере воспользоваться своими правами, так как государство не взяло на себя ответственность за произошедшую трагедию в Беслане.

Террористический акт в Беслане породил новую группу людей, чьи интересы глубоко затронуты в процессе коммеморации — группу родственников погибших⁷. Они остро ощущают невосполнимость потери близкого человека. Участие в ритуале коммеморации дает им

⁷ См. King A. Memorials of the Great War in Britain: the Symbolism and Politics of Remembrance. Oxford: Berg, 1998, p. 90.

возможность хотя бы отчасти получить сопереживание общества через признание символической значимости их утраты. Кроме того, родственники чувствуют долг и ответственность перед погибшими за увековечение памяти о них, хотя, возможностей и символических ресурсов для участия в коммеморации у них недостаточно. Понимая значимость памяти и задач, стоящих перед потерпевшими в результате теракта, гражданские активисты из числа пострадавших стали инициаторами создания региональной общественной организации «Ассоциация жертв террористических актов «Матери Беслана», которая была зарегистрирована в феврале 2005 г.

Появившись «вопреки», когда, казалось, нет сил и надежды, Комитет стал своего рода символом отстаивания основ конституционных прав граждан страны, репрезентирующий совокупное горе матерей. Организация добивается объективного и всестороннего расследования, пытаясь достучаться до власти всех уровней, предупреждая, что это необходимо для противодействия терроризму в стране. Символично, что именно комитет «Матери Беслана» стал в России первой общественной организацией, объединившей потерпевших в результате теракта.

Судьба комитета «Матери Беслана» складывается непросто, порой драматично. Преследуя благие цели, Организация стала, с одной стороны, своеобразным связующим звеном между региональной властью и потерпевшими, с другой, неким трибуном несогласия с существующими недоработками власти всех уровней. Такая позиция порой встречает непонимание среди потерпевших и настороженность среди чиновников. Для достижения своих целей, комитет «Матери Беслана» использует различные формы и методы. Это бывают как акты гражданского неповиновения (пикеты, митинги, протестные акции в зданиях судов), так и встречи с официальными лицами, вплоть до Президентов страны.

Особое внимание Комитет уделяет вопросам Памяти, принимая активное участие в процессах мемориализации событий сентября 2004 г. Задача непростая, так как Бесланскую трагедию уже окрестили «трагедией забвения». Несмотря на масштаб теракта, власть не заинтересована придать этому событию общегосударственный статус. Отсюда и отсутствие должного внимания проблеме мемориализации. Однако память о Беслане нельзя умолчать. Она живет

в сердцах людей и монументах, установленных не только в России, но и других странах.

Сакрализация памяти погибших является первоочередной задачей для комитета «Матери Беслана». Сооружение мемориалов представляется как «важнейшая» деятельность, предпринимаемая «ради живых и во имя правды»⁸.

Исход Бесланского теракта был ужасным. Журналисты, съехавшиеся в Беслан со всего мира, в один голос твердили, что были во многих горячих точках планеты, но такого кошмара не видели. В течение двух-трех дней появилось огромное кладбище, которое в народе прозвали «Детским», а еще «Городом ангелов». Здесь похоронено 266 человек. Мемориал появился через год после трагедии. Дата смерти у всех одна — 3 сентября 2004 года. На кладбище нет ворот. На входной арке выбито: «Город ангелов». Было много споров среди родственников погибших, какими же должны быть надгробные памятники, из какого материала, какой формы. Предлагались различные варианты, проводились всевозможные конкурсы между архитекторами. Прийти к единому мнению было крайне сложно. Но всем хотелось чего-то необычного, неземного, достойного памяти погибших детей, родных. Однако, с учетом возможностей, остановились на варианте ныне установленных памятниках, которые выполнены из красного гранита классической прямоугольной формы, выделенного Беслану в качестве гуманитарной помощи Казахстаном.

Сложно было прийти к консенсусу и при обсуждении и разработке единого памятника жертвам Бесланской трагедии. В конце концов, был утвержден макет «Древо скорби». Памятник был установлен в августе 2005 г. Бронзовая композиция представляет собой ствол дерева, образованный четырьмя женскими фигурами. Кроной древа являются распростертые руки женщин, которые держат ангелов, символизирующих погибших детей. Высота памятника — около 9 метров. Выполнена композиция Аланом Корнаевым и Заурбеком Дзанаговым. Символ «скорбящей матери» подчеркивает неоплатную жертву, скорбь и боль по погибшим. Под этим памятником похоронены все неопознанные фрагменты тел.

⁸ Из Устава общественной организации «Ветераны последних войн — вместе» (Санкт-Петербург, 2002 год).

На мемориальном кладбище поставлен традиционный армянский глиняный крест, рядом — глиняное изображение фонтана с надписью «Умоляем, дайте воды». Хачкар («крест-камень») — вид армянских архитектурных памятников, представляющий собой каменную стелу с резным изображением креста. Памятник поставлен в 2005 г. Александром Гивоевым, как дар армянских скульпторов и детей Армении.

Памятник погибшим сотрудникам спецназа и МЧС представляет собой плащ, на котором бронежилет прикрывает детскую книгу и игрушку, рядом каска-полусфера. И надпись: «Вы навсегда в самом сердце Беслана — парни, закрывшие сердцем детей...». Автор композиции — скульптор Алан Калманов. Памятник установлен 2 сентября 2006 г. на мемориальном кладбище. Особо остро стоял вопрос о формах презентации памяти места происшествия теракта — школы №1. У подавляющего большинства пострадавших и жителей Беслана первое желание было снести руины школы. Но были и те, которые понимали значимость сохранения полуразрушенного объекта. У некоторых из них, изначально инстинктивное желание защитить место гибели детей в дальнейшем переросло в осмысленное понимание глубокого социального и сакрального символа этого места, как пример противостояния добра и зла. Для других место трагедии имело не столько сакральный смысл, сколько политико-правовой. Сторонники этой версии считали, что еще не закончилось расследование и, следовательно, может возникнуть необходимость проведения следственных действий. Те же, кто руководствовался сакральной мотивацией, считали, что на месте спортзала, где погибло большинство заложников, необходимо возвести Храм «Спас на крови». Комитет «Матери Беслана» имел свою позицию и последовательно ее отстаивал. Комитет считал, что школу нужно сохранить в том виде, в каком она оказалась после теракта в назидание потомкам, как укор власти, как символ страданий заложников и варварства террористов. Драматичное противостояние различных точек зрения порой доходило до острых конфликтов. На протяжении нескольких лет проходили постоянные опросы, собрания, конкурсы.

В результате, конкурс выиграл проект московского архитектора Бориса Улькина, предполагающего сохранение спортзала под про-

зрачной оболочкой. Во время презентации конкурсных проектов в Беслане, в противовес проекту Улькина, по предложению правящего архиерея епархии, епископа Ставропольского и Владикавказского Феофана, поддерживаемому частью жителей Беслана, было решено строить на месте трагедии православный Храм.

Летом 2007 г. правительство Осетии отвергло проект Улькина, но и решение строительства православного Храма на месте спортзала было отменено. Стали искать нового разработчика проекта. Разработка проекта Мемориального комплекса была поручена фирме «Доктор Крекелер» (Германия), имеющей опыт реставрации исторических объектов на территории ряда стран Евросоюза. В апреле 2011 г. в Доме культуры города Беслана состоялись презентация и публичное обсуждение проекта, выполненного группой немецких архитекторов под руководством Стефана Губельга.

Стремясь соблюсти аутентичность места трагедии, разработчиками было предложено не реконструировать, но максимально сохранить существующие помещения спортивного зала и основного здания школы, осуществив некую их консервацию⁹.

Исполнители проекта, ссылаясь на ряд трудностей (отсутствие специалистов нужной квалификации, трудоемкость и дороговизна самого процесса), отступили от проекта и внесли свои изменения. Центром Мемориального комплекса, как и предполагалось, стал спортивный зал, вокруг которого сооружена защитная оболочка в виде эллипса, символизирующего памятный венок. Опорой для прозрачного купола кровли стали колонны, высотой по 11 метров. Облицовка стен защитной оболочки выполнена из листов нетускнеющего металлического сплава, перфорированного в виде цветков морозника кавказского, символизирующего неприкосновенность и невиновность.

После этого строители должны были приступить к консервации основного здания школы, в помещениях первого этажа которой планируется разместить мемориальные экспозиции. Однако, ввиду отсутствия средств, дальнейшие работы приостановлены. В настоящее время все внимание уделяется строительству православного Храма на территории двора школы, на месте здания начальной

⁹ kesler.ortox.ru/news. Архитектор Кеслер М.Ю. Мемориальный комплекс в Беслане (к десятой годовщине трагедии).

школы. Стены Храма возведены, осуществляются отделочные работы. В церкви 8 февраля 2015 г. прошла первая служба в день поминовения новомучеников российских.

Вот уже десять лет 1–3 сентября на месте трагедии и месте захоронения проводятся памятные мероприятия. Каждый год почтить память погибших приходят сотни людей со всего мира. Мероприятия начинаются 1 сентября в 9.15 утра. В момент, когда террористы захватили стоявших на линейке детей, раздается длинный школьный звонок, звучит траурная музыка и вереница людей медленно входит в спортзал. На протяжении трех дней в спортивном зале горят свечи, звучит траурная музыка. 3 сентября на месте трагедии утром проходит поминальная служба, а в 13.05, в момент первого взрыва в спортзале, раздается звон колокола и школьниками выпускают в небо 334 белых шара. Затем желающие совершают Крестный ход к «Городу ангелов», где под звук метронома зачитываются фамилии погибших, а затем тоже запускаются белые шары. Все три дня наполнены драматизмом и болью, родные и близкие каждый год переживают трагедию с прежней силой и глубиной, понимая, что это на всю жизнь. Вечером 3 сентября во дворе школы зажигаются 334 свечи, демонстрируются фильмы о теракте.

Кроме мест трагедии и погребения, память о Бесланском теракте чтится и во многих других местах России и мира. Во Владикавказе в 2005 году на Мемориале Славы был открыт памятник по эскизу бесланских школьников. Памятник представлен в виде двух раскрытых ладоней, по которым стекает вода, символизирующая страдания детей от жажды. Во Владикавказе 9 апреля 2010 г. состоялось открытие еще одного памятника жертвам теракта в Беслане. Сначала памятник должен был быть установлен в Самаре. Но после того, как автор, известный скульптор Михаил Шемякин побывал в Беслане, он понял, что памятник должен стоять в Северной Осетии. Монумент установлен на территории Северо-Кавказского горно-металлургического института. В композиции памятника застывшие в немом протесте дети, олицетворяющие добро, свет, правду. Религиозная тема позволяет раскрыть пространство памяти для представителей разных социальных групп — гражданского общества, непосредственных участников коммеморации (родственников и родителей погибших) и представителей официальной власти. Политический капитал православия

как символа национального единства позволяет построить консенсус между разными политическими акторами сакрализации памяти погибших в Бесланском теракте.

В 2005 году настоятелем храма Спаса Нерукотворного отцом Феофаном и его прихожанами был разбит парк и построен Обелиск памяти детям Беслана в подмосковном Мураново. По краям дорожек притаились маленькие скульптурки ангелочков. Есть небольшая статуя Девы Марии. На лавках разложены детские игрушки. В центре парка стоит стела с табличками с именами погибших тогда в Беслане. А рядом оборудована детская площадка. 28 августа 2007 г. в Санкт-Петербурге состоялось открытие памятника, посвященного жертвам Бесланской трагедии. Мемориал возведен ассоциацией «Ост-Вест» по инициативе ее президента В.Л. Ковалевского, архитектор В.В. Медников, скульптор В.М. Шувалов. Памятник установлен у храма Успения Пресвятой Богородицы и представляет собой каменный монумент в виде арки, из которого мать выносит на руках ребенка. Разорванный крест — это одновременно и разрушенная стена Бесланской школы, а женщина перед крестом — Богоматерь, которая спасает ребенка¹⁰.

В Москве, на Солянке, возле храма Рождества Пресвятой Богородицы на Кулишках (Аланское подворье) 1 июня в 2010 г., в день защиты детей, тоже был открыт памятник жертвам теракта в Беслане. Каждый год 3 сентября в 12.30 там проходит траурное мероприятие. Было предложено к рассмотрению более 10 проектов памятника, и победил проект, созданный коллективом под руководством Зураба Церетели¹¹.

Инициатива создания памятника жертвам Беслана в селе Коста Хетагурова, где компактно проживают этнические осетины, принадлежит Главе Карачаево-Черкесии Рашиду Темрезову. Автор памятника — Джульетта Кулумбекова. Открытие монумента состоялось в 2011 году. Памятник высотой около двух метров изготовлен из красного казахстанского гранита. Монумент представляет собой сложную архитектурную композицию, в основании которой возвышается фигура скорбящей матери. Также по замыслу автора на нем нанесе-

¹⁰ «Деловой Петербург» 28.08.2007

¹¹ http://antiterror.kz/beslan/news_2011-11-16-23-18-56-880.html

ны стихи на русском и осетинском языках, которые передают боль и скорбь всех живых по трагически погибшим детям в Беслане¹².

3 мая 2014 года в городе Беслане заложен Парк Ангелов в память о жертвах теракта. На 10 гектарах высажены 334 саженца, по числу погибших в теракте. Саженцы голубых елей, а их 322 — по количеству погибших заложников и 12 дубов — по количеству погибших спецназовцев и сотрудников МЧС. Все 12 посаженных саженцев так называемого красного дуба будут именными — возле каждого из них будут установлены таблички с именами бойцов подразделений «Альфа», «Вымпел», сотрудников МЧС, погибших при спасении заложников. На территории Парка ангелов будут установлены фонтаны, статуи ангелов, будет разбит также Сад камней. В акции по закладке Парка ангелов приняли участие родственники жертв теракта и бывшие заложники, школьники, жители города, гости из других регионов России и все желающие. Каждый мог внести свой посильный вклад: саженцами, финансово, организационно.

Трагедия Беслана отозвалась болью в сердцах неравнодушных людей не только в России, но и во всем мире. Сохранить память о жертвах этого чудовищного теракта в различных формах пытаются в ряде стран. Так, в 2005 году власти графства Корка открыли детскую площадку в Баллинколиге — пригороде Корка в Ирландии. Площадку посвятили жертвам Беслана, и на ее газоне установили металлическую памятную плиту. Однако уже через год-два после открытия площадки плите требовалась реставрация. Об этом написала «Наша газета», которая обратилась с просьбой к властям графства восстановить плиту. В результате, благодаря члену коркского областного совета Дерри Канти (Derry Canty), который лично следил за работами и каменщику Никите Серкевич из Латвии, который живет в Баллинколиге с семьей, была выложена стена камнем лисканором и установлена новая плита — она сделана из прочного пластика.

В начале 2005 г. на площади имени детей Беслана во Флоренции была установлена скульптура «Человек мира» в память о погибших в захвате школы 1–3 сентября 2004. Скульптор: Фолон Жан-Мишель. Также именем Бесланских детей была названа начальная школа

¹² ЮГА.ру. 12.02.2011 (Открыт памятник жертва теракта в Беслане).

в другом итальянском городе — Роккагорга. На здании школы была открыта мемориальная доска.

Скульптура «Дети Беслана» установлена в 2006 году в Сан-Марино, в память о жертвах террористического акта в Беслане, а автором памятника стал местный скульптор Венди Рензо Жарно. В памятнике отражен испуганный ребенок, застывший в беззвучном крике. Прототипом скульптуры является реальный мальчик-заложник, запечатленный на фотографии. В нем вся боль маленького человека, столкнувшегося с насилием и агрессией, непонятной ему ненавистью взрослых к невинным детям. По словам автора скульптуры, жители Сан-Марино приняли Бесланскую трагедию очень близко к сердцу. При открытии скульптуры, Венди Рензо отметил, что этим он хочет выразить надежду на сохранение памяти об этой трагедии и вообще обо всех трагедиях, которые происходят в мире. Скульптура расположена практически у входа на центральную улицу Сан-Марино в многолюдном месте, неподалеку от местной школы и это сделано не случайно — местные школьники должны помнить о своих невинно погибших сверстниках в далеком Беслане, считает скульптор¹³.

Мемориализация Бесланской трагедии предполагает различные презентации памяти: памятники-монументы, площади, парки, музеи, книги, фильмы. Музейная презентация наиболее реалистична и наглядна. Однако на сегодняшний день еще нет развернутого музейного объекта. Есть музей-комната в новой школе по ул. Коминтерна в г. Беслане, который организовала учитель истории Цалоева Надежда Ильинична. Она, в силу своих возможностей, постаралась наиболее полно воссоздать историю и акторов трагического события. Есть музеи Памяти в Челябинске и ГОУ СОШ № 148 г. Москвы, куда периодически приглашаются потерпевшие в результате теракта.

Событиям в Беслане посвящено несколько документальных книг (российских и зарубежных) и фильмов. Один из них, «Беслан. Память» (реж. Вадим Цаликов, 2014г.) непосредственно посвящен сохранению памяти о трагедии.

Особенно эффективно репрезентация памяти о Бесланском теракте может происходить на Уроках Памяти. Впервые они прошли по

всей России в дни 10-й годовщины трагедии по инициативе комитета «Матери Беслана» и научно-просветительного Центра «Холокост».

Трансляция памяти о трагическом событии в Беслане дает возможность формировать у молодежи устойчивые положительные установки; четко дифференцировать такие понятия, как добро — зло, правда — ложь, мужество — трусость.

Чувства обиды и несправедливости, которые испытывают пострадавшие по отношению к власти, неудовлетворенность позицией гражданского общества, ощущение отсутствия перспектив — всё это в совокупности тоже составляет пространство памяти о трагедии в Беслане.

Вероятно, если бы потерпевшие в результате теракта не столь категорично демонстрировали свою негативную оценку действиям власти в Бесланском теракте и вектор обвинения был бы направлен исключительно на террористов, вопросы Памяти о Бесланской трагедии рассматривались бы в другом ракурсе и под другим углом. Событие, скорее всего, трактовалось бы не как локальное, а как трагедия общероссийского масштаба. Сегодня же Бесланский теракт остается самым неудобным вопросом власти, который пытаются не вспоминать и забыть как можно быстрее. Задача граждан, переживающих за будущее России, не дать уйти в небытие невинным жертвам Беслана.

¹³ Грани.ру. 29.10.2005 (Италия назвала в честь Детей Беслана детскую школу и площадь).

Приложения

Рекомендации

органам управления сферой образования, Институтам повышения квалификации педагогических кадров и высшим учебным заведениям гуманитарного профиля «О необходимости преподавания и освещения темы Холокоста в образовательных учреждениях Российской Федерации»

I. Общие положения

В соответствии со «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» (Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537), направленной на противодействие терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма, гармонизацию межнациональных и межрелигиозных отношений, патриотическое воспитание молодежи, во всех регионах Российской Федерации был принят комплексный план и региональные целевые программы по противодействию идеологии экстремизма и терроризма.

В школы страны поступили новые учебники истории, подготовленные в соответствии с Историко-культурным стандартом, разработанным Российским историческим обществом. Стандарт включает события Холокоста, как часть новейшей истории России.

В целях реализации государственной программы и Стандарта, в июне с. г. в Москве прошел Международный форум «Холокост — 70 лет спустя», при организации которого использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 №11-рп и на основании конкурса, проведенного Национальным благотворительным фондом.

Участники форума, региональные представители Научно-просветительного Центра «Холокост» из Брянской, Псковской, Саратовской, Свердловской, Тамбовской, Тверской, Томской, Челябинской областей, Республики Мордовия и ЕАО, выработали методические рекомендации о преподавании и освещении темы Холокоста в образовательных учреждениях Российской Федерации. Рекомендации также прошли обсуждение и апробацию в ходе ежегодного семинара на базе Академии ПКИП-ПРО для преподавателей по теме Холокоста 26–29 июня с.г., в котором приняли участие педагоги школ и вузов, музейные и архивные работники из 24 регионов Российской Федерации.

II. Цели и задачи изучения темы Холокоста

Цель рекомендаций — формирование толерантного сознания и культуры обучающихся в условиях поликультурной и полиэтнической среды в преддверии 75-летия начала Великой Отечественной войны

Достижение поставленной цели осуществляется решением следующих задач:

1. Повышением профессионального мастерства работников образовательных организаций по преподаванию и освещению темы Холокоста.
2. Воспитанием у обучающихся стремления противостоять насилию и жестокости в современном мире.
3. Формированием у обучающихся духовно-нравственных ценностей в условиях открытой социокультурной среды с помощью произведений литературы, изобразительного искусства, музыки и т. д., отражающих данную тему.
4. Формированием у обучающихся опыта межкультурного взаимодействия, толерантного поведения.
5. Проведением профилактической работы по предупреждению экстремистских идей в процессе обучения и воспитания.
6. Созданием педагогических условий для развития творческой, проектной, научно-исследовательской деятельности обучающихся.

III. Перечень рекомендуемых мероприятий

Для реализации названных целей и задач предлагаем перечень организационных мероприятий.

- Рекомендовать органам управления сферой образования субъектов Федерации обеспечить участие подведомственных образовательных организаций в Международном конкурсе «Уроки Холокоста — путь к толерантности», разместить информацию о конкурсе на Интернет — порталах образовательных организаций (учреждений), издать Положение о проведении регионального этапа конкурса (Приложение 1). Использовать накопленный положительный опыт проведения региональных конкурсов по теме Холокоста в Ставропольском крае, Калмыкии, Белгородской, Владимирской, Вологодской, Кемеровской, Кировской, Костромской, Омской, Оренбургской, Псковской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Тамбовской, Тверской, Томской, Челябинской и Еврейской автономных областях.

• Включить в календарь образовательных мероприятий (в дополнение к Письму Министерства образования и науки РФ от 30 июня 2015 г.) следующие педагогические акции по преподаванию и освещению темы Холокоста:

- 3 сентября «Всероссийский урок Памяти жертв Беслана»
- 16 ноября — «Международный день толерантности»
- 27 января — «Международный день памяти жертв Холокоста»
- Дни Памяти жертв нацизма (с учетом региональных особенностей и дат массовых расстрелов мирного населения в 1941–1943 гг.).

• Организовать в Академии повышения квалификации (АПКиППРО), региональных институтах повышения квалификации работников образования подготовку педагогических кадров (учителей, преподавателей и педагогов дополнительного образования) по преподаванию и освещению темы Холокоста. Подготовка педагогических кадров должна осуществляться с учетом междисциплинарного подхода и проходить в форме обучающих семинаров, курсов повышения профессиональной компетентности (квалификации), «круглых столов», дискуссионных клубов, конференций, творческих инновационных лабораторий, стажерских площадок, с использованием интернет — технологий (видео-конференции, мультимедийные презентации, группы в социальных сетях).

• Рекомендовать включить в учебные планы высших учебных заведений гуманитарного профиля и гуманитарных факультетов вузов информацию о Холокосте и геноцидах, их последствиях и уроках при изучении истории Первой и Второй мировых войн, Великой Отечественной войны, нацистской идеологии и гитлеровского режима. Использовать научные и методические наработки и рекомендации Научно-просветительного центра «Холокост», а также сотрудничество с программой «Центр по изучению и преподаванию тем Холокоста и геноцидов» в Российском государственном гуманитарном университете.

• Расширить опыт заключения Договоров с Научно-просветительным центром «Холокост», проведения совместных мероприятий и участия педагогов регионов РФ в семинарах и стажировках на базе научных учреждений, профильных мемориальных организаций в России и за рубежом, организуемых Центром.

ПОЛОЖЕНИЕ **о Международном конкурсе работ школьников,** **студентов и преподавателей «Память о Холокосте —** **путь к толерантности»**

Цели конкурса:

- усвоение уроков Холокоста для воспитания толерантного сознания в современном мире;
- формирование навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки мировоззренческих суждений, основанных на моральных ценностях гражданского общества;
- привлечение педагогов, студентов и школьников к изучению и преподаванию истории Холокоста; выявление и анализ современных методик преподавания темы;
- расширение контактов и обмена опытом российских учащихся и педагогов со своими зарубежными сверстниками и коллегами.

Задачи конкурса:

Формирование толерантного сознания, исторического мышления и сочувствия к жертвам геноцидов; воспитание у учащихся понимания опасности ксенофобии, шовинизма, неонацизма, антисемитизма; формирование у учащихся и педагогов интереса к малоизученным страницам истории Второй мировой и Великой Отечественной войн; стимулирование и активизация поисковой, научно-исследовательской и творческой деятельности школьников и студентов по теме; создание и апробация новых методик и технологий преподавания; повышение квалификации педагогов.

Участники конкурса:

- Участниками конкурса могут быть граждане России, стран СНГ, других государств:
- школьники (8–11 класс) и учащиеся средних специальных учебных заведений;
 - студенты колледжей и вузов;
 - аспиранты;
 - преподаватели высшей и средней школы.

Тематика и требования к оформлению конкурсных работ:

На конкурс принимаются:

- исследовательские работы (общего характера и тематические);
- творческие работы (эссе, рассказы, стихи, рисунки, документальные фильмы, сайты);
- поисковые работы (интервью; исследования по истории семьи, основанные на документах личных архивов, свидетельств и т. д.);
- методические разработки.

Преподаватели представляют методические разработки по теме Холокоста: планы и тексты уроков; программы факультативов; проекты; сценарии внеклассных мероприятий; учебные пособия; тексты для разделов учебных и методических пособий.

В качестве конкурсных работ могут выступать также компьютерные программы, мультимедийные проекты и Web-сайты.

Работы должны быть представлены на русском языке, размер шрифта — не менее 14 ед. Объем работ не лимитирован.

Творческие работы прикладного характера должны иметь (помимо заполненной заявки) этикетки с названием работы, ФИО ее автора и местом его учебы-работы.

Объем прикрепляемых к электронному письму-заявке материалов должен быть не более 4 МГБ. Свыше этого объема материалы должны быть в формате «архив».

Лучшие работы отмечаются специальными дипломами трех степеней. Работы победителей рекомендуются к публикации. Победители конкурса получают ценные подарки.

Участники и победители конкурса приглашаются на семинары, стажировки, конференции, в поездки по местам Холокоста, в том числе — за рубежом.

Сроки и порядок представления конкурсных работ: Срок подачи — с 1 февраля по 10 ноября (при подаче работ до 1 июня т. г. возможна их доработка по замечаниям рецензентов).

ВНИМАНИЕ: Работы, присланные без разборчиво и полностью заполненных заявок, регистрироваться НЕ БУДУТ.

Подведение итогов — декабрь

Награждение лауреатов конкурса — Москва, 27 января

Конкурсные работы следует направлять по электронной почте e-mail: konkurs@holofond.ru или заказной бандеролью (письмом) по адресу: 115035, Москва, ул. Садовническая, 52/45, Центр «Холокост».

Справки по тел. 8–915–091–5321, с 12.00 до 19.00 час.

Сведения об авторах

Note on contributors

Алге, Жорди — историк и кинодокументалист, специалист по истории Гражданской войны в Испании, Барселона, Испания.

Algué, Jordi — Historian and documentary film maker, author of the Project Navàs *Silencis*, about Spanish Civil War, Barcelona, Spain.

Алтарас, Даниэль — член правления и комитета по международным делам еврейской общины Турции, Стамбул, Турция.

Altaras, Daniel — Member of the Board and the Foreign Affairs Committee, Jewish Community of Turkey, Istanbul, Turkey.

Альтман, Илья Александрович — к.и.н., сопредседатель Центра «Холокост», профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Altman, Илья — PhD, Co-Chairman of the Russian Holocaust Center; professor of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia.

Анисина, Наталия Валерьевна — главный хранитель фондов музея Холокоста Мемориальной синагоги на Поклонной горе, Москва, Россия.

Anisina, Natalia — Chief Custodian of Collections, Holocaust Memorial Synagogue on Poklonnaya Mt., Moscow, Russia.

Байор, Франк — д.и.н., профессор, директор Центра по изучению Холокоста, Институт современной истории, Мюнхен, Германия.

Bajohr, Frank — PhD, Professor, Director, Center for Holocaust Studies of the Institute for Contemporary History, Munich, Germany.

Броннер, Стивен — профессор политологии Коллегии управляющих Университета Ратгерса (США), директор секции мировых отношений Центра по изучению геноцида и прав человека того же университета, член Исполнительного Комитета кафедры ЮНЕСКО по предотвращению геноцида, Ньюарк, Нью-Джерси.

Bronner, Stephen — Board of Governors Professor of Political Science, Rutgers University. Director of Global Relations, Rutgers Center for the Study of Genocide and Human Rights. Member of Executive Committee of the UNESCO Chair for Genocide Prevention, Newark, New Jersey.

Винклер, Кристина — кандидат исторических наук, Центр Стенли Бертонна по изучению Холокоста и геноцида, университет Лестера, Великобритания.

Winkler, Christina — PhD, Stanley Burton Centre for Holocaust and Genocide Studies, School of Historical Studies, University of Leicester, Great Britain.

Гадиева, Анета Николаевна — сопредседатель Комитета «Матери Беслана», кандидат социологических наук, научный сотрудник ИСПИ РАН, Беслан, Россия.

Gadieva, Aneta — PhD in Social Sciences, Research Fellow, RAS Institute of Social Political Research, Beslan, Russia.

Гамбарян, Арменуи Ваниковна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии Наук Республики Армения, Ереван, Армения.

Gambaryan, Armenuhi — PhD, Institute of History, National Academy of Science, Yerevan, Armenia.

Гербер, Алла Ефремовна — президент Фонда «Холокост», Москва, Россия.

Gerber, Alla — President of the Russian Holocaust Fund, Moscow, Russia.

Гершензон, Ольга — доктор наук, профессор Массачусетского университета, Амхерст, США.

Gershenson, Olga — PhD, Professor, University of Massachusetts, Amherst, USA.

Гилева, Мария Витальевна — выпускница Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия.

Gileva, Maria — MA, Institute of Social and Political Sciences and Humanities, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia.

Горских, Ольга Владимировна — к.и.н., доцент Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия.

Gorskikh, Olga — PhD, Assistant Professor, Tomsk State University of Management Systems and Radio-Electronics, Tomsk, Russia.

Двужильная, Инесса Федоровна — к.и.н., доцент Гродненского государственного университета, Гродно, Беларусь.

Dvuzhyl'naya Inessa — PhD, Assistant Professor, Grodno State University, Grodno, Belarus.

Ермаков, Александр Михайлович — доктор исторических наук, проректор по учебной работе Ярославского государственного педагогического университета им. Ушинского, Ярославль, Россия.

Yermakov, Aleksandr — PhD, Deputy Provost for Educational Outreach, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.

Иванов, Сергей Борисович — руководитель Администрации Президента РФ, Москва, Россия.

Ivanov, Sergey — Head of Russian Presidential Administration, Moscow, Russia.

Зельцер, Аркадий — Директор центра по изучению советских евреев во время Холокоста, Международный Институт по Изучению Холокоста, Мемориальный комплекс «Яд Вашем», Иерусалим, Израиль.

Zeltser, Arkadi — PhD, Director of the Center for Research on the History of Soviet Jews during the Holocaust at The International Institute for Holocaust Research of Yad Vashem, Jerusalem, Israel.

Камер, Касим — Профессор, декан факультета экономики и администрации Университета им. Абанта Иззета Байсал (Болу, Турция), глава факультета международных отношений.

Kamer, Kasim — PhD, Professor, Dean of the Faculty of Economics and Administrative Sciences at Abant Izzet Baysal University and Head of the Department of International Relations.

Кизилов, Михаил Борисович — доктор философии, стажер-исследователь Мемориального музея Холокоста США, Симферополь, Россия.

Mikhail, Kizilov — PhD, Fellow at the United States Holocaust Memorial Museum, Simferopol, Russia.

Ковалёв, Борис Николаевич — доктор исторических наук, профессор Новгородского университета, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, Новгород, Россия.

Kovalev, Boris — PhD, Professor, Leading Research Fellow, St. Petersburg RAS Institute of History, Novgorod, Russia.

Котлер, Игорь — кандидат исторических наук, президент и исполнительный директор Музея прав человека, свободы и толерантности, старший научный сотрудник Центра по изучению геноцида и прав человека, Ньюарк, США.

Kotler, Igor — President and Executive Director of the Museum of Human Rights, Freedom, and Tolerance, and Visiting Senior Research Fellow at the Center for the Study of Genocide, and Human Rights Rutgers University, Newark, USA.

Крауш, Тамаш — профессор Будапештского университета, Будапешт, Венгрия

Krausz, Tamás — PhD, Professor, Budapest University, Budapest, Hungary.

Манькина, Татьяна Борисовна — аспирант университета Гумбольдта, сотрудник музея Дом Ванзейской Конференции, Москва, Россия / Берлин, Германия.

Manukina, Tatiana — graduate student, Humboldt University, researcher at the House of the Wannsee Conference Memorial and Educational Site, Berlin, Russia/Germany.

Монастырский, Аркадий Ильич — президент Еврейского Форума Украины, Киев, Украина.

Monastyrsky, Arkadiy — President of the Jewish Forum of Ukraine, Kiev, Ukraine.

Наварро, Нела — член кафедры ЮНЕСКО по предотвращению геноцида, директор образовательных программ Центра по изучению геноцидов и прав человека Университета Ратгерса, Ньюарк, США.

Navarro, Nela — Member of the UNESCO Chair for Genocide Prevention Executive Committee, Director of Education the Center for the Study of Genocide and Human Rights, Rutgers University, Newark, USA.

Надеин — Ростовский, Виктор Анатольевич — кандидат философских наук, директор Института политических и социальных исследова-

ний Черноморско-Каспийского региона, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии Наук, Москва, Россия.

Nadein-Raevsky, Viktor — PhD, Senior Applied Scholar, Director of the Institute of Political and Social Studies in the Areas of the Black Sea and the Caspian Sea, Senior Research Fellow at the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Пасман, Татьяна Борисовна — координатор образовательных программ Центра гражданского образования Псковского областного института повышения квалификации работников образования, Псков, Россия

Pasman, Tatiana — teacher trainer, educational programs coordinator, Centre for Civic Education Pskov Regional Teachers-in-Service Institute, PR TISI, Pskov, Russia

Пивовар, Ефим Ефимович — ректор РГГУ, член — корреспондент РАН, профессор, Москва, Россия.

Pivovar, Efim — Professor, Provost of the Russian State University for the Humanities; Corresponding Member of RAS, Moscow, Russia.

Свахина, Татьяна Евгеньевна — специалист отдела этнографии и малочисленных этнических групп Восточно-Казахстанского архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Svakhina, Tatiana — Expert, Department of Ethnography and Small Ethnic Groups of the Eastern Kazakhstan Architectural, Ethnographic, and Natural Reserve Museum, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan.

Сербина, Оксана Геннадьевна — заведующая отделом «Центр культурных программ» Центральной городской публичной библиотеки им. А.П. Чехова, Таганрог, Россия.

Serbina, Oksana — Head of the Center of Cultural Programs, Chekhov Central City Public Library, Taganrog, Russia.

Сигал, Ноа — руководитель русскоязычных программ Международной школы «Яд Вашем», Иерусалим, Израиль.

Sigal, Noa — Head of Russian Desk, Yad Vashem International School for Holocaust Teaching, Jerusalem, Israel.

Симо, Марта Санчез — доктор политологии, научный сотрудник Международного альянса памяти Холокоста и Университета Барселоны, Барселоны, Испания.

Simo, Marta Sanchez — PhD, Researcher at IHRA (International Holocaust Remembrance Alliance) in the Multilingual Education Project, Researcher at ISOR, Universitat Autònoma de Barcelona and Responsible Academic in the Group on Exile, Deportation and Holocaust for the Catalan Government, Barcelona, Spain.

Смирин, Григорий Ефимович — доктор исторических наук, научный сотрудник Общества «Шамир», Рига, Латвия.

Smirin, Grigory — PhD, Research Fellow, Shamir Society, Riga, Latvia.

Феферман, Кирилл — д.и.н., член Комиссии по присуждению звания «Праведник народов мира» при институте «Яд Вашем», Иерусалим, Израиль; Исследовательский центр при фонде «Шоа», Университет Южной Калифорнии, США.

Feferman, Kiril — PhD, member of Yad Vashem Commission for designation of Righteous among the Nations, Jerusalem, Israel; Center Fellow of the USC Shoah Foundation Center for Advanced Genocide Research, Los Angeles, USA.

Хавкин, Борис Львович — к.и.н., редактор журнала «Новая и новейшая история», профессор РГГУ, Москва, Россия.

Khavkin, Boris — PhD, Editor of the journal *Contemporary and Recent History*, Professor of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Хикс, Джереми — доцент Лондонского университета, колледж Королевы Мэри, Лондон, Великобритания.

Hicks, Jeremy — PhD, Associate Professor in Russian Culture and Film, Queen Mary University, London, UK.

Царуски, Юрген — к.и.н., Институт современной истории, Мюнхен, Германия

Zarusky, Jürgen — PhD, Institute for Contemporary History, Munich, Germany

Чубарьян, Александр Огранович — д.и.н., академик, директор ИВИ РАН, Россия.

Chubarian, Alexander — PhD, Academic, Director of the Institute of Russian History, RAS, Russia.

Шпагин, Сергей Алексеевич — преподаватель преподаватель истории и обществознания гимназии «Ор Авнер», Ростов-на-Дону, Россия.

Shragin, Sergei — «Or Avner» Grammar School, History and Social Studies Teacher, Rostov-on-Don, Russia.

Шрафштеттер, Сюзанна — доктор политологии, сотрудник Центра по изучению Холокоста Каролин и Леонарда Миллер, университет Вермонта, Берлингтон, США.

Schrafstetter, Susanna — PhD, Carolyn and Leonard Miller Center for Holocaust Studies, University of Vermont, Burlington, USA.

Щербинин, Павел Петрович — профессор, доктор исторических наук заведующий кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии Института права Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия.

Shcherbinin, Pavel — PhD, Professor, Head of the UNESCO Department for Human Rights and Democracy, Institute of Law, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia.

Эберле, Аннетт — доктор политологии, профессор католического университета прикладных наук, филиал в Бенедиктбойерн, Мюнхен, Германия

Eberle, Annette — PhD, Professor of Katholische Stiftungsfachhochschule, Abt. Benediktbeuern, Munich, Germany.

Янници, Теодора — кандидат исторических наук, директор Греческого культурного центра в Москве (Греция).

Giannitsi, Theodora — PhD, Candidate in History, Director of the Greek Cultural Center in Moscow (Greece).

Холокост: 70 лет спустя

*Материалы Международного Форума
и 9-й Международной конференции
«Уроки Холокоста и современная Россия»*

*Под ред. Ильи Альтмана,
Игоря Котлера и Юргена Царуски*

Издательство «МИК»

Москва, ул. Б. Переяславская, д. 15, кв. 52
Изд. лиц. № 060412 от 14 января 1997 г.

Центр «Холокост»

115035, Москва, ул. Садовническая, 52/45.

Сдано в набор 01.09.2015. Подписано в печать 15.09.2015.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22. Тираж 1000 экз. Заказ №

ISBN 978-5-87902-333-6

9 785879 023336 >